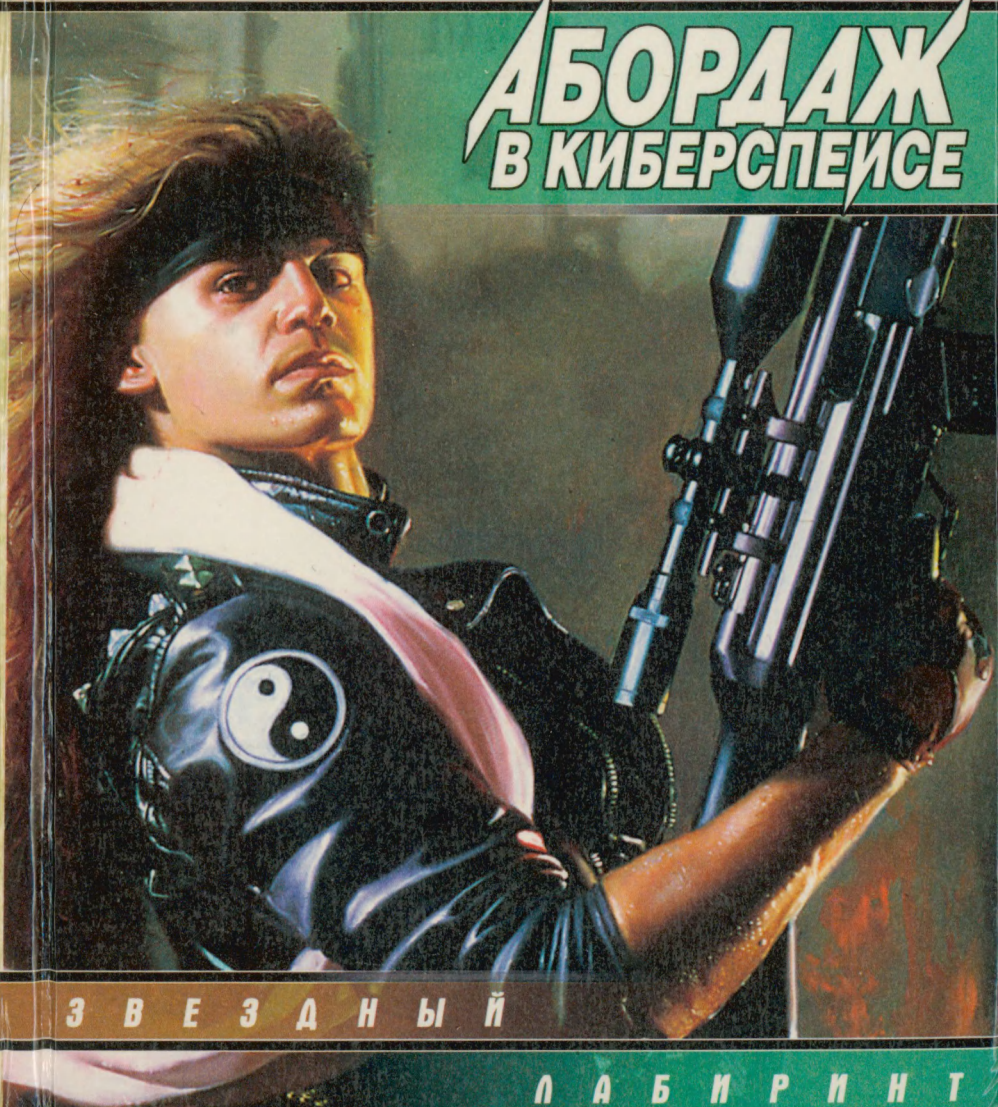

**ВЛАДИМИР
ВАСИЛЬЕВ**

**АБОРДАЖ
В КИБЕРСПЕЙСЕ**

**АБОРДАЖ
В КИБЕРСПЕЙСЕ**

**ВЛАДИМИР
ВАСИЛЬЕВ**

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДНЫЙ

ВЛАДИМИР
ВАСИЛЬЕВ

**АБОРДАЖ
В КИБЕРСПЕЙСЕ**

МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО **act** • 1997

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • TERRA FANTASTICA

ББК 84 (2Рос-Рус) 6

В19

УДК 882

Серийное оформление Александра Кудрявцева

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc., New York*

Иллюстрации Павла Каплиенко

Дизайн макета Анатолия Нечаева

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими – без предварительного согласования с издателями.

Васильев В.

В19 Абордаж в киберпейсе: Фантастический роман / Ил. П.Каплиенко. – М.: ООО “Издательство АСТ”; СПб.: Terra Fantastica, 1997. – 496 с.: ил. – (Звездный лабиринт).

ISBN 5-7921-0109-4 (TF)

ISBN 5-7841-0548-5 (ACT)

Киберпейс – виртуальное пространство информационного мира, сотканное из глобальных компьютерных сетей многих реальных миров, среди которых наш лишь один из многих, – вот основное место действия центрального произведения сборника – романа “Сердца и моторы”. Проникновение в глобальные сети происходит на уровне подсознания, отчего возникает иллюзия полного отождествления с реальностью...

Группа отважных хакеров, виртуозов клавиатуры, мчится на джипах по пыльным дорогам киберпейса, чтобы выполнить немислимое по сути задание: “пойди туда – не знаю куда, найди то – не знаю что”...

Динамичный сюжет, молодежный сленг и задорный юмор – вот главные черты увлекательных произведений Владимира Васильева.

В 8820000000

ББК 84 (2Рос-Рус)6

© Текст. В.Васильев, 1997

© Иллюстрации. П.Каплиенко, 1997

© Дизайн макета. А.Нечаев, 1997

© ООО “Издательство АСТ”, 1997

® TERRA FANTASTICA

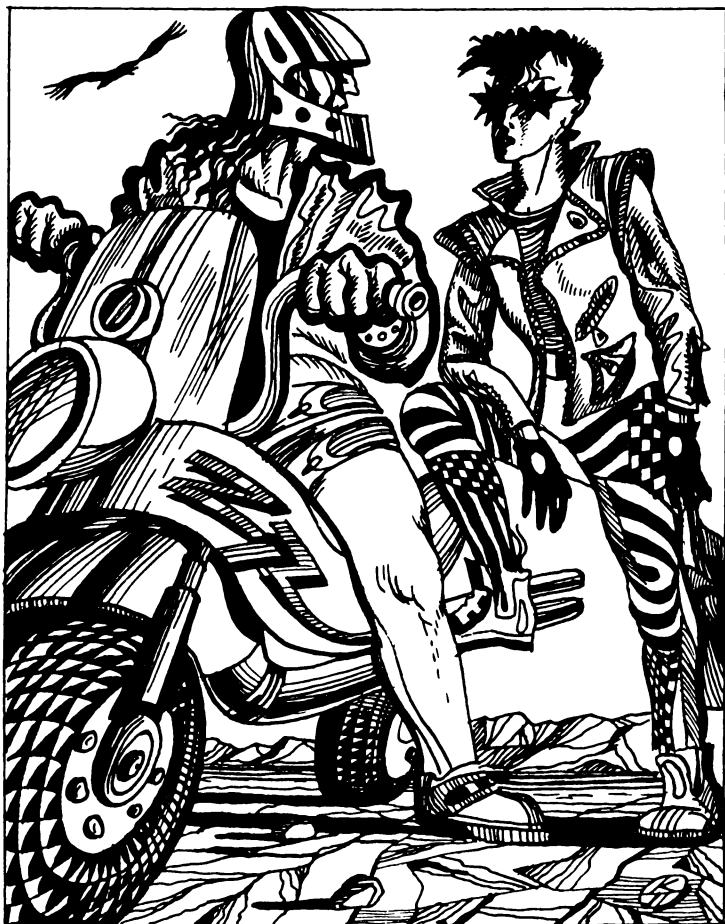
ISBN 5-7921-0109-4 (TF)

ISBN 5-7841-0548-5 (ACT)

СЕРДЦА И МОТОРЫ

(ПОГРУЖЕНИЕ В КИБЕРСПЕЙС)

Необходимое предисловие

Все совпадения имен, фамилий и прочих реалий намеренны и, таким образом, совпадениями не являются. Впрочем, описанные люди могут быть совершенно не похожи на прототипы.

Техническая терминология также не претендует на соответствие исторической правде.


```
~# root ~# open console 1 @comment: user  
[Dmitry Baikalov@ТП] @comment: status  
[point] @net locate: G_Crystal.185/13  
~# testing base memory...
```

Мутные стекла сервис-центра неохотно отражали морщинистое, как модный плащ, небо. Постоянная облачность, оттененная световой рекламой, давно стала верным спутником города, словно родилась с ним одновременно. Но это было не так: город был старше рекламы и старше непрерывной пасмурной осени.

Бай щелчком отшвырнул сигарету и направился к хрустально-прозрачной вертящейся двери. Линзы на глазах ответили на прикосновение инфракрасного луча слабой вспышкой. Бай мигнул; взгляд заволокло сероватой дымкой полимерного светофильтра. В тот же момент дверь повернулась, приглашая внутрь.

В холле сразу ударил в легкие пронизанный настоящей, кондиционерной свежестью воздух, и Бай недовольно поморщился. Не любил он агрессивную

феромонную атаку, ставшую для многих незаметной. Но Бай замечал ее сразу.

Зато пальма в центре холла оказалась вполне живой, и Бай задумчиво потрогал колючие веероподобные листья, взглянул на часы посреди панно на входной стене и направился к терминалам.

Серый пластик клавиатуры удобно лег под ладони. Плоское изображение, похожее на рекламную голограмму, тотчас выползло из риски видеотрека над верхним рядом клавиш и заискрилось. Собственно, это и была голограмма, только не рекламная.

[Welcome to net!] — сказала сеть.

Отрегулировав наклон изображения под линию взгляда, Бай пробежался пальцами по податливым клавишам.

[Login Bay_13]

[Enter your password:]

Он ввел.

[Здравствуй, Димочка!] — поздоровалась сеть.

Бай оттопырил губу и подумал, что давно не менял конфиги — приветствие успело достать.

[Call Сокольники_3609739]

[Connect w Chan Creaper Station.....
cps 657943]

[chat mode] — потребовал Бай. Сеть растерялась.

[Эй, а где твой каменный топор?]

Такой архаикой, как чат, нормальные люди давно уже не пользовались.

— Я те дам топор! — проворчал Бай, утапливая Enter. Сеть послушно выдала на иллюзорный экран окно чат-режима.

[Я на месте] — сказал Бай и огляделся. — [Клиента пока нет]

[Пасли?] — осведомился Чен.

[Не заметил МВ и да]

[Запятые ставь] — посоветовал Чен.

[Сам-то!] — огрызнулся Бай. — [Директор тля!
-Е~~~]

Бластер заурчал, озвучивая картинку-смайлик — пережиток времен сайленс-режимов. Но Бай смайлики почему-то любил и ставил везде, где только мог. Даже в батниках.

В следующий миг Бай увидел клиента — бесцветного парня в черном плаще, ниже которого виднелись жеванные джинсы и белые кроссовки. Стильный плащ вкупе с кроссовками смотрелся особенно убойно.

Бай встал и приветственно поднял руку.

— Добрый день, сударь! Я представитель ТП.

Парень нервно кивнул, быстро обшарил холл взглядом, пододвинул ногой вертящееся кресло и, не вынимая рук из карманов, сел.

— Здравствуйте...

— Меня зовут... — начал было Бай, но парень перебил:

— Не нужно. Имен — не нужно.

— Хорошо, — согласился Бай. — Тогда зовите меня просто Бай.

Парень еще раз подозрительно оглядел холл.

— Черт побери! — выругался он. — Почему вы не назначили встречу в офисе?

— У нас нет офиса, — ответил Бай по возможности спокойно. — Точнее, пока нет. Или с некоторых пор нет.

Клиент вопросительно уставился Баю в глаза.

— То есть... как нет?

— Уже неделю. Новый снять не успели... Рождество, сами понимаете... А вы говорили — дело срочное.

Парень кивнул.

— Срочное... А старый офис где был?

— На Соколе.

— Аренда кончилась?

— Не совсем, — Бай замаялся.

Клиент с неожиданным интересом склонил набок стриженную ежиком голову.

— Нельзя ли поподробнее?

Бай пожал плечами:

— Можно... Только вас это вряд ли удовлетворит.

— И все же?

— Это сродни суеверию. Есть у нас один общий приятель. Друг фирмы, так сказать. Так вот, давно подмечено: кто имеет с ним дело — быстро сталкивается с... э-э-э... неприятностями. Не из-за него, нет, совершенно по другим причинам. Он словно несчастливый талисман, хотя сам по себе человек совершенно безобидный.

Бай замолчал. Парень в плаще едва заметно улыбнулся. Чувствовалось, что он не верит.

— Что же произошло с другими смельчаками?

Бай пожал плечами:

— Двое умерли. От болезней вообще-то... Но болезни у них и так были. До того. Один ногу сломал, год лечился. Другого бандиты в Сибирь загнали. Несколько фирм развалилось... По причинам, не зависящим от.

Собеседник скептически хмыкнул. Бай понимал, что он по-прежнему не верит сказанному.

— И вы не побоялись иметь дело с этим чудом природы?

Бай пожал плечами:

— Да мы не суеверные, в общем-то...

— Но из офиса вас вышибли, — констатировал парень. — Так?

— Так, — согласился Бай.

— И это все ваши катастрофы?

— Не все, — честно ответил Бай. — На складе трубу прорвало. Плаваем теперь. Типа, Венеция.

— М-да... А у меня неприятностей не будет? — поинтересовался собеседник, прищурившись.

Бай автоматически отметил, что нервозность и настороженность клиента пропали, он стал вести себя спокойно и даже развязно.

— Не знаю. Это ведь все суеверия. Но, может быть, лучше о деле?

Бай ничем не рисковал, откровенничая с клиентом. Потому что знал: больше тому обратиться некуда. За подобные задачи бралась в Москве только фирма ТП.

~# return to previous status... restored

Они существовали уже четвертый год. То, чем они занимались, большинство москвичей назвали бы чистым шарлатанством, но каждый из пятирх компаньонов ТП слишком хорошо знал, насколько иллюзорны границы реальностей. Физика двадцать первого века утверждала: прорыв этих границ невозможен по чисто энергетическим причинам.

Бай, шаря в международных сетях, пару лет назад натолкнулся на огрызок странного гипертекстного файла, похоже, зараженного каким-то безобидным вирусом. Сначала Бай удивился, но быстро понял, что текстовая база представляет собой несложную ехе-шную программу. Вирус каждые двадцать семь минут советовал выпить пива и подключиться к несуществующему адресу в сети. Адрес действительно не существовал — Бай проверил. Однажды Бай, основательно нагрузившись «Тверским темным» (не по совету грызенной программы, а по собственной инициативе), ответил на предложение выпить пива словом [уже].

[Сорт?] — немедленно поинтересовалась программа. Бай растерялся и ввел:

[Тверское темное]

[Количество?]

Бай, совершенно сбитый с толку, посчитал бутылки.

[3,5 литра]

После этого Баю вновь сказали, что на фантомном адресе его ждут. Раздосадованный Бай набрал чертов

адрес и несколько минут тупо разглядывал голографическую муть над клавиатурой.

[Connect w LTS Jump-server....
.... cps 54879]

Коннект был удручающе медленный, Бай едва дождался, пока оживет аниматор.

— Привет! — сказал человек из-за экрана. — Не верится? Не бойся, ты не сошел с ума. Только учти, я тебя не вижу.

— А я тебя — вижу, — сообщил Бай.

— Не отходи далеко от терминала, — предупредил собеседник. — Отвалишься.

— Почему? — не понял Бай.

— Аппаратура слабая. Мощности не хватит. И так еле сцепились. Запомни: это все не бред и не ерунда. Я — с другой Земли. Мы давно пытаемся наладить связь с вами. Пиво, странный адрес — это все кусочки мозаики, благодаря которой можно шагнуть за барьер. Насколько мне известно, другого способа нет. Я не буду долго объяснять: просто как-нибудь попробуй проделать все это снова. Кстати, у вас прекрасное пиво!

— Да? — Бай пребывал в растерянности. — Спасибо.

— До встречи! Привыкай к мысли, что ты — гейт в соседний мир. И, пожалуйста, доберись до нас снова. Например, завтра.

Коннект оборвался, спустя секунду сеть уныло сообщила:

[Incorrect path or address]

Сначала Бай списал все на слишком крепкое пиво. Потом решил, что набрел на какую-то полудохлую психотропную баланду, которой болталось по сетям предостаточно. Потом догадался глянуть шутлист.

Там был зафиксирован коннект с несуществующим адресом. А особенно понравилось Баю окончание рапорта:

[Missing transit point]

Бай разозлился, не стал даже почту читать и завалился спать.

Наутро все произошедшее потускнело в памяти и казалось фокусами галлюциногенов. Поди разберись, чего лоточники мешают в пиво, пусть даже и в бутылочное... Поклявшись больше не пить «Тверского», Бай на две недели забыл о коннекте с пустотой.

Но вскоре случился день рождения Сина, на котором пива было выпито вполне достаточно для того, чтобы впасть в благодушное настроение, в котором многие клянутся в любви даже к старым недоброжелателям... Словом, Бай дома упал перед терминалом и дождался совета выпить пива.

Дальше все пошло по знакомому сценарию.

[Уже — Сорт? — Heineken — Количество? — литров пять]

И [call Бодрово_9012427]

— Привет! — сказали из пустоты. — Что столько тянул-то?

Бай, глупо хлопая глазами, смотрел на собеседника, подтянутого, чисто выбритого парня лет двадцати пяти. Из одежды можно было рассмотреть клетчатую рубашку с воротником, покррой которого показался Баю странным.

— Меня зовут Камилл. Ты готов серьезно поговорить?

Бай пожал плечами:

— Готов... Только я, это... слегка нетрезв.

— Не страшно. Иначе ты бы не дозвонился.

В общем, спустя какое-то время фирма ТП втихую начала торговать несложными программками из-за барьера. А также перебрасывать Камиллу заказы на подобные программки. Почему народ не обращался к местным программистам — Бай так и не понял, но все, кто хоть раз получал продукт из-за барьера, обращались в ТП снова. Кое-какую прибыль это

приносило, на жизнь хватало. Иногда приходилось по просьбе Камилла или его партнеров шарить по сетям и тасовать содержимое FAQ-серверов. ТП справлялось. Основной принцип — не высовываться — вполне соблюдался.

~# return to testing:

Клиент закинул ногу на ногу, словно приглашал Бая полюбоваться кроссовками. Бай такого желания не испытывал и упорно глядел в выцветшие, как июльское небо, глаза. Скорее всего, это не нюхач, а действительно обычный клиент. Но почему он так нервничал в начале встречи? Бай решил, что ему просто захотелось посмотреть на живого ТП-шника.

— Мне нужен файл из вашего закрытого каталога. База по краснодарским винам. С ценами, с путями поставок... Словом — полный, а не те обрезки, что вы обычно кидаете в качестве рекламы.

«Мутит, — решил Бай. Не вязалось настороженное поведение клиента с такой мелочью, как упомянутая база. — Настоящий разговор еще впереди...»

— Нет проблем, — сказал Бай вслух и равнодушно пожал плечами. У него получалось равнодушно пожимать плечами. — Давайте диск.

Парень незамедлительно вытащил из необъятного кармана плаща блестящий лазер-кругляш. Тихо жужжа сервомотором, драйв выдвинул жадный язычок приемника и радостно проглотил диск. Слить требуемую базу было делом нескольких секунд.

— Еще что-нибудь? — спросил Бай с надеждой. Но клиент отрицательно покачал головой:

— Нет, спасибо. Я найду вас, если что.

Он протянул кредитную карту Баю и проследил, чтоб со счета было снято не больше денег, чем договорено. Возвращая белый пластиковый прямоугольник, Бай готовился забыть клиента навсегда, потому что хотел верить: в будущем им встретиться уже не придется.

Но Бай понимал, что тешит себя пустыми надеждами.

Перед встречей с клиентами он всегда следил, нет ли хвоста. То, чем они занимались, было не то чтобы противозаконным... Просто завладей их бизнесом люди с крышей — они бы качали из этого хорошие деньги. У ТП крыши не было, работали на свой страх и риск, предпочитая оный сводить к минимуму. Пока все шло гладко. Но осторожность никому еще не вредила, и это помнили все ТП-шники.

Спрятав лазер в похожий на спичечный коробок ковер, парень встал, одернул плащ, кивнул Баю и безучастно побрел к выходу. Он больше не озирался, словно перестал бояться. Или прекратил изображать из себя значительного клиента.

На выходе его перехватил Син, терпеливо переживавший встречу на рождественской прохладе. Парень свернул налево, к Проспекту Газизова. Наверное, к метро.

Бай увидел, как напарник неторопливо двинулся за клиентом, и тотчас повернулся к терминалу.

[Вторая фаза] — сказал он Чену.

[Ok] — отозвался тот.

Это значило, что Чен будет передавать клиента из рук в руки: Син, повисев на хвосте, уступит его Тигру, а Тигр чуть позже — Семе. Два часа, не меньше.

Отвалившись, Бай последовательно затер все пути и транзитные логи, причем не стандартным del'ом, а собственной безотказной лапшерезкой, после которой в пользованных кластерах остаются сплошные нули. Теперь проследить, с кем коннектился Бай с этого терминала, не смог бы даже Господь Бог.

~# sleeping mode

~# user status: located ~# checkin' hardware

Клиент объявился снова спустя месяц.

Стоял ветреный февраль, гоняя по улицам шуршащий пластик газет и пивные жестянки. Народ скрипел кожаными куртками и плащами, многие вспомнили, что, если надеть кепку, не так мерзнут уши.

ТП нашло новый офис, там же, на Соколе, только не на Песчанке, а за Питерским шоссе, на Варяжской. В конце января гладко провернули несколько сделок; трубу на складе наконец починили, и благодушное настроение овладело всеми, включая нытика Сему.

Бай дулся с Ченом в «Близзард» по сетке, Син читал «Спорт-Экспресс», Сема с утра укатил в АСТ, а Тигр, как обычно, ошивался на «Чашке», приторговывая новинками забарьерного софта. Парень все в том же черном плаще и дурацких белых кроссовках возник в дверном проеме совершенно бесшумно, как привидение. Бай автоматически запустил скриншут, даже не задумавшись, что на экране безобидная игрушка, а не приватная информация. Чен, сидящий в двадцатке и, естественно, ничего не видящий, тут же покилял всех лучников Бая и двинул в атаку суровый клин из шести катапульт и стаи демонов.

— Добрый день! — деревянно поздоровался посетитель и тут же оживился, узнав Бая.

— Проходите, садитесь! — Син отложил газету и указал гостю на кресло, окутанное мерцающим облаком тонограммы.

— Спасибо! — отозвался парень. — Я уже имел дело с вашей фирмой однажды...

Бай отстучал Чену [wait], засеивился и встал из-за терминала.

— ...и теперь готов снова предложить вам работу.

Он выглядел очень уверенным в себе, и это весьма не понравилось Баю. Так нагло держатся мелкие бандиты, когда приходят в случайное место сорвать немного денег. Син тоже насторожился, внутренне приготовившись к неприятной разборке.

— Я — из-за барьера, — сказал парень. Вся настороженность Бая куда-то исчезла, осталось пустое и гулкое недоверие. Откуда этот странный человек мог знать о мире за незримой гранью реальности? Хотя... Бай же узнал. Тоже небось пива выпил да позвонил по указанному адресу... Что произошло однажды, легко может повториться.

— Откуда? — вежливо осведомился Син, как всегда разыгрывая неосведомленность.

— Из-за барьера. С другой Земли. Вы ведь знаете. Только я не из мира Камилла. Моя Земля по отношению к нему тоже другая. Но мы сотрудничаем.

— Да? — нейтрально спросил Бай, выигрывая время. — И что?

Парень вдруг умолк, в упор взглянул на Бая и тихо произнес нынешний пароль камилловского сервера на вход по адресу в Бодрово. Бай тупо хлопал ресницами, смахивая с линз кажущуюся пелену.

Пароль, в принципе, можно было и сломать. Но он менялся раз в неделю, а на лом путем перебора вариантов ушло бы не меньше месяца. Да и число символов все время менялось...

— Чтобы у вас сложилась полная картина, я выскажусь. А потом будете задавать вопросы. Идет?

Син развел руками. Собственно, больше ничего и не оставалось.

— Итак. Прежде всего: как я преодолел барьер, если он непреодолим в принципе? Очень просто. Я его не преодолевал. Точнее, мое тело не преодолевало. Все это, — парень подергал за лацкан матово поблескивающего плаща, — земное. И одежда, и тело. Сюда переместили только мою психоматрицу. Это не так сложно, как кажется на первый взгляд, но в механике я не разбираюсь, это не моя область. Моя область — деятельность в мирах за барьером. В одном из них мы попали... как бы выразиться помягче... в щекотливую ситуацию. Ее нужно... э-э-э... уладить. Но... Вот в этом «но» все и дело.

Каждый из миров живет по своим физическим законам. Они кое в чем совпадают, кое в чем различаются. Например, в абсолютном значении некоторых констант. Это все непринципиально — если миры расположены по соседству; но чем дальше они находятся друг от друга, тем больше различий. На психику людей это все влияет достаточно тривиальным образом: в мире, где нарушен какой-нибудь из привычных законов, просто нельзя жить. Не будешь адекватно воспринимать окружающее и не сумеешь адекватно реагировать на изменения. Психика вообще воспринимает окружающее совсем не так, как оно выглядит на самом деле. Масса аллюзий, аналогий, видений даже... Короче, это тема для многолетних споров, и развивать ее я долго не буду. Проблема состоит в том, что жители моего родного мира не приспособлены для восприятия той реальности, где у нас возникла проблема. Камилл, с которым я работаю довольно долгое время, вывел меня на вас, потому что выходцы из мира, где мы сейчас находимся, наиболее подходят для выполнения нашего задания. Камилл рекомендовал вас, а словам Камилла я имею все основания доверять. И я намерен вас нанять для выполнения своего задания.

Парень потер переносицу и неопределенно повел ладонью:

— Похоже, все.

Син, улыбаясь, глядел незнакомцу в лицо. Тот тоже чуть заметно шевельнул губами, отвечая Сину, но на самом деле было очень заметно, что улыбаются только его губы. Сину казалось, что он глядит в заиндевшее зеркало, такая от гостя исходила стужа. Было в прищельце действительно что-то чужое.

— Я не спрашиваю, почему мы должны вам верить, — негромко и рассудительно сказал Син, вырвавшись из ледяного оцепенения выцветших глаз. — Но почему мы должны соглашаться?

— Потому что у вас нет выбора, — вежливо растянул губы гость. — Вы ничем не рискуете в случае согласия... В случае же отказа теряете очень многое.

— То есть, — не понял Син. — Что значит — ничем не рискуем?

— Строго говоря, никуда вам не придется отправляться. Я же говорил, что протолкнуть в иной мир можно только голую психоматрицу. Задание выполняют ваши копии. В момент снятия психоматрицы сознание каждого из вас раздвоится. Оригинал останется здесь и будет жить, как и прежде, копия — провалится в сеть и наложится на респондента в конечном пункте. Когда задание будет выполнено, мы сольем копию с оригиналом.

— А воспоминания?

— Двойная память после слияния. Это не так тяжело, как расписывают психотропщики. Я ведь жив, а у меня в черепе петель больше десятка. Уверяю вас, ничего страшного.

— А если кто-нибудь из нас там погибнет?

Парень пожал плечами:

— Что ж... Смерть будет настоящей. Но на оригинале это никак не отразится. Разве что уцелевшим придется рассказывать ему много баек.

— Ладно, — протянул Син. — Оплата?

Когда гость назвал сумму, брови ТП-шников дружно поползли вверх.

— Ого! — сказал Бай. — Кажется, я уже согласен. — И добавил, обращаясь к Сину: — Но Камилл-то каков фраер! Сдал нас с потрохами, даже не верится...

Но Сина так просто было не убедить.

— А где гарантия, что нас не надуют?

Гость был сама предупредительность. В руке его незаметно, по-шулерски, возникла кредитная карта. Та самая, с которой он расплачивался с Баем под Рождество.

— Половина вперед. Да, я забыл сказать, — небрежно добавил гость. — Вас ведь пятеро. Ранее я

назвал гонорар одного. Каждый из вас получит упомянутую мной сумму.

У Бая отвисла челюсть. Карточку он принял дрогнувшей рукой. Вывалился из игры и вставил прохладный тонкий пластик в щель считывателя. Денег было ровно на пятерых — по весьма кругленькой сумме, и, если верить этому странному типу, она удвоится по возвращении.

— А если кто-нибудь не вернется, оригиналы получат деньги? — спросил Чен, безмолвно, как призрак, простоявший у двери добрых десять минут.

— Да, — последовал короткий ответ. Незнакомец даже не обернулся на голос — должно быть, давно заметил появление Чена.

— Представляю, что скажет Тигрис... — пробормотал Бай, шурша клавиатурой.

— Лучше представь, что скажет Сема... — проворчал Син. — Я, например, не решаюсь...

Хотя, если честно, Син больше боялся — что скажет его жена? Потом наконец сообразил, что жену ставить в известность вовсе не обязательно, ведь настоящий Син останется дома и будет по-прежнему ходить на работу каждое утро... Закатит наверняка скандал Камиллу. И еще — станет бессильно пить пиво по вечерам, потому что где-то за непроницаемым барьером будет бороться с чужими, как мысли насекомых, опасностями его двойник. Точнее, он сам, часть его сущности, отделенная могуществом кристалл-процессоров...

Син вспомнил, как лет тридцать назад, в детстве, когда зимы еще были вьюжными и морозными, ему насыпали за шиворот горсть колючего и сухого снега. И как он орал, потому что было одновременно и холодно, и весело.

Только сейчас веселиться не приходилось.

Бай рассеянным жестом протянул гостю кредитку, на которой не осталось ни гроша. ТП-шники стали богачами. И — одновременно — рабами кутающего-

ся в черный плащ чужака с бесцветными глазами и холодом в душе.

— Когда старт? — спросил практичный Чен. — Надо хоть кутнуть напоследок.

— Послезавтра. Готовьтесь. Я заеду за вами — сюда, на фирму, в час дня.

Посетитель стремительно встал и вытек за дверь, напоминая гигантского нетопыря. Наверное, из-за того, что он перестал придерживать полы плаща и они растопырились на манер крыльев, черных, как бездна экрана в скриншуте.

Син мрачно достал из ящика стола колоду карт с полуодетыми девицами.

— Семерочку. Кто влетит — объясняется с Се-мой, — объявил он. И протянул колоду Баю. Тот так же мрачно сдвинул. Карты с сухим электрическим треском заскользили по гладкой поверхности стола.

```
~# root ~# open console 2 ~# stream
2/console 2 @comment: user [Mikel Zhmurov]
@comment: status [node] @net locate:
M_H_Engeneering.168
~# stream 3/console 2 @comment:
user [Andrey Timashev] @comment:
status [point] @net locate: Old_Tent.168/4
```

Плоская равнина уходила вдаль, ровная, как тысяча столов. Как миллион столов. Горизонта не было — даль просто терялась в неясной дымке, а небо так и не встречалось с землей.

Жмур поглядел на встающее солнце и пихнул свернувшегося калачиком Рюкзака. Тот завозился в шелестящем пакете спальника, отыскивая выход, но за ночь серебристая материя перекрутилась несколько раз, и Рюкзак здорово намучился, пока выбрался на свободу. Жмур слушал замысловатые проклятия с некоторым интересом, но от комментариев воздерживался. Когда взлохмаченная голова Рюкзака наконец показалась из плена, Жмур только вздохнул:

— Да-а, дядька... Даешь...

Они вскрыли несколько банок с саморазогревающимися сосисками и уничтожили содержимое вместе с последними двумя пакетиками крекеров. Потом Рюкзак скатал спальник и сунул в пластиковый чехол. Жмур уложил свой еще на рассвете.

— Ну что, двинули? — уныло спросил Рюкзак. Ему явно не хотелось снова целый день тащиться по бесконечной равнине, где не на чем задержаться взгляду.

Жмур встал и забросил на плечи нехитрую поклажу. Спальник, несколько банок с консервами, топорик, радиодиагност, походная борда-терминал, пакет с картами. Кое-что из одежды. Все это уложено в теску напарника, синтетический дорожный рюкзак-универсал, спутник любого бродяги.

— Сегодня, если повезет, добредем до берлоги Злыдня. Там и отдохнем с недельку... А повезет — работенку отхватим.

Рюкзак заметно повеселел. Злыдень слыл на весь запад крутым любителем пива, и молва гласила, что оно у Злыдня не переводится. Рюкзак же и сам был не дурак хлебнуть живительной влаги. Впрочем, Жмур тоже. Сколько раз его верный заплечный друг наполнялся темно-зелеными бутылками, сколько раз звучало в нем обнадеживающее побулькивание... Особенно когда Энди еще на пятнашке обитал, совсем рядом с берлогой Жмура. А в гости к Энди только ленивый не ходит, это общеизвестно.

— Двинули, — выдохнул Жмур, и высокий ботинок впечатал в тело равнины первый рубчатый след. Первый за сегодня. Рюкзак пристроился вслед, опустив глаза. По сторонам он давно не глядел, потому что картина была утомительно однообразной. Однообразно утомительной... Где-то Рюкзак вычитал это определение, и оно запало в память, а когда они со Жмуром вышли из Города и гигантская равнина поглотила две крохотные подвижные точки — тотчас

всплыло из глубин памяти. Впрочем, оттуда подчас такие странные вещи всплывают...

Они шли до самого полудня, когда солнце застывает в зените и гладь равнины кажется особенно беспредельной. Небо было чистым — предательски чистым. Ничто не нарушало девственной голубизны, и не могло нарушить.

Привал устроили у ручья. Пока Рюкзак хлюпал ботинками по раскисшей грязи, Жмур вынул борду и диал, раскрыл маленькую, похожую на цветок, чашу антенны и направил пестик в сторону ретранслятора в Еланце. Ближайшего. Насвистывая, подключил черную змею витого шнура к диалу. Штекер-джек, вламываясь в гнездо, сухо щелкнул, и тотчас ожили диал с бордой. Борда раскрылась как книга, явив квадратики клавиш; мигнул и погас глазок нумлока. Диал зашевелил антенной, направляя пестик анектора поточнее. Видеотрек вспыхнул, и плоский голоэкрэн сгустился прямо за рядом F-клавиш.

Жмур нырнул в сеть и постучался к Злыдню. Как ни странно, тот был дома и, несмотря на столь ранний час (полдень), не выглядел сонным.

— Привет, старая железяка, — сказал Жмур, жмурясь. — Мы к тебе идем.

— Ко мне? — удивился Злыдень. — Идете? С кем?

— С Рюкзаком.

— А! Где это чудо?

— Пьет.

— Постой... Вы что — в сити?

Жмур покачал головой:

— Нет, на перегоне. Недалеко от Еланца.

— Что же он пьет? — изумился Злыдень. — Или вы только вышли?

— Да из ручья он пьет, — усмехнулся Жмур. — А до Еланца мы еще не дотопали. Семнадцатый день на перегоне. Но нас подвезли. К вечеру, думаю, у тебя будем.

— Хм... Надо пива купить... Вы ж, гады, с собой не возьмете...

— Не возьмем, — подтвердил Жмур. — Семнадцатый день в степи. Сам подумай.

— Ладно, — Злыдень отмахнулся. — Я сейчас при монете. Но учти: с завтрашнего дня ходить за пивом буду не я.

— Годится. И кстати: работки не найдется? Со всем на мели...

Злыдень почесал небритый подбородок:

— Вообще-то я отдохнуть хотел с месячишко.

Жмур подобрался, вспомнив, что Злыдень «при монете».

— Что? Крупный заказ был?

Злыдень, конечно, осклабился, как пес на баранину.

— Дык! — Он воровато оглянулся. — Расскажу. Но только директом.

Директом околокомпьютерный люд называл разговор с глазу на глаз. Или коннект не по сетевому роутингу, а по непосредственному коду системы. Пользовались этим редко — за ненадобностью.

Жмур понимающе кивнул:

— Ладно. Кто-нибудь еще ошивается в ваших краях?

— Хоттабыч появлялся. Все свою тугую полуось ставит, а она у него падает, как хрен после траха. — Злыдень довольно заржал. Жмур с натугой вспомнил, что Хоттабыч был любителем нестандартных систем и имел обыкновение их отлаживать. Беспеременно. Вместо того чтобы заняться обычным ломом, как тот же Злыдень. Или как сам Жмур. Но хакеры его все равно уважали, потому что хакеры уважают спецов.

— А... — протянул Жмур. — Я слышал, Гонза из сити сбежал.

— Было такое, — подтвердил Злыдень, кивая. Искорки света вспыхивали на седых щетинках, по-

крывающих дряблые щеки. — Они с какими-то малолетками в Питерский Бриз вломиться пытались. Но там на цепи кто-то из наших оказался, причем кто-то из старых. Короче... Гонзу он отпустил, а остальным затык устроил. По полной программе. Гонзе же намекнул: исчезни. Тот и рванул, не будь дурак. — Злыдень вздохнул с неприкрытой печалью. — Я бы тоже рванул, только пятки бы сверкнули.

Жмур слышал нечто подобное. Похоже, толстосумы из корпораций сити наконец-то смекнули, что для защиты своих систем нужно брать хакеров же, а не кого-то иного. Клин, так сказать, клином. Это было печально: бесславное завершение эры компьютерного пиратства сулило Жмуру безденежные и унылые дни. Потому что хакер без лома не проживет. В этом суть его деятельности, и пока лом приносит деньги, хакеры не переведутся. И еще: чувствовалось, что грядет тихая сетевая война, бескровная, но не менее беспощадная, чем война в настоящем мире. Собственно, поэтому Жмур двинулся в путь. Время одиночек прошло, понял он. Настало время сбиваться в стаи.

Злыдень говорил еще что-то, дескать, много молодежи появилось в сети, большей частью — ламеры, но есть и подающие надежды. Лезут куда попало, закон не чтят... Жмур отвлекся и слушал вполуха. Потом перебил:

— Ладно, старина. Потопаем мы дальше, а то в темноте придется тащиться. Пива купить не забудь.

Злыдень пробурчал нечто приличествующее, подмигнул и отключился. Главное — он согласился принять Жмура, и, похоже, у него можно подработать.

Свернув борду и диал, Жмур забросил ношу за спину. Лямки привычно слились с плечами.

— Рюкзак! — крикнул он. — Хорош загорать, пошли!

Приятель поднялся с травы, где отдыхал, блаженствуя, как умел только он, и заметил:

— Про пиво ты ему правильно напомнил...

И снова потянулась навстречу бесконечная степь. Солнце медленно валилось вниз, но не к земле, а куда-то за край неба. В стекающих на мир сумерках стал виден игольчатый шпиль еланецкого ретранслятора, хотя сам город еще не показался. Далеко. Если бы успело стемнеть, Жмур и Рюкзак могли бы ясно увидеть огни, холодное неоновое сияние, но они успели в Еланец, когда свет еще не покинул грешную землю.

Окраинные домишки роняли в сумрак рассеянные сполохи из гласовых окон и зыбкие нечеткие конуса из-под фонарных столбов, не меняющихся бог весть с каких времен. Рифленные ботинки ступили на твердый-после степного чернозема дасфальт. Рюкзак вертел головой: в Еланце он был впервые. Собственно, Злыдня он вживе никогда и не видел, в отличие от Жмура; хотя по сетям общался с ним немало.

Город был небольшой, не то что сити. Даже не удосужились построить ни одного высотного здания. Да и не могли его здесь построить: кто бы стал монтировать в этой глуши антигравы? Вот в сити — другое дело... У тамошних даже страха высоты нет. Хотя тут он мало у кого есть. Только у южан, где горы, да у обитателей островов с Морской Стороны.

Улицы были почти пустынные. Жители Еланца разбрелись либо по домам, либо по барам. Бурлила только сеть, но кто бы смог это заметить? Да и большинство людей общалось с сетью бездумно, не понимая в ней ничего. Сеть заменила телефон, телевидение, видеосвязь, эхомейл и нетмейл, библиотеки, записные книжки — сеть стала всем сразу. Неотъемлемым спутником человека, незримым, как микроорганизм, и столь же загадочным, но тем не менее исправно заменяющим глаза, уши и память. Только фанатики понимали сеть и могли что-нибудь в ней изменить, но это было дано далеко не каждому. Хакерами вообще становились единицы, ибо это скорее

стиль жизни, чем сумма знаний. Но без знаний и чувства единения с сетью хакером никто бы не сумел стать.

Двое брели по широкой асфальтовой дороге, под ногами сочилось мягким свечением штрихи фосфоресцирующей разметки. Поскрипывали полимерные подошвы, сокращаясь под весом людей и их поклажи, и только слабый отзвук сверлящего рэп'н'ролла доносился откуда-то из центра, где увеселительных заведений было больше. Высокие, метров двух с половиной, деревья тянулись с обеих сторон, отгораживая тротуары от шоссе. Центр близился. Жмур кожей чувствовал биение сети вокруг. Очень хотелось прямо здесь развернуть борду и вклиниться в этот бередящий душу информационный поток.

Дом Злыдня стоял совсем рядом с центральной улицей. Приземистое одноэтажное (а какое же еще в Еланце-то?) здание, похожее на развалившегося у реки бегемота, такое же округлое и маслянисто поблескивающее. Тут же, конечно, в двух шагах бассейн. Чтоб за порог — и в пахнущую морским гелем воду. Вполне в стиле Злыдня. Небось, и кресло-шезлонг у бортика, и холодильник, а в холодильнике — пиво...

Но проверять не стали. Прошли по хрустящей гравием дорожке вдоль заметно выпуклой стены и оказались у затянутой в пластикожу двери. На кнопке звонка светилась чеканная надпись: «Enter_». Жмур, нажимая на нее, увидел, как Рюкзак едва заметно усмехнулся.

Злыдень как призрак возник на пороге, бесшумно отворив дверь. Полутьма внутри его жилища по виду была неотличима от пластикожаного покрытия. Жмуру в который раз показалось, что очертания Злыдня всего лишь проступили из глубины дома сквозь дверь.

— Дотопали? — кинул вместо приветствия Злыдень. — Заползайте.

```
~# root ~# stream 1/console 2 @comment:
user [Stas Shimansky] @comment: status
[super-hub node] @net locate: Zlyden.41
```

Жмур с Рюкзаками вошли в полутемную прихожую. Освободившись от груза, Жмур потянулся, разминая устало ноющие плечи, и звонко шлепнул по ладони хозяина:

— Привет, Жмурилло... Все лысеешь?

Жмур поправил очки:

— Звыняй, дядьку...

Оба довольно заржали и, обнявшись, захлопали друг друга по спинам. Потом Злыдень повернулся к Рюкзаку:

— Хм... На графчике у тебя вроде борода погуще...

Рюкзак, пожимая руку, пояснил:

— Я на севере сканился, в Приполярье. Пришлось...

Граф-файлами с собственными физиономиями сетевой люд обменивался с незапамятных времен. Некоторые гоняли даже мегабайты видеооцифровок, но большинство заниматься этим ленилось, ограничиваясь статичными графами, стараясь выбрать формат позаковыристее.

— Проходите. Я там какой-то пиццы заказал... Только принесли.

Оставив вещи в прихожей, Жмур с Рюкзаком вторглись в берлогу Злыдня, старого хакера-одиночки. Комната, погруженная в полумрак, казалась пещерой колдуна. Разбросанные повсюду вещи, грязные чашки с налетом кофейной гущи на доньшках, пивные жестянки самых разных цветов и размеров, валяющиеся поверх всего этого диски в коврах и без, несколько беспорядочно расположенных дек-стационаров и — сердце всего этого мира — рабочий стол Злыдня. Необъятный, как военный аэродром. На столе раскорячился старинный вакуумный монитор «Поя» с микроточечным рассекателем перед экраном, рядом притих пузатый хаб, к которому сбе-

гались тоненькие жилки проводов, а перед самым креслом — стильная ломаная клавиатура, которую можно было половинить и крепить к подлокотникам кресла. Диал, конечно, Злыдень вынес на крышу. Да и что, спрашивается, делать в комнате полутораметровой громадине? Это не обычный конус «Аварк» размером с ведро, а последний писк диал-моды: монстр под названием «Темное зрение», с модульной афракцией и последовательным побайтным перепилом. Мечта идиота. Чихать Злыдень хотел на ближайшие ретрансляторы: мощи этого монстра хватало, чтоб лазить по самым дремучим серверам сити. И никаких следов на транзитных узлах. Мечта идиота, словом. Или хакера, ломщика-профессионала.

Жмур сразу же плюхнулся в гостевое кресло и запустил лапу в цилиндрический холодильник. Расчлененная пицца дымилась на стопке распечаток, покрытых вязью машинных кодов. Рюкзак Злыдень указал на просторный пуфик, сейчас, впрочем, заваленный теми же распечатками. Спихнув кипу пластиковых листов на пол, Рюкзак сел и ловко вынул из воздуха банку пива, посланную едва заметным движением жмуровской кисти. Злыдень утоп в рабочем кресле, предварительно крутнув его, чтоб сидеть лицом к гостям, а не к столу, где тарашился в мир слепым экраном — «Пойя» — пришелец из прошлого века.

Под сладковатый «Еланецкий хмель» Злыдень не торопясь, со вкусом рассказал, как он долго ломал активные зоны небольшой компании, производящей какую-то фармакологию. Как полз к ядру, притворяясь виш-компонентом (тут Жмур выпучил глаза, поскреб лысеющую макушку и пробормотал с уважением: «Блин! Проще, чем два байта переслать... Но додуматься...»). Злыдень довольно осклабился и сказал: «С похмела приснилось. Представляешь?» Как потом методично разваливал ядро, путая прогнозы ветвлений, как развалил и отослал пару демонов

атаковать закрытые файлы, и пока их охрана, озверев от натуги, давила бестолково мечущихся демонов, спокойно вскрыл технологический поток, только что узлом его не завязав. Компания встала на месяц, не меньше. А выбрался как? Да и не выбирался. Ледоруб растаял в нужное время — и все, потому что стянуть из их зон ничего и не нужно было, только остановить производство. Следы, ясное дело, подправил, пусть теперь ищут несуществующий сервер в Долохово, за полмиллиона километров от Еланца...

Жмур вздыхал и завистливо качал головой, Рюкзак мрачно расправлялся с остатками пиццы, а сам Злыдень, победно ухмыляясь, лучился в кресле и шевелил носком облаченной в аспидно-черный тапок ноги. Он имел право гордиться проделанной работой. И собой тоже.

— Значит, ты сейчас на мели, Жмурилло? — отхлебнув пива, спросил Злыдень.

Жмур уныло развел руками. Дескать, времена трудные, жизнь тяжела и прочее... Злыдень рассеянно кивал, явно формулируя какую-то мысль, вероятно, его, Жмура, касающуюся. И Рюкзак, наверное, тоже. Наконец мысль выкристаллизовалась.

— В общем, есть один заказец... — протянул Злыдень, царапая ногтем по банке. — Если хочешь, помоги, потому что дело странное.

— В смысле — странное? — попытался уточнить Жмур.

— В прямом смысле. — Злыдень устроился в кресле поудобнее. — Кто-то забрался в корневой массив к Лощину.

— Но у него же нет входящих! — изумился Жмур. — Или есть теперь?

— В том-то и дело, что по-прежнему нет. Как жил только на своей дозвонке, так никого и не пустил. У него даже база фар-доступа снесена. Не запрет, просто стерта мода управления с удаленной борды. Искрошена.

— Значит, кто-то из своих, — без тени сомнения заявил Жмур.

Злыдень помялся.

— Понимаешь, Жмурилло, я ведь тоже не тормоз. И в работу отключенных систем не верю. Взгляни.

Он крутнулся в кресле и прикоснулся к своей навороченной, как стая пеликанов, клавиатуре. Монитор ожил, ровно засветился, давая странно плоское, непривычное после голографии изображение.

— Гляди.

На экран выползло содержимое файла `trek_.hhh` Жмур привстал.

[2All: Привет от Фриппи. Слито 186,352 gb. Большое спасибо. С_уа_L8r! With *.* извиНите за НеРовный ПочЕРк!]

— Что за бред? — подал голос Рюкзак.

— У Лощина действительно пропало какое-то файло, и размер вроде совпадает, — вздохнул Злыдень.

— Но это же бред, старик! Этого не может быть, потому что этого быть не может. Мы не первый день за бордой! Это все равно, что стремиться ввысь. Ты поверишь, что кто-нить оторвался от земли метров на десять, если это не сити? Явно кто-то из своих дурика подпустил.

Злыдень уныло продолжил:

— Погоди, ты самого интересного не знаешь. Это произошло ночью с субботы на воскресенье, контора Лощина в это время не работает. Сам Лощинин тем не менее сидел у себя за бордой. Часов в одиннадцать отрубилось питание. Во всем районе. На хрен.

— Чего? — у Жмура вторично отвисла челюсть. — Как?

— Какие-то кретины въехали каром на повервод. Кар взорвался.

Рюкзак даже пиво пить перестал, неотрывно глядя на Злыдня. Жмур поблескивал в полумраке очками, отражавшими мониторное мельтешение скринсейвера.

— Повервод починили минут через десять. Лощининские массивы потрошились как раз во время шутдауна. В это же время появился этот ламерский трек-файл. Резервного питала у Лощинина в конторе нет — я и не помню, когда последний раз были перебои с энергией. Кажется, лет пятьдесят назад, если мне правильно рассказывали.

— Злыдень, это сказки, — не сдавался Жмур. — Тебя водят.

— Да что ты заладил — сказки, сказки! — разозлился Злыдень и вскочил. Нашарил ногой слетевший тапок, взмахнул рукой и снова сел.

— Дай пива, — буркнул он, остывая. Жмур незамедлительно переправил ему банку «Хмеля».

— Я сам долго не врубался. Короче, до шутдауна Лощинин как раз работал с этими массивами. Потом все сдохло. Он даже не вставал из-за терминала, потому что темно было, глаз коли. Так и просидел все время, тихо матерясь. А когда питало дали, массивов уже не было, а на их месте обнаружился этот порнушный трек. Уж Лощинину-то я верю. Он меня и нанять хочет.

Жмур осторожно, чтоб вновь не вызвать гнев Злыдня, осведомился, даже скорее не спрашивая, а утверждая:

— Массивы, конечно же, сдохли безвозвратно...

— Лапшерезка, — уныло подтвердил Злыдень, легко поддающийся под гипнотизм обсуждаемых тем. — Да еще низкоуровневая. По существу, место, где хранились массивы, заново размечено.

Жмур покачал головой:

— Да-а, дядька... Мистикой попахивает. И что ты намерен делать?

Злыдень оторвался от банки.

— Этот Фриппи не первый раз оставляет треки. И везде извиняется за неровный почерк, зараза. Правда, до сих пор все обходилось без мистики.

Вообще-то треки после удачного лома оставляла только молодежь, у которой багов в голове больше, чем мозгов. Потому что хакер, оставляющий трек, — отслеженный хакер. Не в этот раз, так в следующий. Да что там, ловились такие зубры, которых отследить не удавалось годами. И те иногда оступались и падали в вязкие сети охранных систем. С таким обширным и наглым треком этот Фриппи должен был вляпаться если не в первый же лом, то во второй уж точно. Не лезло рассказанное ни в какие ворота, и Жмур это по-прежнему чувствовал.

Рюкзак на пуйфике делал недвусмысленные знаки, потому что пиво у него иссякло. Прохладный цилиндр взвился на миг в воздух и надежно утвердился в руке Рюкзака. Тихо пискнуло кольцо, и явилась соблазнительная пена.

— И сколько треков рассеяно? — спросил Жмур Злыдня, выживая очередную банку из холодильника.

— Больше семидесяти.

Злыдень сказал это спокойно, словно пожаловался на надоевший дождь.

— Федералка устраивала на него тотальную охоту, эдакое лихое сафари с перекрестным серверным эхом, — без толку. Народ посерьезнее, в том числе и Лощинин, до сих пор не страдал; вляпавшись же, сразу вызвонили меня.

— И ты за это взялся?

— Возьмусь. Вот отдохну недельку и возьмусь, — подмигнул Злыдень, на глазах веселея.

Жмур сразу понял: старая железяка просто выжидает, чтоб Фриппи успокоился и снова начал шастать по сетям, потому что сейчас он, безусловно, затаился и валяется на самом дне, отгородившись непроницаемым сигналом занятости.

Жмур понял и улыбнулся:

— Мы сможем помочь?

— Думаю, сможете, — заверил Злыдень. — Есть у меня идея... А пока — оттягивайтесь, семнадцать

дней на перегоне — это не два байта переслать! Завтра свяжемся с Лощининым. Он обещал подкинуть какую-то заезжую команду в дубль.

— Ладушки. — Жмур не скрывал радости, потому что Лощинин всегда платил щедро. — Но молодежь оборзела. Пора показать ей, что такое настоящий затык.

— Может, еще и Энди подключить?

Злыдень с готовностью кивнул:

— Лощинин его крутит. Но ты же знаешь Энди...

Жмур знал Энди — курчавого бородача в неизменном полосатом халате, любителя чая и четырехмерного тетриса. Его «Я» всегда было в блаженном равновесии, потому что на одной чаше весов покоились безграничные знания хакера старой школы, а на второй — безграничная и необоримая лень.

Жмур мечтательно зажмурился. Если Энди согласится, это будет добрая стая. А где добрая стая — там и добрая охота. А где добрая охота (сама по себе вещь заманчивая и щекочущая нервы) — там и пир вскорости.

Больше хакеру желать было нечего.

```
~# root ~# open console 3 @comment: user  
[Аурел Чогоряну] @comment: status [swimming  
node] @net locate: Slider.88.slider
```

Восьмиэтажные шпили «Зонул Сенсера» вонзались в темное вечернее небо, утопая в холодном свете прожекторов. Выглядели эти башни совершенно чужеродными, и то, что высота их не расплющила, представлялось странным. Люди, которые осмеливались подняться выше первого этажа, всегда казались Аурелу идиотами. Впрочем, теперь это чувство притупилось. Иногда он и сам переходил улицы по подвесным эстакадам, в двух шагах от пронсящих каров, а дасфальт оставался далеко-далеко внизу, метрах в четырех-пяти. Но представить себе безумцев, ежедневно возносящихся в лифте на восьмой

этаж, было трудно. Даром что лифты с компенсаторами.

Аурел помнил горы Южного Пояса. Разве их забудешь? Как забыть темные провалы ущелий, где брошенный вниз камень исчезает прежде, чем успеваешь это сообразить, и взрывается на дне, словно маленькая водородная бомба? Восьмиэтажки — те же горы, только рукотворные. Впрочем, строителям сити нужно отдать должное: возвести эдакие громадины, конечно, было непросто. Да и поддерживать их в вечном антиполе — разве сахар?

Выплюнув на равнодушный дасфальт пустую капсулу нейростимулятора, Аурел зашагал прочь от центра. Рассеянный свет лился сверху, рождаясь прямо над улицами. Бесшумно проносились кары, исчезаая в ночи.

Комнату он снял совсем недавно. Дня три. Даже привыкнуть еще не успел: Аурел всегда, сколько себя помнил, долго сживался со звуками и запахами нового жилища. Переезды с места на место случались регулярно, как рассветы, сидеть на одном не получалось. А вещей у него было всего-то: мотоцикл, портативные борда и диал да старая кожаная сумка, где болтались, словно горошины в погремушке, несколько коробок с дисками и зубная щетка. Заношенную одежду он просто выбрасывал, купив предварительно новую, как правило — что-нибудь джинсовое от Говарда Шепарда. С обувью поступал так же, только здесь у него определенной привязанности к производителю не было. Покинув горы, Аурел старался больше не влезать в зимние широты, держась вблизи экватора, благо места от побережья до побережья хватало. Наверное, он пустился бы в пробег по островной цепи, если бы его мотоцикл умел скользить по волнам. А так...

Аурел резко остановился. Мысль была мгновенной и завершенной, как вспышка прорванной защиты. От побережья до побережья! Черт возьми! Сити стоит

на западном краю материка, зона высадки — на восточном. Два самых больших города в мире, и между ними — миллион километров равнины. Редкие городки, разбросанные по экватору. И перегон — неведомо кем укатанная до полироидной гладкости земля, трасса, о какой можно только мечтать. Аурел ни разу не пересекал материк. Почему бы не сделать это впервые?

Не дойдя до улочки, где ждала снятая комната, Аурел свернул под ближайшую голограммную зыбь — рекламу небольшого бара. Бар звался «Потерянный кластер». Вероятно, его основали давным-давно, еще когда компьютеры были большими, потому что столики до сих пор были расписаны под древние трехдюймовые магнитные дискеты, которые вмещали — смешно подумать — аж полтора мегабайта! Интересно, кому были нужны файлы в полтора мегабайта? Что в такой спейс вообще можно впихнуть?

Народ здесь тоже собирался околокомпьютерный, ибо «сквишь», «дупес», «давить поганые форточки», «рулез» и «суксь» доносились из каждого угла. Аурел окинул взглядом зал, но взгляд вяз в табачном дыме. Длинная стойка, около которой грибами торчали высокие вертящиеся табуреты, показалась ему заманчивой. Он пересек прокуренный спейс бара, огибая столики-дискеты и стараясь никого не задеть. Взгромоздился на гриб-табурет и встретился взглядом с водянистыми глазками бармена.

— Пива, пожалуйста, — попросил он как можно вежливее. В этом баре, скорее всего, собирались обитатели какой-нибудь местной локалки, знавшие друг друга давно и прочно и, без сомнений, успевшие обрасти множеством законов и правил, непонятных чужаку. К чужакам и относились неприязненно, это Аурел безошибочно прочел в бесцветных глазах бармена. Вероятно, Аурел был здесь единственным чужаком.

Бармен с сомнением взглянул на истертую куртку Аурела:

— А заплатить у тебя найдется чем?

Аурел пожал плечами и протянул ему зажатую между средним и указательным пальцами карточку, где на равнодушный пластик были напылены все сведения о его счете. Счет не был честным, но подкапаться под него никто не сумел бы, потому что Аурел в сети чувствовал себя хозяином.

Бармен брезгливо покосился на белый квадратик, повисший над стойкой, но брать его не спешил. Аурел вопросительно поднял брови.

— Приятель, здесь расплачиваются наличными, — пояснил бармен.

Аурел изумился:

— Почему?

— Потому что Митрич не хочет терять деньги, когда полисы заявятся вязать очередного хакера-недоноска, подпатчившего свой счет, — пояснил тучный бородач-сосед с ближнего табурета. Перед ним стоял похожий на тюльпан бокал с густо-красной, почти черной жидкостью. Очевидно, с вином. Глаза бородача смотрели несколько в разные стороны, но скорее не от вина, а от природы.

Аурел снова пожал плечами, убрал карту и извлек внушительную пачку двадцаток. Во взглядах бородача и бармена тотчас вспыхнуло уважение.

— Сороковника пока хватит?

Потеплел даже голос бармена:

— Вполне. Все путем, парень, не обижайся, я тебя впервые вижу, а сюда кто только не ходит. Шваль всякая. Извини, к тебе это не относится, теперь я вижу, что ты прямой клиент. Сиди сколько хочешь. — Бармен убрал деньги в прозрачный кассовый аппарат; бумажки скользнули в паз банкотеста, проползли по нескольким сдвоенным валикам и присоединились к другим купюрам-двадцаткам. — Какого тебе пива? Светлого, темного, сладкого, горького? А?

— «Осенний бархат» есть?

Теперь глаза бармена излучили даже некоторое тепло.

— Я тебя все больше уважаю, парень! Есть. Правда, не для всех, но для тебя — точно есть.

Бармен развернулся и проворно юркнул за пестрый занавес.

— Ну все, — сообщил бородач Аурелу. — Покорил ты Митрича. Смотри, не разочаруй...

На стойке возникли две запотевшие бутылки «Бархата» и сверкающий бокал с чудовищной гнущей ручкой. Впрочем, ручка была очень удобной. Одну из бутылок Митрич сноровисто откупорил при помощи вросшего в палец желтоватого кольца и опрокинул в бокал. Поднялась соблазнительная пена. Отхлебнув пива, Аурел поудобнее уселся и вяло оглядел зал. Бармен все не унимался.

— Эй, парень, если будешь часто заходить — заведу тебе персональный бокал. Вот этот самый. И голограммку пришлепну, хочешь, сниму прямо сейчас?

На кружках многих посетителей и впрямь виднелись голограммы. Наверное, это даже забавно: украсить личный бокал своей физиономией. Но Аурел уже чувствовал зуд в ладонях: дорога звала.

— Наверное, я скоро уберусь из сити. Надолго ли — не знаю, — сказал он бармену. — Так что пока не стоит.

Бармен вздохнул:

— Как знаешь...

Вместо портрета на бокале соседа-бородача серебрился замысловатый вензель из переплетенных букв В, М и К.

— Это значит «Великий Медленный Король», — охотно пояснил сосед, перехватив взгляд Аурела. — Прозвище. А вообще я — Саша.

— Аурел, — представился Аурел. В принципе он был не прочь поболтать, хотя бы с этим толстяком, даром что он Великий и Медленный.

- Ха! — обрадовался Король. — Горец? Откуда?
- Из Кишшей, — отозвался Аузел. — А что?
- А я — из Тира! — радостно сообщил Король. «Надо же, почти земляк», — подумал Аузел.

Они чокнулись и выпили. Бокал отозвался нежным, как голос бекбонного потока, звоном.

За столиком напротив сидели несколько парней; на спине одного из них, широкоплечего, с выбритой до состояния бильярдного шара головой, светились чеканные символы:

[Думаю... 37% completed]

Аузел усмехнулся.

— Только не вздумай сказать ему: «Приятель, ты висишь», — посоветовал Король.

— Буду не первым? — улыбнулся Аузел.

— Даже не тысяча двадцать четвертым, — хмыкнул бородач.

— Понятно... Кто сюда сбредается-то? Локалка?

— Ага. Рамон_105.ПВТ. Я — 105.274/11. А ты?

— Слайдер.88.слайдер, — честно сказал Аузел.

Король даже выпрямился, словно услышал команду «смирно» от зверя-сержанта.

— Плавающая нода? Ни хрена себе!

Сказал он это достаточно громко, чтобы слышали сидящие за ближайшими столиками. На Аузела теперь глядело с десяток лиц, а по залу уже полз шепоток, и все больше завсегдатаев «Кластера» обращивались к Аузелу. Тот уже жалел, что открылся Королю, потому что заранее знал, чем теперь все кончится. Выяснением с местными хакерами, кто круче. А уступать Аузел не любил.

Двое взъерошенных парней в вечной линиялой джинсе приближались нарочито неторопливо.

«К чертям все, — подумал Аузел, залпом допил пиво, опустил бокал на стойку рядом со второй бутылкой «Бархата» и устало посмотрел в зал. — Не буду сегодня выпендриваться».

Потом мысли запрыгали, как всегда не к месту.

«Я готов уступить? Привет! Такого еще не случилось... Может, взрослою? О, это свежая идея — взрослость есть умение уступать. Интересно, чем пытаться-то будут?»

И тут Аурел впервые увидел ее.

```
~# run console 1 @comment: verification
inside
```

Синие цифры ползали по вижн-стене, отмеряя минуты. Фирму в понедельник ТП-шники не открывали, вывесив за дверь вежливую липучку:

«Извините, сегодня не работаем. Ждем вас завтра, во вторник, 12 февраля».

Сема с кислой физиономией очищал банан; перед ним желтела на столе внушительная гроздь, а в урне под столом было полно отслоившихся шкурочек. Тигр скептически улыбался и вертел в руках диск, пуская тусклые зайчики вдогонку ползающим по стене часам. Сеницын нервно шелестел «Спорт-Экспрессом», но смысл прочитанного не мог прорваться сквозь частотол мыслей, большей частью — тревожных. Не любил Син непредвиденных встрясок. Чен и Бай сосредоточенно глядели в затуманенный бок бутылки «Кремлевской лимонной»: водки оставалось еще больше половины.

Их было пятеро в офисе — пятеро компаньонов, готовых отдать клиенту согласно заключенной сделке. Шестым в офисе было Ожидание, поскольку часы показывали уже полвторого, а клиент, обещавший заявиться в час, еще не пришел.

Син отшвырнул газету в сторону.

— Наливай, что ли...

Чен механически потянулся к бутылке.

— Я больше не буду, — заявил Сема.

— А я тебе больше и не наливаю. Ни каплей больше — столько же, сколько и в прошлый раз.

Чен был единственным, кто выглядел как обычно. Если он и нервничал, это было не заметно. Впрочем,

Тигр тоже не нервничал, но скорее всего потому, что не верил в путешествия за барьер. Он вообще не верил в существование барьера, что, впрочем, не мешало ему торговать чужими программами.

Около трех дверь распахнулась от мощного пинка — в офис ввалился взъерошенный крепыш в мятом плаще и неизменных белых кроссовках. Не тот, что платил и приходил раньше, но явно его сородич, потому что его глаза тоже были полны кристалликов льда.

— У нас проблемы, — с порога заявил он. Отрывисто, словно ему не хватало дыхания. — Были. Извиняюсь за опоздание. Пошли.

Чен молча влил в себя содержимое рюмки, навинтил зеленую пробку на горлышко и встал.

— В чем дело? — попытался прояснить ситуацию Син.

Крепыш отмахнулся:

— Некогда. Одевайтесь, времени мало.

— Куда мы едем? — не унимался Син.

— В наш центр.

По лицу Сина нетрудно было понять: происходящее ему крайне не нравится. Но он встал и послушно накинул плащ.

Бай зажмурился, активируя подключенный к линзе правого глаза датчик, и удовлетворенно взглянул на работающий терминал на своем столе. Запись шла. На всякий случай.

Сема с сожалением поглядел на гроздь бананов. Тигрис вздохнул.

«Блин, как на закланье идем...» — подумал Бай отрешенно.

Перед подъездом ждала серая «тридцатка», слепо глядя на мостовую тонированными стеклами. Крепыш сел за руль, Син и Сема пристроились рядом, остальные влезли назад. «Тридцатка» рванула с места, как шаттл на старте. Попетляв по Песчанке, крепыш вырулил на Питерское и погнался обтекаемый

автомобиль в сторону Садового кольца. Син невидящим взором скользнул по длинному зданию аэровокзала.

С проспекта Газизова «тридцатка» юркнула в узенький переулок. Тигрис еле слышно посмеивался на заднем сиденье. «Чашка», полулегальный рынок софта, располагался совсем рядом, и Тигрис знал здесь каждую выбоину на асфальте. Именно потому, что рынок был полулегальным.

Ничем не примечательный шестиэтажный дом с приросшими к фасадной стене лесами впустил их в запущенный холл. Не то магазин в прошлом, не то какая-то госконтора. Ремонт поселился здесь прочно и надолго. Скорее всего, для отвода глаз. Чтоб не привлекать излишнего внимания. Син подумал, что за обшарпанным холлом кроются, наверное, достаточно стильные помещения.

Он оказался прав: за первой же дверью открылся сверкающий хромом и вижн-панелями коридор. Та же дверь со стороны коридора выглядела куда импозантнее, нежели со стороны холла. Двое кубических охранников неподвижно сидели на узком диванчике. Сину сразу стало неуютно.

— Проходите, — сказал крепыш-проводжатый. — Последняя дверь налево.

ТП-шники направились вдоль вижн-панелей, на которых мельтешили искрящиеся цветные пятна. Указанная дверь была полуоткрыта. Син замер на полушаге, потому что у самой двери в лужице густеющей крови валялся труп с простреленной головой. Второй, прикрытый накрахмаленной скатертью, содранной с ближайшего стола, лежал чуть дальше от двери. Рядом скалился рваными краями битый стеклокерамик, должно быть, ваза, ранее украшавшая стол, потому что среди искрящихся, острых как бритва осколков совершенно не к месту разметались три увядшие гвоздики. Алые лепестки походили на кровавые пятна, с той лишь разницей, что кровь бы уже

потемнела, а цветы сохраняли первоначальный насыщенный цвет.

Чен нагнулся и приподнял край скатерти. Открылось лицо убитого — того самого парня, который приходил в контору позавчера. В глазах его теперь было еще больше стужи — потому что глаза стали мертвыми и неподвижными, словно они и впрямь обратились в ледышки. Чен вернул скатерть на место и взглянул на спутников. Син был явно на грани срыва. Остальные держались, даже Сема.

— Проходите сюда, — позвал их длинный, как жердь, мужчина в синем халате. Лицо у него было дряблым и нездорово желтым, словно он уже много лет не выходил на свежий воздух. Сидел небось в какой-нибудь затхлой лаборатории.

Бай первым зашагал к открывшейся двери, на ходу осматриваясь, ибо не хотел упустить какую-нибудь мелочь. Запись должна отразить все. Каждый штрих.

Комната напоминала скорее комнату допроса где-нибудь в логове службы безопасности: три голые стены, четвертая — зеркальная. Несомненно, с той стороны она кажется прозрачной. Пять стульев под лампами дневного света. И слабый запах какой-то медицинской дряни, не то нашатыря, не то валерьянки.

— Босс сейчас придет, — объявил длинный. — Садитесь.

Этот долговязый тип непременно должен был обладать неприятным скрипучим голосом, но природа наделила его голосом почти женским — высоким и певучим. Видимо, по ошибке.

— Э-хе-хе, — испустил негромкий вздох Тигрис и сел на крайний стул.

Син вцепился в спинку соседнего. Его можно было понять — ТП умудрилось вляпаться в историю, которых всеми силами следовало избегать.

Чен был по обыкновению невозмутим, Бай слишком увлекся съемкой. Наверное, давил таким образом

неизбежный страх. Тигрис все прятался за стеной неверия, и это ему вполне удавалось, а что касается Семы — тот успокоился еще утром, потому что заранее счел себя мертвым и теперь глядел на происходящее на редкость отстраненно.

Босс появился минут через десять. Движения его были порывисты, словно он опаздывал на самолет. Бай немедленно уставился на него. В поле зрения глаза с активной линзой, в правом верхнем углу мигала крошечная красная буква R.

— У нас мало времени, друзья, — вкрадчиво сказал босс, одергивая дорогой костюм, сидевший на нем нарочито небрежно.

— Что означает здешний разгром? — сорвался Син. — Вы говорили, что риска никакого, и что же я вижу, едва войдя к вам? Два трупа! Так дела не делаются!

Тонкие, как волоконные волноводы, брови босса сошлись в одну линию.

— Успокойтесь, господа! Это наши проблемы, и мы их уже решили. Вам ничего не грозит, ни теперь, ни в будущем.

Син снова собирался что-то сказать, но властный жест босса заставил его замолчать.

— У нас мало времени. Я буду краток, и, пожалуйста, не перебивайте меня. Понятно?

Босс смотрел на Чена. Тот коротко, но с достоинством кивнул.

— Отлично. Как только я изложу задание, копии ваших матриц отправят за барьер. После того, как задание будет выполнено — если оно будет выполнено, — вас снова вызовут сюда и наложат матрицы на ваше сознание. Подчеркиваю, что ущерб здоровью любого из вас нанесено не будет. Я вынужден быть предельно кратким.

Вы перенесетесь в мир, во многом похожий на ваш, но во многом он окажется отличен от вашего. Принимайте все как есть, не пытайтесь осмыслить, это

только осложнит адаптацию. В двух словах опишу главные отличия: мир, как и ваш родной, представляет собой шар, но гораздо больших размеров. Его окружность по экватору — два миллиона километров. Да-да, не делайте большие глаза, именно столько. Одно полушарие занято гигантским материком, второе — целиком покрыто океаном. Есть острова — цепочка вдоль экватора, но они вас не интересуют. Действовать будете только на материке. Крупнейший тамошний город расположен опять же у экватора, на западном побережье материка. Вас высадят неподалеку. В распоряжении у вас окажутся четыре превосходных автомобиля, провизия, оружие, карты, терминалы местных информационных сетей. Ваша задача — сопроводить человека по имени Аурел Чогоряну на восточное побережье. Через весь материк...

— Пойдите! — негромко сказал Сема. — Но ведь это миллион километров! Не проще ли по воздуху? Самолетом. И быстрее, и удобнее.

Босс понимающе кивнул.

— Вторая странность этого мира: по мере удаления от поверхности сильно возрастает гравитация. В принципе, согласно физике вашего мира, небесное тело таких размеров должно обладать запредельно высокой для живых организмов гравитацией. В том мире законы физики несколько отличаются от привычных вам. В общем, оторваться от поверхности выше чем метров пять-десять вам все равно не удастся. Там даже птиц нет. И гор почти нет, а значит, неоткуда падать. В целом материк представляет собой огромную, гладкую, как стол, равнину. Степь без границ. Только кое-где разбросаны небольшие городки. Вдоль экватора идет вполне пристойная трасса, от побережья до побережья. Местные зовут ее «перегон». Девяносто процентов поселений сосредоточены вблизи этой трассы.

— Сколько ж мы бензина сожжем? — протянул Чен задумчиво.

— Тамошние автомобили работают не на бензине, а на гораздо более эффективном топливе. Одной заправки хватает на десять—пятнадцать тысяч километров. В принципе, первоначального запаса вам должно хватить надолго. Но подзаправиться можно будет в любом городке на перегоне. Если будут проблемы — придется выкручиваться. Уж потрудитесь.

— Уж потрудимся, — проворчал Тигрис. — За такие бабки-то...

Босс одобрительно кивнул.

— В восточном городе, куда вы доставите нашего человека, вас встретят и вернут. Собственно, все. Детальный хинт вы сможете найти на терминалах всех четырех автомобилей, поэтому больше распространяться не буду. Повторяю, мы в цейтноте. Поэтому прошу в процедурную...

Зеркальная стена мигнула и растаяла. Бай запоздало крутнулся к ней, сообразив, что это была всего лишь тонограмма, завеса для нескольких приборов, живо напомнивших недавние скандальные репортажи из подпольных психотронных лабораторий.

В общем, все прошло до боли тривиально. На головы им нахлобучили шлемы с гладкими пятаками мнемоеюстов внутри. Потом на миг стало холодно, словно из уха в ухо прогулялся сквозняк, обдав стылым ветром каждую извилину в мозгу. Затем шлемы сняли.

— Все, — сказал жердь. — Гуляйте. И молитесь, чтоб вашим двойникам достало смекалки, — получите воспоминания о веселом отпуске.

Син мрачно встал из гнutoго кресла. Шлем на тонкой хромированной консоли нависал над ним, как скала над тропинкой.

Крепыш проводил их до самого выхода. Трупов в комнате перед коридором уже не было, а седая старуха в таком же синем халате, как у человека-жерди, сметала осколки битой вазы в пластмассовый совок.

На улице Бай выключил запись, потому что снимать переулки рядом с проспектом Газизова было совершенно незачем.

— Надо водки купить, — сказал Чен. — И контору до понедельника не открывать.

Против этого не возразил даже Сема.

У метро на проспекте глядели в мир пестрыми витринами ряды коммерческих палаток — туда и направлялись.

~# run console 2 @comment: w/o

Жмур проснулся в полдень, как обычно. Небольшая комнатка в дальнем крыле принимала его уже не в первый раз. Рюкзак обосновался за стеной, в точно такой же комнате. Ни в одном мотеле Жмур не чувствовал себя так уютно, как у Злыдня. Наверное, дом его был пропитан благодатной бодрящей аурой.

Заслоняясь от слепящего солнца, что упрямо лезло из-под плотных портьер, Жмур выглянул в окно. Голубая клякса бассейна искрилась, словно подарочный диск. В бассейне плавал Рюкзак, громко пыхтя и отдуваясь. На бортик накатывались горбатые волны.

Когда Жмур вышел к бассейну, Рюкзак уже угомонился и лениво прихлебывал пиво из серебристой банки с надписью «Net Navigator». Рядом плавал овальный поднос с тройкой таких же банок и креветочным салатом. Рюкзак блаженствовал.

— Эй, Жмурилло! — приветствовал он приятеля. — Лезь в воду, рулез полнейший!

Жмур нехотя свалился в злыдневское плетеное кресло у бортика.

— Салат утопишь, если полезу, — ответил он, запуская руку в холодильник. «Навигатора» хватало и там. Собственно, Жмур же его и закупал вчера в баре на соседней улице. Целый рюкзак. Злыдень, конечно, из дому выходить отказывался, а Рюкзак

не знал города. Вот Жмуру и приходилось шастать за живительным. Заказывать он не любил, потому что посыльные вечно доставляли какое-нибудь отстойное пойло вместо настоящего пива, да и пройтись по Еланцу было приятнее, чем переть по перегону месяц кряду.

Они с Рюкзаком успели остыть после долгих часов на равнине, отъелись и окончательно обленились. Впрочем, Злыдень не протестовал: наоборот, сам отдыхал перед охотой. Спал по двадцать часов в сутки, а из комнаты своей выходил только в сортир. Почту он читал не вставая с постели, благо исполинский экран «Пойя» позволял делать это без ущерба для глаз.

Но Жмур знал: когда придется заняться делом, сон будет забыт. Они погрузятся в киберспейс, окутавшись клубами сигаретного дыма, а пальцы их прикипят к борде. Нервы вращаются в сеть, растворяясь в шелесте бекбонного потока, и мир станет безграничным, слившись в ослепительную точку на острие их сознаний.

К тому моменту мозги их должны быть чистыми и свежими, как запасные пеленки у рачительной мамы.

```
~# run console 1 @comment: infiltration
```

Сеть впитала Бая, как губка разлитый на пластике стола чай. Бай мгновенно увяз, забарахтался; казалось, он застыл, лишенный веса, посреди огромного ангара, наполненного мерцающими точками. Точки то и дело вспыхивали, на миг превращаясь в цветные искры, похожие на россыпи фейерверка. В уши будто нашептывал кто-то, но слов было не разобрать.

Бай огляделся и обнаружил, что у него нет тела. Собственно, он был одной из светящихся точек, что роились в осязаемой пустоте.

Постепенно возникло ощущение движения: соседние искры, разгораясь, устремились в шепчущий

полумрак, Бай помимо воли скользнул следом. Движение напоминало полет в невесомости, по крайней мере ту имитацию, что давали игры презент-режима. Справа темнела похожая на средневековый замок глыба, искры веером рассыпались перед его ближними башнями.

Потом они ворвались в сплошное море огня, на деле состоящее из все тех же светящихся точек, что неслись теперь с бешеной скоростью, не сталкиваясь и не мешая друг другу. Как долго это длилось, Бай не мог сказать, ибо забыл, что такое время.

Сеть выплюнула его спустя крохотную вечность. Или спустя бесконечный миг.

Перед глазами (он снова имел глаза) была бурая земля и несколько зеленых стебельков. Бай ничком валялся на редкой траве, пробившейся через плотную, слежавшуюся почву. На зубах скрипела горькая пыль.

Бай оторвал щеку от земли и смачно сплюнул.

Его окружала Равнина. Равнина без горизонта. Чудовищная плоскость, казалось, загибалась к небу, словно он угодил в необъятную чашу. Даль терялась в мутной дымке, но Бай понял одно — горизонта здесь НЕТ. Объяснить и тем более описать это Бай не мог. Просто чувствовал.

Он стоял на проселочной дороге, впрочем, гладкой, как олимпийский лед. Дорога, неправдоподобно прямая, делила равнину надвое. В стороне от дороги трава росла погуще, цветными пятнышками глядели в бездонное небо дикие степные цветы: окружающую целину, похоже, не вспахивали от начала времен.

И еще: что-то было не так. Мир был странен, но не только из-за отсутствия горизонта. Что-то изменилось.

Секундой позже Бай понял: он стал ниже. Сантиметров на двадцать. Именно взгляд с непривычной точки сбил его с толку. Зато исчезла близорукость: линз на глазах он не чувствовал, но видел лучше,

чем в линзах. Окружающее было резким и непривычно контрастным.

Метрах в трехстах Бай рассмотрел пару автомобилей и человека, который бродил вокруг них. Наверное, это был кто-то из его компаньонов. Кое-как отряхнувшись непослушными руками, Бай неловко зашагал по бурой ленте дороги. Тело казалось чужим. Да оно и было чужим: Бай с удивлением глядел на непривычно короткие руки и ноги, на странную одежду, похожую на комбинезоны рабочих-докеров, ботинки с рифленой подошвой и квадратными носками... Размер обуви тоже повеселил Бая: вместо привычных «лыж» сорок шестого размера на ногах имелось нечто мизерное, сороковой – сорок первый на глазок.

Впрочем, с каждой секундой Бай привыкал к новому телу. Точнее, не привыкал, а «вспоминал» его. Психоматрица накладывалась на мозг респондента поверх моторных связей, выжигая только личностную память. Если предыдущий обладатель этого тела умел жонглировать бутылками или ходить по канату, Бай тоже это сумеет. Надо только заставить тело вспомнить былые навыки.

Уже через минуту шаг Бая стал уверенным и твердым, походка из вихляющей превратилась в экономно-спортивную, только взгляд на мир с низкой точки все еще раздражал, словно Бай вынужден был ходить пригнувшись.

На дороге стояли два потрясных джипа а la «Дэлавер», красный и бело-серебристый. На красном виднелась надпись по-русски «Строгино 4Х», на серебристом – «Лендровер Автоклуб». Ну, и фенечки всякие, нашлепки и эмблемки, без которых настоящий джип даже представить трудно.

У машин топтался сухошавый парень лет двадцати пяти, похожий на Ника Пэрримена, только повыше ростом. На нем был такой же гибрид брюк и куртки, как и на Бае, и такие же грубые ботинки.

— Привет, я — Чен, — сказал он, предвосхищая вопрос. Наверное, Бай был не первым, с кем он встретился.

— Я — Бай, — ответил Бай, впервые услышав свой новый голос. Голос как голос... Привыкнуть только нужно.

— Сема в машине валяется, головой о спойлер приложился... — пояснил Чен, кивнув на красный джип. — Он мало изменился...

Чен тихо засмеялся, совсем как настоящий Чен, из Москвы.

Оставляя в редкой дорожной пыли едва заметные отпечатки рифленых подошв, Бай подошел к машине и потянул на себя красную дверцу, украшенную пестрой эмблемой строгинского пляжа. Внутри, на длинном, как диван, сиденье возлежал маленький человечек самого несчастного вида. Он был до смешного похож на истинного Сему, даже наметившейся лысиной и рыжей жиденькой щетиной на впалых щеках.

— Михалыч, ты как? — участливо спросил Бай, с трудом сдерживаясь, чтоб не засмеяться в голос.

Сема только вздохнул и вяло шевельнул рукой.

Далекий рык мотора заставил Бая выпрямиться. Но роста не хватило, чтоб глянуть поверх джипа, и пришлось, чертыхнувшись, обходить красный капот. Чен (требовалось некоторое усилие, чтоб думать о незнакомом сухощавом парне как о Чене) тут же возник рядом.

Поднимая реденькие шлейфики пыли, приближались еще два джипа. Пара минут — и они затормозили рядом с Баем и Ченом. Из первого, зеленого двухместного «Гризли», с открытым, как у пикапа, кузовом, выскочил юркий полный мужчина лет сорока. Шкиперская бородка не очень вязалась с круглыми очками, но и не казалась вовсе уж чужеродной. Несмотря на некоторую тучность, двигался мужчина легко и проворно.

— Елы-палы, — сказал он. — Кто из вас кто?

— Так, — Бай поднял указательный палец. — Ты — Синицын, верно?

— Верно, верно, — проворчал мужчина, поблескивая очками.

— Я — Чен, — представился Чен. — Постарел ты, Андрюха...

— Ага, — кивнул Син. — Это, понятно, Бай. Можешь не уточнять, слепому видно. Уродец-то наш нашелся?

— В машине. Башкой стукнулся. Вечно ему не везет...

Чен осекся. Потому что из второго приехавшего джипа («Эфа», чуть покороче «Дэлавера», но внешне похож) выбрался здоровенный курчавый негр.

— Мамочки, — Бай даже присел. — Тигрис, что ли?

Негр уныло развел руками.

Бай не выдержал и расхохотался.

— Я сейчас умру! Тигр — негр!

Рядом тихо смеялся Чен, даже Сема в салоне зашевелился и выглянул в открытое окно.

— Ладно ржать! — прикрикнул Син. — Подумаешь, негр! Скажи спасибо, что сам не бабой оказался.

Только теперь Бай разглядел на джипе Тигра нашлепки в виде звериных следов и фирменный лейбл магазина «Тигриная лапа». Неужели неведомые работодатели учли даже такие мелочи, как личные пристрастия ТП-шников? Впрочем, размах дела и размер гонораров вполне такое допускали.

— Итак, наши действия? — живо поинтересовался Син. — Как бы здесь ни было классно, я предпочту побыстрее вернуться в Москву.

— Еще бы, — проворчал Чен. — Постареть лет на десять — радость, что ли?

Син отмахнулся. Наверное, он уже привык к новому телу. И смирился.

— Этот... босс что-то говорил о хинтах на шоферских терминалах, — вспомнил Бай. — Надо поглядеть.

Он вернулся к красному джипу и сел в водительское кресло. Справа от рулевой колонки виднелась матовая панель с выдвинутой клавиатурой. Едва палец коснулся сенсора, клавиатура с мягким шелестом выползла из паза. Одновременно засветилась ниточка видеотрека над клавиатурным сокетом.

[Welcome to net!] — поздоровалась сеть.

[Login Bay_13] — привычно отстучали пальцы.

[Wait...] — увидел Бай вместо запроса пароля, но удивиться не успел. Экран мигнул и высветил приглашение незнакомой оболочки, после чего загрузился хинт-файл. Теперь осталось только внимательно читать. И — по возможности — запоминать. Бай не был уверен, вызовется ли хинт вновь после первого обращения. А своим предчувствиям Бай привык верить.

[Фаза первая: необходимо отыскать в сети следы деятельности оператора плавающей ноды Слайдер.88.слайдер. Имя оператора: Аурел Чогоряну. Адрес последнего гейта: сити, Сумеречная зона, сервер «Бинар инсерт»; адрес входной линии: не установлен. В момент захвата оператора указанной ноды хинт дополнится. Удачи!]

Бай скептически глядел на ровные, едва светящиеся строчки.

— М-да... — процедил Син. — Не много же нам поведали. Что за кретины состряпали такой дурацкий хинт?

Син, уперевшись локтем в опущенное почти до оконного среза стекло, заглядывал Баю через плечо. Сема, похожий на осоловелого от пива гуляку, поборов извечную слабость, сидел справа от терминала. Во всяком случае, к лицу его прикипело такое же отсутствующее выражение, хотя глаза не

отрывались от неяркой голограммы над видеотреком. Чен и Тигрис устроились на заднем сиденье и глядели, сблизив головы, в щель между спинками передних кресел.

— Ну, чего? — Бай рассеянно прогнал хинт по экрану еще разок. — Придется шарить по регистровым серверам. Много их здесь, интересно?

— Не сомневайся, — заверил его Син. — Полагаю, больше, чем у нас. Много у нас плавающих нод в сети? Раз, два, и обчелся.

— А кто сказал, что здесь их много? — тихо и скорбно спросил Сема.

Син пожал плечами, отчего локоть его соскользнул со стекла и ударил по дверце.

— На адрес взгляни. Двойное расширение. Не хухры-мухры.

— Может, он выделяется, — предположил Бай.

— Тогда имя со вторым расширением не совпадало бы, — тоном гения сыска пояснил Син.

— Пожалуй, — согласился Бай несколько секунд спустя. Известная логика в словах Сина присутствовала.

— Вот что, — вмешался практичный Чен. — Чувствую, по сетям шнырять нам не один день придется. Предлагаю проехаться, найти тихое местечко... чтоб ручей какой-никакой тек. Палатки в багажниках есть, я проверял. Припасов тоже хватает. Устроимся, тогда и начнем. А так чего — торчим в степи, как тараканы в центре кухни...

Они вылезли из уютного салона под палящее солнце и огляделись. Четыре машины на пятерых.

— Этот, — Син кивнул на «Эфу» со следами тигриных лап, — ясное дело, занят.

Тигрис хмыкнул. Глядеть на его лоснящуюся черную физиономию было все так же дико и непривычно.

— Мне вот этот нравится! — заявил Бай, указывая на короткий, почти квадратный «Гризли». Двухместный ладный грузовичок сразу ему приглянулся.

Кроме того, в грузовичке стоял самый мощный терминал. А чаша диала даже выводилась на крышу.

— Понятно, — проворчал Син. — Буду патриотом.

И приблизился к джипу «Строгино 4X». Красный полироид весело отблескивал в солнечных лучах.

Сема, конечно же, сесть за руль не пожелал и заявил, что поедет с Ченом. Чен не возражал. Да и что возразишь Семе?

Моторы дружно вскололи лед степной тишины, а колеса потревожили дорожную пыль. Бай вел «Гризли» на запад, а еще три джипа, дыша друг другу в бампер, неслись следом. По бесконечной, как Сеть, равнине.

~# run console 3 @comment: w/o

Аурел замер, потому что раньше много раз видел ее. В снах, а также в виртуальщине, которую создавал, устав от одиночества.

Она была больше похожа на мальчишку-подростка, чем на девушку. Рыжая. Короткая стрижка, брюки в обтяжку, серебристая куртка. И маленькие темные очки со стеклами в форме звездочек.

Аурел сразу понял, что не уступит сегодня никому. Потому что она это неизбежно увидит.

Двое в джинсе картинно ходили вокруг Аурела, рассматривая его с показной ленцой.

— Плавающая нода, значит... — заметил один негромко. — Круть невероятная. Почему же я тебя не знаю?

Аурел постарался выглядеть невозмутимым.

— Я тебя тоже не знаю. И что?

— Я — Гонза. Слайдер.105.бес. Слышал?

— Слышал, — честно ответил Аурел.

— Пошли, — качнул головой Гонза в сторону панели с терминалами.

Аурел молча шагнул в указанном направлении. Сумка его осталась лежать у стойки, рядом с

грибом-табуретом. В баре стало тихо, и Аурел подумал, что множество зрителей — это даже хорошо. Эффект погуще.

Гонза уселся в вертящееся кресло и повернулся к шеренге завсегдагаев, что стояла за спиной Аурела.

— Ну, умник, — сказал он, довольно ухмыляясь, — у меня лежит файл на холде: zoom_tabo.overkill. Слей-ка его. Если, конечно, сможешь.

Аурел невозмутимо сел рядом и потянул на себя борду. Тоже мне, задание... Для пацана-первоклассника.

Пальцы зажали отдельной жизнью, втискивая в сеть разум Аурела. Чтоб не подумали чего, пришлось даже плоские диски мнemoюстов к вискам прилепить.

[call snoop b_bone]

[А ты кто?] — по обыкновению осведомился гейт-фильтр.

[S1*.88.**]

[P?]

Аурел для отвода глаз щелкнул пятеркой клавиш. Не было у него пароля. В теле голоэкрана высветилось окно состоявшегося доступа, и Аурел скользнул в сеть.

Там было темно, но темнота не мешала видеть. С шелестом проносились тускло отсвечивающие искры, на миг делая осязаемыми смутные громады стейтор-массивов. От бекбона, похожего на оживленную магистраль, ответвлялись десятки и сотни проспектов и улочек. Закладывая лихие виражи, искры выскакивали из бекбонного потока и ныряли в кольчатые нити тоннелей-капилляров. Искры потусклее ловко обходили ярко и бестолково сияющих новичков, а те суетились, будто мошकारа, у перекрытых капилляров, не в силах в них проникнуть.

Аурел был безмолвной черной точкой и двигался без шелеста. Искрящихся новичков он просто игнорировал, проходя сквозь них, словно сквозь пустоту.

Собственно, он мог бы вонзиться в нужный капилляр в любом месте, не только в месте сопряжения с бекбонной струей или у одного из рассекателей. Но... Если его вызвали на дуэль, надо делать все эффектно. Ведь за спиной стоит и глядит в мельтешение голографических символов девушка в облегających брючках, потрясной серебристой куртке и очках-звездочках. Перед ней нужно выглядеть не просто крутым, а очень крутым, хотя это для Аурела несколько ступеней вниз... Только кто об этом знает?

Он ни на миг не задерживался у рассекателей, безошибочно выбирая нужный капилляр. Вот он, холд-предбанник слайдер-сто пятого...

Темный куб. Пахнет железом и пластиком — несомненно, защита тут умная, не зря же этот Гонза слайдер второй сотни. Да еще самого начала второй сотни.

В углу шевельнулась черная тень веба-сторожа. Шевельнулась и замерла. Все правильно: веб отсек входящий, но не отсек пожаловавшее ядро. Аурела здесь как бы не было. Все равно как дверь, скрипнув, приоткрылась, но в дом никто не сунулся.

Так, порядок. Где у него содержимое холда? Ага, вот... Тьфу ты, пропасть, какой колпак красивый... Будто глаз стрекозы. Вон и файло нужно валяется, словно горошина на столе. Zoom_ чего-то там...

Надо же, пароль требует. Симпатичный такой колпачок... Только Аурел не зря ведь слайдер первой сотни.

Он превратился в маленькое зеркальце и усилием воли крутнул вязкий поток айнстрима назад, раскочивая его, словно полупустую бочку, пока та не встала на ребро и не рухнула на выпуклый бок. Аурела неудержимо повлекло прочь из холда спиной вперед, но он намертво вцепился в стержень айнстрима и обволок себя непрошибаемой оболочкой, скользкой, как теплое масло. Снова шевельнулся веб, но теперь

до смешного неправильно, потому что Аурел видел все в реверс-отражении, словно видеотрек настроился на обратную отмотку. Несколько входящих, фиксированных задом наперед... Веб все дергается и вышибает их наружу. Точнее, втаскивает... Но на самом деле вышибает. Так, не то... Не то... Не то...

Вот — хозяин. Уходит... Ага, закончил потрошить какой-то сервер... Потрошит... Входит на этот сервер... Киляет его защиту... Вот оно — кладет файл на холд!

Аурел-зеркальце поймал отблеск нужного входного кода, отразил его, записав для верности в кору, и разом отпустил айнстрим. Реальность дрогнула, втягиваясь в начальный поток и синхронизируясь с неприкасаемым временем. А отраженный зайчик кода все летел и летел к куполу холда. Коснулся его. Заставил купол засиять... и лопнуть.

Аурел сменил форму, вытянувшись из гладкой поверхности зеркальца диковинным, отлитым из ртути цветком, и жадной глоткой бутона обнял яйцо файла, матовое, как пластик между кабинками общественных терминалов. Гонза будет счастлив, подумал Аурел.

Он вывалился из сети, не утруждаясь выходом из чужого холда. В голове привычно отдалось эхо, и теперь Гонза сможет убедиться, что у него возник коротенький трек чужого присутствия:

[... Слито 27.657 Gb. Большое спасибо. C_ya_L8r! With *.* Фриппи ИЗВИНИТЕ ЗА НЕРОВНЫЙ ПОЧЕРК!]

Аурел извлек из драйва блестящее колесико диска. Протянул его Гонзе. И улыбнулся.

Тот недоверчиво взял диск и вогнал в драйв соседнего терминала. Просмотрел свой файл. Озадаченно обернулся и уставился на Аурела.

— Не понимаю... Как ты это сделал?

— Ручками, — проворчал Аурел. — Надеюсь, экзаме́н закончен?

Гонза не успел ответить. Второй парень в джинсе нервно пощелкал клавишами.

— Кого-то принесло на хвосте, Гонза, — сообщил он недовольно.

Гонза приподнял бровь:

— Что же ты, парень... Нельзя так. Ай-яй-яй...
А еще первая сотня.

«Засекли мой чертов трек... — понял Аурел. — Тут я бессилён».

Если это полисы — дело плохо. Но вряд ли это полисы. Скорее, та контора наняла кого-то из хакеров. Впрочем, еще неизвестно, что лучше — слуги закона или наемные костоломы больших корпораций.

Голос Аурела остался холодным и презрительным.

— А ты ненароком не полис, а, Гонза? Как же так — после лома Питерского Бриза ребят замели, а ты ушел. Теперь вот к тебе не успел влезть, как к хвосту тут же приклеились...

Конечно, это было нагло: прийти в чужую локалку и обвинить кого-нибудь из старожилов в двурушничестве. Но Гонза сам начал. А Аурел не любил уступать. Особенно сегодня.

Он мельком взглянул на девушку в очках-звездочках. Ее лицо не выражало ничего — ни осуждения, ни одобрения. Скорее всего, ей все равно, подумал Аурел. Тогда вперед!

Гонза даже присел от неожиданности. Глазки его забегали, и Аурел с удивлением понял, что совесть того и впрямь нечиста. Угадал, попал в яблочко, стоя спиной к мишени и не раскрывая глаз. Такое случается.

— Эй, парень! — послышалось из-за стойки. Аурел обернулся на голос. Говорил бармен Митрич.

— Тебя точно отпасли. Сматывайся.

В баре по-прежнему висела тишина, только призрачные ленты табачного дыма бесшумно перетекали от светильника к светильнику. Понятно, что Аурела отследили не за слитый у Гонзы файл. Никто не знал

сомнительных подвигов чужака, но если на того устроена охота, да еще не полисами, а хакерами, — значит, причина достаточно весома. Но никто не стал бы и вмешиваться.

Аурел на миг прикрыл глаза. Ведь не хотел сегодня лезть в сеть... Как чувствовал. И не полез бы. Если бы не она.

С грохотом отворилась дверь, и в «Потерянный кластер» ввалились двое мордovorотов, рыща взглядами по затененному спейсу зала. Один остался перекрывать выход, второй очень быстро скользнул к стойке, пытаясь отсечь всех, кто находился в баре, от запасного выхода. Но Аурел ждать не стал: кошкой перемахнув через стойку, он с размаху влип в плотный занавес, отделявший хозяйство Митрича от зала. Занавес пах табаком и мускусом.

«Пок! Пок! Пок!» Две бутылки на полке разлетелись стеклянно-пивными брызгами, а на темном полотне занавеса открылась светящаяся точка, впуская в зал лучик света от лампы в подсобке. Лампа там горела очень яркая, и лучик отчетливо виднелся в зыбких разводах сигаретного дыма. Выстрелы были едва слышными и казались какими-то ненастоящими. Не сразу и поймешь, что это не что иное, как выстрелы. Аурел, тихо ругаясь, выпутался из проклятой шторы и пулей пронзил подсобку. Налево уходил узкий коридорчик, не то на кухню, не то на склад. Ведомый смутным чувством, Аурел проскочил мимо, свернул в следующий и уперся в запертую дверь. Лихорадочно шаря по гладкому пластику в поисках запора, он вслушивался, боясь близкого грохота шагов. Хотя мордovorоты, скорее всего, передвигались бесшумно.

Наконец он нашарил щеколду, похожую на затвор пружинного ружья. Рывок, еще рывок... Содрав кожу с костяшек пальцев, Аурел толкнул дверь и упал в полутьму ночи. Слева от него кто-то низколобий и квадратный вскидывал руку, словно в замедленном

кино, но тут взревел совсем рядом за углом двигатель мотоцикла и некто, рванув двухколесного друга с места, сбил громилу с ног. Выстрел ушел в звездное небо, но чудовищная гравитация не пустила пулю к звездам: перехватив ни в чем не повинный кусочек свинца, она швырнула его назад, к земле, и пуля, взломав неподатливое тело дасфальта, исчезла в равной воронке метров полутора в поперечнике и двух в глубину. Мотоциклист с треском вломился в декоративную оградку и исчез, заслоненный стеной бара.

Аурел рванулся в осязаемо-плотный сумрак. Совсем рядом, на одной из соседних улиц его тоже ждал двухколесный друг, а в том, что придется во все лопатки удирать из сити, сомневаться не приходилось. Не выдержал, влез в сеть до срока — и вот расплата. Однако быстро же его отследили! Все из-за проклятого эхотрека... Но против природы не попрешь.

Улицы были пустынные. Несколько поворотов, и Аурел оказался в знакомом дворике. Вон его верный мотоцикл, потрепанный, но безотказный «Сигейт-Барракуда», сгусток железной мощи, укрощенная скорость, втиснутая в четыре цилиндра. Ладони сомкнулись на шершавых рукоятках, тихо заурчал двигатель. Накинув на голову шлем, Аурел тронул мотоцикл с места и молнией вынесся со двора. Теперь ему бы только вырваться на трассу, ведущую к перегону... а в степи его не достанет никто, кроме ветра. С ветром же Аурел дружил.

Огни сити сливались в ломаные цветные полосы. Аурел не выбирал улиц — просто несся, стараясь править к востоку. Справа вонзались в небо восьмиэтажные иглы высотников сумеречной зоны. Кажется, его не преследовали. Освобожденная мощь «Барракуды» давала верный шанс на спасение. Аурел не любил терять верные шансы. Напротив, он любил их использовать.

В городе его засечь не успели. Странно. Словно кто-то из хакеров влез на пару минут в массивы

полицейских серверов и славно там пошалил. Полисы, конечно, быстро вышибли смельчака и навели порядок, но за пару минут Аурел успел проскочить сити насквозь и вырулить на гладь перегона. Желтый язык света выхватывал из тьмы укатанную плоть равнины, а огни города отступили в ночь. С наступлением сумерек перегон быстро пустел, потому что люди не любили ночные поездки. Да и днем на перегоне тоже не слишком тесно.

Он оторвался. Интересно, надолго ли? Впереди на многие мили и километры только прожаренная солнцем степь. Позади — мегаполис, средоточие жизни и изменчивой информации, муравейник, не засыпающий ни на миг. Одноэтажные коттеджи, вечный сумрак в прокуренных барах и закусочных. Кстати, а еды нет совсем. С водой проще, ручьи у перегона встречаются. Как назло засосало под ложечкой — без малейшего промедления, едва только Аурел сообразил, что пустился в путь без припасов.

Это плохо.

В тот же миг свет фар коснулся одинокой фигуры, стоящей на обочине. Коротко вспыхнула отраженным огнем серебристая куртка. Аурел инстинктивно вильнул в сторону, соображая, что за псих мог торчать в степи ночью, но тут же ударил по тормозам, убеждая себя, что ему почудилось. Обернулся.

Человек бегом поравнялся с замершей «Барракудой», и Аурел убедился, что ему вовсе не почудилось, потому что сразу перехватил взгляд из-под очков-звездочек.

Это была она, девушка из бара, подружка кого-то из хакеров. Или сама — хакер. Встречаются ведь хакеры и среди девчонок? Редко, правда.

— На!

У нее был низкий, как у Аманды Лир, голос и сильные руки: протянутую сумку (его, Аурела, сумку) Аурел едва удержал. Внутри что-то звякнуло; не иначе вторая бутылка «Осеннего бархата»,

так и не откупоренная Аурелом в «Потерянном кластере». А увесистость сумке придавали, не иначе, консервы. По крайней мере, очень хотелось так думать.

Девушка, смешно склонив голову, натянула шлем-колокол, который держала во второй руке, и уселась позади Аурела, положив ладони ему на обтянутые джинсой плечи.

— Трогай!

Аурел машинально пристроил сумку в захват над баком и дал газ. «Барракуда» радостно сожрала первые метры перегона и помчалась в ночь, унося прочь от сити двух седоков с той же легкостью, с какой до сих пор уносила одного.

~# run console 2 @comment: sliderfind

Лощинин позвонил Злыдню утром в среду. Мелодичное пение бластера сдернуло Жмура с постели. Злыдень долго не подходил к терминалу, но вызовы не прекращались, и он, чертыхаясь вполголоса, нашарил пульт.

— Спишь, Злыдище? — бодро спросил Лощинин. Злыдень тотчас подобрался.

— Легли поздно, Володя... Сам знаешь, хакер — существо сумеречное.

— О моем заказе не забыл? — осведомился Лощинин, хмыкнув.

— Нет. Не забыл.

Злыдень отвечал с достоинством. Чувствовалось, что к Лощинину он относится с уважением, но не как к высшему существу. Жмур, затаив дыхание, вслушивался, потому что дверь плохо пропускала звуки. Впрочем, когда Злыдень ночью резался в свежий «Винг командер», завывания бластера прорывались в спальню Жмура вполне успешно...

— И прекрасненько. Просыпайся, да буди своих оборотов. Работать пора. Повольнили малость, и хватит...

— Добро. Значит, ты не против, чтоб Жмур с Рюкзакom тоже включились?

— Не против. Заплачу, не обижу. Если нужно — можешь вызвать кого-нибудь еще.

— Справимся.

— И ладно. Через час познакомлю вас с силовым крылом; наводить их будете вы. Ну и подробности обговорим. До сессии...

Лощинин отключился. Злыдень тут же полез в холодильник, похрустел колечком банки и, после пятисекундной паузы, без сомнения употребленной на добрый глоток, зычно заорал на весь дом:

— Подъем, Жмурилло! Работа начинается!

Рюкзак сразу все понял и полез в бассейн просыпаться. Жмур вяло смочил бороду в ванной комнате и решил, что пиво с утра — это прогрессивно, в связи с чем надо ползти либо в берлогу к Злыдню, либо к бассейну. Выбрал он бассейн, потому что на дворе светило солнце, воздух был свеж, а не затхл, как в берлоге, да и желание окунуться могло возникнуть. Повалившись в кресло рядом с холодильником, Жмур основательно предался прогрессу.

Через час они засели за терминалы. Злыдень сконнектился с лощининским сервером; все трое вклинились в мультитюзерную конференцию. Видеотреки извергли сложные, разбитые на небольшие кубики независимые голограммы. Лощинин сидел у себя в кабинете, Малик, как обычно, на складе; проныра Заявлин подключился из милой комнаты, где буквально во всем чувствовалось женское присутствие; ребята из силового крыла куда-то ехали, во всяком случае пять непрошибаемо-вежливых физиономий взирали на собеседников с трех автотерминалов.

— Где твое подкрепление, Миша? — негромко и ласково спросил Лощинин. Чувствовалось, что Заявлин у него уже в печенках сидит. И на свободу не собирается.

Заявлин развел руками — на нем был пестрый халат с широченными рукавами, возможно, что и женский.

— Сам не пойму, Володенька, — Заявлин был само радушие и трудовое рвение одновременно. — Они прибыли, я уточнял. Должны были выйти на связь, но не вышли. Впрочем, хинт у них такой, чтоб сразу бросились искать нашего героя с неровным почерком... Может, они ищут?

Предположение было сомнительным, и это явно читалось по лицу Лощинина. Малик широко улыбался, но молчал.

— Ладно, — проворчал Лощинин. — Хрен с ними. — И обратился к Злыдню:

— Дело такое: мы вытащили нескольких человек из-за барьера. Помнишь, Камилл рассказывал? В общем, он не врал. Барьер действительно проникаем. И героя нашего Камилл знает. Короче, он порекомендовал вызвать оттуда умелых ребят... и я вызвал. Искать Фриппи будете независимо, но с момента обнаружения начнете работать в сцепке. Вы трое, — Лощинин кивнул на секторы Злыдня, Жмура и Рюкзак, — в стационаре. Забарьерная команда — мобильная, будет носиться по перегону, потому что Фриппи рванет туда, если мы не успеем его локализовать и взять за вихры. А мне что-то подсказывает: можем не успеть. Силовое крыло — полностью ваше, Злыдень. Только назовите адрес. Если Фриппи возьмут, будете потрошить его станцию на предмет... э-э-э... ну, ты знаешь на предмет чего.

— Думаешь, мы не справимся? — ревниво спросил Злыдень. — Зачем нам эти чужаки?

Лощинин враз стал жестким, как умелая защита перед закрытыми файлами.

— Справитесь. Но предстоит много работы на выезде, а ты — старая кабинетная крыса и на выезде работать не умеешь.

— Это правда, — вздохнул Злыдень. — Не умею. Да и не люблю.

— Потому и не умеешь, — проворчал, оттаивая, Лощинин.

— А что Энди? — вкрадчиво поинтересовался Злыдень с самым невинным видом, и Жмур внутренне обрадовался, потому что даже присутствие Энди где-то на дальнем срезе капилляра прибавило бы сил и уверенности. И — что немаловажно — везения.

— Да нет его... — поморщился Лощинин. — Шабад с Горовенкой его в Волосово утащили... психи. Три дня как. И борду, стервец, с собой не взял. Ты ведь знаешь, Шабад борду из принципа не берет — говорит, в воде человек должен быть абсолютно свободен от прозы внешнего мира.

— А Горовенко? — спросил Злыдень, приподняв бровь. — Тоже не берет?

— А Горовенко, мон шер, к моменту отъезда на таких бровях был, что не то что борду — акваланг забыть мог.

— Кстати, — встрял Заявлин. — Акваланг он таки забыл...

Жмур оживился:

— Ну-ка, ну-ка... Кто же их повез, если Горовенко надринькался?

— Царевский, кто же еще... — Лощинин с досадой фыркнул и отпил из узкого бокала. Бренди, должно быть. Не чай же из бокалов пить?

— Интересно, — мечтательно протянул Жмур. — Скольких они по дороге задавят?

Царевский обыкновенно ездил на «Басте» и скорость ниже ста десяти не признавал, а любимым словом на все случаи жизни у него было истошное «Давить!».

— Бардак, — прокомментировал Злыдень. — Маньяки.

— Я отловлю Энди, как только он появится... если он еще будет нужен, — заверил Лощинин и

хлопнул ладонями по глади стола. Бокал тихонько звякнул, подпрыгивая. Ладонь Лощинина с растопыренными длинными пальцами метнулась и не дала ему опрокинуться. — Какие вопросы?

— Да никаких, — пожал плечами Злыдень. — Разве только скажи, как с твоими ребятами связаться.

— С Шамилом и его гвардией, — Лощинин указал на немногословное силовое крыло, — просто: я забил от тебя прямой линк на их терминалы. А с забарьерниками — пока сам не знаю: они просмотрели первую часть хинта и наглухо отключились. Всплывут — сообщу. Кстати, от меня к тебе тоже прямой линк. Пользуйся.

— Ты б еще выделенку протянул, — проворчал Злыдень, втайне надеясь услышать неожиданную новость, что выделенка уже протянута, но Лощинин его разочаровал.

— Облезешь. Я пока не миллионер.

Злыдень вздохнул и попрощался. Жмур с Рюкзаком тоже попрощались, но без вздохов. Утопив Alt/Esc, Злыдень прервал сессию.

Спустя минуту он встал:

— Рюкзак, будь другом, поставь кофе...

Это значило: «За работу, граждане. Охота начинается».

И они принялись за работу. Отчетливо щелкали клавиши, холодили виски гладкие поверхности мнимоюстов, мерцал экраном «Пойя»... Кофеварка практически не выключалась: пока двое погружались в киберпейс, третий отпаивался и отдыхал. Время исчезло, стало не более чем функцией, четыремя цифрами в уголке поля зрения. Сеть пела, вбирая в себя людской интеллект, а завсегдатай чувствовал себя в сети лучше, чем в собственной кровати — если у него имелась собственная кровать.

Потягивая кофе, Жмур расслаблялся. В берлоге было сизо от дыма и почти темно. На дворе ночь

растворялась в накатывающем утре, а в берлоге мало что менялось.

Было безумно приятно глядеть на работу Злыдня. Жмур, и сам не промах в сетевых делах, всегда проникался легкой завистью, когда приходилось быть свидетелем этого действия. Дополнительный кайф состоял еще и в том, что не всякий зритель понял бы, что вообще происходит. Жмур понимал.

Злыдень шарил на стыках бекбона с крупнейшими артериями сити. Разбрасывал следящие вейтеры, лепил их к базовым модулям, оставлял в толщах массивов. Он сейчас был похож на паука, развешивающего липкие тенета. Программки его поражали простотой и рациональностью, хотя с первого взгляда работать не могли в принципе. Похоже, Злыдень и сам не понимал, почему они работают. Но писал их, если нужно, пачками.

Замысел его был прост, как опавший лист. Раз лопух Фриппи везде оставляет неповторимый трек, то его и ловить нужно по этому треку. Вейтеры для того и развешивались: как только Фриппи куда-нибудь влезет и выпотрошит чью-нибудь базу, трек будет засечен. Отследить, откуда состоялся доступ, было плевым делом — для Злыдня, по крайней мере. Даже если сессия продлится всего доли секунды.

Впрочем, Фриппи оказался не таким уж лопухом: две недели в сетях он попросту не присутствовал. Вероятно, выжидал. Но Злыдень, действительно как паук, терпеливо развешивал все новые и новые вейтеры, просматривая попутно мегабайты поступивших логов.

Жмур ползал по взломанному серверу Лощинина и искал лазейку. Тщетно. Он так и не понял, как влезли на обесточенный сервер, потому что доподлинно выяснил: аварийного питания не подавалось даже на процессорные модули. Злыдень ворчал, но не слишком ретиво, ибо и сам не понимал, как сумели слить чертов лощининский файл.

~# skip a period

Время шло. Злыдень отследил двух недоумков, что пытались сломать защиту его вейтеров, и с наслаждением покилял им рабочие области на локальных хардах. Хакеры поопытнее, особенно первичники (таких оказалось на удивление много), просто стали втихаря сами подбрасывать Злыдню нужные логи. Злыдень рассыпался в благодарностях, тоже не афишируя имена смышленных первичников, хотя хакерам благодарность не свойственна. Впрочем, Злыдня в сетях уважали...

Теперь, когда сети были расставлены и приходилось лишь ждать, кофе временно отодвинулся на второй план, уступив первенство пиву. Сидеть вторым в берлоге тоже стало ни к чему. Изредка вызывал Лощинин и интересовался, как дела. Пару раз возник Заявлин. Ребята-забарьерники себя никак не проявляли, хотя Злыдню показало, что в сети он натыкался на странные области, напоминающие чем-то его собственные вейтеры, но влезть туда с ходу не удалось, а потрошить не возникло желания. Единственное, что Злыдень выяснил, — эти штуки соорудил в сети некто по кличке Бай. Такого хакера Злыдень не знал, хотя по логике должен был бы знать. Если судить по грамотной защите. Хотя — мир велик.

Фриппи проявился вечером, когда Жмур расслабленно попивал пиво, Рюкзак по обыкновению мок в бассейне, а сам Злыдень, умаявшись за ночь и большую часть дня, спал прямо в берлоге, уронив голову на стопку распечатанных логов. Бластер вдруг взвыл, словно полоумный койот, ожил притихший было «Пойя», выплеснув на матово-серую поверхность экрана алый язык аларм-графа. Злыдень подпрыгнул и метнулся к клавиатуре и мнемоюстам. Сон вмиг слетел с него.

Вейтеры засекали новый трек-файл с извинениями за неровный почерк. Фриппи выполз из норы.

Злыдень лихорадочно вломился в пределы чьего-то холда, принохиваясь на ходу, словно борзая. Жмур без напоминания поднимал логи, отслеживая состоявшийся доступ. Рюкзак в мокрых плавках плюхнулся за терминал и вызывал лощининских торпед, дежуривших в каре напротив конторы Лощина.

— Сити, восточный сектор, где-то неподалеку от «Зонул Сенсера»! — сообщил Жмур.

— Точнее! — рявкнул Рюкзак.

Далеко в сити, за полмиллиона километров от берлоги Злыдня, жалобно взвизгнули покрышки и кар, роняя на дасфальт пятна света, метнулся к магистрале восточного сектора. Четверо молчаливых парней с одинаковыми мощными, стриженными ежиком затылками деловито заряжали пистолеты и навинчивали глушители. Пятый сосредоточенно вел машину, прислушиваясь к голосам из терминала.

— Матурн-квартал... Улица Диденко... Рамон-сервер...

Бормотание Жмура становилось все более азартным.

— Есть! Бар «Потерянный кластер»! — наконец радостно сообщил Жмур, стрекоча бордой. — Терминал «Джей», десятый из двадцати трех!

— Понятно, — коротко отозвался кто-то из крепких ребят в каре, и сидящий за рулем прибавил скорости.

Жмур вызывал Лощина.

~# run console 1 @comment: w/o

Река была широкой, как Днепр под Киевом. У самого перегона она почему-то сужалась чуть не втрое и уходила под ажурный стрельчатый мост, возвышающийся над волнами всего на полтора метра. Ниже моста она вновь разливалась широко, и только отсутствие птиц мешало задуматься: а долетела бы хоть одна до середины?

Бай по утрам выползал из палатки и отправлялся купаться. Палатки здесь были современные, не чета крошечным брезентовым домикам московских друзей-непосед. Несколько расстраивала Бая (и особенно — Сина с Семей) невозможность принять душ. Впрочем, сей прискорбный факт несколько компенсировался близостью реки и абсолютным безлюдьем. Перегон с места их стоянки разглядеть удалось бы разве что с помощью телескопа: они удалились от трассы километров на сорок пять — пятьдесят к северу. Редкие кусты ивняка окружали пяточок пляжа. Джипы притаились под мышасто-бурыми тентами. Хотя от кого здесь прятаться? Сверху их просто некому разглядеть. Разве что какой-нибудь любитель оптики с трассы засек бы. Но Чен, обнаружив в багажниках джипов оружие и солидный запас боеприпасов, резонно заметил: ни пушками, ни маскировочными тентами зря не снабдят. Тем более что вокруг задания нагнеталась малопонятная атмосфера недоговоренности и тайны. Проще сказать — воняло от задания. Но они уже взялись за него... а значит, назад пути нет. Да и как попасть в родной мир отсюда? Только выполнив это треклятое задание, о котором почти ничего и не известно. Только то, что от него воняет и пушки нужно держать под рукой.

Бай методично вылизывал местные регистровые серверы на предмет следов этого самого Аурела Чогоряну Слайдер.88.слайдер, но все следы были старыми, месячной давности, и вдобавок по логам не удавалось проследить точку входа в сеть, потому что на каком-нибудь из транзитных околореконных узлов след терялся. Бай сначала решил, что следы просто трутся, но не все, а только ближайшие ко входу. Потом усомнился, хотя повода вроде бы не было. Но интуиция подсказывала: тут что-то не так. Но не мог же этот Аурел врезаться в бекбонный поток в произвольной точке так, чтобы на транзитном узле не отследили его вход? Или мог?

Бай такого способа не знал. Но это не значило, что такого способа не существует.

Тигрис откровенно бездельничал. Впрочем, от него в сети все равно было мало толку. Вот втюхать лоху-покупателю комплект дисков с каким-нибудь отстойным софтом или накидать по шее мелкому ворихе, стянувшему диск с лотка, — на это Тигрис был мастером.

Чен помогал Баю как мог. Син тоже. Сема — когда было настроение. Но основное в сетях доставалось Баю.

В остальном задание пока напоминало курорт. Вода в реке по прозрачности могла поспорить с финской ледниковой, погода стояла почти крымская, а среди запасов немалую часть составляло местное пиво, найденное ТП-шниками весьма недурным.

К сожалению, курорт долго не продлился.

Слайдер оставил свежий след вечером, когда уже стемнело. Бай валялся в палатке и читал местные сетевые сплетни в конференции `proksima.sysop`; предупреждающий писк бластера вскрыл сумеречную тишину. Бай схватился за борду, прилепил к вискам прохладные таблетки мнемюстов и скользнул в сеть.

Здесь все было так же, как в любой сети. Тихо пел бекбонный поток, черными громадами за пределами капилляров угадывались туши баз и массивов, иногда — округлые и гладкие, как гигантские черные яйца, иногда — причудливо изрезанные и изломанные, словно карстовые разломы. Роились искры проникших в сеть. Информация перекачивалась терабайтами, и нужно было суметь не потеряться в этих диких и на первый взгляд беспорядочных струях. Бай огибал крупные серверы, похожие на многоногих спрутов; туда ломилось одновременно бог знает сколько пользователей, и легко было застрять в подобной толчее. Скользил мимо радужных куполов чьих-то холдов, обходил далеко стороной закрытые

зоны частных секторов, чтоб не напороться ненароком на чересчур ретивого сторожа. Он шел на зов простенькой программы-нюхача, что отследила в безбрежном спейсе сети эхо-входной Слайдер-восемьдесят восьмого.

Клиент влез в пределы чужого холда и скачал небольшой файл. Только и всего. И оставил при этом непонятный трек с сообщением, что слито, мол, столько-то, спасибо, и еще — извините за неровный почерк. Последняя фраза была набрана вперемешку строчными и заглавными буквами, отчего действительно возникало впечатление неровного почерка.

Бай схватился за борду и вызвал текущую топограмму. Нюхач-программа сбрасывала сетевые адреса транзит-узлов, ядро нюхача их анализировало в контексте топограммы, отсекая ненужные сектора и области. Сейчас, сейчас! Бай нетерпеливо потер ладони друг о друга. Еще немного, и станет понятно, в какой стороне искать этого самого Слайдера-88.

Запад. Самый большой город — местные его называют сити. До него чертова уйма километров. Бай тщательно упаковал и сложил на терминал данные поисков: можно было считать, что Аурел Чогоряну у них в кармане... Если, конечно, он не сбежит в ближайшее время из своего дома в сити.

«А вдруг он логинился не из дома?» — подумал Бай отстраненно. Это была бы неприятная неожиданность. Действительно: если Слайдер-88 влез в пределы чужого холда и чего-то там слил, вряд ли он оставит следы истинной точки входа... Блин, дело оказывалось вовсе не таким простым, каким виделось с самого начала. К тому же — плавающая нода... Если оператор-слайдер захочет исчезнуть, он исчезнет, растворится в безбрежном киберспейсе сети. Не то чтобы его найти станет абсолютно невозможно... Но чего это будет стоить!

Бай зажмурился.

Хотя... Стоп: надо вновь обратиться к хинту. Там ясно сказано: найти в сети следы Слайдер-восемьдесят восьмого и вновь обратиться к хинту.

Чертыхнувшись, Бай вызвал хинт, указав путь к логу с отслеженным доступом Аурела Чогоряну из сити. Хинт возник в туманном мареве над видеотреком без промедления.

Шурша синтетической тканью, в палатку забрались Чен и Синицын. Бай, не успев бросить первый взгляд на дополненный хинт, обернулся к ним.

— Есть! Я засек его... Вот, хинт расширенный гляжу...

В этот же момент голограмма над бордой на мгновение потемнела и замерцала вновь, но теперь в толще голоэкрана жили совсем другие строки. Бай этого не заметил, потому что глядел в сторону входа, а Чен с Сином решили, что хинт только-только загрузился, и тоже ничего не поняли.

```
~# run console 3 ~# user status: invade  
@comment: hitch energy crackdown
```

«Сигейт Барракуда» вгрызался в ночь и расстояние с упорством тупого вируса. Девушка, прижимаясь к спине Аурела, сидела позади и почти не двигалась; Аурел временами переставал ее ощущать.

Зачем она поехала с ним? Кто она? Аурел не находил ответов. Лишь смутная радость, замешанная на полудетском восторге, не замедлила вспыхнуть, потому что незнакомка не могла быть врагом. Тем, кто устроил охоту в сети. Охоту на хакера. Не могла, потому что мечта не может стать врагом.

И он в упоении свободой и скоростью выжимал из «Барракуды» все, на что было способно металлическое сердце машины. Два сердца — человеческое и механическое — бились в унисон, и хотелось верить, что сердце сидящей позади девушки в очках-звездочках под пластиком шлема когда-нибудь под-

чинится этому пьянящему ритму. Не может не подчиниться, если у нее есть сердце.

Аурел любил, когда сердца и моторы бьются в унисон, потому что если и есть в жизни смысл, то именно в этом.

Плотный поток встречного воздуха с шуршанием обтекал шлем. Плясало перед колесом нечеткое пятно света, словно полуденный воздух над перегонном.

Холодная игла вонзилась в мозг Аурела, возвращая в реальный, на редкость негостеприимный мир. Резина покрышек с визгом терлась о твердую почву, рассеивая резкий неприятный запах горелого. Девушку прижало к Аурелу.

«Барракуда» встала; ботинок Аурела коснулся прогретой за день и не успевшей остыть земли перегона.

Она даже не спросила, что случилось. Откинув ножку, не позволяющую двухколесному другу упасть, Аурел выудил из сумки борду и радиодиагностический прибор, звякнув бутылками, вошел в пятно света от фары и сел прямо в текучую дорожную пыль. Зашевелилась, будто живая, чашка диала, отыскивая ближайший ретранслятор. Девушка терпеливо ждала, не вылезая из седла.

Его снова искали в сети, на этот раз кто-то с востока. Кто-то незнакомый и странный.

Аурел скользнул в сеть и, словно лыжник по укатанным колеям, помчался по собственному следу. У него было минут пять, пока охотники вновь не засекут его присутствие в сети. Точнее, присутствие они отметят практически сразу, и координаты радиодиагностического прибора определят сразу. Просто посреди огромной равнины можно позволить себе пять минут в сети, потому что добраться до отслеженной точки за такое время не успеет и господин президент на суперскоростном «Текраме». А потом снова придется выжимать из «Барракуды» скрытую мощь, чтоб охотники на этом месте нашли только отпечатки ботинок да ребристый

след мотоциклетных шин, уводящий в бесконечность степи.

Что? Что им нужно? Аурел зло сшибал мембраны перед входными. Не хотите пропускать — ваше дело! Сегодня играем по другим правилам.

Хинт. Очень странно, легко дали взглянуть на хинт этих, с востока. Хинт даже ничем не защищен. Блин, да и зачем его защищать, кто в здравом уме станет интересоваться чужим хинтом? Кто? Разве, кроме объекта прощупывания. О как! Хинт вообще-то касается тебя, Аурел! Ну-ка, ну-ка, повнимательнее...

Эти ребята должны найти Слайдер-восемьдесят восьмого. Что ж, флаг в руки... А впрочем... Почему именно его? Ах, задание? Так, так, это уже интереснее. Задание. Найти и сопроводить. А обломиться не желаете, господа хакеры-лохи?

Хотя, конечно, это не лохи. Странные сетевики, да, но не лохи. Вон какую паутину развесили, обалдеть. Правда, попасть в нее только слепому, да и то сдуру... Хотя... Нет, слушай, тут такие ямы да рытвины, даже прикольно... Ой! Не, это не лохи, точно. Но и не гвардия, точно. Почерк не тот. Логика чужая.

Аурел колебался лишь мгновение. А потом обратился серебристой нитью с отточенной иглой на конце и принялся деловито перешивать податливое тело хинт-файла.

```
~# run console 1 ~# return to previous
status @comment: hint huntin'
```

Бай обернулся к терминалу. В зеленоватом спейсе голоэкрана отчетливо виднелись строки хинта. Чен и Синицын, заглядывая Баю через плечи, стали читать.

[Фаза вторая: обнаружив в сети следы пребывания Аурела Чогоряну, плавающая нода Слайдер.88.слайдер, вы должны связаться с ним и оказывать любую посильную помощь. Ваша задача — провести его перегоном к восточному побережью, провести живым и невреди-

мым, пресекая все попытки с чьей бы то ни было стороны остановить клиента или нанести ему любой ущерб. Задание будет считаться выполненным, когда клиент окажется в пределах зоны высадки. По выполнении задания хинт дополнится. Удачи!]

— М-да, — протянул Бай. — Не понимаю. Они что, не могли нормальных телохранителей нанять?

Чен неопределенно повел плечами:

— Наверное, среди нормальных телохранителей нет умеющих нормально работать с сетью.

— Чушь, — заявил Бай. — Зачем умение работать с сетью нормальному телохранителю? Да еще на этой чертовой равнине без конца и края?

Син коротко выругался, и на незнакомом лице толстяка проступило очень знакомое выражение досады и недовольства.

— Блин! Так и знал: вляпаемся в какое-нибудь дерьмо с таким заданием.

— Поздно горевать, — рассудительно сказал Чен и взглянул на Байкалова. — Ты нашел клиента, да?

— Нашел, — проворчал Бай, шевеля пальцами. Хинт канул в голограммную глубину, а вместо него над видеотреком появилась плоская карта материка.

— Вот он, — указал Бай на крохотную алую точку у раскорячившегося, как диковинное насекомое, города. — Только-только выехал из сити, что на побережье. Едет нам навстречу.

— Тогда и мы поехали, — Чен стал пробираться к выходу, путаясь в шелестящей синтетической ткани.

— На ночь глядя? — с сомнением протянул Син.

— А чего ждать? — не оборачиваясь, осведомился Чен. — Пока этого слайдера хлопнет кто-нибудь в степи ненароком? Когда я буду рядом с ним, почувствую себя много лучше, ей-богу.

— Будь они неладны, эти деньги, — процедил сквозь зубы Син. Безмятежно спать в палатке было куда приятнее, чем трястись за рулем джипа и тара-

щить слипающиеся глаза в темноту летней ночи. Хотя оставаться в родном мире и быть свободным от сомнительного удовольствия подставлять себя, любимого, под чьи-то равнодушные пули — еще лучше. Но назад пути все равно нет...

Син печально вздохнул.

Из соседней палатки раздавался могучий храп Тигра. Син снова выругался, потому что прекрасно помнил: настоящий Тигр не храпел никогда. Здесь все было чужим, от чудовищной равнины до собственного тела. В первый день после того, как поставили палатки и уселись тут же отдохнуть, Син рассеянно сунул в рот сигарету и принялся хлопать ладонями по карманам в поисках зажигалки, прежде чем сообразил, что делает. Точнее, все это совершало его тело, а разум в жизни не выкурившего ни единой сигареты Сина взирал на происходящее с немym изумлением.

Чен забрался на минутку в свой джип, включил фары и стал сворачивать палатку. Откиннутая дверца багажника напоминала крыло птицы, но этот мир не знал птиц.

Спустя полчаса лишь головешки погасшего костра да разрыхленная земля над ямой, куда Тигр сгреб мусор, напоминали о стоянке. Четыре джипа мчались по ровной, как стекло, равнине на юг, к перегону. Чтобы на перегоне повернуть на запад.

Короткий трек-файл с извинениями за неровный почерк Бай обнаружил только утром. Рядом с дополненным хинтом. Но так и не понял — откуда он взялся?

~# run console 2 @comment: w/o

— Он уходит на перегон! — сообщил Жмур.

Лощинин тихо выругался и склонился над бордой, вызывая терминал Шамила.

Злыдень вынырнул из сети, потряс головой и заинтересованно уставился в экран «Пойя». Он так и

не решил: Фриппи просто лопух-малолетка или незаметный гений. В сеть он наведалься раньше, чем Злыдень ожидал. Получается, лопух. Но в сети он вел себя как истинный ас, слил какой-то пустячный файл с холда Гонзы (кстати!) и убрался, обрубив все логи, как нож лапшу на макаронной фабрике. Собственно, Злыдень даже не понял, куда ускользнул Фриппи после того, как покинул холд Гонзы.

На экране сектор с автомобильным терминалом шефа силового крыла выполз вперед всех, одновременно вырастая в размерах. Лицо Шамила было бесстрастным, но глаза выдавали: Шамил недоволен и разочарован.

— Из бара он сумел сбежать...

— Какого черта! — вскипел Лощинин. Шамил пожал плечами.

— Ему помогли. Рону чуть руку не сломали у этого бара.

Лощинин выжидательно уставился в спейс голоэкрана; Шамилу казалось, что он смотрит прямо на него.

— На Рона наехал мотоциклист. А потом его же чуть не задело откатом выстрела.

— А нечего в небо палить! — разозлился Лощинин. — Сопляка взять не сумели, гвардия!

Шамил остался спокоен.

— Не повезло, босс. Кстати, мы застряли в пробке и не успеваем перекрыть выезд на перегон.

Лощинин еще сильнее помрачнел.

— Замечательно! Какая, к дьяволу, пробка вечером?

— Сам удивляюсь. У площади Завгороднего. Трейлеры какие-то...

— С этим уже разобрались, — подал голос Рюкзак. Изображение Рюкзак потеснило на экранах окошко с Шамилом, сравнившись с ним в размерах. — Шесть минут назад с терминала во все том же баре «Потерянный кластер» какой-то ловкач влез

на полицейский сервер и обнулil настройки секторов регулировки уличного движения. А трейлеры — это колонна из «Зонул Сенсера», восемьдесят пять грузовиков. Они всегда ночью на перегон уходят, когда поспокойнее.

— Поспокойнее! — буркнул Лощинин и сплюнул. — Хакеры, черти вас дери!

— Значит, Фриппи работает не один, — тихо сказал Злыдень и потянулся к пуговицам мнемююстов. Он скользнул в отверзнутый зев сети, не успев ответить на вопросительный взгляд сидящего рядом Жмура.

Пение бекбона тотчас вобрало Злыдня. Он еще ощущал кончиками пальцев прохладные клавиши борды, но это ощущение таяло, как ледышка на солнцепеке. Обычные человеческие чувства отступали, зато нахлынули десятки и сотни новых, ни с чем в реальном мире не сравнимых. Злыдень слышал утробное урчание могучих узловых серверов, видел пролетающие огоньки сообщений, осязал стройные ряды ячеек, набитых гладкими шариками файлов. Он мог дотянуться до каждого, мог обмануть или запутать защиту, мог унести файл с собой или изменить его. Каждое действие казалось новым чувством, новым способом познания и анализа окружающего. Он скользил в сети, бестелесный хакер Злыдень, сгусток информации, тусклая сиреневая искра. Он мог превратиться здесь во что угодно, потому что был опытным хакером. Но Злыдень еще помнил свои первые вылазки в сеть, когда барахтался здесь, словно неуклюжий малек в обмелевшей луже.

Рядом пульсировала еще одна искра, чуть поярче; по неуловимым нюансам движения и ориентировки Злыдень узнал Жмура. Значит, Жмур тоже заподозрил... Что ж, вдвоем легче.

Они прокололи капилляр у Рамон-сто пятого и перехватили тускнеющие жгуты исходящих логов. Жмур перетек, изменил облик, перестав быть искрой.

Теперь он напоминал старинный телеграфный аппарат с огромными глазами, жующий пучок логов. Злыдень, наверное, выглядел не лучше. Впрочем, он не задумывался, на что становится похож, пропуская через себя склеенные из байтов нити.

Искомая нить нашлась почти сразу, едва различимая, черная, как неразмеченная область на юзер-диске. Чернее, чем спейс сети. Злыдень ухватился за нее и рванулся по следу. Жмур дрожал рядом; теперь он был похож на матовую каплю, сохранив, впрочем, огромные глаза. Только теперь глаз стало три.

Вдалеке наметилась громада входного полицейского сервера, исполинский куб, разбитый на ярусы, уровни, кварталы, секторы, подсекторы, юнит-ячейки... Миллионы капилляров растекались в стороны, тысячи прямых линков тащили на загривках жирные полицейские гигабайты...

Нить уводила в глубь сервера, пронзая охранные заслоны — ряды зубастых церберов на тоненьких символических цепочках. Злыдень и Жмур метнулись к ближайшему капилляру, по которому тек бесконечный стат-файл, кое-как упакованный дабл-дие-том. Тек, наверное, от самой зоны высадки, поддерживаемый станциями дальней подкачки при крупных магистральных серверах. Церберы насторожились и стали медленно группироваться у капилляра.

Жмур, сухо затрещав (как наэлектризованный воздушный шарик, подумал Злыдень), принялся ткать нечто бесформенное и безобразное, отгородившись от церберов стального цвета мембраной. Спустя миг церберы накинулись на его произведение, как псы на тряпичную куклу. Злыдень тем временем коротким взмахом воображаемого скальпеля рассек в трех местах похожее на дождевого червя тело стат-файла, две колбаски сжал хекслером в форсированном режиме, отчего обе стали чуть не вдвое короче, а на освободившееся место втиснулся сам и,

не прекращая движения, срастил разрывы. Короткий цилиндр Злыдень, внешне похожий на стеклянную трубку, разрисованную снаружи диковинными письменами, а внутри подсвеченную, на короткое мгновение вспыхнул и сразу потускнел, став таким же красноватым и кольчатым, неотличимым от основного массива файла. Кодировку Злыдень правил уже внутри, потому что никому не приходило в голову маскировать кодировку изнутри.

Жмур остался дурачить церберов, а Злыдень беспрепятственно просочился на территорию полисов. Нить уводила вниз, на уровни отдела регулировки уличного движения. К корявой мультипроцессорной сборке двухлетней давности, супервизору светофоров, повелителю дорожных диспетчеров и светочу транспортных поверводов.

Злыдень быстро нашел что искал. Крохотный трек-файл в массиве опечатанных базовых настроек. Вокруг кишели церберы, безусловно раздраженные сегодняшним визитом напарника Фриппи. Скопировать трек, конечно, не дадут. Но просмотреть его можно...

На просмотр ушло больше времени, чем хотелось бы, но Злыдень был упорен.

[2A11: Привет от Тири. Ваш CMOS покрыт инеем. Большое спасибо! C_ya_L8r.]

И ничего о неровном почерке.

Злыдень выбрался наружу, заучив содержимое трека наизусть. На обратном пути он пропускал собственный лог-доступ через лапшерезку. К чему наводить полисов на свой дом?

Из сети Злыдень вынырнул мокрым как мышь. Рядом бессмысленно таранился в спейс голоэкрана Жмур, но вскоре шевельнулся и снял мнемююсты.

Злыдень запустил жадную руку в холодильник. Лишь отхлебнув «Еланецкого хмеля», он смог произнести хоть слово.

— Ты понял, Жмурилло? Ты все понял?

Жмур оторвался от банки с живительным (когда только успел ухватить?) и сдержанно кивнул. Наверное, настырные полицейские церберы его порядком измотали.

— Что у вас, Злыдень? — возник на связи Малик, правая рука Лощина, молчаливый полный юсаджи-южанин, хозяин конторского склада. — Вы куда-то пропали из сессии.

— Сейчас, — пробормотал Злыдень, отставляя в сторону запотевшую банку. — Шамил, ты слышишь?

Удобная вещь — прямой линк! Шамил отозвался тотчас же:

— Слышу, говори.

— Где вы находитесь?

— Выбираемся из пробки. Почти выбрались.

Значит, полисы быстренько вогнали свою систему в режим. Впрочем, они всегда оперативно работали, этого не отнимешь.

— Пошли кого-нибудь из ребят назад, в «Потерянный кластер». Нужно найти человека по имени Тири. Полагаю, он вам многое расскажет о клиенте. Возможно, клиент работал в сцепке. Так вот, это недостающее звено.

— Понял, — коротко отозвался Шамил и переключился на собственный интерком. Злыдень его больше не слышал.

Он обернулся к Жмуру и вернувшемуся в берлогу Рюкзаку.

— Ловкие ребята, — прокомментировал Злыдень. — Я сразу и не понял, что Фриппи не одиночка. А это многое объясняет.

— Что, например? — спросил Жмур с сомнением.

— Хотя бы поврежденный повервод в день исчезновения лощининского файла.

Жмур склонил голову.

— Но главного-то это все равно не объясняет.

— Главного — не объясняет, — согласился Злыдень. — Но почерк, почерк! Сегодня — светофоры

дорожной службы. Тогда — наверняка перехватили управление пустым каром и вогнали его к чертям свинячьим в повервод у трассы. Оп-ля, ловите шутдаун, господа! Я до такого просто не додумался бы.

Жмур вздохнул:

— Молодежь... Одни баги в голове.

Он вздохнул и с уважением глянул на Злыдня.

— А ты молодец, старик. Я про трек у полисов на сервере допер, только когда куклы церберам скармливал. Взять бы этого Тири... И все, считай, работа выполнена. Наверняка он знает, где искать дружка. Или дружков, — Жмур неожиданно повеселел и ухмыльнулся.

— Погоди радоваться, — одернул его Злыдень. — Так он и станет тебя дожидаться после стрельбы в «Потерянном кластере»!

— Наверное, он давно уже на перегон рванул. Вслед за Фриппи, — тихо сказал Рюкзак и побрел в сторону бассейна.

Злыдень проводил его пристальным взглядом.

Да. Если рванул на перегон — плохо. Потому что там можно скрываться годами, и никакая сеть не поможет схватить беглеца. Потому что слишком велики расстояния. Потому что...

— Какой у нас ближайший к сити городишко на перегоне? — спросил он Жмура. Бродяга все-таки. Должен знать.

— Снуга. Семь тысяч живет. Дыра еще та.

Если Жмур говорит, что дыра, можно не сомневаться: дыра и есть.

— Интересно, у Лощина там люди найдутся? Надо поднимать, чтоб встретили. Рюкзак, умница, засек мотоциклистов, ушедших на перегон приблизительно в нужное время. «Сигейт Барракуда», регистрационный С88—83476, и старенький «Коннер»-со-роковник, G35—02784. «Коннер» прошел первым, на нем уехали двое. «Барракуда» — это, верно, Фриппи.

Проскочил восточный шлюз спустя четыре минуты. Шамилу энд компани их не достать даже на «Креативах», слишком задержались...

Жмур задумчиво отхлебнул пива.

— погоди. Если на «Коннере» ушли двое, значит, в этой компании помимо Фриппи и Тири есть еще кто-то третий?

— Выходит, так...

Перебивая Злыдня, запищал бластер на терминале Рюкзак. Злыдень подошел. Вызывал румяный блондинистый парень в непонятно чьей униформе.

— Где Рюкзак? — спросил он напористо.

— В бассейне, — ответил Злыдень озадаченно. — Что-нибудь ему передать?

Блондин поколебался и резко кивнул:

— Передайте, что «Коннер» только что вернулся в сити. С одним седоком. Со шлюза сообщили.

— А-а!!

Злыдень лихорадочно подключился к линку на Шамила.

— Шамил!

— Говори, я слышу, — немедленно отозвались из «Креатива».

— Вы далеко от восточного шлюза?

— Минут пять.

— Ловите встречного мотоциклиста на старом «Коннере», номер серии «Джи». Он только что прошел шлюз...

Шамил вздохнул:

— Ты не понял. Мы уже прошли шлюз — пять минут назад. Мы на перегоне.

Изошренные проклятия Злыдня сотрясли берлогу. Сегодня был явно несчастливый день.

Жмур уже вызывал Лощина, а на шум прибежал мокрый Рюкзак, распространяя легкий запах стеронгатора — Злыдень зачем-то сыпал его в бассейн пачками, словно боялся, что в бассейне заведутся головастики.

— Кстати, — сказал Шамил. — Встречный мотоциклист нам не попадался. Наверное, объехал степью.

Пятью минутами позже Лощинин спустил с цепи каких-то резервных торпед, и нужный «Коннер» довольно быстро отыскали — меньше чем за час. Отыскали брошенным на тихой улочке-тупике вблизи сумеречной зоны. Бардачок мотоцикла был тщательно опустошен. Для поисков неизвестного мотоциклиста не осталось ни одной зацепки, ибо Злыдень сразу же выяснил, что «Коннер» краденый. Так что законный хозяин вряд ли рассказал бы что-либо интересное о Фриппи.

Первый раунд остался за соперником. Злыдень мрачно отпихнул борду.

— Вызывай Снугу, Володька, — посоветовал он Лощинину. — Хотя, сдается мне, эти ловкачи объедут ее стороной. Я остаюсь на контроле — едва они влезут в сеть, тут же сообщу. Все. До связи.

— До связи, — эхом отозвался Лощинин. Кажется, он ожидал от сегодняшнего вечера несколько иных результатов.

«Добрая охота, — подумал Жмур. — Дичь хитра... Впрочем, так интереснее».

Он переключился в слип-моду, но едва вейтеры, развешанные Злыднем, засекут дичь, охота возобновится. И еще Жмура живо интересовала подмога из-за барьера — чужаки объявились где-то на перегоне, а значит, есть шанс взять беглецов в тиски. С запада — Шамил, с востока — подмога. Есть шанс, есть!

Жмур любил охоту. Даже на первых порах неудачную. Зато потом, когда дичь затравлена и барахтается в силках, чувство торжества гораздо острее. Неужели Злыдень этого не понимает?

Ночью Фриппи проявился еще раз. Вихрем пронесся по трем узловым серверам и исчез в бекбонной струе. Теперь его интересы сместились на восток.

Сонный Злыдень быстро определил координаты — врезка состоялась через радиодиагностический канал, работающий на перегоне в двухстах двадцати километрах от сити. Злыдень тут же сообщил это Шамилу, попутно выяснив, что силовое крыло на хваленых «Креативах» отстает от клиента километров на сорок.

Долго Фриппи в сетях не шарил. Злыдень не стал даже искать его следы. Утром, утром... Может быть, Энди объявится. По крайней мере, на это хотелось надеяться.

Надеялся Злыдень не зря.

```
~# open console 4 @comment: user [Andy  
Trushin] @comment: status [super-hub node]  
@net locate: Bloody.68
```

Настойчивое завывание бластера подняло Энди из пучин похмельного сна. В детской громыхали чем-то металлическим Таська с Машкой и Наташкой, но еще минуту назад это не доставляло Энди ни малейших неудобств. Теперь же на несчастную голову главы семейства обрушилась целая лавина звуков, и голова стала медленно, но верно распухать, как кокосовый орех в горячей воде.

Энди потянулся к терминалу. Пульт дистанционки, конечно же, не найти. Либо дети затащили, либо Ксюха сжевала. Ксюха жевала все, до чего могла дотянуться ее собачья душа. Безразлично, съедобным было это или же несъедобным. За прожорливость и вредный характер Ксюху, ньюфаундленда-двухлетку, на Эндятнике прозвали Черной Сукой.

Бластер продолжал завывать.

«Блин, кто настраивал эту сирену? — утомленно подумал Энди. — Юрка, наверное. Я же вчера на мурлыканье систему отсетапил...»

Кроме Юрки, старшенького, хакера-малолетки, действительно больше некому. Неугомонная двенадцатилетняя душа и вечный зуд в кончиках пальцев постоянно подвигали Юрку на мелкое компьютерное

хулиганство, например на смену звука при входящем.

В мутном голокубе возникла физиономия Злыдня.

— Привет, Энди. Как погрузился?

Взлѳхмаченный со сна Энди, едва успевший облачиться в знаменитый на всю сеть полосатый халат, являл собой зрелище от печального до душераздирающего с преобладанием последнего.

— Погрузился, блин... Давить Шабатов с Горювенками! Сколько ж мы выпили? Семь? Или больше?

— На каждого? — хмыкнул Злыдень. — Повод-то какой?

— У Шабада трехсотое погружение... Было. Или не было? Не помню, блин!

Злыдень укоризненно поцокал языком.

— Ай-яй-яй! Повторяешься. Блин.

— Блин! — повторился еще раз Энди.

— Ладно, — вздохнул Злыдень. — Не за тем пришел. Собственно, я с ног сбился в поисках тебя.

— Знаем, как ты сбился, — проворчал Энди. — Не вылезая из кресла!

— Сам такой, — добродушно огрызнулся Злыдень.

— Такой, — подтвердил Энди. — Энди — они такие. Кто ж по своей воле из кресла вылезет?

— Работа есть, — сказал Злыдень серьезно. — Ты нужен. В общем, приходи в себя, через два часа я перезвоню.

Злыдень отключился, не выслушав ответной реплики Энди. «А ведь перезвонит, — тоскливо подумал Энди — наверное, самый ленивый сетевик сити. — С него станется. Что он еще затеял? Небось лоцининский заказ. Была там некоторая странность...»

В детской снова что-то загремело, заглушая радостные визги Машки с Наташкой, а в коридоре гулко взлаяла Ксюша, вечно голодная Черная Сука. Энди понял, что заснуть сегодня уже не удастся, и мрачно вызвал в голокуб четырехмерный тетрис.

Просыпаться так просыпаться. Тем более что тысяча-другая на счету сейчас очень даже не мешает. А Злыдень плевого дела не предложит, в это можно верить безоговорочно.

```
~# run console 3 @comment/user status:  
free movie
```

С перегона Аузел свернул, когда начало светать. Он уже знал, что за ними идут не то два, не то три скоростных «Креатива» с милыми ребятами внутри. Скорее всего, именно с теми мордоротами, которые затеяли стрельбу в баре Митрича. Встречаться с ними у Аузела не было, понятно, ни малейшего желания.

Покорно просидевшая всю ночь за спиной Аузела девушка сразу после съезда с перегона неожиданно оживилась и легонько похлопала его по плечу. Она явно хотела что-то сказать, но осмотрительно не пожелала пользоваться шлемофоном. Кто знает, какие терминалы у ребят в «Креативах»? Засекут — и все псу под хвост.

Аузел притормозил и потянулся к шлему. Поднял прозрачную, чуть выгнутую пластину, обернулся.

— Езжай на юг, — сказала девушка. — В Трою.

Развивать мысль она явно не собиралась. Аузел поразмыслил. С перегона, конечно, нужно сворачивать, это даже не вопрос. Но куда ехать дальше, он еще не решил. Можно и в Трою, если у неожиданной спутницы есть там знакомые. Все равно нужно запастись продуктами перед дальним броском к зоне высадки. Спрашивать девушку он не стал, хотя очень хотелось это сделать. Решил оставаться таким же сдержанным и немногословным, как она.

Защелкнув пластину, Аузел выкрутил ручку газа. «Барракуда» рванулась вперед, ликующе урча.

Троя недалеко, за два дня, пожалуй, не успеть. Но на третий они туда доберутся, точно.

К полудню зверски захотелось спать. Аузел долго боролся со слипающимися глазами, пока не нашел

удобное для стоянки место. Островок невысоких ив у крохотного озерца, выглядевший посреди гладкой равнины донельзя чужеродно. Там можно спокойно отоспаться и не маячить. Даже мотоцикл спрятать получится.

Ивы пахли клейкой зеленью, Аурел совершенно отвык от такого запаха. В сити деревья пахли пылью и дасфальтом. Сняв шлем, он с наслаждением втянул в легкие свободный от индустриальной копоти воздух. Природа, елы-палы, как редко ее замечаешь...

Мотоцикл он прислонил к раздвоенной иве. Спать хотелось по-прежнему зверски. Даже сильнее, чем есть. Выудив из бардачка спальник, Аурел наспех надул плоскость. Девушка глядела на него с некоторым сомнением; Аурел смутился. В самом деле... Спальник-то ей отдать придется. Или у нее свой есть?

— Нет у меня спальника, — словно подслушав его мысль, сказала девушка. — Но, я думаю, в этом мы и вдвоем поместимся.

Аурел выдержал длинный взгляд в упор. В очках-звездочках отражалось синее-синее небо.

Ладно. Вдвоем так вдвоем. Комплексом девственности, по крайней мере, спутница явно не страдает. И на том спасибо.

Девушка дождалась, когда Аурел расправит спальник, и метнула ему пакет с крабными палочками. Легкий, так сказать, ужин. Перед сном. И спокойно влезла в спальник, сняв только неизменные свои очки и черные ботиночки от Монترея.

Аурел вяло сжевал палочки, сунув упаковочную пленку в карман — решил не сорить. А то еще, не ровен час, выследят. Хотя все равно ведь выследят. Главное — побыстрее отсюда убраться, пока не напали на след.

Аурел тоже стянул тяжелые пропыленные ботинки и полез в спальник. Девушка подвинулась.

— Только не приставай, — сказала она равнодушно. — Я еще к тебе не привыкла.

Аурел подумал, что от него сейчас все равно мало толку, потому что он наполовину спит.

Но женщины непоследовательны — рука ее скользнула Аурелу за спину, а голова легла на плечо. От девушки исходило блаженное тепло, и в другое время Аурел вряд ли сдержался бы. Но сейчас он действительно хотел спать.

Сон пришел к нему, вынырнув из зеленых, как искры киберспейса, глаз той, что рядом. Во сне она была, конечно же, в очках, и Аурел не видел ее глаз. Но теперь знал, что глаза зеленые.

«Сигейт Барракуда», прикинувшись к раздвоенной иве, глядел на обнявшуюся парочку в серебристом спальнике немигающим оком потушенной фары. Впрочем, он многое повидал на своем недолгом веку и поэтому ничуть не удивился.

Когда Аурел проснулся, было темно и тихо. Над степью колюче мерцали звезды. Голова девушки уютно лежала на плече, и Аурелу сразу захотелось погладить чистую розовую щеку. Потом вспомнил, что его просили не приставать, а как расценить такое прикосновение? По-видимому, однозначно.

И он выскользнул из спальника, стараясь не разбудить спутницу. Не получилось — она сразу же шевельнулась и вздохнула. Аурел размял затекшее плечо, молча умылся в озерце и вернулся к мотоциклу. Зажег фару. Спустя минуту девушка вышла из темноты и села рядом с Аурелом, копавшимся в сумке.

Там действительно нашлась бутылка «Осеннего бархата». И консервы нашлись — Аурел с изумлением разглядывал промасленные банки, которые иначе как ножом не вскрыть. Видимо, армейские, сто лет Аурел таких не видел.

Добыв из бардачка печку, Аурел запитал ее от мотоциклетных батарей и собрался разогреть консервы, но девушка спокойно и явно привычно перехватила инициативу.

— Давай я все приготовлю. Только банку открой.

Из сумки она уже успела достать какие-то пакеты, не то со специями, не то с полуфабрикатами «Поуни», Аурел не рассмотрел. Он с удовольствием кромсал ножом жирную от масла жезь и смотрел, как девушка готовит полнчик.

Как всякому хакеру, ему часто приходилось не спать ночами, а ночью всегда ужасно хочется чего-нибудь сжевать. Еда днем — это, понятно, полдник. А ночью, понятно, полнчик. Веселое слово, емкое.

Готовила девушка недолго. Аурел размышлял, что до сих пор не знает ее имени, но решил специально не спрашивать. Из принципа. Пусть сама скажет, если сочтет нужным. По правде говоря, очень хотелось, чтоб сочла. Он помнил тепло ее тела, помнил уверенное прикосновение руки. Когда-нибудь это повторится, только на них не будет никакой одежды... И никто не будет гнаться за ними на скоростных «Креативах».

Они съели дымящееся волокнистое мясо с пряными шариками кулаи, выпили пиво, передавая друг другу бутылку. И все молча.

— Спасибо, — сказал Аурел, потому что молчание ему не нравилось. — Ты вкусно готовишь.

Девушка не ответила. Она встала и демонстративно уселась в седло. Намек был прозрачен до очевидности. Свернув печку и убрав спальник, Аурел взялся за руль.

«Занятная у меня спутница!» — в который раз подумал Аурел. Она нравилась ему все больше и больше. И еще он подумал, что продал бы душу, лишь бы узнать, что она думает о нем.

Но душу продавать было некому, и мысли зеленоглазой, похожей на мальчишку-подростка, Мечты остались ее тайной. А Аурел решил, что лучше умрет, чем позволит мордоротам на «Креативах» догнать себя, а значит, и ее. Она останется с Аурелом. Будет прятать зелень глаз за очками-звездочками, а перед

сном снимать ботиночки от Монترея. И не только ботиночки, черт возьми!

Руки ее легли на плечи Аурела, и «Барракуда» стартовала в ночь.

```
~# root ~# open console 5 ~# stream 1/console 5 @comment: user [Владимир Лощинин] @comment: status [civ] @net locate: Лески_2148840 ~# testing peripheral devices
```

— Подожди, — сказал Лощинин. — Я понял. Ты предлагаешь еще раз наведаться в тот бар?

Изображение Энди в голокубе утвердительно кивнуло.

— Именно. Я знаю эту локалку, Рамон-сто пять. Самого Тири я никогда не видел, но имя кажется мне знакомым. Там Гонза должен быть, Великий Медленный Король, Пустовойтов, Толик Хлыстов. Но не посылай туда ребят Шамила — эти не добьются ничего. Пошли кого-нибудь из сетевого люда. Или сам сходи.

— Может, ты и сходишь? А, Энди?

Толстяк в полосатом халате заулыбался в бороду.

— Брось, Володька, не пойду я. Далеко — раз, и потом, не хочу, чтоб мое имя было связано со стрельбой в пенатах Рамон-сто пятого. Не вставая из-за борды, я сделал бы для тебя все. Но ходить — нет, это не по мне.

— Ну так узнай, — предложил Лощинин. — Не вставая из-за борды.

Энди опять отрицательно покачал головой:

— Нет. Я могу, конечно, узнать. Но тогда сеть быстро узнает, что это узнал именно я. И сразу вспомнит, кого Тири интересовал днем раньше.

Лощинин вздохнул. Впрочем, он и не надеялся, потому что за несколько лет изучил нравы Энди достаточно хорошо.

— Жаль. И Жмур с Рюкзаком далеко от сити, не пошлешь...

— Сходи сам, — снова предложил Энди. — Тебя в лицо мало кто знает. Да и не ожидает никто тебя, все думают — не по чину работенка. Если тебе действительно нужна быстрота, все получится, потому что будет полной неожиданностью.

— Меня же расколуют в первую минуту, — жалобно протянул Лощинин. — Не хакер я.

— Ну и что? — пожал плечами Энди. — В локалках хакеров как раз и мало. В основном средний люд, юзера да железячники. Если ни тот, ни другой — тогда вообще чайник. Не бойсь, Володька, ты ж даже знаешь, с какого боку за борду браться. А попадаются такие экземпляры, я тебе скажу...

— Блин, дожил! — в сердцах выдохнул Лощинин. — Самому работать!

Энди, не кроясь, хмыкнул в бороду.

— Ну, тогда шли парней Шамила. Только будь готов, что ничего они не разузнают. Полбара разнесут — и не разузнают. Точно говорю.

Лощинин, в общем, уже решился. Потер гладко выбритую щеку и полез в ящик стола, где который год валялся без дела значок Эндиной локалки Бладишестьдесят восемь. Кругляш с наклепленной голоэмблемкой: полосатые цифры, с которых капала ядовито-алая кровь.

— Правильно, — похвалил Энди. — Но тогда ни за что не говори, что ты Лощинин. Выдумай что-нить. Скажи, я тебе пойнта только на прошлой неделе дал. Можешь даже сказать, что меня ищешь.

— Ты же там не бываешь, — обронил Лощинин, прилаживая значок на лацкан куртки.

— Пойнт об этом знать не обязан, — вздохнул Энди невинно. — Пойнты, они все тормоза.

— Но-но, попрошу! — попросил Лощинин, который числился пойнтом Энди уже третий год. Правда, в шестьдесят восьмой локалке Лощинин отродясь не появлялся, а спецконференции только читал.

Энди пошевелил бровями. Жека, жена, как раз звала пить чай, и пора было заканчивать разговор.

— Иди уж, — отмахнулся Лощинин, который по обыкновению замечал и слышал все. Даже то, что происходило около терминала, с которым он связывался.

Голокуб величаво погас. Лощинин утопил клавишу питания на терминале, и тихий шелест охлаждающего форма оборвался.

— Я в сумеречную наведуясь, — обронил он в сторону секретарши. Та, как всегда, захлопала ресницами. Лощинин вздохнул.

Килограмму он велел ехать следом, но перед баром не останавливаться, а найти уютное место в стороне и в бар ни в коем случае не соваться. Килограмм с усилием кивнул — с такой шеей и комплекцией, как у Килограмма, кивать было и впрямь затруднительно. Зато очень удобно было плющить оборзевшую шпану. Килограмм плющил на «ять».

У выхода Лощинин сел за руль потрепанного «Азтеча» и поехал в сторону сумеречной зоны. По дороге взгляд настороженно ощупывал светофоры: Лощинин помнил, что ночью эти непостижимые люди — хакеры — перехватили управление ими. Не надолго, правда, — у полисов на защите тоже не лопухи сидят. Но все же... Неужели хакеры могут все? Но как тогда жить в мире, если в один прекрасный момент какой-нибудь двенадцатилетний умник одним касанием клавиатуры уничтожает твой многолетний труд?

«Черти бы их побрали, эти глобальные сети... Нормальный человек только путается, а ловкачи прут у нас все, до чего дотянутся их ненасытные руки... И к тому же часто ведь не ради денег лезут. Просто от непонятого зуда в непонятном месте. Может, у них орган особый есть, у хакеров, — центр беспокойства? Вечный зов неутоленного информативного голода, чтоб его...»

Движение на улицах было не плотнее обычного. Грузовики ушли на перегон еще затемно, а юркие легковушки легко умещались на широких магистралях сити. В глазах рябило от «Креативов», «Долфинов», «Асеров», «Вертосов»... Лощинин гнал свой «Азтеч», уцепившись за зеленый коридор скоростной полосы. Позади сноровисто шнырял из ряда в ряд послушный Килограмм на обтекаемом «Панасе». Вдалеке уже маячили многоэтажки «Зонул Сенсера». Кар-навигатор предупредительно гудел перед нужными поворотами. Бар располагался на короткой, зажатой между двух проспектов улочке. Голореклама ткала цветные объемные изображения в дневном режиме, без активной подсветки.

Лощинин припарковался у короткого столбика, расписанного странного вида загогулинами. Что сия роспись означала, догадался бы разве что какой-нибудь отрешенный от мира гуру, упакованный в дырявый, пропахший дымом пончо. Бродили такие вдоль перегона, изредка задерживаясь в городках и всегда гордо отказываясь от предложения подвезти. Высшим способом приобщения к гармонии сфер у таких гуру считалось многолетнее пешее путешествие от зоны высадки до сити. Через весь континент. Или от сити до зоны высадки. Некоторые умудрялись за жизнь пройти туда и обратно, хотя Лощинин как-то подсчитал, что дорога в один конец должна занять больше пятидесяти лет, если за день проходить километров по пятьдесят же. Наверное, гуру ввали, что весь путь проделывали пешком. Небось подвозил их кто-нибудь, не зная, кого подвозит.

Мышастый «Панас», шелестя протекторами по дасфальту, обогнал его и пристроился к бордюру метрах в ста впереди. Скептически смерив взглядом вывеску с названием, Лощинин вылез из кара и, ровно шагая, приблизился к фотосенсорной двери. Дверь услужливо распахнулась, и Лощинина обдало запахом крепкого пива.

«Ничего не узнаю, так хоть пива попью», — мрачно решил он, входя в «Потерянный кластер».

Народу внутри почти не было. Не зря этот район именовался «Зонул Сенсера» — сумеречной зоной. Понятно, компьютерный люд активен ночью, утро для них — время крепкого сна. Впрочем, близилось время первого глотка, так что Лощинин надеялся, что народ вот-вот начнет подтягиваться. Полдень, самое время.

Он прошел к угловому столику, вежливо кивнув бармену. Тот не замедлил приблизиться — невысокий крепыш в относительно чистом фартуке, похожий на экс-боксера. Глаза у него были бесцветно-водянистые, лишенные даже намек на какое-либо выражение. Словно у безответной буренки перед воротами бойни.

— Добрый день, уважаемый! Заказывайте.

— Пива, — пожал плечами Лощинин. — И совет, если можно.

— Какой совет? — спросил бармен без особого интереса.

— С кем тут можно поговорить?

Тут бармен насторожился.

— О чем поговорить?

Теперь в его словах засквозила откровенная, ничем не прикрытая неприязнь.

Лощинин развел в стороны полы пиджака, показывая, что там не скрывается кобура с табельной пушкой.

— Я не легавый, не подумай. Всего лишь маленькое частное дело: я ищу одного человека. Мне сказали, что здесь мне могут помочь.

— Кто сказал? — мгновенно переспросил бармен.

— Энди Трушин. Так и сказал: мол, зайди в «Кластер», там все узнаешь.

Бармен на глазах расслабился и подобрел, мельком скользнув взглядом по значку шестьдесят восьмой локалки.

— А-а... Ну, если Энди... Сейчас, пива принесу... Он сходил за стойку и вернулся с увенчанной пенной шапкой кружкой. Лощинин не замедлил к ней приложиться.

— А кого, собственно, ты ищешь, если не секрет? Лощинин снова отхлебнул и максимально небрежно ответил:

— Парня по имени Тири. Мне его рекомендовали. Бармен рассеянно покивал:

— Тири, ага... А кто, извиняюсь, рекомендовал? Лощинин снова хотел сослаться на Энди, но потом решил, что это будет чересчур.

— Да ребята из зоны высадки... Цибульский. Знаешь?

Бармен отрицательно покачал головой:

— Нет. Не знаю. И парня по имени Тири, кстати, я тоже не знаю. Может, Хлыстов знает? Вон он сидит, спроси.

Лощинин глянул — за соседним столиком сидел сухощавый брюнет в джинсе и пил «Утро программы» прямо из пузатой бутылки. Подхватив свой бокал, Лощинин подсел к нему. Бармен незаметно испарился в направлении стойки и занялся неизменным барменским делом: начал протирать чистые бокалы.

— День добрый, — сказал Лощинин вежливо. — Извини, пара вопросов есть, бармен сказал, что ты можешь помочь.

Хлыстов немедленно протянул руку:

— Толик.

— Володя.

— Спрашивай.

— Я ищу Тири.

Толик напрягся. Он приложил все усилия, чтоб это осталось незамеченным, но Лощинин такое замечал всегда.

— А... зачем?

— Он мне нужен.

— Нуж...жен? Хм... Он всем нужен.

— Вот видишь, — улыбнулся Лощинин, погружая нос в пену. — И мне тоже нужен.

Толик замялся.

— Тири уехал-л... Недавно. Я не знаю куда. Может, Гонза знает?

Он обернулся и позвал сидящего за одним из терминалов парня в такой же джинсе.

— Эй, Гонза! Тут интересуются парнем по имени Тири. Ты знаешь, где его искать?

Гонза бросил борду и медленно обернулся:

— Нет. Не знаю.

Взгляд его чуть не пробуравил Лощина насквозь. В баре воцарилась предупредительная тишина. Лощинин быстро понял, что все плохо: допущена какая-то ошибка. Тири ему не отдадут. Но в чем он просчитался? Черт возьми... Однако все, положение уже не исправить. Нечего и рыпаться. Обидно.

— Жаль, — сказал Лощинин. — Мне он так нужен...

Допив пиво, встал из-за стола и неторопливо направился к двери. Спину жгло от внимательных взглядов.

«Азтеч» с негромким шелестом тронулся и спустя пару минут влился в поток каров на улице Сидоровича. Лощинин молча шевелил рулевым и напряженно думал: в чем его прокол? В чем? В чем-то очевидном для тех, кто знает Тири. Еще и еще раз он прокручивал в уме разговор с барменом и Хлыстовым и все равно не понимал, где ошибся.

В секторе заднего обзора ненавязчиво маячил «Панас» Килограмма.

Из конторы Лощинин тотчас вызвал Энди, но у того было намертво занято — наверное, шарил по сетям. В сердцах Лощинин связался с Шамилом и наорал на него, но облегчения это не доставило. Тогда он отловил Заявлину и принялся трясти на предмет ребят-забарьерников. Где они, трам-тарарам?

Заявлин, призывая в свидетели небо и недра, клялся и божился, что настроил робота, который вызывает терминалы джипов без перерыва вторые сутки, кстати — и все без малейшего толку. Пообещав оторвать Заявлину яйца, Лошинин отключился, достал из сейфа початую бутылку бренди и с горя хлопнул сразу грамм сто пятьдесят.

~# run cosole 1 @comment: crossroads

Равнина и впрямь была необъятной. Особенно остро это чувствовалось в кабине джипа. Бай жал на акселератор который час подряд, а окружающее менялось очень мало. Огромная плоскость, ничем не ограниченная, и они в самом центре — четыре крупинки, четыре джипа. Перегон — прямая укатанная трасса — уводил в бесконечность. Казалось, никуда он не приведет, так и будет тянуться до скончания дней, и сколько ни дави на педаль, ничего вокруг не изменится.

Бай ехал первым. Его «Гризли» накатывался на гладь перегона, скрипел протекторами и амортизаторами, поднимал жиденький шлейфик пыли. Шлейфик тут же сносило слабым боковым ветром, и едущим следом за «Гризли» Чену с Семой пыль совсем не досаждала. Впрочем, тогда бы Чен с Семой просто отстали от машины Бая, удерживали бы дистанцию побольше, и все. Третьим ехал Син; замыкала миниколонну рыже-черная «Эфа» Тигра. Бай периодически видел машины спутников в зеркальце и еще на угловом секторе экрана терминала, настроенном на бек-вижн. Спидометры показывали, что за день они проехали больше тысячи километров.

Бай все думал о странной организации их миссии. Какой-то сомнительный ступенчатый хинт, пополняющийся время от времени. Такое впечатление, что их водят за нос. Впрочем, за такие бабки смело можно пожертвовать носом на некоторое время.

Равнина стелилась навстречу. Как это, должно быть, утомительно — работать шофером-дальнобой-

щиком в этом необъятном мире! «Интересно, какой-нибудь городишко попадется или нет? — подумал Бай вяло. — Пора бы уже, сколько едем!»

Опустошенный, он вылез из-за руля спустя несколько часов, когда солнце вознамерилось спрятаться — по обыкновению, не за горизонт, потому что горизонта тут не было. Но куда-то оно все же умудрялось прятаться, иначе не наступала бы ночь, а она наступала здесь регулярно, было время убедиться. Поужинали консервами, но из-за усталости даже любимые шпроты казались не такими вкусными, как обычно. Палатки решили не ставить — спинки сидений в джипах откидывались, превращая салоны в просторные диваны. Правда, в двухместном «Гризли» все равно оставалось мало места, и Бай решил перебраться в соседи к Сину, тем более что в каждой командировке они делили гостиничные номера вот уже полтора десятка лет. Засыпая, Бай подумал, что надо бы добраться до терминала и погрузиться в сеть, но сил никаких на это не оставалось.

А зря. Он мог бы многое заметить сегодня.

Как ломился на терминалы всех четырех джипов поочередно опытный Энди Трушин, и как некто, кроющийся в черноте киберпейса, отсекал все входящие, заставляя Энди материться перед голокубом и сдергивать с висков мнемююсты, потому что начинали плавиться мозги и раскалываться башка. Как бестолковый робот Заявлина едва не прорвался на терминал Тигра, пока стесняющийся неровного почерка Фриппи воевал с Трушиным, и как из тьмы киберпейса вынырнул еще кто-то бесформенный и неосязаемый, завесил терминал Заявлина и обрезал все линии. Заявлин это тоже заметил не сразу. А когда все же сумел запустить свою станцию по новой, ему сказали, что весь CMOS покрыт инеем, и передали привет от Тири. И вслед за тем сожгли процессорные сборки заявлинского терминала — намертво, дотла, обратив кристаллы в жирный пепел.

Бай мог бы заметить все это. Но вряд ли сумел бы помешать странным обитателям киберспейса, способным творить невозможное.

Сон Бая в эту ночь получился беспокойным и полным странных видений. Их можно было увязать кое в чем с ночными событиями, но, чтоб увязать, нужно было знать об этих событиях. Бай, увы, не знал ничего.

Проснулся он злым, неотдохнувшим, с гудящей головой, вскоре после рассвета. Солнце косо разбрасывало лучи по необъятной равнине. За окнами джипа стонал ветер. Через перегон кувырком неслись пузатые шары перекасти-поля. Впервые в этом мире Бай увидел облака — далекие ватные громады, ползущие в небе южнее их стоянки. На севере и западе небо оставалось чистым.

Син радостно дрых, подложив под щеку пухлый кулачок. Круглые очки лежали над приборной доской, глядя прямо на джип Чена и Семы. А с юга, оттуда, где клубились облака, приближались похожие на невиданный в этом мире инверсионный след реактивных истребителей шлейфики пыли. Много. Несколько десятков. Пока еще маленьких и далеких и оттого кажущихся игрушечными.

Бай протер глаза, но шлейфики не исчезли. Он выругался и пихнул безмятежно спящего Сина:

— Вставай! К нам гости.

Син вздрогнул, смешно чмокнул губами и приподнял голову. Рука его автоматически потянулась к очкам, и, лишь водрузив их на нос, Син сумел придать глазам осмысленное выражение.

— Чего? Какие гости?

Бай указал большим пальцем на юг. Некоторое время Син тупо глядел на шлейфики. Потом вздохнул:

— Ты думаешь, это опасно?

— Я думаю, что нам в этом мире все опасно, — ответил Бай и потянулся к терминалу.

— Чен, Тигрис, полундра, к нам гости!

Новые слова искать было незачем, поэтому Бай довольствовался старыми. Чен отозвался почти сразу:

— Я вижу.

— Сколько их? — спросил Синицын.

— Сейчас посчитаю, — на миг умолк Чен. — Больше тридцати. Не видно пока всех.

— Да... — проворчал из бластера Тигр. — Я пошел заряжать винтовку...

— Практик, — оценил Бай. — Реалист.

Сема с биноклем вылез на крышу джипа и спустя минуту сообщил:

— Мотоциклисты. Рокеры, понимаешь. Целая банда...

Винтовки взяли все, даже Сема. Гости мчались к перегону, оставляя стоянку ТП-шников немного западнее.

— Может, проскочат? — с надеждой протянул Син, особо, впрочем, не надеясь. Не заметить четыре джипа посреди плоской, как поднос, равнины умудрился бы только крот.

За гнутыми рулями мотоциклов сидели отнюдь не кроты. Вся стая слаженно вильнула чуть влево и теперь неслась прямо на джипы. Несколько минут — и мотоциклисты окружили стоянку. Некоторое время они носились кругами, приглядываясь или пытаясь нагнать страху.

— Тридцать восемь, — посчитал практичный Чен. — По семь с лишним выстрелов на брата. А ружья двенадцатизарядные. Шансы есть, если не мазать.

Тигрис только хмыкнул и полез наружу. Бай чертыхнулся, передернул затвор и тоже приоткрыл дверцу. Моторы мотоциклов сухо трещали, разрывая первозданную тишину степи на части. Гости с юга выглядели вполне живописно: кожанки, металлические бляшки, шипы, темные очки и длинные космы. Шлемы были только у трех, остальные, видимо, не боялись расшибить себе голову на перегоне. Или в стороне от него. Мотоциклы тоже были разными —

«Сигейты», «Вестерн-Кавьяры», «Максторы», даже несколько «Микрополисов», некоторое время назад ставших редкостью. Впрочем, никто из ТП-шников и прежних хозяев тел особо не разбирался в местной технике.

Бай почувствовал себя на редкость скучно, потому что знал, знал в подробностях все, что сейчас должно произойти. Сначала главарь слезет с мотоцикла и начнет бродить у джипов, многозначительно поглядывая на окруженных, а значит — испуганных автомобилистов, потом начнет задавать дурацкие вопросы и выслушивать дурацкие ответы, а потом кто-нибудь не выдержит — и начнется пальба.

Главарь действительно вылез из седла, но бродить не стал; сложил покрытые цветными татуировками ручки на груди и вытаращился на джипы.

— Вау! — выдохнул наконец он с неожиданным воодушевлением. — Ну и тачки! Из сити?

— Нет, — с некоторым напряжением в голосе ответил Бай. Главарь с интересом обернулся к Баю. Видимо, сразу уловил напряжение и теперь пытался его истолковать.

— Хм! Тогда, значит, из зоны высадки?

— Нет, — уже спокойнее ответил Бай.

— А откуда?

— Из Москвы.

Главарь задумался. Наверное, в этом мире не было места под названием Москва.

— Не знаю, где это, — сказал главарь, снимая зеркальные очки.

— Твое счастье, — ответил Бай, изумившись собственной наглости. Но на собеседника это произвело впечатление. Или это, или вид готовых к стрельбе ружей в руках ТП-шников.

Главарь вздохнул:

— М-да... Ладно, привет. Если полисы Хартланда спросят, видели ли вы Жигу с товарищами, вы уж, будьте так добры, скажите, что видели. Ладно?

— Ладно, — охотно согласился Бай. — Скажем, что видели Жигу с товарищами.

Главарь мотоциклистов надел очки и одним прыжком вскочил в седло. Мотор завелся с первого рывка. Вся стая тронулась разом, точно косяк рыбешек, вырулила на перегон и помчалась на запад. Никто больше не сказал ни слова, никто не обернулся, словно и не было здесь пятерых путников и ярко раскрашенных джипов.

Чен проводил стаю глазами.

— Да, — сказал он с неприкрытым облегчением, когда рокот моторов затих вдаль. — Я думал, будет хуже.

— Хуже, — проворчал Тигр. — У них оружия не было. Куда ж на стволы с голой пяткой? Ты бы кинулся?

— Нет, — честно ответил Чен. — Я бы и с не голой не кинулся. На кой мне эти ребята?

Синицын бросил ружье на сиденье и нервно хлопнул дверцей.

— Елы-палы! — сказал он и вытер лицо (не снимая очков) пестрым платком. — Что они от нас хотели?

— По-моему, — проворчал Тигр, — им просто понравились джипы.

Глядеть без улыбки на самодовольную лоснящуюся физиономию Тигра даже сейчас было невозможно. Казалось, в этом черном теле сконцентрировалось все жизнелюбие и оптимизм, ранее разделенные на пятерых. Более-менее живой вид сохранял, кроме Тигра, только Чен, но здешний Чен оказался таким же невозмутимым, как и московский, поэтому его оптимизм наружу не прорывался.

— Поехали, что ли? — поежился Бай. Ему даже есть совершенно расхотелось.

— Давай лучше подождем, пока эти уроды съедут подальше, — предложил Синицын. — Неровен час, догоним. Вдруг второй раз они не будут такими смиренными?

Чен усмехнулся и пошел подключать печку.

— Термос тащи, — скомандовал он на ходу Семе, и тот покорно полез в багажник. Даже не сказав, что ему трудно.

А Бай, сжимая в руках ребристое цевье ружья, смотрел на гонимые ветром шары перекасти-поля и мучительно думал — кто бы из них выстрелил первым, если бы пришлось стрелять? Кто?

И не находил ответа.

```
~# run console 3 @comment: change drive  
@comment: rest mode
```

Троя выступила из дымки утром, но долго еще продолжала маячить далеко впереди, еле-еле приближаясь. Отдельные дома Аурел стал различать только к полудню, а вплотную приблизились к ним еще через час.

Девушка потрясла его за плечо, предлагая остановиться. Памятуя о ее нежелании пользоваться ин-терсвязью, Аурел сразу же затормозил и поднял пластиковое забрало шлема.

— Я сяду за руль, — сказала она решительно. — Чем объяснять тебе, куда ехать...

Аурел вообще-то бывал раньше в Трое. С некоторым сомнением он уступил место впереди. Спутница уверенно выжала сцепление и включила скорость. «Барракуда» послушно устремилась вперед, разве только не мурлыча от удовольствия. Аурел опустил ладони на плечи, покрытые серебристой курткой, и понял, что глупо улыбается. И тому, что прикоснулся к ней, и тому, что Мечта, оказывается, тоже любит мотоциклы. Потому что так уверенно и самозабвенно гнать двухколесного друга может только тот, чье сердце умеет биться в такт с мотором.

Теперь он сидел позади, возвышаясь над девушкой, и глядел поверх ее шлема. «Барракуда» на скорости миновала северный шлюз и выбралась на асфальт. Троя встречала бродяг.

Очень быстро Аузел понял, что не зря девушка отобрала у него руль. Свернув с входной трассы, они долго петляли в лабиринте кривых коротких улочек, то и дело сигая через бордюры и протискиваясь сквозь живые изгороди. Спутница ловко, как кроссер высшей лиги, огибала препятствия, при этом не насилуя двигатель и обода. Аузел понял, что от состояния «влюбился по уши» его отделяет в лучшем случае несколько дней.

Их целью был длинный, как барак, дом, полузаправка-полутехстанция. Перед чисто выметенной площадкой пестрели клумбы с цветами; к заправке вели обнесенные низкими киддами дасфальтированные дорожки, а со стороны пристройки виднелся большой, размалеванный гигантскими бутербродами и пивными бутылками щит, зазывающий в бар-закусочную. Скользящие ворота нескольких гаражей были открыты, внутри возились механики с карами и мотоциклами; пахло топливом и смазкой.

«Барракуда» замерла у дверей бара. Не успела спутница Аузела снять шлем, рядом возник мрачного и необъятного вида толстяк-бородач в кожаном фартуке. Аузел напрягся, лихорадочно соображая — как можно достойно ответить такой первобытной гряде мускулов, но прежде чем он нашел подходящий ответ, девушка радостно повисла у толстяка на шее.

— Привет, Грай!

— Привет,

Аузел не услышал имя, потому что в самый неподходящий момент безысходно взвыл неотрегулированный двигатель одного из каров в мастерских и голос толстяка Грая утонул в надрывном стоне виг-передачи.

— Это Грай, мой брат, — спохватившись, представила спутница толстяка. — А это мой приятель Ури.

Аузел вежливо кивнул, с трудом сдерживаясь, чтоб не отвесить челюсть. Она знала не только его имя, но и давно забытое детское прозвище!

Следующие несколько секунд ему было не до удивлений — Грай пожал протянутую руку. Аурелу показалось, что ладонь его угодила под гидравлический пресс. Он напряг все силы, пытаясь противостоять могучей хватке толстяка, но с тем же успехом он мог бы попытаться взлететь.

— Нам нужно сменить тачку. Собственно, нужна вторая, но от этой все равно пора избавиться, — сказала девушка, обращаясь к своему необъятному братцу.

Несмотря на временно отказавшую кисть, Аурел живо заинтересовался. Менять любимую «Барракуду»? Вот еще!

Грай понимающе кивнул. Похоже, он был нелюбопытен и обожал сестру.

— Ладно. Идите в бар, Тамара там. Я посмотрю, что у нас есть сейчас.

— «Квантумы» есть? — спросила девушка буднично, и Аурел вторично приготовился к борьбе с отвисающей челюстью. «Квантумы»? Мотоциклы ручной, на заказ, сборки? Да их в сити всего несколько десятков! А в этой забытой бекбоном глуши?

Грай, однако, ничуть не смутился.

— «Мэверик» у меня точно есть, кажется, можно организовать к нему «Трейлблейзер»...

— Брат, — проникновенно сказала девушка и напористо взглянула в лицо толстяку сквозь очки-звездочки, — нам нужны «Файрболлы».

Аурел перестал дышать. «Квантум Файрболл»? Предмет вздыханий последних двух лет! Он мог бы купить этот мотоцикл — если бы их продавали. Его «Барракуда» тоже была дорогой и недоступной большинству людей машиной, но «Квантум» есть «Квантум»...

Насупившись, Грай вздохнул, как показалось Аурелу — покорно.

— Ладно, к вечеру будут. Два, я правильно понял?

Девушка сдержанно чмокнула брата в бороду.

— Два. С полной зарядкой и баками. И с полными бардачками — ты знаешь, что может понадобиться на перегоне.

— Ладно.

— Пойдем, — спутница потянула Аурела за рукав. Снова взвыла неотрегулированная виг-передача в мастерской.

Аурел зашагал по дорожке ко входу в бар, то и дело озираясь. Грай присел у «Барракуды», разглядывая все, что можно разглядеть снаружи.

У самой двери Аурел услышал его густой бас:

— Эй, приятель!

Аурел обернулся. Толстяк, поднимаясь на ноги, уважительно показал кулак с оттопыренным большим пальцем. Значит, двухколесный друг Аурела в порядке, и Грай, безусловно опытный механик, признал это. Аурел благодарно кивнул и вошел в затененный спейс бара. Спутницу он разглядел у самой стойки; она беседовала с миловидной женщиной, наверное — официанткой, обе выглядели оживленно и очень обрадованно.

Почему-то именно в этот момент Аурел подумал, что более непохожих брата и сестру, чем Грай и Мечта, до сих пор не встречал.

Он подошел. Мечта, не прекращая разговора, махнула рукой в сторону углового столика, и Аурел послушно побрел в угол. Уселся. Ему тут же принесли кебаб с жареной картошкой и целую кварту пива. Аурел не возражал.

Бар был почти пуст, только двое шоферюг в клетчатых рубашках молча поглощали горы салата за ближним к выходу столиком. Большой трейлер компании «Лопл Триджентик» одиноко торчал под солнцем посреди стоянки — не иначе, именно его шоферюги-любители салата и пилотировали. Девушка продолжала болтать с родственницей. Или кем там ей приходилась официантка Тамара? Вероятно, это

жена Грая, решил Аузел. Смелая женщина. Жить с таким мужичищем...

Расправившись с едой и пивом, Аузел заскучал. На него никто не обращал внимания; очень быстро взгляд набрел на ряд терминалов напротив стойки. Он уже было собрался подсесть к одному из них, но тут девушка-Мечта наконец вспомнила о его существовании.

— Пойдем, — сказала она, как обычно без подробностей. Аузел встал.

— Кому сказать спасибо? — поинтересовался он.

— Мне, — улыбнулась Тамара и открыла дверь по ту сторону стойки; длинный коридор уводил в глубь здания. Спутница уверенно проскользнула в дверь.

Потом была еще одна дверь, и они очутились в уютном холле, заставленном кадками с фикусами и стеллажами с моделями каров и мотоциклов. Аузел воодушевленно вертел головой. Вынув из кармана серебристой куртки ключ, девушка поколдовала над нехитрым магнитным замком.

— Заходи.

В небольшой комнате стояла застеленная клетчатыми пледами кровать, кресло да тумба-телевизор. Окно глядело на все тот же трейлер «Лопл Триджентик», только с другой точки.

— Душ там, — сказала девушка, показывая рукой на матово-белую дверь с туманным непрозрачным плексом почти в рост человека. — Дрыхни, смотри новости. До вечера меня не будет. Не вздумай шляться по дому или городу. Это я тебе по дружбе сообщаю, целее будешь. Понял?

Аузел насупился:

— Понял, ваше величество...

Досаду его можно было понять — диктаторские замашки девушки и отношение к мужчине как к ребенку понравились бы только какому-нибудь поэтуслюнтяю с нечесаной гривой, непризнанному гению грядущих столетий.

— Да не сердись ты, — сказала девушка неожиданно мягко и легонько ткнула Аурела в плечо. — Все прояснится. Сделай как я говорю. Пожалуйста!

Аурел сокрушенно вздохнул; недовольство и досада его на глазах испарялись.

— Можно подумать, у меня есть выбор...

Она еще раз по-свойски ткнула Аурела кулаком в плечо и, встав на цыпочки, быстро поцеловала в небритую щеку. Плекс-звездочка легонько царапнула кожу на скуле.

— Вот и здорово.

И выскользнула за дверь. Щелкнул, закрываясь, магнитный замок.

— Вот так вот, — растерянно пробормотал Аурел и коснулся щеки. — Первый всемирный съезд крыш объявляется открытым...

Он потрогал входную дверь — она легко открывалась изнутри. Значит, ему доверяют. Блин, не хватало еще, чтоб его запирали, как капризу или недоумка! Тогда бы точно плюнул на все и удрал. «Барракуду», небось, сумел бы отыскать в каком-нибудь из гаражей-мастерских. А там — ищи ветра на перегоне!

Точно сбежал бы? Вот просто оставил бы ее — и сбежал? — спросил Аурел себя. Поразмыслил. И вдруг понял, что не знает правильного ответа.

— Привет, — буркнул он отражению, подойдя к зеркалу на стене у кровати. Отражение глядело на него вопросительно, но вид сохраняло скорее довольный, чем наоборот. — Вот так они нас к себе и привязывают!

Он вздохнул, разделся, побросав одежду на кровать, и побрел в душ. Там нашлось все, от чистых полотенец и белья до бритвы. С полчаса Аурел довольно урчал под струями и смачно отфыркивался.

Чистый и свежий, как младенец, он повалился на кровать, блаженно застонав. Несколько ночевок

в спальнике заставили его снова полюбить удобные кровати. И он сам не заметил, как уснул.

Ощущение неясной тревоги нахлынуло на его затуманенный сном мозг. Что-то было неладно, Аурел чувствовал это, но не мог отделить реальность от грез. Кто-то искал его... Да, искал. В сети? В мерцающей пустоте киберпейса? Или в его тревожном сне? Кто-то настырный и бесцеремонный, от которого разило желанием схватить, скрутить, смять... Он был осторожен, продвигался по шажку, не подставлял себя, не спешил. Плохо, очень плохо, если он придет, Аурелу это повредит...

Легкий щелчок двери вырвал Аурела из вязкого болота сна. Из окна в комнату валились сумерки, значит, наступил вечер.

Он приподнялся на локтях: у самой двери на полу что-то чернело. Аурел протер сонные глаза.

— Ба! — узнал он. — Да это моя сумка!

Он потянулся к длинному наплечному ремню и, не слезая с кровати, подтащил сумку к себе. Скользкие от смазки военные банки кто-то уже вытащил вместе с пакетом, внутри остались только коробки с дисками, чехол с бордой да диал.

Тотчас он вспомнил неприятный сон, навевающий тревогу. Это наверняка неспроста: в сети, наверное, начата охота. Засекли его тогда в баре... Чертов Гонза, завел, не нужно было лезть!

Уж не напали ли на след? Аурел потянулся и вытащил борду из чехла. Диал доставать не стал, в комнате наверняка где-то был стандартный волоконный джек для подключения.

Поднявшись и надев джинсы и просторную синюю футболку с надписью «Press_anykey», Аурел нашарил на стене выключатель. Ослепительно белый, как молоко, свет вспыхнул, родившись в продолговатых колбах-трубках под потолком. Глаза отозвались привычной резью. Джек нашелся у зеркала, как раз удобно было подключиться и работать, ва-

ляясь. С сухим щелчком джек вошел в гнездо борды, и в тот же миг рывком распахнулась дверь. Вошла — нет, вбежала — девушка. Босиком. На ней была только длинная мужская рубашка, совсем как на шоферюгах «Лопл Триджентик». Даже очков не было.

— Не лезь! — крикнула она, увидев подключенную к волоконке борду. Аурел вопросительно уставился на нее.

Девушка отобрала борду и выдернула джек из гнезда. Шнур с тихим шуршанием втянулся в стену, оставив снаружи только сам джек, похожий на жало гигантского комара. Борда плюхнулась на смятый плед.

— Так и знала! — сказала она. — Тамара тебе сумку принесла, так и знала, что ты сразу же в сеть намылишься!

Аурел поймал себя на том, что с удовольствием пялится на ее голые ноги. Девушка перехватила его взгляд и, дотянувшись, легонько шлепнула по затылку.

— Все вы, мужики, одинаковые, — сказала она со вздохом. — Легкомысленные и бесстыжие.

Было видно, что ей приятно внимание спутника. И она этого не пытается скрыть.

— Почему легкомысленные? — спросил Аурел.

— Ты же в сеть норовил уйти...

— Мне там нравится. И взять меня не так просто, как тебе кажется. Если ты, конечно, пытаешься меня уберечь, а не что-нибудь еще.

Девушка серьезно кивнула:

— Я знаю, что взять тебя непросто. Не спеши, Ури, сегодня ночью многое решится. Прости, что я до сих пор молчу, я правда не могу пока говорить обо всем, что происходит. Не сердись, ладно?

Аурел вздохнул. Разве можно сердиться на Мечту?

— Ладно. Чего я еще не должен делать?

Она усмехнулась.

— Глупостей.

— Исчерпывающе, — проворчал Аурел. — Глобально, как доступ к университетским серверам.

Теперь девушка засмеялась, громко и заливисто.

— Я скоро приду, — сказала она немного погодя. — Сходим поужинаем.

Когда она уже почти вышла за дверь, Аурел окликнул:

— Эй!

Она обернулась, вопросительно подняв бровь.

— Ты мне нравишься, — серьезно сказал Аурел. — И еще... В общем, от твоих ног обалдеть можно. Выбрось свои джинсы, а?

Девушка не ответила. Просто захлопнула дверь, выслушав. Аурел вздохнул и нехотя сунул борду в чехол. А чехол — в сумку. Потом включил теле и привалился спиной к теплой стене. В голокубе азартной гурьбой носились за полосатым мячом футболисты.

«Мне бы их заботы», — подумал Аурел уныло.

О чем думали футболисты — осталось тайной. Этого не мог узнать даже он, хакер из хакеров.

```
~# root ~# kill stream 3/console 2 ~# end  
[Press Enter_]
```

```
~# run console 3 @comment: check mode
```

Рюкзак снова мок в бассейне. Второй час подряд. Плотик с выпивкой и салатом медленно дрейфовал рядом с ним.

Жмур, откинувшись в кресле, уныло глядел в недоступное небо.

Охота складывалась совсем не так, как он думал раньше. Вообще, дурацкая получалась охота, что и говорить. То ли дичь не по зубам, то ли новые времена действительно наступают. Молодежь в сетях

творила что-то малопонятное, Жмур впервые задумался над смыслом высказывания о старом псе и новых шутках. Лет пять-семь назад охота свелась бы к выслеживанию файл-вора, взлому его защитных мембран, проникновению в активную часть системы и последующему разрушению оной. Просто до зубовного скрежета. Нынешний случай ставил Жмура в тупик: похоже, у Фриппи вообще не было системы. Не было закрытого дискового пространства, не было виртуальных процессорных полей или хотя бы сборок, не было даже ноды в обычном смысле. Только борда и мозг — остальным стала гигантская сеть, необъятный киберспейс, место жизни голлой информации. В таких условиях найти лоцининский файл можно, только физически добравшись до Фриппи. Но тот благоразумно покинул город... И снова исчез из сети. А значит — просто исчез, стал невидимым и неосязаемым. Ребята Шамила могут рыскать по перегону хоть до посинения — зацепиться им не за что. Да и не ограничивается мир одним только перегонем — сверни в сторону, и тогда можешь быть на все сто уверенным, что тебя не поймают.

Жмур только одно знал твердо: Фриппи еще объявится. Потому что не сможет без сети, не сможет долго выдерживать этот скучный, плоский, невыразительный мир... так непохожий на киберспейс, где возможности любого практически безграничны. Ну разве что зависят от умения и опыта.

И снова приходится ждать, оцепенев на манер пауков в белесых самодельных тенетах.

Злыдень с утра завалился спать, после бесплодных блужданий по глухим закоулкам сетей. Жмур чувствовал непреодолимое желание последовать его примеру. Пойти и растечься по кровати. Даже не залезая под одеяло, благо стало совсем тепло. А Рюкзак пусть отращивает жабры, если ему так хочется.

Допив початую банку «Журчащей правды», Жмур побрел в свою комнату.

Рюкзак некоторое время оставался в воде; через полчаса он не спеша забрался на бортик, постоял на краю бассейна, потом насухо вытерся мохнатым полотенцем со старинным овалом «Intel inside» и тоже пошел в дом. Убедился, что Злыдень и Жмур действительно спят, и только после этого сел за терминал.

Руки застыли, еле касаясь клавиатуры, к вискам прикипели холодные таблетки мнемюстов. Пальцы скучным росчерком набрали команду.

[Login]

[Welcome to net!] — поздоровалась сеть. И вслед за тем Рюкзак, пробив красочный окно-плакат с приветствием, ухнул в льдистый сумрак киберпейса. Тысячи осколков брызнули от точки входа, обращаясь в слепящие искристые капли, фейерверк в его честь. Басовито пела бекбонная струя — траффик сегодня случился совершенно необъятный.

Рюкзак, обтекаемый, как стриж в полете, и такой же черный, лег на курс. Он решил обогнать роутинг и поэтому сразу стал искать флэш-линк с городком, зовущимся Троя. Флэш-линк должен начинаться прямо здесь, в сити, потому что Троя лежит в стороне от перегона, несколько южнее. И бекбон ее минует.

Найти линк было несложно. Для Рюзкака, по крайней мере. И линк был найден.

~# skip a period

Жмур проснулся под вечер. В окно заглядывала похожая на начищенный медный таз луна. Солнце садилось, но Жмур этого не видел, потому что окно выходило на юг.

Рюзкака в бассейне не было. Неужели вода ему надоела? Жмур привык, что идеалом приятеля было пребывание меж двух жидкостей. Когда первая — пиво — внутри организма, а вторая — вода — снаружи.

Из спальни Злыдня доносилось недвусмысленное сопение — Злыдень еще не просыпался. Жмур почему-то вспомнил, что на прошлогоднем комтеке, когда Злыдень выбрался в сити, народ надулся пива (и не только пива) и Злыдень на пару с Энди, обнявшись и громыхая бокалами по столу, раз десять подряд проорали фольклорную физтеховскую песню, из которой Жмур запомнил только одну строку припева: «Ведь от сна еще никто не умирал!» Наверное, это наследственное, потому что Жмур не хуже помнил процедуру побудки Эндиных отпрысков перед отправкой в школу...

Вода в бассейне напоминала поверхность стейтор-массива: ни единой морщинки, идеальная плоскость. Бортики были совершенно сухими, значит, Рюкзак покинул бассейн уже давно.

«Небось, в берлоге», — понял Жмур. Последние дни Рюкзак что-то затеял, шарился в каких-то логах, отслеживал какие-то входящие... Но молчал, видно, хотел сначала добиться хоть какого-то результата.

Рюкзак действительно был в берлоге — сидел перед терминалом, уронив голову на борду. В голокубе мерцала неразличимая с порога строка.

«Сморило беднягу, — подумал Жмур. — Видно, опять ничего не нашел».

Он тихо подошел к приятелю и наконец сумел прочитать надпись в спейсе голокуба. Всего одно слово.

[УМРИ]

Жмур вздрогнул и глянул на Рюкзак — на затылке у того топорщились непокорные вихры, таблетка мнемоюста отлепилась от виска и болталась на тоненьком проводке. Тогда Жмур зашел с другой стороны, чтоб увидеть лицо.

Секундой позже у Жмура сдавило горло, а по спине тут же прогулялся арктический холод.

Глаза Рюкзак были открыты и бессмысленно пусты. Из носа и изо рта тянулись темные дорожки

запекшейся крови, а клавиатура кровью была просто залита — густой, почерневшей.

Рюкзак был мертв больше двух часов. В мире стало хакером меньше.

```
~# run console 5 @comment:  
troubleshooting
```

— Так, — сказал Лощинин жестко. — Хватит. Кажется, я недооценил противника. Надо браться за это дело всерьез, с полной выкладкой.

Злыдень хмуро взглянул на Энди:

— Ты что-нибудь раскопал?

— Кое-что. Например, я понял, почему молчат ребята Камилла, забарьерники.

Лощинин заинтересовался:

— И почему же?

— Им подпатчили хинт-файлы. Точнее, просто исправили. С точностью до наоборот.

— То есть? — переспросил Лощинин недоверчиво.

— Им подсунули хинт, в котором говорится, что они должны встретиться с клиентом и помогать ему. Защищать, понимаешь? Они играют теперь на другой стороне.

Лощинин зажмурился.

— Но... как?!

Энди оставался спокойным.

— Приблизительно так же, как стянули твой драгоценный файл. Перехватили управление их автомобильными терминалами. Петля, контроль всех входящих и исходящих. Примитивно и поэтому действительно. Смешно, но поделаться с этим ничего нельзя. Только встретиться и поговорить без посредства сети.

— Что значит — нельзя? — Лощинин все не мог поверить. — Ты хочешь сказать, что за свои деньги я получаю не помощь, а помеху?

Энди с сожалением развел руками:

— Мы имеем дело с дьявольски умными людьми, Володька. У нас на физтехе таких было раз, два — и обчелся.

Лощинин прижал ладони к лицу.

— Ладно, — вскоре сказал он хмуро. — С этим попозже. Что с Рюкзаком?

Злыдень виновато опустил глаза.

— Ему просто выжгли мозг. Дотла. Нейрон за нейроном, — сказал он. — Как ему, представляю, было больно, бедняге...

— Но куда-то же он лазил в сети?

— Я попробовал глянуть, — пожал плечами Злыдень. — Логи затерты. Знакомый подход — следов нет, зато трек дурацкий оставлен.

— Неровный почерк?

Энди отрицательно покачал головой:

— Нет, CMOS и иней.

— Тири?

— Да. Такое впечатление, что произошла замена игрока.

Лощинин грохнул кулаком по столу.

— Я начинаю злиться, — сказал он неожиданно спокойно. — Энди, ты должен найти этого Тири. Кто он, черт возьми? Душу вытряси из завсегдааев того бара, но узнай!

— Я уже узнал, — сказал Энди невозмутимо. — Тири — это девчонка. Бывшая подружка Гонзы.

Лощинин тяжело вздохнул. Так вот оно что! Вот как его раскололи в «Потерянном кластере»! С первой же фразы: «Я ищу парня по имени Тири...»

— И еще: я узнал, что с человеком, которого мы ищем, с Фриппи то есть, она впервые столкнулась именно в тот вечер, когда ребята Шамила устроили в баре пальбу. К истории с исчезновением твоего файла она не имеет никакого отношения — я проверил, это так. До визита Фриппи в бар никто, вплоть до Гонзы, не подозревал, на что она способна в сети.

— И на что же она способна? — спросил Лощинин не подумав.

Энди опустил взгляд. Конечно, он имел в виду страшную смерть Рюкзака.

— Ладно, я понял, — спохватился Лощинин. — Что еще расскажешь?

Вмешался Злыдень:

— Я узнал настоящее имя нашего неуловимого друга Фриппи. И ноду его узнал.

Лощинин нетерпеливо подался к голокубу, краем глаза заметив, что брови Энди медленно поползли вверх.

— Его зовут Аурел Чогоряну, полагаю — южанин, может, даже горец, из Кишшей или из Тира. Плавающая нода, Слайдер.88.слайдер. Неудивительно, что с сетью он на «ты».

В голосе Злыдня сквозило удовлетворение от хорошо проделанной работы.

Лощинин перевел взгляд на сектор Энди.

— Ты, кажется, удивлен? — заметил он, глядя толстяку в глаза.

Энди тихо и отдельно переспросил:

— Погоди. Вы что, не знали ни имени, ни адреса того, на кого охотились?

Злыдень почувствовал легкое замешательство. Энди удивлен — а Энди всегда было нелегко удивить.

— Нет, — с легкой растерянностью ответил Лощинин. — Откуда мы могли его знать? У нас был только дурацкий трек на моем сервере. Но ведь он назвался в «Потерянном кластере», не так ли?

— Не знаю, — честно ответил Энди. — Я выяснил его имя не там.

— Где же? — наклонил голову Лощинин. Он подобрался, как хищник перед броском, чувствуя, что сейчас откроется нечто очень важное, нечто способное в корне изменить ход событий.

— Володя, — сказал Энди. — Настоящее имя и нода вашего Фриппи лежали в хинт-файле на терми-

налах джипов, которые Камилл приготовил для пятерки забарьерников. Их положил туда именно Камилл. Еще до того, как Фриппи влез к ним в систему и изменил хинт.

Потрясенный Лощинин откинулся на спинку кресла. Тишина звенела, как струна на ветру.

— Так что же это получается... — протянул Лощинин напряженно. — Получается, Камилл знал имя вора и не сказал мне?

Вновь зазвенела тишина, только Килограмм, сидевший за спиной Лощинина, отчетливо хрустнул пальцами.

Жмур поерзал в гостевом кресле злыдневской берлоги. Ему враз стало очень неуютно.

Лощинин встал, с грохотом отодвинув кресло.

— Килограмм!

Телохранитель преданно вскочил.

— Едем к Камиллу.

~# run console 2 @comment: w/o

«Ох и не повезет кому-то сегодня», — подумал Злыдень, отключаясь от сессии. Но он ошибался: еще никто не знал, что Лощинин с Килограммом Камилла сегодня не найдут. Медленно обернувшись, Злыдень взглянул на Жмура.

— Как же мы Рюкзак-то не уберегли... — сказал он сокрушенно. Жмур опустил голову.

— Ты хоть знаешь, что именно он затевал? — спросил Злыдень угрюмо.

— Нет. Он всегда предпочитал сначала сделать работу, а потом уж рассказывать о ней.

Злыдень вспомнил, как быстро и эффектно Рюкзак сработал с дежурными восточного шлюза в сити. Где же он, к несчастью своему, напортачил и напоролся на убийцу?

Негромкая трель вызова приковала их внимание. Оказалось, нагрянул Энди. Причем директом, по парольному линку.

— Что еще стряслось? — с нехорошим предчувствием спросил Злыдень. Он знал, что неудачи обычно идут косяками, одна за другой.

— Пока ничего, — успокоил Энди. — Просто предупредить вас хотел.

— О чем?

— Чтоб не увлекались. А то живо вас, как беднягу Рюкзак... Ладно. Короче, меня тоже пытались сжечь, но я успел вовремя сдернуть мнемююсты и еле успел перегрузить систему. Это война, Злыдень, бойня, это уже не хакерство. Я просто боюсь.

— Чего? — жестко спросил Злыдень.

— Не знаю, — ответил Энди горько. — В том-то и дело. Я не понимаю — что происходит? Ты когда-нибудь слышал, чтоб жгли через сеть нервную систему? Ты даже сейчас считаешь это возможным? При нашем уровне?

— Нет, — тихо ответил Злыдень. — И мне тоже страшно.

Энди запустил в бороду левую руку. Глаза его блуждали.

— Я все время спрашиваю себя — а что, если мы вздумали бороться с самой сетью? Люди не могут убивать так, как убили Рюкзак.

Злыдень сгорбился перед экраном «Поя», а Жмур затаил дыхание.

— Ты... Ты хочешь сказать, что мы столкнулись с разумом... но не человеческим? — без обиняков спросил Злыдень.

— Может, и так. Кто сказал, что это не разум? Но то, что это не такие же люди, как ты или я, можно сказать уже сейчас. Наверняка.

— Что ты предлагаешь? — попытался направить разговор в деловое русло практичный Злыдень.

Энди пожал плечами, по-прежнему терзая собственную бороду.

— Быть осторожнее. Не лезть в сети никуда очертя голову — и никогда в одиночку. Мне кажется,

группой бороться с... этим будет легче. По крайней мере такое ощущение сложилось у меня, когда я удирал с терминалов ребят-забарьерников.

— Сложилось? А почему?

Энди помолчал, потом нервно дернул головой.

— Кажется, я уцелел только из-за того, что на эти же терминалы ломился еще кто-то. Пока... это выбирало, я успел вывалиться.

— Рюкзак? — спросил Жмур напряженно.

— Нет. Это был не Рюкзак. Рюкзака сожгли откуда-то с юга. Во всяком случае, он пользовался флэш-линком с Троей, и трек Тири прослеживается почти до самой Трои.

— Веселенькое дельце, — мрачно подытожил Злыдень. — Ладно. Подождем, что скажет Лощинин.

— Подождем, — согласился Энди. — Тогда — пока...

«Поя» высветил финиш-окно. Коннект с Энди оборвался.

— Ну, — обернулся Злыдень к Жмуру. — Что скажешь?

— Я не знаю, люди это или не люди, — хрипло ответил Жмур, — но я хочу добраться до них и...

Он зло махнул рукой, с трудом глотая застрявший в горле ком.

— Слушай, Злыдень, давай напьемся, а? Вдрызг. У тебя водка есть?

Злыдень покачал головой:

— Дома нет. Махнем в бар, тут рядом.

— Да знаю я, — отмахнулся Жмур. — Пошли.

Водка действительно помогла — заглушила боль и сделала мир хоть немного мягче. Но Жмур помнил, что это ненадолго, и потому наливал и наливал по новой.

~# run console 1 @comment: w/o

Привыкнуть к перегону оказалось удивительно легко. Уже через две недели непрерывной гонки на запад Баю стало казаться, что он всю жизнь только

и делал, что мчался на джипе по необъятной равнине. Реальность спрессовалась в километры и стала незыблемой и неизменяемой. Бай почти не лазил в сеть: только вечерами, если оставалось время. Да и то Бай раз за разом лишь пытался связаться с Аурелом, но все эти дни чужой терминал не отвечал, словно был отключен от диала или волоконки. Бай чертыхался и пробовал снова и снова, потому что боялся, что они разминутся с Аурелом на перегоне. Что тому стоит съехать на десяток-другой километров в сторону? Ведь за ним гонятся, иначе не понадобилась бы охрана. Днем в степи дрожание нагретого воздуха не позволяет видеть дальше десяти километров, так что разминутся легче легкого. С другой стороны, Бай понимал нежелание Аурела лишней раз возникать в сети — что бы он ни натворил там, в городе на побережье, охотники на него найдутся и в киберпейсе. Любое пребывание в сети, любой след — и кольцо вокруг него начнет смыкаться. Спасение — только в полном молчании и в скорости, в безудержной гонке через равнину, когда поет встречный ветер и дрожат на руле одеревеневшие пальцы. Бай не знал, что за руль сжимают пальцы Аурела, но чувствовал, что этот мир признает только тех, кто умеет ладить со скоростью и с рукотворной мощностью автомобильных моторов. С железными сердцами машин. А значит, ему тоже поет протяжную песнь встречный ветер и стелется под колеса укатанная земля перегона. Вот только связаться с ним никак не удастся, и оттого к неосознанной радости свободного движения примешивается досадное беспокойство...

Бай рассмотрел вдали решетчатые чаши ретрансляторов и покрутил настройку радиоприемника. Ретрансляторы здесь были низкие, метра по два в высоту всего. На плоской равнине они нащупывали друг друга прямым лучом за сотни километров. Правда, музыки приличной поймать он так и не сумел за эти две недели, сплошное бум-бум да монотонно-ритмич-

ный рэп'н'ролл. Но все же веселее, чем в тишине... Точнее, под урчание моторов и шелест протекторов. Жаль, Камилл не догадался снабдить джип плеером и комплектом аудиодисков. Тигриные прихоти учли, а о музыке забыли напрочь, понимаешь. Врубить бы сейчас тягучие калугинские баллады или что-нибудь старенькое, испытанное, «Засаду-92» хотя бы...

Вздыхнув, Бай неуверенно пропел:

Я опять
до отказа нажал на педаль,
И пикто, и шичто
не стоит на моем пути.
И рванулась дорога навстречу,
и приблизилась дальняя даль,
И пикто теперь
не сумеет меня пайти.
Я — хозяин Дороги, я — хозяин Пути...

На пути действительно не стоял никто — перегон был пуст, как покинутый крысами трубопровод. Даль, правда, приближаться и не думала — горизонт отсутствовал напрочь, казалось, даль просто проглотила их джипы и теперь катает на шершавом языке равнины, как леденцы. Милю влево, милю вправо... И еще очень беспокоила строка о том, что кто-то кого-то не сумеет найти. Бай сплюнул в открытое окно, плевков тут же унесло встречным потоком воздуха. М-да... Ассоциации, чтоб их. Лучше уж Калугина петь. Хотя кто сказал, что и тогда не возникнет ассоциаций? Правильно, никто не говорил...

В этот вечер Бай снова не смог достучаться до Ауреловского терминала и подумал: нужно что-нибудь изобрести. Он даже не удивился, когда Чен и Син вечером подсели к нему. Тигр после ужина валялся у своего джипа кверху черным пузом и водил черной ладонью по изображению тигриной лапы на двери, а Сема сначала ныл, что давно не ел бананов,

а потом уселся за терминал и принялся названивать в сервис-службы городка, ближайшего на перегоне. Пора было пополнить кое-какие припасы, например, пива закупить. В городок рассчитывали въехать завтра к полудню.

От сити их отделяло около ста тысяч километров. От Аурела, видимо, меньше. Сколько он сумел проехать за две недели? По перегону ниже чем сто двадцать никто не ездит — гладкая и прямая трасса позволяла не стесняться. Даже заснувший за рулем рисковал всего лишь заехать черт знает куда, да и то, скорее всего, первая же кочка разбудила бы. За Аурелом гонятся, значит, медлить он не станет. Проводя за рулем десять — пятнадцать часов в сутки, вполне можно одолевать за день полторы тысячи километров, если не больше. Тяжело, конечно, однако, когда на карту поставлена жизнь, как-то проще соглашаешься на неудобства и легче переносишь тяготы. Итого за две недели — тысяч двадцать — двадцать пять. Но это по прямой, а если Аурел действительно покинул перегон? В любом случае встретить его ТП-шники смогут не раньше чем через месяц. А потом — рывок в миллион километров к зоне высадки... Это два года как минимум! Задание преподносило им все новые и новые сюрпризы. И кто знает — сколько их еще впереди? Камилл, Камилл, ты и твои люди не сказали всего там, в Москве, и только сейчас появилась возможность собственной шкурой ощутить необъятность этого мира, мира плоской равнины и многомерного киберпейса, мира без птиц и мира без государств, мира, который еще вчера невозможно было представить.

Лишь одно радовало Бая здесь — свобода. Если забыть о задании и об облачной Москве — он был здесь абсолютно свободен. Наверное, это чувство возникало от отсутствия горизонта и от безлюдья. И пока хочется снова плюхнуться в водительское кресло и вдавить до отказа педаль акселератора, чувство сво-

боды не покинет его. И, черт возьми, ради чего жить, если не ради этого чувства, распирающего грудь и вселяющего непонятную радость? Не ради денег же?

Чен взглянул Баю в глаза:

— Что будем делать-то?

Круглые линзы синицынских очков вопросительно поблескивали, ловя отблески включенных фар, в начинающихся сгущаться сумерках.

Бай вздохнул и развел руками:

— Думать надо...

— Вот и думай, — проворчал Синицын. — Ладно, Вова, расскажи...

Чен вздохнул и протянул:

— Есть одна идеяка... Ты со спящими резидентами когда-нибудь имел дело?

Бай пожал плечами:

— Вчера, например.

— В оригинале было про синхронные запалы, — проворчал Син, но Чен отмахнулся от него:

— Ладно тебе... — И повернулся снова к Баю: — Почему бы не завесить на бекбонных серверах такого резидента? Он сам найдет Аурела и сложит ему на холд наши послания.

— У Аурела нет холда, — напомнил Бай. — У него и станции-то нет. Борда да диал, наверное.

— Ну, не на холд... Но на терминал, скорее всего, такой резидент влезет.

Бай с сомнением покачал головой:

— Такой резидент еще написать нужно. Да и слишком он на вирус смахивать будет, скорее всего защита его не пустит в систему. Даже на терминал не пустит.

— Напиши такой, чтоб пустила.

— Легко сказать! — покачал головой Бай. — Хотя... Можно, конечно, взять какой-нибудь безобидный вирус, перелопатить его, лишить характерных признаков, по которым его отслеживают охранные сборки и церберы... Или легче новый написать?

— Не знаю, — ответил Чен. — Я пробовал, не получается. База не ложится, хоть тресни...

Бай сразу заинтересовался:

— Покажи-ка...

Чен потянулся к машинному терминалу и вытащил из-под щитка борду. Вспыхнул на миг и тут же погас голокуб. Глаза ТП-шников прикипели к ровным строчкам, ползущим в трех десятках сантиметров от их лиц.

— Ну-ка, ну-ка, — протянул Бай и, не отрывая взгляд от голокуба, отобрал у Чена борду.

Чен с Сином переглянулись с едва заметными улыбками. Бай этого, конечно же, не увидел. Он лихорадочно нашаривал на щитке мнемююсты, а нашарив — торопливо прилепил к вискам и ушел в сеть.

~# run console 3 @comment: help /on

Она сказала: «Я сейчас приду», — Аурел прекрасно помнил это. Однако футбол давно кончился, на Трою напозла теплая летняя ночь, захотелось есть и пива, а ее все не было. Сцепив зубы, Аурел неподвижно валялся на кровати и тупо глядел в телекуб. В телекубе скакали, размахивая кривыми мечами, некие мрачные личности в черных балахонах и рубили в капусту других личностей в балахонах красного цвета. По-видимому, торжествовало добро. Или правда торжествовала, Аурел не вникал. Он боролся с голодом и нетерпением.

Прошла вечность, и только тогда в коридоре слышались тихие шаги. Стук в дверь, дверь распахнулась. На пороге стоял парнишка в промасленном комбинезоне механика. Он вопросительно уставился на Аурела, потом обшарил взглядом комнату.

— А где Тири? — наконец спросил парнишка.

— Кто? — не понял Аурел.

Парнишка посмотрел на него как на психа:

— Тири, твоя подружка. Вы же вместе приехали...

«Вот, значит, как ее зовут... — с опозданием дошло до Аурела. — Скорее, это прозвище, а не имя».

— Не знаю. Она ушла.

— Куда?

Аурел развел руками. Так и хотелось сказать, как говорили дома: «Я доктор? Я знаю?» Но здесь этого могли и не понять. И Аурел промолчал.

Парнишка замялся.

— Видишь ли... Она сказала, что вам нужны два «Квантума». В общем, есть один «Файрболл» и один «Бигфут». «Сирокко» мы не нашли, а с единственным «Атласом» еще возни много, неотрегулирован совсем и виг-передача глючит, спасу нет. Устроят вас «Файрболл» и «Бигфут»?

Аурел онемел. Вот тебе и гараж в заштатном городишке! Насколько он знал, «Квантум Бигфут», равно как и «Сирокко», вообще еще не поступали в продажу. Даже разовых сборок завод «Квантум» не производил. Собрали несколько «Атласов» на пробу, но куда они впоследствии подевались, не знали даже самые отпетые мотоциклетные фанаты сити. Аурел, например, не знал. И вот, оказывается, пути последних моделей «Квантума» непостижимым образом пересекаются с хозяевами мастерских в городке Троя, который и стоит-то в стороне от перегона... Мистика. Колдовство. Или и в мире моторов есть свои хакеры?

Аурел молчал, парнишка-механик переминался на пороге с ноги на ногу.

— Так устроит или нет? — переспросил он с надеждой.

Аурел пожал плечами, пытаясь, чтоб это выглядело равнодушно:

— Меня — устроит. Тири — не знаю. Спроси у нее сам.

— Но где она?

— Откуда мне знать? — буркнул Аурел. — Сам жду.

— Ладно, — вздохнул механик. И добавил: — Я потом приду.

Он аккуратно затворил дверь и канул в тишь коридора, снова оставляя Аурела наедине с собственными мыслями.

Тири пришла еще через час. Выглядела она расстроенной.

— Пойдем, — сказала она.

— Приходил механик, — весело сообщил Аурел, втайне надеясь поднять ей настроение. — Сказал, есть один «Файрболл» и один «Бигфут». Я от...

— Знаю, — перебила его Тири. — Шевелись.

Они снова прошли через холл и оказались в баре. Бар был еще открыт, народу, как и днем, было совсем мало. Двое ребят в коже и с ними крашенная в металл девчонка. Все трое усиленно дымили сигаретами и налегали на пиво. Тири провела Аурела в закрытую кабинку, обнаружившуюся напротив стойки. Изнутри кабинка была обита толстым слоем звукоизолирующего пластика. Не то специально для частных бесед, не то затем, чтоб привередливым гостям не мешал рокот включенных двигателей. А может, и для того, и для другого. Аурелу принесли ужин, мясные шарики и помидорный салат. Не забыли и о пиве. Тири ограничилась стаканом апельсинового сока.

Аурел молча насыщался, девушка глядела в пустоту, не замечая никого и ничего. В молчании прошло минут двадцать. Аурел мрачно потягивал пиво и размышлял, долго ли из него будут делать дурака. Всему есть предел, в конце концов. До сих пор копившееся раздражение растворялось в желании быть с ней. Увидеть ее улыбку или просто взять за руку и помолчать. Но всякая чаша рано или поздно наполняется до краев. Тем более, что взять за руку и помолчать так и не сложилось.

— Значит, так, свет очей моих, — когда Аурел хотел, он умел быть ядовитым. — Не знаю, нравятся ли тебе придурки; полагаю — нет. Мне, во всяком

случае, не нравятся. Особенно когда придурком приходится быть мне же. Там, у бара в сити, ты мне помогла. Спасибо. Но вот дальше стало твориться что-то странное. Я не собирался ехать сюда, у меня свой путь, и он меня ждет. Скажу честно: ты мне нравишься, и я был бы не против проделать этот путь вместе с тобой. Но — на равных. А не так, как сейчас, — сижу весь день дурак дураком и не знаю, что вокруг происходит. А из тебя слова не вытянешь...

Девушка вдруг подняла на него взгляд, и Аурел под звездочками очков рассмотрел у нее на щеках слезы. Слова застряли у него в горле.

— Ури, — тихо сказала она. — Не уходи, пожалуйста. Ты мне нужен, Ури.

Голос ее был полон отчаяния и тоски. Аурел с трудом удержался, чтобы не вздрогнуть.

— Нужен? — переспросил он. — Зачем?

И тут же пожалел о вопросе — конечно же, дурачком и неуместном. Впрочем, Тири не ответила.

— Ты можешь рассказать хоть что-нибудь? Вдруг я сумею помочь?

Она покачала головой:

— Вряд ли.

— Правда! — настаивал Аурел. — Я знаю, что источник моих неприятностей — в сети. Так вот, я не новичок, Тири. И способен с этим справиться сам. Я — хакер. Плавающая нода, между прочим. Знаешь, что это?

— Знаю, — ответила она безразлично. — Я о тебе многое знаю.

— А я о тебе — ничего, — ухватился за эту ниточку Аурел. — Не от этого ли наши разногласия?

Она пожала плечами:

— Не знаю. Может быть.

— Кто ты?

Звездочки снова оторвались от столешницы и замерли напротив его лица.

— Кто? Такая же, как ты.

Аурел тупо хлопал глазами. Как он?

— Не понимаешь? Как тебе объяснить — кто я, если ты даже не знаешь, кто ты сам?

— А... кто я? — Аурел растерялся. Такого поворота он никак не ожидал.

Тири молчала целую минуту.

— Сюда чуть не прорвался один из псов Лощина. Мне пришлось его сжечь.

Аурела словно молотом ударили. Черт возьми, она действительно много о нем знает! Но откуда, откуда? Сервер Лощина Аурел потрошил в одиночку. Об этом известно только заказчику, которому Аурел передал шарп-диск со слитым файлом. Хвосты он отсек, и если бы не проклятый трек-файл, остающийся в местах лома, поймать его не смог бы никто. Потому что невозможно поймать призрак, он ускользнет сквозь пальцы.

— Я убила его, понимаешь? — сказала Тири. — И мне сейчас очень гадко.

И тут Аурелу стало сильно не по себе. Потому что он понял — эта девчонка убила ради него. Ради Слайдер-восемьдесят восьмого, укравшего файл у фирмы Владимира Лощина, даже не зная, что это за файл. Ради Аурела Чогоряну, который еще сам не подозревает — что он такое. И если ради этого она пошла на убийство — можно быть уверенным: неприятности только начинаются, и никто заранее не сможет предсказать, какое на этот раз у правды окажется лицо.

— Знаешь, — неуверенно предложил Аурел, — у меня есть идея: поговорим утром. Ладно?

Тири кивнула:

— Только обещай: в сеть ты не сунешься. Обещаешь?

Аурел посмотрел прямо в линзы-звездочки:

— Обещаю.

— Тогда пошли.

В комнате Тири, не зажигая света, разделась и юркнула под плед. Аурел помедлил, размышляя —

не запереть ли дверь? Потом вспомнил, что не знает, как это сделать. Вздохнув, сбросил футболку и джинсы.

Тири сразу прижалась к нему. У нее была нежная кожа и сильные руки. Аурел почувствовал себя глупым, но донельзя жизнерадостным щенком — если бы у него был хвост, непременно бы завилял. Он коснулся губами ее щеки, совершенно не к месту задумавшись — хоть сейчас-то сняла Тири свои любимые очки?

А потом он понял, что Тири спит, припав щекой к его плечу. Она забылась сразу же, едва дошла до кровати. Наверное, это трудно — убить человека. Даже не видя его вживе.

Радостный щенок Аурел подумал, что у него вот-вот отрастут ослиные уши. Девчонка-Мечта лежит рядом, доверчиво обнимая его. А он не смеет ее разбудить. И точно знает, что не разбудит ни за что на свете.

За окном урчали грузовики.

```
~# run console 5 @comment: rescan all
streams/console 5
```

Шамил отозвался сразу же, едва Лощинин вызвал головной «креативовский» терминал.

— Да, мастер...

— Где вы находитесь? — спросил Лощинин, вызывая в угловой сектор голокуба панорамную карту западной части перегона.

— Позавчера проехали Хатангу. Приближаемся к Добричам.

— Сворачивайте на юг. К Трое.

— Клиент там?

— Похоже, да. Клиентов теперь два: прежний и девчонка по имени Тири, я залил подробный хинт тебе на терминал, потом глянешь. И ребятам своим дай глянуть, чтоб знали...

— Понял, мастер...

Три «креатива» свернули с накатанной четырехполосицы перегона и, поднимая легкую пыль, понеслись на юг.

В Трою они въехали к полудню следующего дня. Шамил подробно прочел хинт и знал, что нужно искать мотоцикл «Сигейт Барракуда» за номером С88—83476. Где-то поблизости должны были найтись и беглецы.

По непонятной причине клиент прекратил резвое отступление на восток и застрял в Трое — вторые сутки он не трогался с места. По крайней мере, так говорит Лощинин, а для Шамила и его подручных главное не то, как дела обстоят на самом деле, а то, что говорит Лощинин.

Сразу за северным шлюзом Трои серыми черепахами приникли к земле заправка, мастерские, гаражи — мини-городок, рай для всех, кто на колесах. Для тех, кому Троя — лишь пятнышко на карте, абстрактный таун с игрушечным населением. Путники никого из местных не увидят — разве только механика в мастерских, паренька-заправщика у раструба виг-насоса да барменшу в единственной забегаловке под плакатом с исполинскими бутербродами. Весь мир для бродяг сужался до подобных автогородков, замкнутых, как аквариумы, и одинаковых, словно пылинки на перегоне.

Застывшее в зените солнце отражалось от полированных плоскостей большого трейлера «Лопл Трид-жентик». Шамил поправил темные очки. «Креативы» слаженно ворвались на дасфальтированный прямоугольник стоянки и так же слаженно затормозили. Без рекламного визга покрышек — тихо и деловито.

— Тони, Рим, Баграт — со мной, — сказал Шамил в переговорник и толкнул дверцу. Та с шелестом уползла на крышу.

У откинутых в стороны ворот ближайшего гаража-мастерской возился у мотоцикла паренек в грязном синем комбинезоне. Шамил присмотрелся — мо-

тоцикл был с восточными номерами, «Фуджицу Бизон». Из новых разработок. Шамил, бесшумно ступая, направился к зияющему рту гаража.

Паренек поднял голову от виг-передачи, только когда тень Шамила упала на него. Вопросительно уставился в темные очки.

— Мне нужен мотоцикл, — сказал Шамил без выражения. — «Сигейт Барракуда». Нет на продажу?

Паренек подозрительно стрельнул глазами — ни Шамил, ни ребята, остановившиеся несколько в стороне, не внушали ему радости. Отрицательно помотал головой.

— Жаль, — вздохнул Шамил. — А что есть?

— «Сигейт Декатлон» хотите? Новые, нигде еще нет. И недорого, в принципе...

Шамил качнул подбородком, и ребята неторопливо разбрелись в стороны, вдоль ряда полуоткрытых ворот, заглядывая в темные пещеры гаражей, где возились механики и звучало железо. Сам Шамил заглянул в гараж, около которого возился паренек. Если не считать развешанного по стенам инструмента, какого-то хлама в яме, чернеющей посреди чисто выметенного пола, и виг-стенда у самого входа, гараж был пуст.

Шамил поцокал языком.

— Можно взглянуть?

— На «Декатлон»? Можно...

И громко крикнул куда-то в сторону заправки:

— Грай! Маза!

Сквозь темные линзы очков Шамилу показалось, что к ним направилась бочка с горючим. Взглянув поверх линз, он убедился, что к ним приближался все-таки человек, больше похожий, правда, на гору. На нем были кожаный фартук и макси-джинсы, а перепачканные смазкой кроссовки больше напоминали сортовые дыни из-под Ашхаба.

— Ну? — вопросительно пробасил толстяк, оценивающе смерив взглядом Шамила.

— «Декатлон» посмотреть хотят, — с готовностью сообщил парнишка.

— Не продается, — отрезал толстяк. Судя по тону сказанного, попытку уговорить можно было сразу считать провалившейся.

— Вообще-то мне нужна «Барракуда». Не обязательно даже новая...

Шамил говорил сдержанно, как и подобает солидному человеку.

— Нету, — тон толстяка не изменился ни на йоту.

В этот же миг Баграт, показавшийся из соседнего гаража, выразительно ткнул большим пальцем куда-то внутрь. Значит, там есть на что взглянуть — в этом Шамил не сомневался, потому что своим людям доверял.

И он, отодвинув парнишку с дороги, пошел к Баграту. Толстяк даже не пошевелился, но лицо его приобрело угрюмо-решительное выражение.

Тяжесть кобуры под курткой успокаивала. Шамил был опытным парнем, но с таким мордоворотом, как Грай, даже ему справиться было бы трудно. Хотя и не невозможно.

Одного взгляда на то, что обнаружил Баграт, хватило, чтобы понять: они попали в яблочко. Полуприкрытая на удивление чистым чехлом, у пирамиды старых покрышек стояла ухоженная «Барракуда». Номер целиком был не виден, только последние четыре цифры — 3476.

После этого сомнения могли остаться только у очень мнительного человека. Шамил таковым, к счастью, не был. Он обернулся и одобрительно кивнул Баграту.

В тот же миг стало темно: створки гаражных ворот быстро и на удивление тихо сомкнулись, заперев Шамила и Баграта. Снаружи донеслись сдавленные ругательства Рима, но они быстро смолкли. Одинок заурчал двигатель грузовика, наверное трейлера на стоянке.

— Черт! — сквозь зубы уронил Шамил, доставая пистолет. Багра́т чиркнул пьезиком зажигалки; колеблющийся огонек осветил гараж-ловушку. Шамил почувствовал себя пауком, которого накрыли стеклянным стаканом. Только паук думает, что свободен, на самом деле находясь в плену, — Шамил же чувствовал себя свободным, несмотря на то что створки ворот казались незыблемыми, сросшимися.

Багра́т осмотрел дальнюю стену — хода внутрь барака из этого бокса не было.

— У меня есть пластикат, — сказал Багра́т. — Полуторка.

— Много, — покачал головой Шамил и в сердцах швырнул на пол ни в чем не повинные очки. — Ворота-то снесет, да нас волной в клочья изрежет.

Он сделал два быстрых шага и рывком сдернул чехол с мотоцикла. Наверное, клиент, насаливший хозяину, был заботливым по отношению к своей «Барракуде» — двигатель запустился с первого же рывка. Выкрутив рукоятку газа до упора, Шамил включил скорость и отпустил сцепление. Мотоцикл вздернулся на дыбы и прыгнул на правую створку ворот. Удар толчком отдался в позвоночнике, голова запрокинулась назад, да так резко, что хрустнули шейные позвонки. Створка как стояла, так и продолжала стоять: она открывалась не наружу, а вбок, скользила вдоль стены, и поэтому могла выдержать еще и не такой удар. Шамила швырнуло сначала на створку, потом на упавший мотоцикл.

— Ни хрена себе, — присвистнул Багра́т. — Эй, ты жив, босс?

Шамил, тряся головой, встал. Лицо пересекла свежая царапина, болел ушибленный бок, локоть и еще чувствительно пек ожог на лодыжке.

— А, шакра! Давай пластикат!

Багра́т неуверенно полез в карман и извлек похожий на сигару коричневый цилиндр. С хрустом

оторвав упаковочную фольгу, Шамил нащупал податливую горошину активатора.

— В яму! — скомандовал он.

Баграт наконец понял, что задумано, и послушно юркнул в гаражную яму, похожую на щель-бруствер. Шамил прыгнул следом, выглянул, подпрыгнув, и на втором прыжке метнул смертоносную сигару к воротам. Потом они скорчились на дне бетонной ямы, припав к ступеням.

А вслед за этим резануло глаза, бухнул взрыв и запахло гарью. В яму полетели щепки и обломки ворот. Шамил закашлялся.

Едва дым начал рассеиваться, Шамил с Багратором сунулись к выходу. Шамил на бегу полез в кобуру, но пистолет достать не успел.

Сквозь редящую пелену проступил силуэт громадины Грая, и в руках его было помповое ружье.

— Шакра! — у Шамила расширились глаза. Это было последнее, что он сказал в своей жизни, — Грай поднял ружье и выстрелил. Шамила отбросило назад, в яму. Баграт вытащил пушку заранее, но это ему мало помогло: одинокий выстрел не причинил вреда Граю. А Грай передернул затвор и спустил курок вторично. В яме стало еще на труп больше.

Снаружи парнишка в промасленном комбинезоне волок за ноги мертвого Тони; Рим, обратив к небу невидящие глаза, валялся у соседнего гаража. В руке его чернел двенадцатизарядный «Вербатим» с опустошенным наполовину магазином, но жизнь «Вербатим» Риму не спас. А на стоянке по-прежнему мирно, в рядок, стояли три «Креатива», и лишь круглое отверстие в лобовом стекле одного из них да безмолвный труп пятого боевика из сити с маленькой дыркой в башке и руль в мелких кровавых каплях сказали бы стороннему наблюдателю: тут что-то не так.

Но на стоянке не было сторонних наблюдателей.

Грай брезгливо заглянул в ремонтную яму. Теперь, когда в ней валялись двое мертвецов, а бетон

был выпачкан красным, она еще больше напоминала бруствер на поле боя.

— Прибрать тут все, — велел Грай молчаливым механикам в одинаковых синих комбинезонах. — И позвоните кто-нибудь Бочарову... Хотя нет, я сам ему позвоню. Машины, что на стоянке, — в десятый бокс. Стекла подмести. На месте разлейте масла, что ли... Или тасола.

Механики без лишних звуков рассыпались; каждый знал, что делать. Чувствовалось: подобные распоряжения им не впервой выполнять.

Грай отдал ружье парнишке, уже втащившему в гараж и Тони, и Рима. Потом с неудовольствием оглядел вывороченные из направляющих ворота. Точнее, то, что от ворот осталось. Со стороны заправки уже полз погрузчик со вздернутым к небу коромыслом крана; на протянутых вперед лапах громыхала пара новых, еще пахнувших свежей краской створок. А запах гари быстро сносился южным ветром.

```
~# run console 3 @comment: return to
movie
```

Аурел проснулся от грохота близкого взрыва. Сначала он решил, что Тири режется в какой-нибудь военный симулятор, выкрутив громкость бластеров до отказа, потом сообразил, что Тири рядом: он чувствовал боком ее гибкое тело, а короткие мальчишеские волосы на ее затылке щекотали плечо.

Он открыл глаза — в комнату из-под опущенных штор узкими ослепительными лучами врывается дневное солнце. Тири тоже проснулась и подняла голову, прислушиваясь.

За окном раздались сдавленные проклятия и вслед за тем бухнули три выстрела: ружейный, пистолетный и снова ружейный. Тири вскочила, отбросив плед, и схватила свои брючки.

Аурел сунулся к окну.

— Не выглядывай! — знакомым голосом велела Тири. Она была уже одета и явно намеревалась ринуться прочь из комнаты.

«Ну уж нет! — разозлился Аурел. — Сейчас я тебя одну не отпущу!»

Он тоже умел быстро одеваться.

— Куда? — зло одернула Тири.

— Туда, — спокойно указал пальцем за окно Аурел. — Кстати, ты забыла надеть очки.

Тири вдруг сграбастала ворот его рубашки и рывком притянула к себе.

— Не лезь в это дело, понял? Не лезь! — свистящим шепотом приказала она, заглянув ему в глаза.

— Шаз-з... — протянул Аурел нарочито миролюбиво и, осторожно перехватив ее руку, мягко высвободился. — Может, мне пока под кроватью посидеть?

Тири скрипнула зубами. И промолчала. Впрочем, Аурел меньше всего сейчас был расположен ее слушать.

Они бегом проскочили коридор, холл и бар. За дверью бара в глаза рванулось летнее солнце. Первое, что заметил Аурел, были три «Креатива» на стоянке рядом с давешним трейлером. Или с другим, но таким же с виду. Тири глядела вправо, на ряд гаражей. Аурел тоже глянул туда — у третьего с дальнего края бокса не хватало ворот, зато вокруг валялись рваные обломки пластика и перекрученные дюралевого крепления. Там же стоял Грай с ружьем в руках и суетились несколько механиков. Тири бегом направилась к боксу.

Аурел бросился следом. Грай косо взглянул на сестру и отвернулся. Внутри бокса лежали два трупа; еще два безжизненных тела механики вытаскивали из ремонтной ямы. Бетон был перепачкан кровью. С первого взгляда Аурел узнал двух мордovorотов, что стреляли по нему в баре «Потерянный кластер». Только теперь им не светило больше стрелять — их дорожка оборвалась в пропасть на северной границе

крохотного, затерянного на равнине городка Троя. И еще Аурел увидел свою верную «Барракуду» — она застыла, опрокинутая набок, у виг-стенда, сиротливо задрав к потолку рукоятку с погнутой тягой сцепления. Руль был безжалостно вывернут, словно она столкнулась на ходу с грузовиком, и ее выстелило по твердому полу, царапая и корежа.

— Это команда Лоцинина, — вполголоса сказала Тири. Она уже успела надеть неизменные звездочки, за которыми всегда прятала изумрудную зелень глаз. — Нам нужно уходить, Грай...

— Все готово, — утробно буркнул брат. — Садитесь и езжайте.

Тири обернулась к Аурелу:

— Слышал? Ступай за сумкой!

Аурел кивнул и молча побежал через стоянку к бару. Молча купил у Тамары пару «Пенной прохлады», ткнув в нужные бутылки пальцем. В комнате он подхватил сумку, застегнул ее, потом ненадолго заглянул в ванную, ополоснул лицо, сунул под язык капсулу нейростимулятора и выскочил наружу. Тири прилаживала обтекаемый шлем, сидя на новеньком «Квантуме». Аурел присмотрелся — это был даже не «Файрболл», а «Бигфут», писк моды дня завтрашнего. Рядом стоял столь же новенький «Файрболл».

К ним подошел Грай. Он был уже без ружья, в руках тускло поблескивал полироидом шлем Аурела.

— Держи, — проворчал Грай, и Аурел с благодарным кивком принял шлем. — Все барахло из твоего бардачка я переселил в «Файрболл». Надеюсь, за ним ты будешь следить так же, как и за своей «Барракудой».

— Не сомневайся, Грай, — сказал Аурел. — Спасибо. Извини, что из-за меня тут шум...

Грай отмахнулся.

— Я не для тебя это делаю, парень. Для сестры.

— Все равно спасибо, — повторил Аузел.

И подумал: странно, что до сих пор не примчались полисы. Прикормлены они, что ли? Или здесь такие побоища в порядке вещей?

Тири, не вылезая из седла, обняла брата и призывно махнула рукой. Двигатель ее «Квантума» завелся с полпинка и тихо заурчал виг-передачей. Аузел тоже запустил двигатель, чувствуя, что сердце перед дорогой начинает биться чаще.

Они прошли северный шлюз Трои спустя несколько минут и устремились по равнине, утыканной редкими кустиками травы, на северо-восток. Наискосок, к перегону.

```
~# run console 5 @comment: ultimate outside
```

Шамил не отвечал вторые сутки. Напрасно Энди и Злыдень пытались достать терминалы «Креативов» — те были или отключены от диалов, или попросту уничтожены. Зная Шамила, можно было предположить лишь худшее.

Силовое крыло просто убрали. Устранили, сняли с доски, как докучливые вражеские фигурки. Верных, не раз испытанных в деле людей. Лощинин даже растерялся: если убрали Шамила и ребят — что же делать дальше? Он вновь и вновь вытрясал душу из наемных хакеров, но, похоже, эта проблема не решалась прямо из кресла перед голокубом. Энди и Злыдень, да и Жмур тоже, были мастерами своего дела, но только в зыбком спейсе сети. Лощинину же требовалось взять за шиворот обычных людей в обычном мире, если не получалось через сеть.

Не посылать же Килограмма? Хотя этот, наверное, справился бы. Но и Шамил должен был справиться, если по чести говорить, мозгов у Шамила поболее, чем у Килограмма... Было. Было поболее, — поправил себя Лощинин. Тешить себя бессмысленными надеждами он не привык.

Но кто же знал, что Фриппи не просто сетевой шалопаи?

Лощинин зло опрокинул рюмку бренди.

Что же получается? Если Шамила с ребятами убрали... значит, за Фриппи кто-то стоит. Кто-то, кому нужен украденный файл... В принципе, охотников до этой информации хватает, но пока исходник лежал на сервере Лощинина, ему было плевать на охотников. А теперь, когда сервер выпотрошен, не плевать. Теперь тот, у кого файл, обогнал Лощинина, а это может не понравиться Фариду. Дьявол, это точно не понравится Фариду! Даже странно, что он до сих пор молчит.

Бластер выдохнул мелодичный сигнал входящего. В голокубе сгустилось и обрело резкость изображение — знакомое, всегда улыбающееся лицо.

Как обычно, неприятный звонок раздается именно тогда, когда начинаешь удивляться, почему он до сих пор не прозвучал.

— Здравствуй, — приветливо поздоровался Фарид. Лощинин облился холодным потом, ибо знал, что обычно кроется за такой приветливостью.

— Здравствуй, Фарид.

— Как дела, дружище? — Фарид был само благодущие.

— Потихоньку, Фарид...

Тот покачал головой:

— Ай-яй-яй! У тебя дела всегда шли весьма шустро, у тут — потихоньку... Ай-яй-яй...

Лощинин виновато развел руками.

— Не везет тебе, — вздохнул Фарид. — Шамил был хорошим работником.

«Был, — содрогнулся Лощинин. — Значит, Шамил мертв, и Фарид об этом знает. Конец надеждам на чудо».

Он опустил голову, чтоб не видеть, как с лица Фариды исчезнет улыбка, а глаза станут стальными.

— Ну вот что, дорогой! — Фарид наконец решил к тому, ради чего звонил. — Времени мало. Кончай валять дурака и найми профессионала. Ты знаешь, о ком я. Он сейчас свободен. И не жмись, оплати по полной. Иначе... мне придется искать нового партнера — ты же знаешь, наш бизнес не терпит неудачников. Ты понял меня, Володенька?

— Понял, Фарид, — тихо ответил Лощинин, не поднимая головы.

— Вот и славно, — улыбка вновь поселилась на лице Фариды. — Мы всегда понимали друг друга! Я верил в тебя, дружище.

Лощинин молчал, хотя по идее должен был сейчас благодарить Фариду. Может быть, поэтому Фарид его и возвысил в свое время, едва заметил, что Лощинин не спешит благодарить на словах?

— Удачи! Я верю, ты справишься...

Изображение Фариды схлопнулось в светящуюся точку, и сессия прервалась.

Лощинин некоторое время сидел молча, тупо глядя в опустевший голокуб. Потом вызвал секретаршу.

— Уль, кофе, пожалуйста...

Чашечка, над которой вился ароматный шлейфик, возникла на столе словно по волшебству.

Лощинин вызвал записную и нашел адрес, по которому еще не обращался ни разу. И всегда надеялся, что обращаться не придется.

[call Кипрово_4999117]

Он дождался коннекта и уставился в пока еще мутный спейс голокуба. Долго никто не отвечал, потом сонный голос, так и не включив изображение, осведомился:

- Ты кто?
- Лощинин.
- Кто?
- Лощинин!
- «Яуза», что ли?
- Да.

— Чего нужно?

— Заказ есть. Я сейчас подъеду. Удобно?

Бесплотный голос секунду поколебался.

— Ладно, приезжай. Только жлоба своего в машине оставь, да пива купить не забудь. И учти, «Пену дней» я не люблю...

— Понял. Сейчас буду.

Лощинин ничего не стал объяснять сейчас. Потому что с Платоновым договариваются только с глазу на глаз. И без свидетелей. Только. Это закон.

— Килограмм! — сказал Лощинин, не оборачиваясь. — Сейчас в Кипрово поедем. Держись близко.

Килограмм с усилием кивнул. С некоторой растерянностью Лощинин подумал — что бы он стал делать, если бы узнал, что верного Килограмма тоже убрали? На кого тогда надеяться в этом мире?

Потом он вознамерился стогнать секретаршу за пивом, велел ни под каким видом не брать «Пену дней», но запасливая Уля гордо вытащила из скрытого под настенной панелью холодильника упаковку «Хейнского». Лощинин вздохнул и чмокнул секретаршу в розовую щечку. Щечка тут же стала еще розовее, чем раньше.

Потрепанный «Азтеч» затормозил перед стильным восьмиугольным домом в Кипрово спустя полчаса. «Панас» Килограмма припарковался в стороне, у пышных кустов холларии, что росли между дорогой и тротуаром. Ухватив упаковку «Хейнского» за картонную ручку, Лощинин ступил на тротуар и огляделся. Он знал, что Килограмм сейчас смотрит на него сквозь черные очки, а взгляд у Килограмма тяжелее свинца. Зато успокаивал этот взгляд: своему шефу Килограмм был предан.

Платонов долго не открывал, — наверное, рассматривал в голокубе посетителя, мнущегося неловко перед дверью. Это он любил, завести изображение с камер-датчиков перед дверью на терминал. И глядеть, как теряется тот, кто приходит в этот дом впервые и

впервые прикасается к шершавому сенсору звонка-привратника.

Лощинин впервые стоял здесь, изредка касаясь сенсора подушечкой указательного пальца, но повадки хозяина знал прекрасно, поэтому просто ждал, не выказывая нетерпения. Килограмм, наверное, уже начал беспокоиться и озабоченно шевелить губами, тарашась в окно, потому что шеф непонятно почему торчал перед современной, затянутой в пластик жу дверью, вместо того чтобы давно войти внутрь.

Наконец дверь медленно отворилась, наверное, ее двигал небольшой сервомотор, потому что никто не показался в светлом проеме.

— Заходи, — донеслось откуда-то из глубины дома. — Пива принес?

— Будто ты не видел, — проворчал Лощинин, помахав перед носом увесистой упаковкой. — Куда заходить-то? Я у тебя не был ни разу...

После секундной паузы донесся ответ:

— Налево, потом направо...

Лощинин взглянул налево — полуоткрытая дверь, с непонятной целью исписанная красным маркером. Каракули не были похожи на шалости ребенка-несмышленища, но и понять их никак не удавалось.

В комнате царил полумрак. Просторное ложе неведомый дизайнер расположил прямо на полу; рядом, прямо перед большим телекубом последней модели, стояло глубокое кресло-качалка. Хозяин расслабленно откинулся в кресле, еле заметно покачиваясь. У кресла виднелся заставленный тарелками низкий столик, под ним валялись пустые пивные бутылки. Еда на тарелках засохла, верно, еще вчера.

— Садись, — пригласил Платонов, указывая в сторону еще одного кресла. Это кресло, в противоположность хозяйскому, степенно и неподвижно покоилось на мохнатом ковре у самого окна, сейчас занавешенного тяжелой бархатной шторой.

Пиво еще хранило прохладу конторского холодильника. Подавая упаковку хозяину, Лощинин подумал, что нужно будет сводить секретаршу в ресторан. Наверное, она этого давно ждет, раз так старается. Или не так? Или Уля просто дорожит работой? Денег ей, что ли, больше платить? Так ведь вроде немало и сейчас платит...

Платонов легко свернул пробку с горлышка ладонью, швырнул металлический кругляш под столик и с явным удовольствием присосался к первой бутылке «Хейнского». Пиво, пенясь и тихо клокоча, исчезло в несколько глотков. Наверное, Платонов пьянствовал уже не первый день.

— Выкладывай, — наконец оторвался он от бутылки, утираясь похжей на небольшую лопату ладонью.

Платонов слыл лучшим и самым высокооплачиваемым в сити убийцей. Самым странным было то, что убивал клиента он исключительно редко — практически всегда доставлял живым заказчику. За дела, когда требовалось просто кого-нибудь втихую хлопнуть, он просто не брался. За убийства видных людей он не брался тем более. А вот разыскать самоуверенного ловчилу, сперевшего у одной из контор нечто важное, и тепленького приволочь его прямо в кабинет шефа, или догнать на перегоне лоха с чемоданом денег — вот такие дела Платонов любил. Тем не менее его считали обычным киллером, правда — лучшим. Не гнушался он и съездить на разборку, но если дело доходило до стрельбы (а случалось это опять же крайне редко), финал всегда получался одинаковым: Платонов и команда, пристрелив парочку коллег-оппонентов, брали остальных живыми, чтобы затем получить за них выкуп. Кто его только не пытался перетянуть на свою сторону — даже Фариду это не удалось. Платонов предпочитал оставаться вольным охотником, и договариваться с ним имело смысл только непосредственно перед делом. Брал он

дорого, но никто и не думал экономить, если действительно намеревался заполучить Платонова в свою команду — хотя бы на один раз.

— В общем... — начал Лощинин, — пропало у меня кое-какое файло...

Платонов оторвался от второй бутылки пива и пристально поглядел на Лощинуна.

— Хакеры? — спросил он бесцветно.

— Да.

— Но у тебя же грамотный персонал. Энди, например... Неужели влезли?

Лощинин развел руками:

— Увы... Энди и сам не понимает, как это произошло. Помнишь, рядом с сумеречной перебой с энергией был? Когда повервод повредили?

— Ну? — Платонов снова отхлебнул, но всего глоток. Значит, заинтересовался.

— Файло пропало, когда мой терминал был отключен. Понимаешь?

— Нет, — ответил Платонов. — Не понимаю. Впрочем, ладно. Почему я?

— Шамил и его четверка мертвы, — честно сказал Лощинин, стараясь, чтобы это прозвучало не очень уныло. Получилось плохо.

Вот теперь Платонов заинтересовался всерьез. Даже пиво отставил в сторону.

— Давай, давай, не молчи, — поторопил он. — Кто заказчик — ты или я?

Лощинин засуетился:

— Мы вычислили, кто это... почти наверняка. Некто Фриппи, хакер-одиночка. Его не знают в сетях.

— Действительно, — подтвердил Платонов. — Я его не знаю. Даже не слышал никогда.

— Он всегда оставляет трек в пределах чужого холда. После того как файл у меня пропал — он затер даже бекапные копии, — его следов не могли отыскать в сети несколько недель. А когда нашли, он сумел уйти от Шамила с командой на перегон. В

этом ему помогла девчонка по имени Тири, бывшая подружка...

— Гонзы. Знаю, — сказал Платонов.

— Их настигли в Трое. Это...

— Южнее перегона... У Добрича. Знаю.

— Собственно... все. Потом позвонил Фарид.

Платонов кивнул:

— Понятно. И сказал — хочешь жить, зови меня.

Ладно, я берусь. Таксу ты знаешь. Половину вперед, как обычно.

Лощинин полез в карман пиджака и достал толстый, набитый крупными купюрами конверт. Взвесив его на ладони, Платонов, даже не заглядывая внутрь, швырнул в сторону бюро. Конверт спланировал к пачке точно таких же, вскрытых.

— Начну вечером — пиво только допью и в себя приду. А ты пока рассказывай подробности, — сказал он. Лощинин кивнул в ответ.

— Кроме бригады Шамила я планировал использовать пятерку сетевиков из-за барьера...

Платонов даже пивом подавился.

— Зачем?!!

Помявшись, Лощинин ответил правду:

— Посоветовали... Камилл посоветовал.

Платонов покачал головой, как бы говоря «Ну-ну...», и вновь приложился к «Хейнскому». Бутылке сразу основательно полегчало.

— Их вытащили черт знает где, на перегоне, в глубине материка. Правда, не в самом центре, относительно близко к сити. Дали четыре джипа и инструкции — Камилл словно предвидел, что Фриппи ускользнет от меня в самом городе и вырвется на перегон...

О том, что Камилл вел свою игру, Лощинин решил не говорить. И о том, что Камилл исчез из сити некоторое время назад, именно в тот день, когда Фриппи проявился в «Потерянном кластере». При чем на несколько часов раньше.

— Какая у клиента тачка? — поинтересовался Платонов.

— «Сигейт Барракуда», если еще не сменил. Да и зачем менять?

На это Платонов не ответил.

— Короче, этот Фриппи влез на терминалы джипов и заменил хинт. Точнее, слегка подпатчил. И эти кретины теперь уверены, что должны его охранять. За мои, ядрена вошь, деньги! — Лощинин в сердцах махнул рукой.

— Нечего с чайниками дело иметь, — пожал плечами Платонов, откупоривая третью бутылку. — Тебе известно, кто платит дважды, а, Лощинин?

— Известно, — проворчал Лощинин, успокаиваясь. — Но ведь обидно!

— Сам виноват. Хорошо, а кто мешает тому же Энди влезть на холд этого умника и выпотрошить его?

Лощинин фыркнул, показывая, что уж до этой мысли он и сам бы дошел.

— У этого умника просто нет холда. И станции нет. Он — плавающая нода.

— Понятно, — Платонов покачался в кресле. — Ковбой, значит. Это славно, обломаем ему перья.

Поборов хрипоту и колебания, Лощинин предостерег:

— Это не просто ковбой-недотепы... И парень, и девка. Они смогли убить Рюкзака прямо через сеть — выжгли ему мозги. И Энди едва не сожгли, еле успел мнимоюсты сдернуть...

Платонов пристально взглянул на Лощинина. В том, что Лощинин говорит правду, сомнений не было: Платонову не врут, нанимая на дело. Потому что единственный умник быстро узнал вкус смерти, и заплаченные деньги так и остались валяться в луже его собственной крови. Также Платонов был уверен, что заказчик не рехнулся, — слишком стройная картина, да и... в общем, уверенность в этом не покидала Пла-

тонова ни на секунду. Получалось, что изменчивая сеть позволяет делать то, чего раньше никто не умел, — убивать прямо в киберпейсе. Убивать пользователя, проникшего в сеть, а не просто его программы и ядра. А значит, он обязан научиться делать это. И научат его эти ковбой-воры. Чем скорее, тем лучше.

— Оставь входной пароль по приоритетному линку, — сказал он Лощину, поднимаясь. — Я выезжаю прямо сейчас.

— Беспарольный, — буркнул Лощинин. — К чему терять несколько секунд?

— Логично, — качнул головой Платонов, вставая. Встал и Лощинин. — Возникнут вопросы, буду тебя теревить. И не сомневайся — далеко не уйдут.

Лощинин внутренне ликовал. Он понял, что Платонов сам почему-то заинтересовался этим делом, а когда Платонов увлекается, можно спать спокойно — месяц-другой, и с перегона клиент будет притащен упакованный и тихий, согласный на все.

Он вышел за дверь, щурясь на солнце, а Платонов в доме полез под душ. Бутылка недопитого «Хейнского» затерялась на столе, слившись с общим беспорядком.

Уже в машине Лощина настиг зов Эндиного терминала. Палец привычно утопил клавишу ответа.

— Что там? — спросил он, глядя не в голокуб, а на дорогу, потому что сидел за рулем. На голокуб он просто косился.

Бородач в сумраке куба мрачно сообщил:

— Я кое-что выяснил, Володя. О «Сигейте» Фриппи можете забыть.

Энди многозначительно замолчал, и Лощинин был вынужден его поторопить:

— Ну выкладывай, выкладывай!

— Я полазил по серверам Трои. Короче, Шамил погиб на территории механических мастерских у северного шлюза. Владелец мастерских — Грай Самарин. Родной брат Тири. Одновременно мастерские

служат перевалочным пунктом нелегальной торговли запчастями к мотоциклам ручной сборки. Ну, и собранными мотоциклами там приторговывают, сами же, видимо, и собирают. Так что...

— Понятно, — мрачно сказал Лощинин. — Какую тачку им дали, естественно, не откопаешь ни в каких отчетах... И одну ли. Ладно, спасибо.

Лощинин отключился от Энди и вызвал Платонова. Тот, чертыхаясь, полез из душа. Но информацию он ценил превыше всего, особенно такую, которая пригодится в деле.

Спустя двадцать минут Платонов вывел из гаража обтекаемый «Бас-Лоджик», на котором мог обогнать даже президентский «Текрам», и помчался к восточному шлюзу.

Перегон принял на гладкую прямую спину еще одну песчинку — самую быструю из всех.

```
~# run console 2 @comment: net find movie
```

Теперь Злыдень был осторожным и расчетливым. Он не хотел разделить судьбу бедняги Рюкзак и не ослаблял внимания ни на секунду. Сеть научилась убивать — кто знает, чему она научится завтра? Впрочем, где-то в глубине души Злыдень понимал, что сеть ни в чем не виновата, как не виноваты вирусы, написанные озлобленным на весь мир хакером. Люди — в конечном итоге во всем виноваты люди. Это они убили Рюкзак, и сеть тут ни при чем. Просто на этот раз смерть вырвалась именно отсюда, а мало ли в мире мест, откуда готова вырваться смерть?

И Злыдень полнился решимостью найти этих людей, а найдя — покарать. Потому что не мог смириться со смертью. Убив Рюкзак, эти люди убили частичку самого Злыдня, частичку Жмура, частичку Энди, частичку каждого, кто хоть раз погружался в киберпейс без недобрых мыслей и ненависти в сердце. Почему? — в сотый раз спрашивал себя Злыдень. — Почему самые лучшие плоды человеческого

гения в конечном итоге бывают приспособлены для самых низменных целей? Почему человек не может оставаться чистым, ему обязательно нужно стать вором, насильником, убийцей... Даже побывав на месте жертвы и во всей полноте познав горечь, страх и унижение, человек остается зверем в отношении остальных, в отношении всех, кто не входит в знакомую стаю. Или это так крепко зашито в генах и пропечатано в каждом нейроне?

Как и все, Злыдень не замечал, что сам погрузился в сеть с жадой найти и убить. Свершить месть. Мечь — это святое, думает каждый. Наверное, виноват только первый в истории человечества убийца, а все прочие лишь мстят друг другу...

Но сейчас мысли Злыдня были заняты не этим. Найти. Найти следы этого странного дуэта, оставляющего загадочные треки в местах пребывания. По правде сказать, Злыдень так и не понял, почему они оставляют трек. Собственно, это единственная ниточка, по которой их можно отследить достаточно быстро. Неужели они этого не понимают? Сомнительно. А может, им нужен риск, нужна игра, щекочущая нервы? Может, без этого жизнь им кажется пресной? Злыдень знавал таких людей. Как правило, финал их был на редкость плачевным. Что и неудивительно. По крайней мере, Злыдень не удивлялся. А раз оставляют треки, Злыдень их найдет.

И он неустанно шарил по серверам в окрестностях Трои, отслеживая эхо-входящие, особенно приглядываясь к неожиданным врезкам вдалеке от узлов-развязок. Это было вполне в манере Фриппи-слайдера: вонзиться в капилляр в произвольном месте. Сам Злыдень толком и не разобрался, как именно он это делает. Наверняка есть способ, только зачем? Насколько Злыдень помнил, тотальной охоты в сетях еще никто не затевал, Лощинин стал первым, кто вознамерился найти клиента, удери тот хоть до самой зоны высадки.

Но Злыдень шарил напрасно. Фриппи со своей подружкой опять исчезли. Даже не растворились в мутных закоулках киберспейса — просто ушли из сети.

Но что-то подсказывало Злыдню: ненадолго. И он ждал, терпеливый старый паук, в тенетах которого билась не одна изловленная муха.

Мнемоюсты холодили виски. Киберспейс дышал мраком и светом; перед тем как уйти в сеть, Злыдень обернулся на Жмура и, как всегда, мысленно потянулся туда, в сплетение бекбонных потоков, в незримый и нематериальный мир сети, который даже неизвестно как выглядит на самом деле. Ведь человеческое сознание подсовывает проверенные и с детства знакомые образы, потому что у людей нет специального чувства, как зрение или слух, которое могло бы пригодиться в сети. А мнемоюсты не в счет, потому что это такой же механический придаток к нервной системе, как борда или диал.

Проваливаясь в сеть, Злыдень подумал, что человек станет хозяином киберспейса, только когда сратит себя с терминалом. Когда непонятно станет, где заканчиваются нейроны, а где начинаются процессорные вектор-поля. Но останется ли он человеком?

Густой, как деготь, спейс холда казался теплым. Искра-Злыдень искал Жмура и нашел — тусклую звездочку на фоне бестелесной мглы. Выход из холда стерегли два вылизанных до последнего байта сторожа-цербера. Скольким самонадеянным новичкам эти два увальня переломили хребет... Систему потом, небось, приходилось по трое суток поднимать. Жмура церберы прекрасно знали, тем более, последнее время его присутствие на холде отложилось у них в буфере намертво. Наскоро перебрав линки, Злыдень отыскал флэш на восток и, проскочив мерцающий розовым узел, втянулся в полупустой капилляр. Некто сияющий, как солнце, явный чайник, суматошно шараясь с дороги. Злыдень терял яркость по мере того, как удалялся от своего холда. Жмур совсем перестал

светиться, став твердым, как кристалл, сгустком пустоты.

И снова Злыдень задал себе вопрос: где дом? Здесь, в киберпейсе? Или там, в реальном и скучном мире? И снова он поймал себя на мысли, что не знает правильного ответа.

```
~# run console 1 @comment: crossroads
```

За неделю проехали десять мегаметров к западу, а Бай почти вылизал нового резидента. Назначение у того было простым, как байт: шнырять в сети до тех пор, пока не будет найден след Аурела, а затем по следу проникнуть на ауреловский терминал и тут уж вовсе заявить о себе. Аурел обратит внимание, в этом Бай не сомневался. А потом они встретятся где-нибудь на перегоне и уже вместе начнут долгий бросок на восток, к зоне высадки. С погоней на хвосте и холодком в груди, когда дух захватывает от близкой опасности и риск щекочет натянутые нервы.

Джипы стояли чуть в стороне от укатанной трассы; двигатели потрескивали, остывая после многочасовой непрерывной работы. Чен поставил палатку и возился у печки, Тигрис, помахивая оранжевым пластиковым ведром с когтистыми нашлепками «Тигриной лапы», отправился к протекавшей невдалеке речушке. Син колдовал над вскрытыми банками с ветчиной и зеленью, сноровисто орудуя большущим ножом. Бай единственный из всех устранился от хозяйственных хлопот по молчаливому согласию остальных — его делом была работа с сетью. Резидента он намеревался отпустить на свободу сегодня, предстояло только примирить базовый массив программы со ссылками на полиморфные переходы. Массив с переходами мириться не желал, компилятор вопил о помощи, Бай злился, колотя по клавишам. Мнемюсты надевать не хотелось, а может, Бай просто ленился, все пытался довести резидента по старинке, вручную. Резидент упирался.

Промучившись минут десять, Бай чертыхнулся, нацепил все-таки мнемюсты и для начала решил глянуть в хелпы. Хелпы, как выяснилось, в стандартном пакете отнюдь не лежали, за ними нужно было лезть на черт знает какой удаленный сервер. Бай тихо изумился такой наглости софтовиков и покорно полез на указанный сервер.

Спасибо, хоть линков с этим сервером было завались, не пришлось ждать. Бай по-хозяйски обосновался на холде и принялся листать тамошние файлы. Как всегда, он отвлекался, потому что файлы попадались интересные.

[А. Тюрин, А. Шеголев. «Психологические тупики компьютерной эры».]

Бай знал этот файл! Он был записан в России, хоть и не в родной Москве, а в вечном городе-сопернике. Точнее, даже не в Питере, а в Бехтерево. И неоднократно приходилось на него ссылаться еще во время учебы. Выходит, софт и базы кочуют через барьер в обе стороны. Впрочем, это правильно. Information must be free — старый, как мир, девиз хакеров. Бай его вполне разделял, хотя их фирма торговала софтом. Но — бизнес есть бизнес. Даже если убеждения с ним расходятся. Иначе не выжить.

[Р. Гонсалес. «RISC-архитектура полихордных кристаллов».]

О кристаллах Бай не знал ни бельмеса, ни о полихордных, ни о каких-либо других.

[С. Лукьяненко. «Узор теней».]

Это вообще фантастика конца прошлого века. То же, кажется, из родного мира. Фамилия показалась Баю знакомой.

[К. Ван Хелдерн. «Истоки технократического культа».]

Надо же, и эта вещица знакомая!

[Дьюла Чонгради. «Блюда из птицы».]

«Скачать, что ли? Синицыну. Пусть готовит... Хотя какие, к дьяволу, блюда, если здесь птиц просто

нет?» — подумал Бай рассеянно и обратился к следующему файлу. В тот же миг рядом с ним на холде кто-то шевельнулся. Бай взглянул, ожидая увидеть ярко горящую искру. Чайника. Но рядом густел непроглядный мрак.

[Кто?]

[не твое дело] — неожиданно невежливо отозвался мрак. Бай рассердился и попробовал отсечь пришельца. Тщетно, тот перехватил доступ, словно Бая здесь вообще не было.

[отвянь] — посоветовал мрак. — [я — дайвер].

[Да хоть папа Карло!] — огрызнулся Бай и попытался вторично выбить доступ. С тем же успехом он мог тянуть себя из болота за усы.

[слушай чего привязался] — сказал некто, назвавшийся дайвером. — [я работаю].

[Я — тоже.]

Манера собеседника обходиться без интонаций раздражала. Дайвер — это, интересно, кто? Бай слышал такое слово впервые.

[слушай урод тебя тоже когда-нибудь вытаскивать придется отвяжись чайник загнется ведь]

Только теперь Бай заметил в пределах холда апатичного юзера, прикипевшего к радужному, как кругляш диска, файлу. Файл был подозрительный, похоже — психотропный. Юзер уже ничего не соображал. Бай протянул несуществующую руку с чувствительной точкой посреди ладони и просканировал чайника как мог. Тотчас же Бая скрутило, словно язвенника во время приступа. Файл переливал часть себя на контуры мнемойостов, а значит — в мозг незадачливого чайника. Двоичным кодом. Файл-паразит. Новый вирус, Бай слышал о таких, но еще никогда не сталкивался. Ему стало жутко. Похоже, в сети приходила реальная смерть.

Это открытие застало Бая врасплох. Хоть он и ожидал чего-то подобного. Но все казалось, что это

еще далеко в будущем. Хотя к тому, что любое знание устаревает мгновенно, Бай давно привык. Сеть меняла лицо ежесекундно.

Дайвер вился вокруг предательского файла, опутывая веретенообразное тело тонкой серебристой нитью. Мгновение — и нить расплосовала веретено на несколько неравных частей. Паразит замедлился, словно споткнувшийся конь. Чайник тут же вяло зашевелился. Кажется, он пытался снять мнемююсты, там, у себя перед бордой. Здесь это выглядело как попытка искры пригаснуть, обратиться в стремительную точку-тень и выброситься из пределов холда. Ничего у чайника, конечно, не вышло — файл-убийца держал его на прочном поводке, подчинив себе моторные связи живого мозга.

«Ну и дела! — подумал Бай. — И это на сервере, куда рекомендуют лезть за хелпами!»

Тем временем дайвер рассек тело файла еще на несколько частей и стремительным броском обволол безвольного чайника, словно капля воды в невесомости. Чайник сразу прекратил трепыхаться. Бай успел заметить, как дайвер рвет губительную зависимость от постороннего «мастера».

«Оживет сейчас», — понял Бай. Он не ошибся, чайник наконец принял осмысленный вид и попытался шмыгнуть прочь, но дайвер умело взял его за шиворот и повлек за собой совсем в другую сторону.

«Так это спасатель, — запоздало догадался Бай. — Интересно, что за контора?»

Он не успел додумать. Вирус, снова слипшийся в единый ком, стремительно атаковал Бая, единственного, кто остался в пределах холда. Тонкое, блестящее, как жало бормашины, щупальце метнулось к еле заметному во мгле киберпейса сгустку. Но с Баем такие фокусы не проходили: он расчетливо и безжалостно снес паразиту кодовую область. Искрошил ее в мелкую капусту. Теперь файл-убийца больше не был программой — всего лишь набором бессмыслен-

ных команд, запустить которые не в состоянии даже Господь Бог. А значит, он стал неопасен.

Но на душе у Бая стало на редкость гадко. Что за подонки пишут подобную жестокою психотропщину? Давить таких...

Едва он вывалился из сети, в уши толкнулся напряженный голос Чена:

— Эй! Очнись наконец! Давай-давай!

В глазах Бая постепенно формировалось осмысленное выражение, и Чен с облегчением вздохнул.

— Черти тебя дери! Что с тобой?

Бай уже мог говорить.

— В смысле? Я по сетям шарюсь. — Он никак не мог взять в толк тревогу компаньона. — Не первый же раз... Что случилось-то?

Чен жестко поглядел на него:

— Я снял с тебя мнemoюсты час назад. Понимаешь?

Бай тупо уставился ему в лицо:

— То есть... как час назад? Я же должен был тут же вывалиться!

— Вот именно, — подтвердил Чен. — Но ты не вывалился. По-моему, ты этого просто не заметил.

И вот тут Баю впервые стало по-настоящему страшно.

~# run console 3 @comment: turn age

Раньше Аурел пребывал в уверенности, что умеет ездить быстро. Но то, что вытворяла со своим «Квантумом» Тири, даже ему показалось безумием. Они неслись через степь, как болиды, лишь по глупому недоразумению природы не обгоняя звук собственных моторов. Их путь не был абсолютно прямым, потому что перегона еще не достигли, и Тири то и дело виляла вправо-влево, объезжая рыхлые кустики перекати-поля и едва заметные неровности почвы.

К вечеру Аурел вымотался совершенно, и, когда Тири притормозила, а затем слезла с мотоцикла, он

ощутил немедленное облегчение. Спина ныла, а ноги стали словно деревянными.

— Умаялся? — спросила она. Насмешливо, но беззлобно.

Аурел кивнул:

— Ну, ты гораздо за рулем! Никогда бы не подумал.

— Мужчинам вообще не свойственно думать, — ответила Тири. — Как правило.

— Ну-ну, не обобщай. Некоторым очень даже свойственно, — хмыкнул Аурел.

Тири, опуская «Квантум» на землю, ехидно заметила:

— Если ты имеешь в виду себя, то я не согласна. Ты такой же пень, как и остальные.

Аурел обиделся:

— Да ну тебя... Тоже мне — феминистка.

— Реалистка, — поправила Тири.

— Злая ты.

— А ты добрый?

— Ну, уж не такой, как ты.

— А с чего мне быть доброй? С того, что меня вынуждают убивать? Меня, женщину? Я рожать должна, а не убивать, понял?

Аурел остыл.

— Неужели тебя вынуждали убивать?

Тири не ответила. Пнула монтреевским ботинком шершавый мотоциклетный скат и полезла в бардачок.

— Давай, шевелись, — мрачно сказала она несколько позже. — Есть охота.

Аурел тоже уложил мотоцикл, чтоб не так изда- лека был виден посреди равнины, и выгреб из бар- дачка сумку и спальник.

Через каких-то десять минут, разгоняя сгущаю- щиеся сумерки, весело потрескивал костер, на треноге чернел закопченный котелок, а внутри котелка много- обещающе булькало. Аурел плотоядно принюхивал- ся, Тири с ложкой в руке колдовала у посудыны с

варевом. Звезды, единственные обитатели небес, молча глядели на них с высоты.

Аурел чувствовал, что спутница готова выговориться. Нужно только поестественнее подвести ее к монологу. Черт возьми, чем больше Аурел размышлял над этой историей, тем менее понятной казалась она. Логике не было — вот главное, что лишало внутреннего равновесия. Аурел не любил отсутствия логики. Точнее, не отсутствия, а неочевидности, потому что логика присутствует во всем, нужно только суметь вытащить ее на поверхность. Получалось не всегда, у Аурела, по крайней мере. И вот эта-то загадочная глубинная логика и грызла постоянно, и донимала, словно настырный комар над ночной постелью: жужжит, кружится, и сколько руками ни махи — не улетает.

Проглотив обжигающий ужин, почти не почувствовав вкуса, Аурел с довольной ухмылкой извлек из сумки припасенное в Трое пиво. «Пенная прохлада» — самое то после дня в седле. Легкое, сладковатое питье, источник спокойствия и вечернего умиротворения. Аурел, застонав от удовольствия, опрокинулся на спину. Тири с завистью взглянула на него.

— Поделился бы, что ли... Джентльмен...

Аурел сунул руку в сумку и показал ей вторую бутылку. Девушка вопросительно подняла бровь.

— Пора бы и объясниться, — предложил Аурел. — А?

Тири пожала плечами. Тогда он метнул ей бутылку. Коротким выверенным движением Тири поймала продолговатый прохладный снаряд. Свернула пробку и сделала первый глоток.

— Я — твой ангел-хранитель, — тихо сказала она потом. — Ты ведь ходишь в сеть без мнemoюстов, слайдер. И думаешь, будто это страшная тайна.

Аурел смутился. Он и вправду считал это своей главной тайной. Не единственной, разумеется, но главной.

— Ты, конечно, считаешь, что ты один такой. Так?

И Аурел начал кое-что понимать. «Сюда чуть не прорвался один из псов Лощинина. Мне пришлось его сжечь...» Святая вода, неужели она тоже? Неужели она тоже умеет общаться с сетью напрямую, в двоичном коде? Инстинктивно? Как он, Аурел Чогоряну, кибертелепат, способный считать данные с терминала даже при отключенном питании?

— Ты... Ты тоже?

— Да.

Тири глядела ему в лицо, и в звездочках-плексах отражались крохотные язычки пламени. Она была очень грустной.

— И... тебе это не нравится? Не нравится этот дар?

Она усмехнулась:

— Дар? Скорее уж — проклятие.

Аурел поперхнулся пивом.

— Проклятие? Почему, елы-палы? Это же золотое дно!

— Потому что я ненавижу сеть. Я ненавижу терминалы, клави, диалы, диски, я ненавижу все это равнодушное железо.

Она говорила негромко и без каких-либо эмоций в голосе, словно давно смирилась со своей ненавистью.

— За что можно ненавидеть сеть? — глухо спросил Аурел.

Тири пожала плечами:

— А за что ее любить? За то, что она отнимает у нас подлинные чувства? За то, что пичкает нас суррогатами и психотропщиной? За то, что она не позволяет мне заниматься делом, которое я люблю? За что?

Аурел не ответил. Ему нечего было ответить — просто нечего. Ведь он любил сеть. Точнее, даже не любил — он был частью сети и не мыслил себя без киберспейса. Собственно, он жил там — а в реальном мире только отсиживался. И скучал при этом. Единственное, что интересовало его вне сети, — это скорость. Это мощь мотора, бьющегося в унисон с серд-

цем и мыслями, это ветер в лицо и бесконечность равнины, бесконечность впереди, за спиной, справа, слева... Только это. А она говорит — проклятие...

— Каким делом не позволяет тебе заниматься сеть? — спросил он наудачу.

Тири дернула плечом и отвела взгляд. Теперь она неотрывно глядела в костер.

— Не все ли равно?

— Не все.

— Давай не будем об этом, Ури, — попросила она. — По крайней мере, сейчас.

Когда она называла его Ури, возражать просто не хотелось. Чисто женский подход, но какой действенный...

И он не стал. Просто молча пил пиво и размышлял.

Значит, она тоже уникам. Но если она ненавидит сеть, почему столько умеет? Аурел, например, смутно догадывался о способе, посредством которого можно сжечь чужой мозг. Во всяком случае, его догадки нуждались в серьезной проверке. Если собрать примитивный психоусилитель со стандартным селективным портом input/output, задача упростится, но насколько? Можно только догадываться.

Ну, ладно. Следующий вопрос: а откуда она знает о памятном визите на сервер Лощина? Кажется, Аурел предусмотрел все, замел все следы... Люди Лощина должны искать Фриппи, а не Аурела Чогоряну. И вот — пожалуйста. Досекретничался.

А вдруг некто, заинтересованный в кибертелепатиях, следит за всеми странностями в сети и тихо копит факты? Ведь если точно знать, что кибертелепатия возможна, если отчетливо представлять, что именно ищешь, факты засечь не так уж и трудно. Сотня-другая вейтеров на крупных бекбонных стыках, на магистральных серверах, выборочно — в капиллярах... Уже интереснее. Значит... Значит, есть еще люди, которым для погружения в киберспейс не нужны мнемюсты и вообще не нужен психомодуль?

Аурел даже приподнялся на локтях. Вот она, глубинная логика. Они спасают своего, который считает себя одиночкой. Все просто, как и ожидалось.

Он победно взглянул на девушку, но она по-прежнему глядела в костер.

— Скажи, Тири, — спросил он как мог мягко. — Ты тоже оставляешь эхо? В виде трек-файла?

— Да, — ответила она неохотно. — «Ваш CMOS покрыт инеем».

— Значит, с этим нельзя бороться?

— Нельзя. Попробуй побороться с эхом в пустой комнате. Что получится?

«Точно, нас много. И она знает об остальных. Слишком уверенно отвечает, словно речь идет об истине, известной со школьной скамьи. То, что не сам понял, но вызубрил с пеленок».

— Понятно, — сказал он вслух. Завтра они еще поговорят. Будет шанс кинуться не только кибертелепатом, но и просто... Если только он все угадал правильно.

— Давай спать, — попросила Тири. — Я устала. Аурел потянулся к серебристому спальнику.

«Завтра, — подумал он. — Завтра. Но почему она не любит киберспейс?»

И очень последовательно ответил сам себе:

«Женщина...»

~# skip a period

В следующую неделю разговора у них так и не получилось. Тири гнала свой «Квантум», словно за ней по пятам неслась стая саблезубых тигров, а вечером ее не хватало даже на то, чтобы выпить несколько глотков кофе. Аурел тоже выматывался, но терпел, сцепив зубы. Тири же мало-помалу становилась прозрачной — не то от усталости, не то от переживаний. Аурел никогда не думал, что из-за нервов может произойти такое, — но, похоже, спутнице не давала покоя

смерть одного из лощининских сетевиков. Не то чтобы Аурел оправдывал убийство вообще... Но здесь ведь явная оборона — не ты, так тебя...

А кто заставлял тебя воровать у Лощинина файл? Удаль захотел показать, хакер недоделанный? Или на деньги прельстился? Вот он, результат: такой же парень, как и ты, только не вор, а просто обитатель принадлежащего всем киберспейса, валяется лицом на столе, и вместо мозгов у него каша, а девчонка тает прямо на глазах... На твоих, между прочим, глазах, пытаясь тебя спасти, вора, хвастуна и подонка!

Аурел остервенело выкручивал правую рукоятку, стараясь не отстать от Тири. Он пытался придумать себе оправдание, и от этого на душе становилось еще гаже. Он хотел развернуться и поехать назад, к сити, прямо в лапы к лощининским торпедам, но представил, что скажет Мечта, и отказался от этой мысли.

Вечерами он пытался накормить Тири, но она не слушалась, только пила воду, жадно и помногу. Ночами он прижимал ее к себе, словно этим мог защитить, и все время просыпался, когда она вздрагивала во сне. А утром все начиналось сначала.

На двенадцатый день Аурела разбудило солнце — отразившийся от хромированного крыла «Квантума» лучик резанул по зрачкам, и сразу же под веками вспыхнули мириады радужных пятен. Аурел зажмурился, приподнялся на локте и потряс головой. Зрение быстро восстановилось, но матовые светляки еще долго ползали перед глазами, старательно избегая фокуса.

Тири рядом не было. Он огляделся — девушка сидела на корточках у тихо поющей печки и, обжигаясь, пила бульон из пластикового пивного стаканчика. О том, что это бульон, Аурел понял по валяющейся тут же яркой упаковке с глупой коровьей мордой на желтом фоне. Бульонный кубик размером едва ли больше игральной кости был завернут чуть не в квадратный метр фольги.

— Доброе утро... — сказала Тири и впервые за двенадцать дней улыбнулась. — Как спал?

— Крепко... — пробормотал Аурел, выползая из спальника.

— Какое сегодня число?

Аурел взглянул на часы:

— Семнадцатое. А что?

Тири пожала плечами:

— Так... Надо же знать.

— Зачем?

Вернувшись к бульону, она не ответила. Но Аурел ни секунды не сомневался, что спрашивала она не просто так. Связь какая-нибудь, не иначе... Ну да ладно: хандрить перестала, и на том спасибо.

Потом он тоже пил острый бульон и закусывал вяленным хеком, думая, что давно пора захватить в какой-нибудь городишко и набить продуктовые сумки до отказа. Смертельно хотелось пива, уже не первый день. И еще очень тянуло достать из пакета бороду с диалом и щелкнуть клавишей питания... Но «коннект твой — враг твой»... В два счета отсекут. Не Лощинин, так полисы: после стрельбы в Трое, небось, такое творится...

«А чего, собственно, бояться? — спросил себя Аурел. — Стрелял не ты. Поди еще докажи, что Аурел Чогоряну и... ну, просто — Тири — к этому причастны?»

Почему-то верилось, что угрюмый Грай не проронит при полисах ни слова, если вообще те что-нибудь заподозрят. А вот при лощининских молодцах... Эти умеют убеждать!

Интересно, Лощинин и его свора отсекли, где пропал Шамил со своими парнями? От этого многое, если не все, зависит. Отсекли, наверное, не полные же они лопухи, в самом-то деле. Сколько успели отмотать от Трой? По самым скромным прикидкам — не меньше пятнадцати тысяч километров. Но это не по прямой, сначала они шли на северо-восток, потом, не доходя

до перегона, отклонились точно к востоку. Так и неслись параллельно перегону, в стороне от городков и дорог... Иногда только пересекали южные трассы, ответвляющиеся от трансконтинентальной нити.

— Надо к перегону двигать, — сказала Тири, и Аурел вынырнул из мыслей, словно из киберпейса. — Городишко должен быть неподалеку, Мелекесс зовется. Заедем туда. Дня за два доберемся, если темпа не сбавим. Ты как? Выдержишь?

Аурел поморщился. Еще и подкальывает!

— Ты бы выдержала. А уж я не ломаюсь, — пробурчал он недовольно.

Тири склонила набок рыжую, как встающее солнце, голову.

— Ты бывал когда-нибудь в зоне высадки? — спросила она вкрадчиво.

Аурел мимоходом подумал, что хандра ее испарилась как-то уж слишком резко, в одночасье, а это подозрительно.

— Следует ли понимать это как: «Ты проходил на своей “Барракуде” перегон от старта в сити до финиша в зоне высадки?» Нет, не проходил.

— А я проходила. Четыре раза. Два туда и два обратно.

Аурел подавился хеком. То-то она с «Квантумом» как одно целое...

— Сколько ж тебе лет было в первый раз?

— Десять.

Аурел недоверчиво хмыкнул.

— У папы за спиной?

— Нет, — ответила Тири. — За рулем. Папа только ехал впереди. У него был потрепанный «Мегаполис», ты таких и не помнишь, наверное. А у меня «Ксебек тридцать один-двадцать», тоже та еще развалина. Ничего, доехали... После этого мне подарили первую приличную тачку — «Коннер» CFS восьмьсот пятидесятый, возвращалась я уже на ней. Помню, как плясала и вопила от счастья в зоне высадки рядом с

новеньким «Коннером», глядя, как «Ксебек» гибнет под прессом... А как мне нравился запах смазки!

Аурел усмехнулся. Наверное, Тири любит только скорость. А ее заставляют ходить в сеть, которую она ненавидит... Но кто может ее заставлять? Отец? Гургу? Муж?

Нет ответа.

— Ладно, — вздохнул Аурел, поднимаясь. — Я так хочу пива, что готов мчаться до твоего Мелекесса без остановки, пока не свалюсь.

Тири натянуто усмехнулась и начала сворачивать кухню. Аурел собрался помочь, но она цыкнула на него и велела лучше проверить мотоциклы — в порядке ли. Это было куда веселее, чем скрести грязный котелок и мыть ложки, поэтому Аурел охотно согласился.

Вскоре они вновь рванулись в сизую летнюю даль, распахивая плотные, как вата, слои нагретого воздуха. Моторы гудели ровно, без надрыва, и в такт им бились два сердца; Аурелу казалось, что «Квантумы» чувствуют седоков нутром и радостно подчиняются каждому их движению.

Потому что моторы всегда отвечают взаимностью тому, кто их любит. В отличие от живых человеческих сердец.

Аурел видел перед собой обтянутую серебристой курточкой спину Тири и решительно подумал: «В Мелекессе. В этом чертовом, притаившемся у порога городишке я скажу ей все. Скажу, что не отпущу ее от себя. Ни на шаг. Что понял, зачем живу в этом, в сущности, бестолковом и бессмысленном мире — чтобы встретить ее и больше никогда не отпускать от себя. Ни на шаг. Что чихал я на приказы ее таинственных хозяев — надоело». Купить домишко в том же Мелекессе, кормиться сетью помалу, а если ей сеть не по нутру — пусть носится на мотоцикле вокруг городка, но не удаляется больше чем на шаг...

Но только Тири рассмеется в ответ, наверное. Или просто отмахнется и снова исчезнет неведомо куда,

велел ему сидеть в убогой комнатухе мотеля и носа наружу не высовывать...

«Ей нужно было родиться мужчиной, — вздохнул Аурел и тут же подумал: — Не дай бог...»

~# skip a period

Мелекесс выполз из далекой непрозрачной дымки, как краб из прибоа. Аурел прищурился — так было лучше видно. Издалека городок выглядел в точности как Троя — наверное, все Трои, Мелекессы и Снуги похожи друг на друга, как терминалы одной модели, только названиями и различаются. Такой же шлюз на въезде. Такие же мастерские рядом с заправочной станцией. Такой же бар, только на рекламном щите вместо гигантского гамбургера красуется тарелка с жареной картошкой и румяной котлетой. Правда, вместо великана Грая их встретил щуплый сутулый старик в сером истертом рабочем комбинезоне.

— Добро пожаловать в Мелекесс! — сказал он неожиданно приветливо.

Тири сдержанно кивнула и бросила шлем на седло.

— Топливо? — осведомился старик. — Смазка? Регулировка?

— Спасибо, — Тири покачала головой. — У нас все в норме. Просто стоянка.

Аурел откинул ножку, и «Квантум» послушно замер, склонив руль и переднее колесо немного в сторону.

— Заплатите в баре, терминал там, — сообщил старик. — Бармена зовут Нахт.

Тири еще раз поблагодарила и направилась к вертящейся двери бара. Аурел последовал за ней.

— Если что, ищите меня в мастерне, — сказал старик Аурелу в спину. — Это там...

Аурел даже не стал смотреть — где. Просто вошел в бар вслед за Тири, хотя где-то в уголке сознания

трепетала маленькая мысль — так поступать невежливо. Все-таки старик... Но основное место в голове занимали другие мысли: ПИВО и ДУШ.

Как выяснилось, мысли Тири совпали с его мыслями полностью. Ближайшие пару часов их мало что интересовало помимо этого.

Когда Аурел, чистый и расслабленный, растекся по креслу и еле-еле ворочал рукой, держащей пивную бутылку, он понял, что рай иногда спускается с недостижимых небес на землю. Сколько он сидел — Аурел и сам не почувствовал; только блаженство его прервала Тири. Дверь, по обыкновению, спутница отворила пинком. Аурел скосил глаза, потому что шевелиться не то что не хотелось — тело вообще временно исключило всякое движение из числа достижимых понятий. Тири успела переодеться — привычные ее брючки испарились куда-нибудь в утилизатор, а теперь она носила монреувские же джинсы, в довесок к стильным ботинкам. Но серебристая курточка сохранилась. Правда, вместо темно-серой футболки с загадочной надписью «Отдаю фреки только на ZyxElе» из-под курточки выглядывала красная клетчатая рубашка. Джинсы ей шли. Впрочем, Аурелу казалось, что Тири будет хороша в любой одежде.

— Держи, — сказала она и метнула Аурелу продолговатый пакет, который до этого держала в руках. Аурел даже не шевельнулся, и пакет мягко шлепнулся ему на грудь.

— Что там? — осведомился он, с трудом поборов нежелание делать что-либо, даже издавать звуки.

— Одежда. А свою выбрось.

Аурел тихо изумился.

— Уже выбросил. С каких это пор ты стала заботиться о моем гардеробе?

— С тех пор, как сплю с тобой в одном спальнике, — холодно парировала его выпад Тири. — Мне приятнее, когда ты чистый.

— Будешь тут чистым в первый же день, — проворчал Аузел. — Пылища в степи, шмоток не напасешься...

— Ничего, — успокоила его Тири. — Перетерпим до следующего городка.

— Ладно, спасибо... — Аузел продолжал ворчать, потому что ему по-прежнему хотелось лишь пребывать в кресле и потягивать пиво. — Надеюсь, там не мини-юбка?

Тири фыркнула:

— Я не люблю юбок... Вы, мужчины, хоть и лопухи, но одежда ваша все-таки удобнее...

Аузел развернул пакет. Там была такая же клетчатая рубашка, как и на Тири, и джинсовая пара от Говарда Шепарда. Только и осталось, что присвистнуть.

— Откуда ты знаешь, что я ношу Шепард? — спросил Аузел с немалым удивлением.

Тири ехидно объяснила:

— Как только я увидела тебя в Шепарде, я тут же догадалась, что ты носишь исключительно Шепард...

Но она улыбалась, и Аузелу хотелось думать, что она рада сделать ему приятный сюрприз.

— Выходи в бар, — сказала она и выскользнула за дверь как раз в тот момент, когда Аузел уже собрался подняться, чмокнуть ее в щеку и рассыпаться в комплиментах и благодарностях.

— Тьфу, — Аузел с досадой бросил пакет на кровать. — И почему я такой тормоз? — спросил он, глядя в овальное зеркало у кровати. Отражение отвечать не собиралось: напротив, вид у отражения сохранялся весьма озадаченный и вопрошающий.

Он влез в новые, восхитительно хрустящие джинсы, накинул клетчатую рубашку, мягкую, как тополиный пух, сунул ноги в поношенные кроссовки и подумал, что надо бы и их сменить на новые. Куртку он оставил на кровати.

И тут в застегнутой на молнию сумке отчетливо прозвучал сигнал вызова.

Аурел замер. Он привык, что выключенная борда не в состоянии принимать входящие — несмотря на то, что сам мог просканировать содержимое даже выключенного терминала.

Бластер продолжал надрываться в сумке. С опаской расстегнув молнию, Аурел тупо уставился на белый пакет с бордой и диалом. Звук стал громче и отчетливее.

С полминуты Аурел ждал, не решаясь прикоснуться ко взбесившейся технике, вызов продолжал ритмично звучать, словно знал, что хозяин рядом и все слышит. Потом нерешительно протянул руку и медленно потащил борду из пакета. Крошечный глазок над сенсором выключателя был матовым — значит, борда действительно не запитана. В конце концов, неся сумку под мышкой, Аурел мог случайно включить борду даже сквозь кожу и пластик пакета. Мог. Но оказалось, что причина не в этом.

«А если ее теперь включить? — растерянно подумал Аурел. — Перестанет трезвонить?»

Он решительно коснулся сенсора, и глазок затеплился зеленоватым огоньком. Бластер звучал как и раньше. Пустота над видеотреком сгустилась, и секунду спустя чуть выше клавиатуры замерцал голокуб. Пальцы сами утопили Alt-Q. В голокубе возникло темное изображение — внутренность не то бара, не то большой комнаты, в которой в самом разгаре была молодежная вечеринка. На Аурела взглянул выбритый до синевы парень. Ему было лет двадцать пять, и еще Аурел заметил, что на нем клетчатая рубашка, точная копия той, что Тири сегодня подарила ему, и той, что носила сама.

— Где Тири? — не здороваясь, спросил звонивший напористо. Вообще парень производил впечатление уверенного в себе и агрессивного человека.

— А ты кто, собственно? — осведомился Аурел. В такие моменты он и сам становился до невозможности агрессивным — инстинктивно.

Парень отмахнулся:

— Некогда. Скажи ей, Камилл зовет. Только быстро, ради святого коннекта! Это в твоих интересах тоже.

Так вот ты какой, таинственный Камилл! Тот, для кого Аурел добывал злосчастный лощининский файл! До сих пор они общались только через третьих лиц...

— Может, скажешь, в чем дело? А я потом передам.

— На вас охотятся, — неохотно пояснил Камилл. — Проблемы у вас. Новые. Давай дуй за Тири.

— Ладно, — пожал плечами Аурел и скорым шагом направился в бар. Что-то заставило его торопиться — наверное, предчувствие.

Тири он нашел не сразу, потому что в баре было дымно и темно, только в такт рэп'н'роллу метались по стенам, полу и столикам цветные пятна. Несколько человек танцевали в клубах искусственного белесого дыма. Аурел долго бродил от столика к столику, вглядываясь в лица сидящих. Наконец он увидел Тири — она оживленно общалась с двумя хайрастыми ребятами, похожими на музыкантов.

— Эй, — сказал он, приблизившись. — Тебя Камилл зовет.

Даже в полутьме Аурел заметил, как побледнела его спутница.

— Что? — переспросила она, но не потому, что не расслышала, а потому, что не могла поверить.

— Камилл зовет, — повторил Аурел. Голос у него был блеклый, как незабудка, простоявшая неделю в вазе без воды.

— Что значит — зовет? По сети? — уточнила Тири, словно Камилл мог звать как-нибудь еще.

— Да.

— Я же сказала тебе не касаться борды! — тихо и зло уронила Тири, устремляясь ко внутреннему выходу из бара.

— Я ее и не касался. Сначала, — попытался оправдаться Аурел, но его фраза упала в пустоту. Тири

уже убежала, а остальным посетителям бара было глубоко плевать — касался он сегодня борды или не касался.

Аурел умолк, но на него никто по-прежнему не обращал внимания, несмотря на то что он торчал посреди зала, как одинокий файл на холде. Даже хайрастые собеседники Тири тут же встали и удалились куда-то в дым. В уши назойливо толкался вяжущий ритм рэп'н'ролла, надоевший Аурелу еще в позапрошлой жизни.

Спohватившись, Аурел тоже поспешил прочь, к выходу. Холл и коридор он проскочил с ходу, не обращая внимания на тройку шарахнувшихся в полумрак теней. Узкая полоска света выбивалась из щели между косяком и неплотно прикрытой дверью. Из комнаты доносился тихий рассерженный голос, вполне отчетливый, но Аурел не смог разобрать ни слова. Наверное, говорили на каком-то косом жаргоне, которых придумали вдоль перегона сотни, если не тысячи. Еще доносился приглушенный шум вечеринки, там, на другом конце, откуда звонил Камилл.

Едва Аурел вошел, разговор прервался. Шум тоже. Тири коротко выругалась и протянула руку к борде — похоже, не появление Аурела послужило поводом к окончанию разговора. Она коснулась сенсора под надписью «Power», зеленый глазок индикации питания послушно угас, но голокуб продолжал светиться как ни в чем не бывало.

В следующую секунду пальцы Тири отдали короткую команду терминалу:

```
[check b mem]
```

Голокуб послушно мигнул, прокручивая тест.

```
[alien resident in base memory detected]
```

 — вспыхнула алая тревожная строка, и Аурел кожей почувствовал, как взвились на дыбы церберы, сторожащие in-порт. Впрочем, секундой позже голограммная муть сконденсировалась в еще одну строку, на этот раз зеленую:

[virus not found] [message generator data inverse point] [Наняты охранять вас. Фирма ТП. Идем по перегону с востока навстречу вам. Четыре джипа: «Гризли», «Эфа», «Строгино 4Х», «Лендровер автоклуб». Не разминуться бы! Ждите нас в точке, где получите эту messагу, или идите по перегону, не отклоняясь в стороны. Бай-бай! Бай.]

Мессага медленно теряла яркость, растворяясь в голокубе, как кусочек сахара в кипятке. Терминал коротко пискнул и озадаченно сообщил:

[dial init error] [optical line not found] [missing connect] [hardware trouble... please, wait]

Терминал судорожно пытался найти сеть. Но не мог: Аузел ясно видел, что джек волоконки, как и раньше, торчит из гнезда в стене, а диал, тоже отключенный, пребывает в сумке. Как же резидент сумел пробраться в base-память?..

И вдруг Аузел ясно понял — как. Через Камилла. Камилл этот наверняка такой же, как Аузел и Тири, — хакер-кибертелепат. Он заставил работать отключенную от всего борду. При известном усилии это, наверное, можно сделать, читал же Аузел на спор лежащие в кармане собеседника диски... А резидент — скорее всего спящий — сидел на горячих точках бекбона, по магистралям сидел, по серверам, и дремал до поры до времени. Едва Камилл открыл виртуальный капилляр на терминал Аузела, резидент проснулся, мигом собрал ядро мессаги и зашвырнул data-массив прямо в память...

«Стоп! — сказал себе Аузел. — Неувязочка!»

Едва Тири отключила батареи, терминал должен был уснуть, поскольку Камилл больше не подпитывал его. А это значит, что base-память должна сброситься и «забыть» все, включая злополучного резидента!

Аузел повернул голову к Тири; та возмущенно глядела на него.

— Прекрати! — потребовала она. — Прекрати сейчас же!

— Что прекратить? — недоумевающе протянул сбитый с толку Аурел.

— Прекрати держать борду! Зачем ты это делаешь?

«Она думает, что терминал подпитываю я!» — осенило Аурела.

— Это не я! — заверил он девушку. — Честное слово!

Тири свирепо глянула ему в глаза:

— А кто? Я, что ли?

— Не знаю! Посмотри сама, если не веришь!

И, шагнув к кровати, чтобы не упасть на пол, Аурел скользнул в киберпейс, неощутимое условное пространство, обитель голой информации, ограниченное на этот раз только памятью портативного терминала. Никогда раньше Слайдер.88.слайдер не видел отсеченного от общей сети виртуального мира.

```
~# run console 1 @comment: bug control
```

Спящий резидент отыскал терминал Аурела спустя две недели после странной истории с мнемоястами. Джипы неслись по равнине, как маленькое бизонье стадо, вмывая гонимые ветром шары перекасти-поля в укатанную плоть перегона и поднимая косые шлейфики пыли. Бластер заурчал и заулюлюкал, как вейтер-антивирус про виде свежего червяка — пожирателя архивов. Бай тотчас нажал на клаксон и утопил педаль тормоза до отказа. Повиснув на ремне в нескольких сантиметрах от руля, он почувствовал, как жалобно хрустнули ребра. Бай всегда пристегивался в автомобилях — после памятной истории с Васей Шмыковым, когда непристегнутого Васю увозили в больницу на вертолете, а пристегнутая жена не получила даже царапины. Тем более, в этом мире вертолета не дождешься, хоть до скончания времен сиди, это не Москва.

Мимо пронеслась тигровая «Эфа» — Тигрис еле успел выкрутить руль и объехать резко затормозивший «Гризли». Чен с Семой и Син, катившие впереди, тоже затормозили. Бай увидел, что дверцы передних джипов открываются и спутники выглядывают, пытаясь рассмотреть хоть что-нибудь в поднятой пыли. Боковой ветер быстро сносил пыль к северу.

Бай схватился за терминал и почти без опаски рухнул в сеть, даже не вспомнив о мнemoюстах. Теперь уход в зыбкие сумерки виртуального мира у него получался значительно лучше. Две недели назад, в первый раз, он не сумел войти без мнemoюстов, но уже через три дня полупогрузился в киберпейс. Зрение и остальные чувства словно расслоились: он видел кабину «Гризли» и ощущал пальцами клавиши борды, но в то же время он висел в пределах собственного, недавно открытого холда. Долго так висеть между реальностью и сетью не получилось, но через какой-то час он нырнул в сеть целиком. И пробыл там больше дискретного часа. С каждым разом проникновение в сеть давалось Баю все легче, словно мозг его постепенно привыкал к новому методу. Через неделю он сунул мнemoюсты в бардачок и напрочь забыл о них.

Резидент нашел Аурела у городка под название мелекесс, чуть южнее перегона. По прямой от ТП-шников это составляло чуть больше пятидесяти мегаметров. Бай прошелся по файл-рапорту.

[Target: located; non-dial connect over SOLO-NET_Server, concentrator N 18588 A Message: sending... completed cps 847634 Прощай, Бай!]

Выполнив задачу, резидент тихо распался. Ядро его на миг вспыхнуло и взорвалось праздничным фейерверком, а лог-нити, связывающие разбросанные по всей сети служебные массивы, занялись жидким сизым огнем и сгорели в одночасье.

— Йо-хо! — крикнул Бай, возвращаясь в кабину джипа. Рядом сидел Синицын, а в водительское окно заглядывал Чен.

— Ну? — нетерпеливо спросили оба.

Бай вздернул кулак с оттопыренным большим пальцем.

— Порядок! Мессага уже на терминале Аурела. Посмотрим, что он нам ответит!

В тот же миг над видеотреком замерцала развернувшаяся голограмма. Ровные строки проползали в толще голокуба и исчезали за плоскостью-ограничителем. Кто-то шарился в холде, общем для всех четырех джиповых терминалов.

— Однако! — сказал Синицын и залез в бардачок. Мнемюсты он отыскал на удивление быстро. Бай сосредоточился и скользнул следом.

Он стал бесформенной объемной кляксой, черной, как уголь в неосвещенной шахте. Рядом тусклыми искрами переливался Син, похожий на пузатого обтекаемого кашалота. А посреди холда висел полосатый, как оса, ярко-желтый юзер, в котором без труда можно было узнать Тигра. Значит, это не чужак: просто компаньону вздумалось сходить в сеть.

[В чем дело, Тигрис?]

Син говорил медленно, потому что плохо работал с бордой.

Тигр засветился еще ярче.

[Смотрю, как тут вы]

Он говорил еще медленнее.

[Все в порядке, клиент нашелся] — сообщил Бай.

Тигр не ответил — просто вытянул блестящее, как ртуть, жало и указал куда-то за пределы холда, на вывернутый входной капилляр. Бай и раньше замечал, что капилляр почему-то не прямой, но приглядываться к нему и не думал. Теперь пригляделся.

[Ах ты, edit твою DOS!] — выругался он и с негодующим шелестом перетек поближе к капилляру. Так и есть.

Капилляр был завернут петлей, и к нему примыкал еще один, черный и поэтому невидимый.

Трюк был прост, как форточка, и назывался хиден-фильтром. Виднелись даже искромсанные обрывки логов, из чего можно было заключить, что доступ к их терминалам пытались получить несколько юзеров, а не один, и что контролировались не все потоки терминалов, а лишь какой-то конкретный. Но какой?

Бай обратился гигантскими, во весь холд, ножницами и яростно шелкнул, обрубая чужой капилляр. Синицын в ужасе пискнул и метнулся прочь, чтоб не угодить под эту чудовищную гильотину. Черный капилляр смялся, словно был сделан из жести, и лопнул; обрубок бессильно повис, сочась густой фосфоресцирующей жидкостью.

Ошеломленный, Бай вновь стал кляксой: гнев, поднявшийся в нем, оказывается, способен управлять системой! С мнемоюстами на это ушло бы куда больше времени. Да и силища какая — Бай даже растерялся. Кем же он становится, каким-то компьютерным монстром?

Теперь он попытался контролировать свою силу, и в общем это получилось. Аккуратно выровняв входной капилляр, Бай свил вокруг него охранную сетку и наскоро привесил вейтера-сторожа. Перелопатил целевые управляющие церберов, мирно дремлющих в уголке холда (чтоб церберы и близко никого не подпустили к капиллярам), и решил, что для начала достаточно. Теперь шуровать на их терминалах будет весьма затруднительно.

Он вернулся в обычный мир, в последний момент оглянувшись. Холд был пустым и темным. Как и раньше. Только церберы дремали в углу.

«Толку от них», — подумал Бай зло. В глазах светлело, дневной свет рвался сквозь стекла кабины.

— Ты, урод! — Синицын с негодованием ткнул его кулаком. — Ты ж меня чуть не перекусил!

— Извини, — протянул Бай. — Я сам не сразу понял... Привыкаю без мнемоюстов. Еще не привык.

Син, отдуваясь, содрал с переносицы очки и принялся вытирать потный лоб. На висках виднелись красные точки — следы от таблеток-психоусилителей.

«Блин! Каково без мнemoюустов-то! — подумал Бай ошеломленно. — А ведь верно: мнemoюусты по сути контролируют энергопоток мозг — сеть. В обе стороны. А теперь я связан с терминалом бесконтрольно... Значит... Значит, я могу теперь ворочать в сети такими силами, какие мне и не снились? Да что там — вон капилляр перегрыз в момент, а раньше по часу уходило, чтоб его отсечь!»

Сознание своей мощи едва не раздавило Бая. Боязно было даже представить, на что способен энергетически не стесненный юзер в сети. Защиту любого сервера можно щелкать, как гнилой орех. Церберов на чужих холдах гонять, как голубей на крыше. Да что там — можно испепелить мозг любого обитателя киберпейса, загнав на его мнemoюусты короткий пиковый сигнал. Чик — и вместо мозгов кровавая каша.

Словно ударенный гигантским молотом, Бай сидел перед бессмысленно мерцающим пустым голокубом в своем джипе.

Чен и Син переглянулись. Их компаньон отрешенно застыл, пялясь не то в бесконечность степи, не то вовсе куда-то внутрь себя.

— Чего это с ним? — спросил Син с опаской, хотя прекрасно знал — что. Просто Бай понял что-то важное, что-то очевидное-невероятное. И теперь размышляет, можно ли извлечь из этого пользу или же придется изобретать защиту, и лучше — заранее. Уж кого-кого, а старого своего приятеля Син знал как облупленного, даром что никак не мог привыкнуть к новой физиономии. Впрочем, к его физиономии и круглым очкам, наверное, тоже привыкнуть трудно. А уж к Тигрову цвету кожи и лоснящейся, вечно улыбающейся роже!

— Граждане, — хрипло сказал Бай, прервав мысли Сина. — Граждане, хотите заполучить в помощь

всемогущего бога сетей? Так вот, он с вами. Я теперь могу весь этот мир завязать бантиком и поставить на уши. И никто — никто! — не сумеет мне помешать.

Но тут же подумал: если только под этими небесами больше нет никого, способного погрузиться в киберспейс без мнемоюстов. А кто сказал, что этого никто не умеет?

Незаметно подошедший Сема смиренно сложил ладони у груди и тихо спросил:

— Поедем ли мы дальше, господи? А то торчим здесь уже битый час и ни на метр не продвинулись. Я же хотел бы побыстрее разделаться с делами — и назад, в Москву, аминь...

Чен тихо, как умел только он, засмеялся.

— Ладно, поехали... — проворчал Синицын, открывая дверцу и вылезая из байкаловского джипа. — Где он нас должен ждать, говоришь?

— Э-э-э... — Бай защелкал клавишами, вызывая карту в голокуб. — Под Мелекессом. Это в двадцати мегаметрах... С небольшим.

Было слышно, как у себя в кабине хмыкнул Тигр и тотчас же завел двигатель. Полосатая «Эфа», выбросив из-под колес два пыльных хвоста, рванулась с места. Теперь колонну возглавил Тигр. Спустя несколько секунд тронулся джип Чена и Семы, затем — Синицына, а последним, подождав с минуту, пристроился Бай.

«Ну и ладно, — подумал он. — Хоть в задницу никто не воткнется, если опять резко заторможу!»

Пыль быстро оседала; в степи опять стало пусто, только еле слышное урчание моторов затихало вдаль, постепенно растворяясь в стрекоте кузнечиков.

```
~# run console 2 @comment: checkin' base software
```

Оказавшись в памяти терминала, Аурел осмотрелся. Он висел в центре большой, но конечных размеров сферы. Поверхность ее тускло отливала

сталью. Обычной безбрежности киберпейса не чувствовалось, и это было странно и непривычно.

Рядом коротко вспухла искристая клякса, похожая на медузу, — Тири. Искры, пробежав по тонкой мантии, угасли, медуза сложилась в комок, будто испуганный еж, и разом обрела серо-стальной цвет, в тон окружающей их сферы. Аурел оставался, как обычно, черным и бесформенным.

Внизу топорщились кристаллические джунгли, кое-где разбавленные игластыми шарами, — системные файлы и драйвера. Тысячи переплетенных нитей-связей увили эту диковинную конструкцию на манер плюща. Туда лезть было незачем.

Резидент обосновался в верхней памяти. Белесая сеть, похожая на паутину, затянула условный «верх» сферы. В местах крепления паутинок к поверхности сферы бугрились странного вида выросты, наводящие на смутные мысли о лосиных рогах. За паутиной что-то мерцало и перемигивалось теплым оранжевым цветом.

На стальном боку Тири вдруг прорезалось женское лицо — не очень почему-то похожее на саму Тири. Оно сохраняло все тот же матово-серый цвет, кроме глаз: глаза были изумрудно-зелеными. Аурел мысленно хмыкнул. Тири смотрела на резидент-паутину, медленно поднимаясь к ней. Аурел тотчас поплыл следом, на ходу превращаясь в зазубренный, как циркульная пила, диск.

Из-за паутины вдруг протянулась человеческая рука и погрозила пальцем: не приближайтесь, мол! Тири замерла, как показалось Аурелу — озадаченно. Рука тут же исчезла, даже не потрудившись сначала обратиться за паутину.

— Пугает! — сказала Тири басом, как брат Грай. Аурел не ответил.

Паутина тем временем выгнулась, словно парус на ветру. Потом слилась с неярким массивом резидента, впиталась в его шероховатую поверхность.

Аурел вырастил длинное щупальце и протянул его в направлении резидента. Массив тотчас явил большие ножницы — намек был достаточно прозрачным. Испытывать щупальце на прочность Аурел не стал. Здоровье дороже.

— Странный резидент! — протянула Тири уже не басом, а своим обычным голосом, только слегка реверберированным. — Больше на демона похож. Смотри, какая аура мощная.

«Какая еще аура? — подумал Аурел с недоумением. — Но на демона и правда похож...»

С мягким щелчком Тири распалась на добрую сотню небольших шариков, каждый из которых хранил копию женского лица и пару зеленых точек в качестве глаз. Шарики слаженно, как стая рыбешек, метнулись вперед, но резидент схлопнулся, будто карточный домик, и шарики, отскочив не то от поверхности сферы, не то от самого резидента, полетели назад, прямо на Аурела. Пришлось уворачиваться, держа в восприятии их всех, что было непросто. Аурел еле справился.

— Осторожнее! — проворчал он, когда Тири вновь сконденсировалась в нечто целое.

— Мимо, — констатировала она невозмутимо.

— Что ты пытаешься сделать? — попытался прояснить ситуацию Аурел. — Может, скажешь по дружбе?

— Взять его за шиворот, — ответила та. — Что тут непонятного?

Аурел скептически глянул на резидента — тот пульсировал, словно дышал. Сейчас он был похож на зерно чечевицы.

— Но какая аура! Такое впечатление, что это юзер в сети, а не просто программа! — продолжала говорить загадками Тири.

Аурел сконцентрировал внимание на энергопотоках. Внутреннее зрение включалось не сразу, а плавно, словно возникающее на белом листе фотобумаги изображение. Постепенно зеленоватые туманные «реки» густели и наливались интенсивной палитрой.

Аурел окинул взглядом всю систему потоков — кровеносных сосудов любой компьютерной системы.

Вот рукав к процессорным полям, низковольтный, поэтому тоненький... вытекает (гм!) прямо из тела демонопобного резидента! Аурел отвесил бы челюсть, если бы ее имел здесь, в киберспейсе. Вот рукав к осциллятору... тоже растет из резидента! А форекс борды?

Тоже из резидента! Все компоненты борды брали энергию у этой чертовой чужой программы!

— Эй, Тири! — сказал Аурел изумленно. — Погляди — энергопотоки! Только не падай потом, систему снесешь к едрене-матрене!

На изумрудные глаза спутницы мигом опустились затененные очки-звездочки, только без всякой оправы. Здесь им не нужно было на чем-нибудь держаться: могли просто висеть у глаз, потому что киберспейс не знает, что такое гравитация.

Тири взглянула, но ответить не успела: мир стал медленно меркнуть, энергопотоки светлели, словно у резидента кончился заряд.

Аурел без раздумий вывалился в обычный мир — оказалось, он лежал на кровати, свесив ноги, обутые в старые кроссовки, с псевдодеревянной спинки. Левая нога затекла, под коленом саднило, видно, Аурел ненароком ударился о твердый пластик. Тири сидела перед бордой, безвольно склонив голову на плечо. Впрочем, в следующий миг она вздрогнула и села нормально. Первым делом она взглянула на терминал — тот был мертвым, как и полагалось при отключенном питании.

— Дьявольщина! Ты видел? Эта программа сама подпитывала борду! — выдохнула Тири. Чувствовалось, что она под впечатлением.

— Видел... — глухо отозвался Аурел. — По-моему, это невозможно.

— По-моему, тоже. Впрочем, считается, что линковать человеческие мозги с сетью без мнемоюстов тоже невозможно. И тем не менее...

— Подожди, — Аурел рубанул ладонью воздух. — Ты хочешь сказать, что эта программа способна совершать некие осмысленные действия, что она разумна?

— Не обязательно. Она может быть обучающей.

— Но тогда она не сможет подпитывать терминал, — отозвался Аурел.

— Почему? — не поняла Тири.

— Ядра обучающихся программ незамкнуты. Незамкнутое ядро не...

— Поняла, — оборвала его Тири. — Действительно.

Несколько секунд в комнате висела тишина, потому что даже сверхнапряженная работа мысли не рождает звуков.

— А у тебя есть идеи? — наконец спросила девушка.

— Нет, — ответил Аурел. — Впрочем, есть. Может, резидент служит просто ретранслятором?

— Ага. А борду подпитывает некий таинственный программер. Как там его? Бай, кажется.

Голос Тири был полон сарказма.

— Предложи что-нибудь получше, — огрызнулся Аурел. — Дай-ка лучше борду. Щас я этого резидента ручками заломаю, по старинке...

Тири враз нахмурилась, вспомнив о проблемах реального мира.

— Некогда...

Аурел внимательно поглядел на нее.

— Что тебе сказал Камилл? И что тебя с ним связывает, кстати?

— У нас неприятности, — Тири встала. — Надо убираться отсюда.

— А подробнее?

Грустно взглянув в глаза Аурелу, она объяснила:

— Лощинин нанял киллера. Платонова. Знаешь, кто это?

Аурел вздрогнул. Он знал.

И еще он знал, что у Платонова «Бас-Лоджик». А это значит, что за день Платонов проезжает вдвое больше, чем Аурел с Тири на «Квантумах».

```
~# root ~# stream 2/console 5 @comment:  
user [Дмитрий Платонов] @comment: status [civ]  
@net locate: Кипрово_4999117
```

Ветер врывается в полуоткрытое окно, шепча о чем-то своем, воздушном, но Платонову было глубоко наплевать — о чем там шепчет ветер. В окно он спрашивал окурки и изредка поглядывал. А песни его не задевали.

«Бас-Лоджик», прижатый антикрылом к почве, упруго рассекал плотные слои прогретого воздуха. Руль почти не двигался: автопилот сумрачно мигал фиолетовым глазком, следя за дорогой. Впрочем, следить особо было не за чем. Степь рвалась навстречу так ряно, что рябило в глазах, — машина шла, сжирая по триста пятьдесят километров в час. Человек ни почем бы не выдержал такой скорости, сидя за рулем, обязательно влетел бы в какую-нибудь микроскопическую неровность перегона и пошел бы кувыркаться в осатаневшем от скорости металлическом гробу, пока не рвануло бы горючее. И привет. А автопилот, тихое и практически никому не известное изобретение одного из клиентов Платонова (ныне, понятно, покойного), досталось в наследство и безотказно служило киллеру номер раз уже седьмой год. Осталось только не взвять от скуки, бездельничая в роскошной кабине «Бас-Лоджика». Зато можно было не терять времени ночью — автопилоту время суток совершенно параллельно. Равно как и время года, что тоже немаловажно.

Вряд ли мотоциклисты делают хотя бы по сто километров в час. Мегаметр-полтора в сутки — их предел. Платонов легко делал восемь. На старте его от клиентов отделяло мегаметров тридцать. При самом неудачном раскладе он должен догнать сладкую парочку — ковбоя и его подружку — за семь—десять дней. Но

эти семь — десять дней нужно высидеть в кабине, взирая на опостылевшую степь, что окружала путника на перегоне. Спать или хлебать кофе — на деле Платонов забывал об алкоголе. Слушать Кочеткова или Митяева. Смотреть футбол. Но лучше — спать.

Платонов дремал, откинувшись на спинку водительского кресла. Когда прозвучал вызов, он лишь едва заметно шевельнул бровью. На вызов отвечать он никогда не спешил — пусть звонящий помается, понервничает. Глядишь, и страсти с него больше удастся.

Наконец он лениво, словно бы даже раздумывая — стоит ли? — потянулся к панели справа от руля, хотя никто не мог его видеть. Вторую натуру не победить...

— Ты кто?

— Лощинин! — тотчас отозвался бластер знакомым голосом. Только после этого Платонов включил изображение, положив предварительно руку на руль, ибо не хотел, чтоб об автопилоте узнал кто-нибудь посторонний.

— Мы их засекли! — Лощинин частил. Платонов чувствовал, что разговаривать с ним Лощинин не любит и старается поскорее разделаться со всеми делами.

Напрашивался вопрос: «Где?», но Платонов, конечно же, промолчал.

— Они добрались до перегона наконец-то... Есть такой городишко — Мелекесс. Знаешь, где это?

Платонов фыркнул. На перегоне не так мало городков — чуть меньше тысячи. Тем не менее он знал обо всех и держал в голове план каждого. Не зря же он считал себя профессионалом. Впрочем, что значит — считал? Платонов и был профессионалом, причем — лучшим.

— Я не понял, что у них там происходило, но минут пять терминал Слайдер-восемьдесят восьмого проработал. Кажется, у них был какой-то кривой коннект не пойми с кем. Во всяком случае, Злыдень с Энди не смогли отследить, с кем коннектился

Фриппи, — логи оборваны. И еще, — Лощинин хихикнул, — кажется, к ним пробрался вирус. Короче, они с ним боролись, а Злыдень тем временем шастал около и держал свой компьютерный нос по ветру. Сейчас я тебе его дам, послушаешь сам...

Платонов кивнул. Изображение Лощинина в голокубе уменьшилось и уехало в левый верхний угол; в центре и справа раскрылись окошки терминалов Злыдня и Энди Трушина.

— Привет, — поздоровался Энди. Злыдень просто кивнул.

— В общем, я мало что понял, — честно признался Злыдень. — Иногда мне кажется, что я снова стал радостным и лопухим чайником.

Платонов подозрительно поглядел на него. Если Злыдень, легендарный в сетях.⁴¹ говорит, что мало что понял, значит, дело и впрямь нечисто.

— А поконкретнее? — уточнил Платонов невозмутимо.

— Ну, например: это был не диал-коннект через ближайший ретранслятор, если, конечно, верить тем обрывкам логов, что я сумел наскрести. Но это не был и коннект посредством стандартной волоконки — волоконкой наши лучшие друзья вообще, кажется, не пользуются. Правильно — дураками их назвать никак нельзя... хотя некоторые их действия, мягко говоря, труднообъяснимы.

— Треки? — напрямую спросил Платонов.

— Треки в том числе, — подтвердил Злыдень.

Энди громко фыркнул. Платонов знал: Энди всегда фыркал, когда кто-нибудь из хорошо знакомых ему людей, вместо того чтобы изъясняться как обычно, вдруг начинал напоминать господина президента во время телеобращения к гражданам. Злыдень сейчас вещал именно в такой манере.

— Ну, хорошо. А что вы сообщите полезного мне? — спросил Платонов, зевая. Натурально зевая, вовсе не наигранно.

Злыдень пожал плечами:

— Не знаю. Черт возьми, я практически ничего не знаю — только догадки. Мне кажется, что эти ребята используют какую-то нестандартную технику. Может быть, они и к военным влезли в карман?

— Тогда бы за ними шла бригада «Адаптеков» с полным боекомплектом и приказом стрелять на поражение, а не я на несчастном «Бас-Лоджике»... — проворчал Платонов.

— Ну, — в тон ему проворчал Энди, старательно копируя малейшие интонации, — не такой уж и несчастный твой «Бас-Лоджик»...

Машинально Платонов проверил — левая рука исправно лежала на руле. Он все еще «вел» машину — по крайней мере, остальным полагалось в это верить. Неужели Энди пронюхал? Ну и времена! Ничего от хакера не скроешь! Но как, как он догадался, толстяк и обломщик? Уму непостижимо!

— Короче, — Платонов собрался. — Они в Мелекесе. Это радует: я думал, они дальше. Держите меня в курсе. Адье, граждане свободного Сатриана. Я отключаюсь, если вам больше нечего сообщить.

Энди пристально поглядел Платонову в глаза.

— Плафонов, — сказал он отдельно и внятно. — Не вздумай лезть к ним через сеть. Это такой совет.

— Ладно, — согласился Платонов. — Не стану. Это такой ответ.

И прервал сессию резким хлопком раскрытой ладони. Борда сухо затрещала, складываясь, и втянулась в специальный паз на панели, а голокуб сжался до размеров точки и пропал.

— Плафонов, — повторил он с отвращением. — Лет пять меня никто так не называл. Надо же, еще помнят. Кто ж это придумал-то? Кажется, Вася-Секс. Когда расколотил у меня ритуальную Наташкину лампу. Сказал, мол, теперь ты Безплафонов: плафон твой я расколотил. А на бессвязные ругательства Вася ответил, разведя руками: «Ну, извини!» — Платонов

тогда даже не разозлился, потому что на охламона Васю злиться было совершенно бессмысленно.

«Бас-Лоджик» упруго съедал расстояние.

«Ох и сдору же я с Лощина разъездных», — подумал Платонов, расслабляясь. У него была в запасе по крайней мере неделя. Работа начнется только потом, но счетчик включен, и гонорар капает, с каждой секундой увеличиваясь. Специфика.

Он заснул минут через десять. Только автопилот продолжал незаметно корректировать путь стремительной, как тень, машины, которая презирала расстояния.

```
~# run console 4 @comment: research net  
movie
```

Энди привычно устроился в любимом кресле и потянул борду с захлавленного стола на колени. Потом медленно нацепил мнемюсты, намеренно закрепив тонкий проводок внатяг, чтоб предательские таблетки психоусилителя слетали с висков при малейшем движении головы. Энди очень не хотелось разделить судьбу бедняги Рюкзак, и он пытался принять меры. Тем более что, кажется, он нащупал ниточку, ведущую в самый центр клубка. К тому, кто спаивал воедино много на первый взгляд не связанных друг с другом событий. Начиная от слитого у Лощина файла и заканчивая сверхъестественной смертью Рюкзак.

Камиллом Энди заинтересовался после того, как выяснил: тот многое не договорил Лощину, когда порекомендовал вызвать помощь из-за барьера. Во всяком случае, Камилл сумел надолго заморочить Лощину голову, и тот занимался стрельбой в молоко; а потом исчез из сити, причем как раз в тот момент, когда Лощинин заподозрил неладное. В самом деле, почему Камилл не сообщил, что знает, кто именно стянул пресловутый файл с терминала в «Яузе»? И потом — странная история с хинтом для забарьерников. Слепому видно, что Камилл затеял и вел какую-то свою игру.

Энди переворошил гору массивов на многих серверах, он сидел перед голокубом часами, до отвращения к синим окошкам Миднайт командера, но сидел не зря, как выяснилось.

Случай с пропажей файла у Лоцинина был не единственным за последние три года, а всего лишь самым крупным. Ко всем без исключения имел отношение Камилл — как консультант. Данные всегда пропадали бесследно и при расплывчатых обстоятельствах с уклоном в мистику. При этом можно было с уверенностью сказать: во-первых, украденные данные *НЕ* сбрасывались на стандартный лазер-диск, если судить по времени доступа; во-вторых, они не сбрасывались и на PVT-область всеобщего диска, а также не сбрасывались на локальный диск удаленного терминала, ибо не выкачивались из системы наружу; и в-третьих, они не могли быть считаны в оперативную память целиком из-за слишком большого объема. Сначала Энди предположил, что файлы просто уничтожались, но статистика все же фиксировала иногда не удаление, а перемещение с ничтожно малым временем записи на новый носитель и обычным — удаления со старого.

Сначала Энди не придавал этому значения, но когда сожгли Рюкзак, вдруг задумался: а какая нужна энергия, чтоб сжечь живые нейроны? Попробовал подсчитать — и ужаснулся. Огромная, в сети это нереально. Потом подумал: а что ограничивает энергетическую мощь юзера в сети? Ответ был очевиден — психоусилители-мнемоюсты.

И вот тут Энди прошиб холодный пот. Достаточно подключиться к сети без мнемоюстов, напрямую мозг-порт, и...

Это объясняло все. От скачивания данных с отключенного терминала (скачивания непосредственно в мозг — и время ничтожное, и логов не остается) до убийства Рюкзак. Во всех случаях, которые раскопал Энди, файлы воровали разные люди. Кстати, вскоре после этого эти люди исчезали из общедоступного

киберспейса. Исчезал из виду и Камилл. До следующего случая...

Трудно было не сопоставить очевидные факты. Камилл явно выискивал по сетям людей-феноменов, а потом, видимо, использовал в каких-то неясных целях.

И Энди стал копать под Камилла. Отыскивал еле заметные следы его пребывания в сетях, потрошил статистику больших серверов. Постепенно картина начала вырисовываться. Найденные юзеры-кибертелепаты покидали сити, адреса их станций, если таковые были, исчезали из нодлистов, но кое-кого Энди все же периодически отслеживал. Все логи тянулись откуда-то из центра материка, с магистраля второй сотни. Энди нашел даже приватный флэш-линк на один из бекбонных узлов сити.

Мнемоюсты жгли ему виски. Энди с сожалением задавал себе вопрос: почему он не может подключаться к сети напрямую? Это сильно упростило бы дело, потому что не стесненный энергетически юзер способен защитить себя в киберспейсе от кого угодно. Страх не покидал Энди.

Повинуясь смутному наитию, Энди копал глубже и глубже, устанавливая имена и старые адреса людей, которыми интересовался Камилл, и никому ничего пока не рассказывал. Лощинин вряд ли заинтересовался бы подобной информацией, во всяком случае до поимки ловкача Фриппи.

Копать было безумно интересно, Энди часами просиживал перед голокубом, готовый в любую секунду вывалиться из сети и тем самым сохранить себе жизнь.

Но опасность пришла не из киберспейса. В тот день с утра Жека с детьми ушла не то в парк, не то по магазинам, только Юрка прилип к борде, раскалывая очередную миссию в «Готорн крафт», и мало на что обращал внимание. Бластер его терминала грохотал и выл, как ошпаренный кот. Энди был поглощен работой и на короткий шум из коридора не обратил внимания, решив, что там бродит вечно голодная Ксюха.

Он совсем забыл, что Черную Суку увела с собой Жека. Зашедший накануне Толик Хлыстов спал в зале после обильного, длившегося ночь напролет пивного марафона с Пустовойтовым. Пустовойтов уехал уже после рассвета, и Толик спал крепко и безмятежно.

Чувство, что за плечом кто-то стоит и внимательно глядит в мутный спейс голокуба, свалилось неожиданно и захлестнуло мысли, будто первая штормовая волна сухой пирс. Энди рывком обернулся — мнемюсты соскочили с висков и повисли на тонких черных проводках.

У кресла стояла стриженная под подростка девушка, рыжая и худенькая, в брючках в обтяжку и серебристой куртке поверх красной клетчатой рубашки. Она внимательно глядела на Энди сквозь затемненные очки-звездочки. В руке ее чернел пистолет — если бы Энди разбирался в оружии, он узнал бы одиннадцатизарядный «Макселл».

Фраза застряла у Энди в горле. Девушка подняла пистолет, и аспидно-черный зрачок пулевого канала пронзил сознание Энди холодной иглой.

«Все», — возникла одна-единственная мысль.

— Прости, — тихо сказала девушка. — Ничего личного. Ты слишком близко к нам подобрался.

И нажала на курок.

```
~# root ~# kill console 4 ~# end
[Press Enter_]
```

Звук выстрела утонул в стене Юркиного бластера. Энди дернулся в кресле и замер, свесив набок курчавую голову. На полосатый халат попало немного крови. Девушка опустила «Макселл», взглянула на мертвого Энди и неслышно выскользнула из комнаты. Она увидела в зале безмятежно спящего Хлыстова, глянула в спину заигравшемуся Юрке и вернулась в комнату Энди. Несколько мгновений постояла перед терминалом, закрыв глаза.

Все. Теперь терминал Энди Трушина был мертв. Так же как и хозяин терминала.

Девушка ушла никем не замеченной — потому что Энди выпал из списка живых.

Его труп нашел Хлыстов только под вечер.

```
~# system integrator — to user: @com-
ment: console 5 slide to console 4
```

```
~# new list: console 1 [Dmitry Baikalov @ТП]
console 2/stream 1 [Stas Shimansky] /stream 2
[Mikel Zhmurov] console 3 [Аурел Чогоряну] con-
sole 4/stream 1 [Владимир Лошинин] console
4/stream 2 [Дмитрий Платонов]
```

```
~# have a nice cyberspace! ; -)
```

```
~# run console 2 @comment: run, sysop, run!
```

Из полудремы Жмур выдернул мощный аккорд входящего. Жмур встрепенулся и сел в кресле поровнее. Где-то в глубине дома тихо наигрывала мандолина, чему Жмур тихо изумился: неужели Злыдень музицирует? Потом выяснилось, что мандолина играла на улице, а звук доносился из открытого в одной из спален окна.

Злыдень благополучно спал на кушетке, и даже звук входящего не потревожил его богатырский сон. Протянув руку, Жмур коснулся борды. На экране ископаемого монитора сгустилось изображение Лошинина. Босс был бледен и взъерошен. Казалось, он на грани паники. Собственно, так оно и было.

— Энди убит, — без предисловий начал Лошинин. — Буди Злыдня и рвите на перегон...

Жмур молча пихнул спящего приятеля-хакера и подождал, пока взгляд того приобретет осмысленность.

— Повтори, Володя... — попросил Жмур матовым, как стекло в бане, голосом.

— Энди убит, — покорно повторил Лошинин. — Сегодня утром.

— Как убит? — опешил Злыдень, вскакивая с кушетки.

— Из пистолета. Выстрел в голову. На эндятнике были еще Юрка и Толик Хлыстов. Их не тронули. Но они и не видели никого — Толик спал, Юрка игрался. Ни единого следа — профи постарался. Рабочий терминал Энди выжжен как... — Лощинин с трудом подобрал сравнение, — как мозги Рюкзака.

Жмуру стало холодно от такого сравнения.

— Охота? — глухо спросил Злыдень.

Лощинин пожал плечами:

— Не знаю. Но на вашем месте я бы убрался из Еланца и долго не совался бы в сеть...

Злыдень задумался. А Жмур вдруг остро почувствовал, каково из охотника превратиться в дичь. Убийца с заряженным «Вербатимом», три-М или TDK мог подстергать за каждым углом, мог в любую минуту ворваться в уютный дом Злыдня и выпустить на свободу маленькую стремительную смерть, пахнущую порохом и оружейной смазкой. И от этой мысли начинали противно дрожать колени.

— И... никаких идей — кто бы это мог быть? — без особой надежды спросил Злыдень.

Жмур перевел взгляд на Лощинина. Тот немного поколебался, словно размышлял — говорить или нет. Все же решился и сказал:

— У дома Энди видели девушку приблизительно в то же время, когда эксперты определили смерть. Девушку, невероятно похожую на Тири.

У Жмура непроизвольно отвисла челюсть.

— То есть?

— Никто не говорит, что это Тири. Просто очень похожа — одета практически так, как Тири перед бегством из «Потерянного кластера». Очки-звездочки... Впрочем, это все ерунда. Тири со своим дружком сейчас на перегоне. И, между прочим, к Еланцу они сейчас ближе, чем к сити.

— Ерунда, говоришь? — хрипло выдавил Злыдень и мучительно закашлялся. — А я так не думаю. Это система, Володька. Группировка. Не зря они похожи, Тири и та девчонка. А за ниточки дергает, будь уверен, Камилл. Ты не нашел его тогда, но это не значит, что он исчез безвозвратно.

Лощинин недоверчиво поглядел на Злыдня.

— Почему Камилл?

— Сам подумай, — ответил Злыдень. — Заодно прикинь, что дало бы Камиллу единоличное владение украденным у тебя файлом.

Лощинин отмахнулся:

— Не пори ерунды! Зачем Камиллу мой файл?

— Не знаю, — Злыдень пожал плечами. — Я не знаю даже, что это за файл, а уж о том, зачем он Камиллу, — и вовсе ни в жизнь не догадаюсь. Я вот что знаю: Энди последнее время копал под Камилла. И, кажется, что-то откопал. Доступно?

Лощинин все еще недоверчиво глядел на собеседника. А Злыдень поднялся с кушетки и обратился к Жмуру:

— Собирайся, Жмурилло. Я уверен, что пуля в голове не прибавит тебе радости.

Жмур с готовностью вскочил.

— Извини, — сказал Злыдень Лощинину. — Похоже, мы выбываем из игры. Будь добр, перечисли положенный гонорар нам на карточки. А то — сам знаешь, каково на перегоне без гроша... До встречи, я отключаю терминал.

Лощинин шумно вздохнул и печально покивал. В следующую секунду изображение на экране «Пойя» стало постепенно меркнуть, пока не исчезло вовсе. Зеленый глазок на мониторе погас, потому что Злыдень отключил питание всей системы. Теперь его дом был отрезан от остального информационного мира.

— Машина в гараже, — сказал Злыдень Жмуру. — Собирай спальники и прочее барахло. Я жрат-

вы наберу. Да пошевеливайся, а то предчувствие у меня нехорошее...

Впрочем, Жмура не нужно было подгонять — по понятным причинам.

Желтый «Стингрей» Злыдня метнулся к южному шлюзу Еланца спустя двенадцать минут. Уходить решили не на перегон, а на юг, в сторону горного пояса. Туда мало кто забредал, а городков было еще меньше, чем в полярных районах.

А ближе к вечеру к дому Злыдня бесшумно приблизились две гибкие тени. Некоторое время они провели у низкой живой изгороди, молча разглядывая темные окна.

— Терминалы не включены, — сказала наконец одна из теней высоким девичьим голосом. Вторая тень повернула голову и взглянула в очки-звездочки.

— Кажется, мы опоздали.

Бесшумно перемахнув через изгородь, тени прошли вдоль бассейна и стали пробовать все окна по очереди. Третье по счету, окно жмуровской спальни, распахнулось после легкого нажатия. Дом был обшарен в несколько минут, после чего тени собрались в берлоге Злыдня. Вряд ли хозяин остался бы доволен, узнай он, что стряслось в этот вечер с его техникой. Но Злыдень был уже далеко.

— Осторожные, гады, — сказала вторая тень мужским голосом. — Удрали. Кто-то их предупредил, не иначе.

— Кто-то! — саркастически отозвался девичий голос. — Лощинин, конечно. Логи можно и глянуть, прежде чем пускать систему в даун...

— Какие логи? — мужчина пожал плечами. — Видела, что за диал на крыше торчит? «Темное зрение», не «Аварк» какой-нибудь вшивый. Суровый девайс. Они, поди, напрямую к магистралу в сити цеплялись.

— А что, магистрал с некоторых пор не отсылает эхо-статистику? А, Крюгер?

— Все-то ты знаешь, — проворчал мужчина. — Ладно, пошли. Надеюсь, ты все потеряла?

Девушка не ответила. Две тени покинули пустой дом и растворились в полутьме ночного города.

~# run console 3 @comment: use brain

Они удирали из Мелекесса, словно за ними гнался сам дьявол. Аурел с немалым удивлением убедился, что Тири влечет его вовсе не к стоянке, где остались их «Квантумы», а куда-то в сторону, сквозь лабиринт респектабельных особняков, через какие-то сомнительные дыры в заборах и неожиданные пустоши между именьями. В глухие ворота одного из особняков их впустил молчаливый негр. Ворота наглухо закупорили вход, едва Тири и Аурел оказались внутри, а урчание сервомоторов увязло в пышной зелени, клубящейся за воротами. Негр убрал руки с пульта у караулки, и теперь весьма трудно было предположить, что посреди нерушимой стены устроен проход.

Аурел нерешительно топтался перед караулкой, пока Тири не дернула его за рукав:

— Не спи! Сейчас нас спасет только скорость.

— И поэтому мы положились на собственные ноги, а не на «Квантумы»? — едко заметил Аурел.

Тири резко остановилась, схватив Аурела за рубашку.

— Ты что, всерьез рассчитывал уйти от Платонова на мотоциклах?

Аурел задумался. От «Бас-Лоджика» в самом деле не спасли бы и «Квантумы»...

— Что у тебя за идея? — спросил он, догадавшись, что Тири что-то затеяла.

Давешний негр у ворот подогнал к караулке обтекаемый «Креатив» с номерами сити. Аурел прищелкнул и вздрогнул — это был один из автомобилей лоцининских торпед, оставшийся в Трое после побоища в гараже. Значит, «Креатив» перегнали в Мелекесс, словно знали, что он пригодится... Стран-

ное совпадение. Слишком многозначительное, чтобы быть случайным.

Негр, отворив дверцу, выскочил наружу, и за руль тут же скользнула Тири.

— Садись! — велела она Аурелу, и тот подчинился прежде, чем понял, что подчиняется.

«А сумка!» — хотел воспротивиться он, но Тири, послав «Креатив» во вновь возникшие посреди стены ворота, так резко утопила акселератор, что Аурел утонул в кресле, прижатый ускорением. Негр у пульта махнул им черной рукой — наверное, желал удачи.

— Спасибо, Моррис, — прошептала Тири едва слышно, умело ворочая рулем. Снова мелькнули за стеклами особняки и сомнительные заборы, и «Креатив» затормозил на стоянке у знакомых «Квантумов». Аурелу не нужно было объяснять, зачем они здесь. Он мигом выскочил наружу, распахнул бардачки и перебросал сумки и пакеты в машину. Перегон шутиков не любит...

Очень жаль было бросать мотоциклы в этом городке, но Аурел понимал, что «Креатив» все же пошустрее.

«Вот так и рушатся все надежды, — подумал он печально. — „Барракуды“ своей лишился, теперь и „Квантум“ отняли. Веселее некуда...»

Но у «Креатива» тоже был мотор, и он тоже бился в железном чреве машины, прислушиваясь к ритму живых сердец, и очень скоро Аурел стал жалеть только об одном — что за рулем сидит не он. Но, в сущности, какая разница — в такт чьему сердцу звучит мотор, если сидящая рядом так же близка тебе, как и покинутая в Трое «Барракуда»?

И Аурел отдался этому гипнотическому ритму, этой звенящей скорости, этой механической песне, подчиняющей всех, кто ее слышит. Ветер звучал за стеклами. Степь негромко выла, прокручиваясь под колесами. Расстояния меркли.

«Я живу», — Аурел сжал руку на подлокотнике. Схожие ощущения возникали у него только в сети,

когда он сливался с какой-нибудь навороченной программой, с каким-нибудь хитрым ледорубом, и ломал то, что до сих пор не смог сломать никто. Он ощутил вкус жизни, вкус поиска, единственное, ради чего стоило жить.

Это приходило к нему всегда в самые неподходящие моменты. Наверное, в этом крылся некий загадочный смысл. Но именно в такие моменты Аурел переставал страшиться неизбежной смерти и упивался свободой — ведь жизнь того стоила.

«Креатив» вспарывал лето, убегая на восток. Они и вправду смогут идти быстрее, чем на мотоциклах: когда устанет Тири, за руль сядет Аурел; отныне можно не тратить время на стоянки и спать прямо на ходу, по очереди.

Если Платонов едет один, это уравнивает шансы. Если же не один... Что ж, тогда они столкнутся немного позже. Дальше от сити.

— У вас что, община? — спросил Аурел спутницу, неожиданно вернувшись к мыслям о целях своего спасения.

Тири вопросительно уставилась ему в лицо, надолго оторвав взгляд от перегона за лобовым стеклом, накатывавшегося со стремительностью горной лавины. Очки-звездочки скрывали зелень ее глаз.

— У кого — у нас? — спросила она потом.

— Ну, у вас, у кибертелепатов. У тех, кто ходит в сеть без мнемоеюстов.

Тири насупилась.

— С чего ты взял, что нас много?

Аурел неопределенно пожал плечами:

— Ну... это же очевидно. Зачем я тебе? Зачем ты встряла в эту авантюру? Не из тяги же к путешествиям...

— Много ты знаешь о тяге к путешествиям! — скептически протянула Тири, вновь прикипев взглядом к перегону.

— Много, — сказал Аурел, не задумываясь.

Тири долго молчала.

— Скажи, как с вами связан Камилл? Почему он тебе звонил?

— Камилл у нас главный, — неохотно пояснила девушка. — Это он меня послал вытащить тебя из сити.

Аурел опешил.

— Как — главный? Он что, тоже кибер?

— Да. Самый сильный. Иногда я его боюсь...

Вот тут Аурел перестал что-либо понимать. Камилл был заказчиком того самого дела, из-за которого теперь приходилось мчаться по перегону с Платоновым на хвосте. Это для Камилла Аурел стащил файл из корневого массива лощининской станции. Если он кибер, зачем тогда нанимал Аурела? Хотел загрести жар чужими руками?

С другой стороны, если он собирает киберов — почему сразу не перетянул Аурела к себе? Без дурацкой гонки по перегону, без торпед Шамила и без Платонова? Без забарьерных ребят, по иронии теперь пытающихся его прикрыть?

Шарп-диск с лощининским файлом Аурел давным-давно отдал посыльному Камилла. Значит, дело не в файле.

Аурел тихо выругался. Снова он не мог уловить глубинную логику событий, и снова чувствовал, что ответ чрезвычайно прост, только сейчас прийти к истине не удастся, сколько не плавь извилины.

Оцепенев в кресле и уставившись в мерцающую за лобовым стеклом даль, Аурел надолго ушел в размышления. Тири изредка косилась на него, но молчала. Впрочем, Аурел этого и не замечал.

~# run console 4 @comment: medium step

Мелекесс Платонов прошел глубокой ночью. Автопилот негромко исполнил бравурный марш «Последний прыжок тореадора», сигнализируя, что машина перед городским шлюзом. Клиенты отсюда давно

убрались, Платонов знал это. Знал и то, что двухколесные «Квантумы» они сменили на добрый «Креатив», а значит, встреча откладывается еще недели на две.

Город мелькнул за стеклами чередой приглушенных ночных огней. Неоновая реклама прочертила на фоне ночи причудливый, медленно угасающий трек и растаяла вместе с Мелекесом. Под горячие от нагрузки шины вновь лег простор перегона. Платонов вернул управление автопилоту и привычно расслабился.

Ночь сгустилась над скоростной машиной, как вода над брошенным камнем. Лишь одинокий фиолетовый глазок тускло мерцал посреди пульта — остальное растворилось во тьме.

~# run console 3 @comment: crossroads

— Они где-то здесь неподалеку, — сказал Аурел уверенно, имея в виду пятерку забарьерников. — За Волицком, на перегоне.

— С чего ты взял? — не поверила Тири. Она только что проснулась и склонна была все подвергать сомнению.

Аурел пожал плечами:

— Посчитай. Если они едут так же быстро, как и мы, значит, в Волицке мы и пересечемся.

— А зачем нам с ними пересекаться?

Аурел удивился.

— Они же помочь хотят!

Зевнув, Тири приподнялась на локтях, нехотя выглядывая в окно.

— Зачем тебе их помощь? Думаешь, спасут от Платонова?

— Ну, — протянул Аурел, пытаясь, чтобы слова звучали поубедительнее, — семь против одного — это все-таки не двое против одного. Да еще если из двоих одна...

Он вдруг замолчал, сообразив, что сболтнул лишнего.

— Ну, договаривай, — Тири почему-то оживилась. — Потому что одна — девчонка, да?

— Да, — пересилил себя Аурел. Получилось достаточно уныло.

— Bravo! — улыбнулась Тири. — И это говорит тот, кого я тащу на себе от самого побережья. Где бы ты был без моей помощи, а, деляга?

— В горах Южного Пояса! — ожесточился Аурел. — Без киллера на хвосте и никого не убивая! Прекрасно и без тебя бы справился!

Он в сердцах рванул руль влево, объезжая пузатый шар перекасти-поля. «Креатив» вильнул, Тири бросило сначала на спинку передних сидений, потом к дверце, в угол. Она больно ударилась головой о подлокотник-пепельницу.

— Потихе ты! — прошипела она. — Герой.

Аурел решил не отвечать, только сердито сопел. Несколько минут молчание нарушалось лишь уверенным урчанием двигателя да еле доносящимся шорохом протекторов.

Потом Тири, добавив в голос миролюбивые нотки, осведомилась:

— Ты что, серьезно намеревался уйти от Лощина на своей «Барракуде»?

Аурел только кивнул.

— Ты сумасшедший, — вздохнула Тири.

— Ушел бы, — упрямо сказал Аурел. — Есть опыт.

Тири усмехнулась и села, отбросив серебристый спальник, которым укрывалась, в сторону.

— Ладно, давай не будем об этом. Останови, пожалуйста.

Когда она вернулась в машину, Аурел уже остыл. Пусть себе, пусть тешит себя мыслями, что он сам ни на что не способен. Самоуверенная девчонка.

Но Тири нравилась ему даже такой.

— Устал? — спросила она, захлопывая дверцу. — Может, давай я поведу?

По сложившейся схеме тот, кто просыпался, не садился за руль еще часа два.

— Ладно, — проворчал Аурел. — Дотяну до Волицка, тут недолго.

И в этот момент что-то взорвалось у него в голове, отдаваясь тупой болью в висках. Аурел вцепился в руль и мягко осел, склоняясь к плечу Тири. Ступня его отпустила педаль акселератора, и «Креатив» пошел тише, сворачивая с перегона в дикую степь. Не растерявшись, Тири перехватила руль, дотянулась ногой до сцепления, рванула рычаг коробки на нейтрал, мягко перебросила монреувский ботинок на тормоз и дождалась, пока «Креатив» встанет.

— Что с тобой? — она потрясла Аурела за плечи, заглядывая в лицо. Глаза его были пусты, как глаза манекена.

— Черт! — Тири потянулась к бардачку, собираясь вытащить аптечку, и тут же заметила зеленый индикатор на машинном терминале. Терминал пахал вовсю, словно обрабатывал мультисессию с десятком разных серверов.

— Черт! — повторила Тири, на этот раз слегка растерянно. — Да он в сети!

И, не раздумывая, распахнула призрачную завесу, отделяющую реальный мир от киберпейса. Ухнула в этот такой чужой и такой странный океан неоощутимых информационных полей. Через весь холд тянулся ясно видимый светящийся след. Тянулся к черному капилляру, похожему на хидден-врезку.

Став похожей на серебряную акулу, Тири пошла по следу. Ее спутник не мог уйти далеко — не успел бы.

Церберы ревниво рванулись к ней, чувствуя чужую, но она выбросила радужный мерцающий шлейф нокера и сразу стала невидимой.

«Никудышная у Шамила защита, — подумала она, подбираясь к узкому капиллярному гейту. — Не удивительно, что он не многого добился...»

В капилляре было почему-то заметно теплее, чем на холоде. Она скользила вдоль следа, и капилляр вскоре вывел к достаточно обширному линку на бекбонный сервер. Аурела тащили в сторону бекбона, именно тащили — в этом Тири не сомневалась ни секунды. Он, конечно, оболтус и авантюрист, но не до такой же степени! Его взяли, ясное дело, на поводок — уж не Камилл ли? Тири тоже не понимала многих действий жожака и не могла их объяснить. Но лишь в случае с Аурелом действия Камилла сначала вызвали в ней глухое раздражение, а затем и неосознанный протест. Потому что ее заставляли совершать нечто... неприятно пахнущее, скажем так. Да еще в отношении Ури — первого, кто был ей действительно безразличен в этом мире.

А может, это не Камилл, а оставшиеся лоцининские хакеры-наймиты? Тогда им крышка. Возиться с ними нет времени — не так давно Тири их достаточно красноречиво предупредила. Не вняли — что же, каждый выбирает свой путь...

Она влилась в пределы сервера — гигантского куба, поделенного на этажи, кварталы и секторы. Куб искрился жизнью; мелькали светящиеся фонарики юзеров, по каналам рутинга сплошным потоком шли искрящиеся сообщения, кто-то пытался протянуть алую нить директа, сверху то и дело сваливалась тончайшая невесомая паутина селф-секьюрити-сканнинга, бесцельно бродили демоны-резиденты, не вызванные в данный момент, какой-то псих ломал толстую стену рут-защиты, и к нему незаметно, исподволь, чтоб не спугнуть раньше времени, сползались красноглазые церберы, похожие на решетчатые фермы сервоподъемников.

Скользнув взглядом по ломщику-самоубийце, Тири пронеслась мимо. Какой-то лопухий юзер-новичок, горящий зелено-желтым, словно новогодний феер, на миг застыл, когда мимо него незримой тенью промчалась тускло-серебристая акула.

А в следующее мгновение Тири увидела Аурела. Это был именно он — никем другим не могло быть аспидно-черное пятно в углу чьего-то локального прайвет-диска. Аурел одиноко висел, изредка вздрагивая. Его никто, похоже, не трогал. Но себя Аурел не помнил, это несомненно.

Тири, стараясь не суетиться, обволокла его незримой пеленой свежего нокера, не такого, с помощью которого дурачила шамиловских церберов, а нового, специально сотканного только что. Аурел казался сонным — его «я» едва тлело где-то в непроглядной глубине, а к мозгу сбегалось несколько витых паутинок, запутанных, словно вытащенная из механизма часовая пружина. Тири попыталась отследить целиком хоть одну, но не успела. Паутинки вдруг дружно распались в светящуюся пыль и осели на нижний уровень, постепенно теряя свечение и обращаясь в частички серверного полумрака. Аурел тотчас встрепенулся, собрался в игластый шар, и Тири захлестнула мощная волна живой эманации — спутник проснулся. И теперь соображал, где он и что с ним.

«Своя, — сигнализировала она понятным Аурелу кодом. — Уходим немедленно».

Аурел узнал и согласно высветил на черном боку среди игл «agree».

Новичок, торчащий неподалеку и все пытающийся понять — что же происходит совсем рядом с ним, — недоуменно отследил два стремительных, как болиды, ядра, что разом исчезли. Только что были здесь, на локале, а в следующий миг о них уже ничто не напоминало.

Точнее — ничто, кроме крохотного трек-файла, возникшего словно бы ниоткуда. Новичок не удержался и потянулся выювером к нему.

[Привет от Тири. Ваш CMOS покрыт инеем. Меня здесь не было. C_ya_L8r!]

Любопытный юзер так и не понял, чему стал невольным свидетелем. Даже когда снял мнемююсты и

установился на недавно купленный терминал последней модели. Что делать со странным трек-файлом, он не понял тоже.

~# run console 1 @comment: IRQ conflict

— Я снова засек их! — сказал Байкалов азартно. — Совсем рядом, километров двести пятьдесят — двести тридцать. Под Волицком.

Сумасшедшая трехнедельная гонка по равнине выела остатки сил и бодрости. А ведь еще предстояло пересечь материк в обратном направлении, к зоне высадки, сопровождая невесть что натворившего клиента... Об этом не хотелось даже думать. Но сейчас ТП-шники ненадолго забыли о грядущем марше к восточному побережью, потому что именно под Волицком скрещивались все пути — путь Слайдер-восемьдесят восьмого, путь мрачного профи-одиночки по фамилии Платонов и путь пятерки из-за барьера. Что-то подсказывало Баю, что Платонов будет не единственным, кто попытается перехватить клиента. Не верилось, что большие люди ограничатся одиночкой, будь он хоть трижды профи. В общем, Бай уповал на лучшее, но и к худшему пытался подготовиться.

Спикер отозвался голосом Тигра:

— Давай, на газ дави, а не болтай!

Бай пропустил реплику Тигра мимо ушей, зато окликнул Синицына:

— Син, чисть плазмоган. В ближайшей перспективе — большая драка в городе. Пряма, DOOM-семь. Ты рад?

— Пошел ты... — без энтузиазма пробурчал Син. Чувствовалось, что с гораздо большим удовольствием он испил бы портеру и откинулся в шезлонге где-нибудь на бережку, чем палил бы по живым мишеням, склонным к тому же отвечать огнем на огонь. Хотя втайне Син надеялся обойтись без стрельбы. Подобрать этого трижды проклятого суматошного клиента, вихрем пронзить равнину, дойти до зоны высадки

и со спокойной душой вернуться домой, в Москву, к жене и дочке, к портеру и креслу, которое ничуть не хуже шезлонга.

Бесконечный вояж в растянутом и сплюснутом, как необъятный блин, двухмерном мире ему надоел до боли зубовой. Но на винтовку, лежащую поперек пассажирского сиденья, Син все же покосился, и лицо его немедленно расцвело гримасой, мучительной и недовольной.

— Сема! — позвал Бай почему-то другим голосом. Изменившимся. Настороженным и отрешенным.

— Чего? — тихо отозвался тот.

— Переберись-ка ко мне... Тут что-то странное.

Чен тут же затормозил и высадил Сему. Спустя минуту Сема уже сидел за рулем байкаловского джипа, а Бай, пристроив борду на коленях, слепо устоялся в толщу бледного солнечным днем голокуба. Он провалился в сеть, и Сема знал: трогать его сейчас бессмысленно.

Бай осторожно скользил в нематериальной толще киберспейса. Его верные программы-резиденты, дремавшие до поры, честь по чести доложили о присутствии клиента в сети. Но, глянув отчет, Бай отметил сразу две странности. Первое — клиент входил в сеть, используя чужой терминал, автомобильную деку некоего Шамила Сайхутдинова, недавно убитого в Трое. И второе — похоже, он входил в сеть не сам. Его ввели туда, как слепого пешехода в подъехавший автобус. И Бай насторожился, потому что нутром почувствовал неясный подвох.

В сети он был быстрым, быстрее не придумаешь. С тех пор как зависимость от психоусилителей перестала его сдерживать, Бай научился мгновенно и не задумываясь проделывать то, на что раньше уходили минуты. След Аурела был яркий... и, похоже, по нему уже прошел кто-то недавно, потому что рыжие пятна отслеженного доступа попадались на каждом шагу. Причем прошел только что, потому что служебные демоны контроля еще не успели свернуться и заснуть,

а так и колыхались вдали, обратив к Баю куцые многоступенчатые массивы.

Бай разделился. Каждая из его частей стала независимой и принялась за свою часть работы.

Дальше по следу — готово, вон клиент... и спутница его рядом. Спутница поглощена сканированием, Бая она не видит. Клиент... клиент пассивен, такое впечатление, что он не контролирует себя.

В памяти тотчас всплыла встреча с дайвером-спасателем и коварным файлом-паразитом на сервере, куда Бай когда-то лазил за хелпами к компилятору. Но сейчас происходило что-то иное, потому что никакого вируса вблизи не наблюдалось, а уж вирус-то Бай распознал бы — у них всегда заметные тела, как это ни странно звучит. Не всегда понятно, что перед тобой вирус, но видно, что перед тобой не пусто. Сейчас Бай не видел никого — в пределах чьего-то локала находились только Аурел, его подружка, похожая на серебристую акулу, частично — Бай, да рдел вдалеке удивленный чайник, наблюдая за происходящим. Видимо, случайно оказавшийся рядом.

Бай наскоро прослушал присутствующих — девочка-акула пыталась понять, кто спеленал Аурела, чайник благоговел вдали и смутно мечтал о временах, когда сам станет крутым, Аурел вообще казался выключенным из сети, если бы не одно «но»...

Часть сознания Аурела выглядела в точности как локал-диск. Запароленный насмерть. И диск это был забит по самую завязку исполинским многослойным, как бутерброд, файлом.

Бай присмотрелся. Работа была ювелирная. Связи в психике Аурела были сшиты с величайшим тщанием, нейрон к нейрону, так, что он и сам, скорее всего, не догадывался, что часть его мозга используется как тривиальный носитель. Эдакий ходячий сейф.

«Дела!» — Бай присвистнул бы, если бы умел.

В тот же миг Аурел очнулся. То, что сдерживало его сознание, исчезло, отступило куда-то на высшие

уровни, даже Бай не смог понять, что это было и куда делось. Аурел шевельнулся, но залоченной области у себя в памяти он по-прежнему не видел.

«Неужели хотели влезть ему в память? — подумал Бай. — Не получилось — наверное, помешала девчонка. Или я. Знать бы, что там хранится...»

Едва клиент пришел в себя окончательно, девчонка обменялась с ним быстрыми сообщениями и оба рванулись из сети, даже не утруждаясь придать своему присутствию в киберспейсе видимость обычного доступа. Чайник на своем наблюдательном посту даже позеленел от зависти.

Тем временем остальные части сознания Бая шныряли окрест, но толку от этого было чуть — сеть жила обычной жизнью, клиенты убралась восвояси, а от таинственного поводыря слепых в мире киберспейса не осталось ни малейшего следа.

Бай пошастал в локале и около еще некоторое время и понял, что старается зря. Все, что можно было выжать из событий, Бай выжал. Теперь нужно вернуться и осмыслить новую информацию. Вне сети это получится лучше.

И он вернулся в кабину джипа. Кончики пальцев заметно ныли, словно он колотил по борде не иначе как с остервенением.

Сема заметил, что Бай ожил, и, не отрываясь от руля, покосился на него.

— Заведи себе дрессированного дятла, — посоветовал Сема, как всегда сохраняя самый серьезный вид. — Когда-нибудь ты сломаешь себе палец.

Бай отмахнулся от него и негромко позвал Сина:

— Эй, директор... Я узнал тут кое-что. Слушаешь?

Син, конечно же, слушал. И Чен слушал. И даже Тигр слушал.

— Знаете, кто Аурел на самом деле? Большой безмозглый диск. Ходячее хранилище информации. Ему в башку что-то записали, причем сам он об этом не догадывается. Каково, а?

После недолгой паузы Син предложил:

— Остановимся? Это надо бы обсудить...

Решили остановиться, несмотря на то что время не ждало.

Вдалеке смутно виднелись окраинные строения Волицка.

```
~# root ~# over console view [Press Enter_]
~# system integrator — to user ~# over
console intro ~# console 1 |
```

Восточный шлюз приближался с каждой минутой. Бай еще не знал — в городе ли уже клиент и Тири, но был уверен: все решится сегодня и тут. Идти ли им вместе на восток или не идти. Отобьются ли они от погони. Вернутся ли они когда-нибудь в Москву или нет.

По правде сказать, в Москву Баю хотелось все меньше и меньше. Здесь он раскрылся. Здесь он обрел свободу. Здесь он стал сильным. Что ждет его в Москве? Вечное шатание экономики и надоевшая до чертиков работа? Серое небо, дождь, вечная осень и воспоминания о Крыме как о чем-то несбыточном? И — как утешение — вечерняя почта, свалившаяся на домашний комп?

Мысли тоже были серыми, как бетонная стена под дождем.

```
~# console 2 |
```

Жмур мрачно втиснул пыльный желтый «Стингрей» на стоянку. Городишко был мал и грязен. А собственно — чего приходилось ждать от юга? Небоскребов? Ладно, что еще по следу никого не пустили. Злыдень как-то перехватил транзитное полицейское сообщение, где упоминался разгром в одном из домов Еланца. Сомнений — чей это дом — ни у Жмура, ни у Злыдня не возникло, потому что монитора «Пойя» и диала «Темное зрение» в Еланце больше ни у кого не было.

— Закажи мне хрустиков с пивом, — попросил Злыдень подавленно. — Я выходить не стану.

Жмур молча кивнул и побрел ко входу в захудалый окраинный бар. Драная кожаная сумка уныло болталась в его руке совершенно не в такт шагам. Настроение было гадкое — уже который день.

~# console 3 |

— Не помню, — смущенно ответил Аурел. — Действительно не помню. Очнулся я на локале, когда ты мне знаки подавала.

Тири с сомнением покачала головой.

— Что-то тут нечисто. Я не знаю — кто это был. Камилл или кто другой. Только сдаётся мне, что с твоими хакерскими подвигами это связано мало. Если вообще связано. Или связано, но совсем иначе, чем мы можем вообразить.

— Скажи, — прервал вдруг ее Аурел. — А как тебя зовут по-настоящему?

Тири нахмурилась.

— Зачем тебе это?

— Хочу знать.

Некоторое время девушка молчала.

— Таня.

— А фамилия?

— Гусева.

— Татьяна, значит.

Тири тихо попросила:

— Не зови меня Татьяной, пожалуйста. Мне не нравится.

— Ладно, — согласился Аурел. — Гляди — вон Волицк виднеется. Все-таки правильно, что мы решили войти через северный шлюз, а не через западный. Жаль, второй раз такое уже не сделаешь...

~# console 4 |stream 1

— Что же ты мне расскажешь, Володенька?

Голос Фариды был, разумеется, сладок и радушен.

— Мне казалось, что уже пора бы появиться результатам.

Лощинин нервно кивнул:

— Да, Фарид. Как раз сейчас все и решается. Есть на перегоне такой городишко — Волицк. Наш общий друг будет там с минуты на минуту. И клиент в Волицке, я проверял статистику шлюзов. Он... они вошли через северный — думают, что сумели нас надуть. И еще не выходили.

— Славно! — Фарид хлопнул в ладоши. — Ты молодец. Позвонишь потом мне, ладно? Я на вилле, под Гнесиным...

Мелодичная трель входящего заставила Фариду умолкнуть. Он с интересом воззрился в исполинский бытовой голокуб «Даймонд графикс».

Лощинин взглянул на Улю так, словно пытался испепелить. Но секретарша сумела уверить его — звонок важный.

— Ответь, ответь, Володенька, — сказал Фарид. — Вдруг что-нибудь срочное?

Лощинин, не глядя, ткнул пальцем в клавишу на борде. Звонили ребята с восточного шлюза Волицка.

— Только что прошли четыре джипа. Точно как ты описал — «Гризли», «Эфа», «Строгино» и «Ленд». Внутри пятеро, в «Эфе» — негр.

— Спасибо, — механически отозвался Лощинин и отключился. Изображение диспетчера растаяло, уступив место ждущему лицу Фариды.

Лощинин открыл было рот, но Фарид поднял ладонь раньше.

— Не надо, я слышал. У меня есть пара людей в Волицке. Они помогут. Значит, мы договорились, ты позвонишь мне потом. В любое время.

— Конечно, Фарид, — Лощинину можно было и не напоминать. Впрочем, Фарид это знал.

|stream 2

«Бас-Лоджик», конечно, для этой глуши — столичная диковинка. Народ на шлюзе Волицка таращился на обтекаемую каплю, словно на пришельца

из будущего. Платонов равнодушно созерцал улицы.

Только что ему позвонил Лощинин. Он сказал всего два слова: «Они здесь». Вернее, он хотел сказать больше, но Платонову хватило двух слов. Сделать дело — а потом болтать.

Он направил машину налево, по аллее, вдоль которой росли низенькие полутораметровые акации. Если верить указателю, эта дорога вела на площадь перед северным шлюзом. Как правило, в маленьких городках указатели не врали.

```
~# end intro ~# something else, master?
~# root ~# return to previous status...
restored
```

```
~# united console 1, 3, 4 @comment: coda
```

Тири поставила «Креатив» в тени, у приземистого ангара, похожего на высохшего и поэтому неподвижного жука. Две длинные антенны казались усами — наверное, неведомый архитектор действительно хотел придать своему детищу сходство с насекомым.

В отличие от Мелекесса, никто не поспешил им навстречу. Вообще ни одного человека видно не было, только где-то внутри ангара мерно бухало железом по железу. Наверное, старался кто-нибудь из механиков.

— Пойдем, — сказала Тири. — Я пива хочу.

Аурел взял сумку.

— Как бы с забарьерниками пересечься?

— Да брось ты, — Тири поморщилась. — Они ведь были вызваны ловить тебя, а не защищать. Сами справимся.

— А я их перелечил, — ухмыльнулся Аурел довольнo. — Теперь они спят и думают — как бы меня защитить.

— А если их еще кто-нибудь перелечит? Или думаешь, что ты один такой умный?

Аурел пожал плечами. Дверца сухо хлопнула, опускаясь. Тири зачем-то заперла ее на ключ.

Они пошли по гравиевой дорожке к бару. Дорожка упиралась в неизменный рекламный плакат. Прежде чем войти, Тири обернулась и внимательно оглядела площадь между баром, мастерскими и короткой улицей к шлюзу. Глядела она поверх очков-звездочек. Площадь была пустынна.

Едва дверь бара за ними затворилась, из узкой боковой улочки на площадь медленно выполз «Бас-Лоджик». Зализанные очертания машины казались чужеродными в этом пыльном городишке, пронизанном летней жарой. Полировка отражала солнце. Тонированные стекла походили на осколки ночи.

Платонов без излишней суеты припарковался тут же, в тени, надел тонкие кожаные перчатки и вышел из машины. Зеркальные очки-консервы сверкали ярче, чем полироид на «Бас-Лоджике». Не глядя в сторону бара, Платонов взялся за рукоятку дверцы «Креатива» — дверца была заперта. Открыть ее не составило труда. Платонов невозмутимо уселся за руль и осмотрелся. Заглянул в бардачок. Нашарил сумку и растегнул молнию. Ничего, что привлекло бы его внимание, Платонов не отыскал, поэтому он выбрался из машины, закрыл дверцу отмычкой и зашагал к бару.

Там царил обычный полумрак, замешанный на сигаретном дыме и запахах быстрой кухни. Платонов знал, что обычно в такое время в барах не бывает много народу, но здесь почему-то практически не оставалось свободных столиков, хотя перед баром он не заметил припаркованных машин или мотоциклов. Странно, неужели посетители приходят пешком в чисто дорожную забегаловку перед шлюзом? Впрочем, подумал Платонов, все это вздор. Чистейший вздор. Он повел головой, пытаясь угадать — кто из присутствующих тот самый ковбой?

И столкнулся взглядом с остриженной, как подросток, девушкой. Она глядела на Платонова в упор,

словно пыталась поджечь. Но Платонов не горел, а она не хотела в это поверить, продолжая глядеть из-под затененных очков со стеклами в форме двух пятиконечных звездочек. Медленно истекали секунды, а они стояли в полумраке, глядя друг на друга.

Точнее — враг на врага. Потому что Тири сразу поняла — кто перед ней.

А на площадь перед баром, визжа протекторами по дасфальту, вырвались четыре разноцветных джипа.

— Вон! — сказал Чен, указывая на стоящие в тени ангара «Креатив» и «Бас-Лоджик».

— Там пусто, — холодно отозвался Тигр, сжимая в черной руке ружье.

— Значит, в баре, — подытожил Сема. — Пошли.

Со стороны шлюза наполнился шум мотоциклетных моторов.

Когда Жига с приятелями подъехал к бару, у джипов уже никого не было.

— Гляди, те самые тачки, — сипло обратился к главарю Мосол.

— Вижу, — проворчал Жига, слезая с продавленного сиденья «Квантум Мэверик». — Эй, толпа! За дело!

Три десятка крепких парней в кожаных куртках отрывались от гнутых рулей «Сигейтов», «Коннеров», «Вестернов», «Тиков», и у каждого в руках возникала или цепь, или обрезок трубы, или бейсбольная бита с надписью Escape, или просто зазубренный рокерский нож.

В баре хлопнул одинокий выстрел. Жига ощерился. Он хотел порадовать Спелла, велевшего приехать в этот бар. Говорили, Спелл работает на самого Фарида.

Мосол подал ему заряженный «Вербатим».

— Пусть кто-нибудь останется, — распорядился Жига. — На случай легавых...

Мотоциклисты быстро проскальзывали в бар.

Не прошло и минуты, как на площадь, урча перегретым двигателем, вырулил фургончик с рекламой

«Chickony periphegia» на плоских бортах. Из кабины выбрались двое — водитель в синем комбинезоне и некто в спортивном костюме и кроссовках от Шильдера.

— Скажи, пусть готовятся, — сказал тот, что в спорткостюме.

— Хорошо, Камилл, — послушно отозвался водитель и спустя секунду открыл дверцу кунга. Фургончик был напичкан аппаратурой, словно рубка флагманского миноносца.

Камилл прошел мимо двух угрюмых мотоциклистов в коже и железе, словно их здесь вообще не было. Он направлялся в бар. Мотоциклисты, не шевелясь, глянули ему в спину.

Когда Тири встала, Аурел ощутил пустоту в груди. И в душе. Словно сломалась какая-то важная пружина, словно оборвалась цепь, что еще недавно сковывала его с реальностью. Он будто провалился в киберспейс, но другой киберспейс. Время растянулось, став вязким, как перегретый воск. Сигаретный дым лениво тек от столика к столику.

Платонов подошел вплотную и сел рядом.

— Привет, ковбой, — сказал он негромко. — Я пришел за тобой.

Аурел не ответил. Он глянул снизу вверх на все еще стоящую Тири.

Здоровый негр, неожиданно возникший у столика, ткнул Платонову в спину стволом ружья. В полутьме казалось, что большие, навывкате, глаза негра светятся.

— Значит, так, — теперь говорил так же неожиданно возникший у столика невысокий человечек лет тридцати с печальным лицом. — Ты сидишь здесь, пока мы не уедем.

— Вряд ли, — спокойно ответил Платонов и выстрелил. Аурел не успел понять, каким образом в руке Платонова оказался пистолет. Человечек с печальным лицом выронил такое же, как у негра, ружье и сложился пополам, а потом упал набок.

Ружье в руках негра отозвалось громом, но Платонова на прежнем месте уже не было. Тигр попал в Тири, застывшую у стола рядом с Аурелом. Ее швырнуло на соседний столик, очки упали на пол и разбились, но на красной рубашке кровь рассмотреть было трудно.

Вторым выстрелом Платонов убил Тигра.

Аурел чужими глазами смотрел на это, и крик застрял у него в горле. Потом опомнился и метнулся к Тири. Она была еще жива, но глаза полнились болью и удивлением.

— Танюша, — прошептал Аурел, чувствуя, что мир рушится.

— Камилл... — едва двигая губами, прошептала в ответ Тири. Смотрела она за спину Аурелу.

Аурел обернулся. Перед ним стоял рослый парень в спортивном костюме.

— Здравствуй, Фриппи, — спокойно поздоровался он, словно все происходило не в баре, где только что убили двоих, а где-нибудь на званом обеде. — Наконец-то мы встретились.

Ощущение реальности окончательно покинуло Аурела. Это сон — просто страшный сон, который непременно скоро закончится.

Посетители бара либо попрятались под столики, когда началась пальба, либо пытались убраться отсюда подальше, но вязли в плотной толпе мотоциклистов, что собралась перед выходом. Удивительно, но было совсем тихо, никто не кричал, слышалось только шарканье ног.

Чен резко ударил Платонова ребром ладони, метя в шею, но того минутой раньше не смутили ружья... Где уж тут голыми руками... Дыхание вдруг пропало, под ребром взорвалось болью, и Чен отключился.

Жига-мотоциклист пытался понять, что происходит, но ничего не понимал. Его люди бестолково топтались в тесном спейсе бара.

— Бардак, — сказал Платонов, делая шаг к Аурелу. Краем глаза он видел еще двоих с ружьями —

потного толстяка в круглых очках и невзрачного парнишку; ружья плясали у них в руках. Рядом, сжимая «Вербатим», тарасилось на происходящее из-под зеркальных очков татуированное чудище с огромным железным крестом на груди.

— Погоди, — сказал Платонову безопасный на вид парень в спортивном костюме. Но Платонов понимал, что безопасность его кажущаяся. — Тебя прислал Лощинин, верно?

— Верно, — согласился Платонов, беря Аурела под локоть.

В тот же миг выстрелил Сеницын. Пуля пробила стену — Платонов, неведомо как почувявший угрозу, убрал Аурела в сторону, а парень в спорткостюме в сторону убрался сам.

— Больно, — тихо сказала Тири. Аурел вырвал локоть из платоновской руки, чувствуя, как в голове вспухает злость и отчаяние. А в следующий миг он понял, что кричит.

«Его не остановить, — подумал Бай о Платонове. — Сема, Тигр...»

Нужно было что-то делать, потому что Сеницын нервничал, оружие жгло руки, а Аурела сейчас запросто могли убить раньше, чем кто-нибудь что-нибудь предпримет. Взгляд сам остановился на ряде терминалов у дальней стены. Бай закрыл глаза и без напряжения ушел в сеть.

Он летел быстрее скорости, пронзая виртуальщину, а в голове билась единственная мысль: «Тебя прислал Лощинин, верно? — Верно...»

[find user]

Пальцы Бая шевелились на ружье, словно это была клавиатура, а не оружие.

[enter name, please]

[Лощинин]

[wait... ready]

[go to]

[Владимир Лощинин/civ/Лески_2148840]

Бай скользнул по указанному адресу. Входящие были начисто отсечены — войти в чужую систему через сеть было невозможно. Почти невозможно. Обычным методом.

Бай считал эхо последних коннектов, хотя оно было затерто del'ом. Реально затерт был только первый символ файла, а дисковое пространство, где хранилось все остальное тело, было объявлено свободным.

Он оживил изображение — вот ты какой, Лощинин. Так, теперь голос...

[Конечно, Фарид...]

Мозг Бая работал с лихорадочной быстротой, поток цифр — единиц и нулей — обрабатывался с чудовищной скоростью. Нейроны плавилась бы, если бы могли. Есть ли предел возможностям человека? Бай надеялся, что нет.

Потом он зажег между столиков волицкого бара огромный голокуб. Поместил внутрь Лощинина — изображение, конечно. И анимировал его подвернувшейся под руку программой с грифом PRO. Теперь голос...

— Платонов! — бластеры воспроизводили звук, который синтезировал Бай. — Ты слышишь меня? Ты здесь, я знаю. Подай голос!

— Ну, подал, — отозвался Платонов несколько озадаченно. Рука в тонкой кожаной перчатке уверенно держала двенадцатизарядный, неоднократно проверенный в деле «SONY».

— Я отменяю заказ, — сказал Лощинин. — Ситуация изменилась. Просто возвращайся. Гонорар прежний.

— Хорошо, — сказал Платонов. — Понял.

Он повернулся к Аурелу:

— Тебе повезло, парень. Я должен был тебя убить. Со временем.

Аурел стоял на коленях над Тири, сняв ее с усеянного битым стеклом стола.

— На твоём месте я бы вызвал врача, — посоветовал Платонов.

Аурел не обращал на него внимания.

Бай, утирая со лба заслуженный пот, свернул голокуб и расслабился. Неужели удалось обмануть этого монстра?

— Bravo! — послышались одинокие аплодисменты. Парень в спортивном костюме лениво бил ладонью о ладонь — Бай узнал его. Это был Камилл, тот, по чьей милости они оказались в этом мире с таким дурацким заданием. — Bravo! Твоей фантазии можно позавидовать!

Бай посмотрел на него в упор.

Сквозь толпу проталкивалась хрупкая женщина в джинсах и рубашке навыпуск.

— Дайте пройти, — шептала она, — пустите, я врач!

Ей позволили пройти. Мельком глянув на Тигра и Сему, она приблизилась к Тири. Первым двум помощь уже не требовалась.

— Значит, так, — сказал Камилл. — Сначала вы, — он обратился к Баю и Сину. — Считайте, что ваша работа сделана. Перед баром стоит фургончик с аппаратурой, вас отправят назад немедленно. Я позаботился, ваши двойники в Москве сейчас находятся у нас в центре. Спасибо.

Син свирепо глядел на Камилла; Бай, выжатый как лимон трюком с виртуальным Лоцининым, устало кивнул.

— Ты, — он склонился к Аурелу. — Ты тоже пойдешь в фургончик.

— Зачем? — хрипло спросил Аурел. — Я же передал твоим людям диск с файлом. Еще тогда, в сити.

Камилл вежливо улыбнулся:

— Фриппи, диск мой человек, выйдя от тебя, выбросил в первый же мусорный ящик. То, что мне действительно нужно, сидит у тебя в башке. Понял теперь? Ты — мой живой диск.

Аурел тупо глядел на него. Тири слабо стонала под руками женщины-врача. Врач что-то ласково и успокаивающе шептала.

Камилл говорил тихо, никто, кроме него и Аурела, не расслышал произнесенных слов. Кроме Аурела и еще Бая.

И — как выяснилось — Платонова.

— А теперь меня послушайте, — сказал Платонов с ужасающим спокойствием. — Мне нужен вот этот парнишка, — он указал на Аурела. — А на то, что он нужен тебе, мне чихать. Он пойдет со мной. А потом — потрошите его мозги, если желаете.

Камилл вежливо улыбнулся.

— Платонов, — сказал он отдельно и не без угрозы. — Твое задание отменили. Твой хозяин велел возвращаться.

Шаги гулко прозвучали в закрытом пространстве. Теперь Платонов стоял прямо перед Камиллом.

— Запомни, дядя. У меня нет и никогда не было хозяина. И не будет. Я играю по своим правилам. Понятно?

— А зачем тебе Фриппи? — неожиданно заинтересовался Камилл.

— Съем на ужин, — сладко улыбнулся Платонов.

К этой минуте Аурел немного пришел в себя. Живой диск, надо же. Вели его по перегону, как беременную козу. Осторожненько, чтоб пузом по земле не скребла, чтоб не утомлялась...

Женщина-врач сказала, что Тири должна выжить. Если оказать помощь вовремя. Кажется, помощь оказана вовремя. Аурел с пустотой в груди глядел на побледневшее лицо недавней спутницы, непривычное без очков. Мечта, которая предает, — что может быть грустнее? Он еще помнил тепло девичьего тела, ее живой запах, ее слова...

И все из-за информации в голове. Интересно, каково это — спать с дискетой?

— Идите к дьяволу, — сказал Аурел. — Все идите к дьяволу. Забирайте свое файло и катитесь к дьяволу. Где там ваша аппаратура?

— Платонов, — примирительным тоном сказал Камилл. — Это секундное дело. Я солью все, что принадлежит мне, и забирай его. Ладно?

Аурел вспомнил свои догадки. Тогда, на перегоне. Как же, сообщество кибертелепатов, спасение себе подобных... Чушь розовая. Все проще. Обыденнее. И куда более жестоко.

Неожиданно в разговор вмешался косматый татуированный мотоциклист с пистолетом в руке.

— Эй, вы! А я так скажу — этот парень поедет с нами. Я на Спелла работаю, ясно?

Дружки-рокеры сгрудились вокруг главаря. Выглядели они достаточно устрашающе.

Бай и Син, склонившиеся над бесчувственным Ченом, с тревогой переглянулись. Кажется, возвращение могло отложиться.

Камилл озадаченно хмыкнул:

— Болван. Спелл — это я. Ты что, видеорежимом не пользуешься?

Жига-главарь смутился:

— А-а... Хм. Ну, и дальше-то что?

— Все, — повелительно повел ладонью Камилл. — Гуляйте. Сегодня в «Рессоре» бесплатная выпивка для тебя и твоих ребят.

Ребята тут же повеселели. Да и Жига отнюдь не возражал. Рокеры охотно покидали бар, чтобы тут же отправиться в «Рессору» к бесплатной выпивке. Галдеж выползал на площадь.

— У тебя пять минут, — сказал Платонов Камиллу и тоже пошел к выходу.

Камилл обернулся к Аурелу:

— Ну, приятель! Давай! Сейчас для тебя все кончится.

— Для меня все уже кончилось, — хмуро ответил Аурел и зашагал в указанном направлении. Бай с

Синем, прихватив бесчувственного компаньона, последовали туда же.

Треск мотоциклетных моторов впитывался окрестными улицами. Площадь пустела. Остались только фургончик, четыре джипа, «Бас-Лоджик» и «Креатив».

Аурела ввели в фургончик.

«Ну, — подумал Бай, — была не была».

Он помнил, что в трюке с Лощининым Камилл его раскусил. Значит, сейчас нужно все сделать чище.

Аурела усадили в кресло, по виду похожее на зубоврачебное, и нацепили на голову шлем с мощными многопоточными мнемюстами. Аурел вяло подчинялся — ему все надоело, и он хотел только одного — чтоб все побыстрее закончилось.

Сложная комбинация сигналов возбуждения-торможения обрушилась ему на подкорку. Закольцованная область мозга проснулась и стала отдавать сохраненную информацию. Мегабайты оседали на переносном терминале Камилла с автономным диском повышенного объема.

А Бай, окутав Камилла непроницаемым облаком нокером, ловил эхо, прессовал его и оставлял в собственном мозге, молясь, чтоб мозг выдержал.

Аурел вышел из фургончика через пять минут. Взгляд у него был скучный и равнодушный. Платонов, стоявший у своего стильного «Бас-Лоджика», поманил его пальцем, и Аурел послушно направился к нему.

Потом из фургончика показался Камилл.

— Ну-с, — потер он ладони друг о друга. — Теперь вы.

Чен к этому моменту уже очнулся и сидел прямо на дасфальте, массируя виски.

— Давай, Син, — Бай подтолкнул приятеля. В голове шумело, как с похмелья. — Давай, ты первый.

Син вздохнул, с ненавистью швырнул ружье под ноги, обнял Бая, сжал руку Чену и поднялся в фургончик.

Двигатель платоновского «Бас-Лоджика» тихо заурчал, и машина завтрашнего дня сорвалась с места.

— Куда он? — спросил Бай, думая вслух.

— К западному шлюзу, куда же еще, — Чен поморщился, вставая. — Насколько я понимаю, — обратился он к приятелю, — ты назад не собираешься.

Бай вздрогнул:

— Как ты догадался?

— А зачем ты копировал этот чертов файл себе в башку?

— Тише ты! — шикнул на него Бай. — Да, я не буду возвращаться. Мне здесь понравилось. И не надо меня переубеждать — в Москве тоже есть Бай. Извинишься перед ним за отсутствие впечатлений...

— Дело в том, — сказал Чен неожиданно спокойно, — что я тоже не хочу возвращаться в Москву.

Бай опешил:

— Почему?

— А что я там забыл? — Чен пожал плечами. — Надоело. Здесь даже дышится легче. Син — другое дело, у него жена, киндер... Да и вообще он консерватор.

— Тогда, — прервал его Бай, — поехали.

Спустя минуту два джипа сорвались с места и понеслись по улице вслед за «Бас-Лоджиком». Бай знал, что Платонова им не догнать, но что-то подсказывало ему: ехать нужно на запад. К сити.

Когда Камилл вывел из фургончика бородатого толстяка в круглых очках, недоуменно озирающегося, он увидел только машину скорой помощи у дверей бара да приближающихся полисов.

Из бара вынесли раненую Тири. На носилках, поверх белоснежной простыни, лежали раздавленные очки.

Камилл заглянул за фургончик и заметил, что из четырех джипов на площади осталось только два.

— Вот так вот, значит, — озадаченно протянул он. — Интересные веники.

И платоновской машины не было, а у «Креатива» была поднята задняя дверца. Наверное, Аурел забрал свои вещи.

Полисы приближались.

~# root ~# shutdown

Скорость заставляла быстрее биться сердце. Аурел не мог нарадоваться мощной машине — платоновский «Бас-Лоджик» очаровал его с первой секунды за рулем. Эта приземистая, льнущая к земле капля была рождена для пожирания километров. Неудивительно, что Платонов так ею дорожил.

Аурел вспомнил недолгую поездку с киллером. Вспомнил невольный ужас, когда позвонил Лощинин и выяснилось, что никто никаких заказов не отменял, вспомнил изменившееся лицо Платонова, глядя на которое захотелось выпрыгнуть из машины на полном ходу и бежать, бежать, все равно куда, освобождая животные страхи. Вспомнил, как Платонов требовал научить его убивать через сеть. Аурел научил. Но при этом убил самого Платонова — в качестве наглядного примера, наверное. И ничего при этом не ощутил — ни укоров совести, ни легкого страха перед чужой смертью.

Дважды с ним пробовал связаться Бай, хотя Аурел сначала был уверен, что забарьерников вернули домой. Отвечать он не стал. Камилл не появлялся, чему Аурел только радовался. И еще постоянно пыталась пробиться на терминал «Бас-Лоджика» Тири. Наверное, она была еще слаба после рокового выстрела в баре Волицка, потому что примитивную защиту Аурела обойти не могла.

Аурел ехал на юг. К горам, где прошло его детство. С перегона он съехал почти сразу, едва похоронил у самой дороги Платонова. Хотелось забыться. И он забывался в скорости, в бешеной гонке по бесконечной равнине. Автопилотом Аурел научился пользоваться без труда, но включал его только когда слипались глаза и мозг затуманивался от долгого сидения за рулем.

На терминал он старался не смотреть и впервые не чувствовал постоянного желания уйти в киберпейс.

Он надеялся, что скорость и одиночество его вылетят. Ведь с мечтой расставаться трудно.

Тири прорвалась к нему спустя полтора месяца после Волицка. Аурел даже не понял — как. Не то обошла защиту, не то еще как-нибудь. Голокуб сам собой материализовал ее лицо. На ней снова были обычные очки-звездочки.

— Здравствуй, Ури, — сказала Тири едва слышно. — Почему ты не отвечаешь мне?

— А зачем? — тихо отозвался Аурел. — У меня в голове больше ничего нет — Камилл все скачал.

Тири устало провела рукой по щеке:

— Я ничего не знала, Ури. Я думала, что спасаю тебя.

Аурел только скептически улыбнулся. Но улыбка вышла на редкость печальной.

— Это легко проверить, — торопясь, сказала Тири. — Иди ко мне. Я рядом. Войди в мои мысли.

И Аурел бросился в сеть, хотя еще минуту назад полнился решимостью не соваться туда.

Тири действительно находилась рядом. Это было не просто сетевое присутствие, нет. Нечто большее. Аурел даже растерялся. Их мысли и чувства переплелись и объединились в полумраке киберпейса, продолжаясь друг в друге. Аурел почувствовал, что задыхается. И забыл о времени.

Когда он вывалился, руки его дрожали на руле. «Бас-Лоджик» несся по равнине быстрее, чем когда-либо.

— Я еду к тебе, — сказала Тири. — У меня снова «Квантум».

Аурел кивнул. Он не мог сейчас ответить — не осталось сил.

— Я люблю тебя.

— Я знаю, — прошептал Аурел, потому что действительно знал.

Руль плавно лег влево, «Бас-Лоджик» описал широкую дугу и помчался на север. Аурел возвращался.

- Я настроила маяк. Отыщешь? — спросила Тири.
- Конечно...

Разве можно не отыскать друг друга, если они были одним целым, пусть и недолго? Хотя — что такое «недолго»? По меркам сети время не значит почти ничего.

Аурел гнал машину к перегону, выжимая из мотора прирученную мощь, а в такт биению механизма колотилось в груди сердце. И было до боли радостно сознавать, что где-то далеко-далеко в такт другому мотору бьется другое сердце. И приближается с каждой секундой.

~# system halted

— Помирились, — удовлетворенно сказал Бай. — Блин, мне еще учиться и учиться. Тири снова сделала что-то непонятное.

— Поехали в сити, — проворчал Чен. — Чего им мешать? Дай людям совершить свадебное путешествие. Потом ведь все равно встретимся...

— Эт' точно. Мы теперь друг для друга как огоньки в ночи.

Бай вздохнул:

— Ну ладно. Пробуй еще раз. Расслабься, почувствуй сеть, она ведь всюду, и в тебе тоже. Готов?

— Готов, — покорно отозвался Чен.

— Давай! Я помогу...

Чен закрыл глаза и коснулся клавиатуры. Мнемостов на висках у него не было.

~# root ~# power off

ГЛОССАРИЙ

- айнстрим* — буквально — поток времени, его течение
- баги* — непредвиденные ошибки, неточности
- бекбон* — основной магистральный поток сети
- бластер* — звуковая аппаратура компьютерного терминала
- борда* — клавиатура
- веб* — антивирусная программа
- вейтер* — ждущая программа — начинает выполняться по достижении заранее предусмотренного условия
- видеотрек* — устройство в верхней части клавиатуры, проецирующее объемное изображение перед глазами пользователя. Выглядит как тонкая полоска за клавишами
- выделенка* — обособленный оптоволоконный кабель, использующийся исключительно для связи между двумя конкретными терминалами
- вьювер* — программа, позволяющая просмотреть содержимое файла
- гейт* — узел или точка обмена данными между двумя разными сетями. Буквально — ворота
- гипертекст* — многоуровневый текст со ссылками, пояснениями и другой вспомогательной информацией, которую можно легко и в любой момент вызвать. При этом возвращение к исходному тексту также не составляет труда
- голокуб* — условная плоскость над видеотреком, так же условно продолженная в объеме. Место визуального отображения данных
- драйвер* — программа, управляющая каким-либо внешним устройством — манипуляторами, принтером и т.д.
- даун* — состояние, когда станция, сервер или узел не работают, пребывают отключенными
- джек* — разъем в виде тонкого штырька
- диал* — устройство, напоминающее приемопередающую антенну-чашу. Служит для беспроводной связи носимых

- терминалов с сетью через стационарные ретрансляторы
- директом* — непосредственная связь между двумя терминалами, минуя установленные пути
- железячники* — специалисты по компьютерной технике, по материальной базе
- засейвился* — записал текущее состояние на диск. В игре, например, чтоб позже вернуться и продолжить
- килять* — убивать, стирать, уничтожать
- клава* — клавиатура
- ковер* — жесткий чехол, коробка. Для дисков, например
- комп* — компьютер — терминал, оснащенный необязательным оборудованием. Например, собственным жестким диском или специальным накопителем на нестандартном носителе
- коннект* — процесс соединения и обмена данными между двумя или более терминалами
- конфиг* — служебный файл, описывающий конфигурацию чего-либо. Меняется пользователем по желанию или необходимости
- ламер* — агрессивный невежда, пытающийся произвести впечатление опытного профессионала
- линк* — часть роутинга между двумя ближайшими узлами
- логин* — процесс опознания сетью пользователя и допуска пользователя в сеть. Состоит во введении имени пользователя и, если необходимо, пароля
- локал* — независимый от сети диск отдельного терминала
- локалка* — эхоконференция, посвященная функционированию какого-либо узла в сети. Представляет собой нечто среднее между клубом друзей и службой технической поддержки
- магистрал* — крупный сервер-узел в составе бекбона
- мессага* — сообщение в сети
- мнемоюсты* — психоусилители, выглядящие как пакладки на виски пользователя. Облегчают общение с системой и сетью, подменяя скучный процесс работы с клавиатурой или мышью и подобными ей манипуляторами иллюзией пребывания в виртуальном киберпространстве и совершения там различных действий
- нетмейл* — личные сообщения, проходящие через сеть, которые видят только отправитель и адресат

- нода* — первичный узел в сети. Как правило, все липки — это связи под между собой
- нодлист* — список адресов и пользователей всех под в сети
- нокер* — отвлекающие и чаще всего бессмысленные, по эффектные результаты выполнения некоторых программ
- нюхач* — программа-шпион, предназначенная для сбора и накопления статистики — например, о действиях в сети какого-нибудь пользователя
- подпатчить* — слегка изменить программу или базу данных в собственных целях
- пойнт* — вторичный узел в сети, связанный только со своей подой. Реально сообщение от пойнта идет сначала на его поду, а оттуда — далее по роутингу к адресату
- роутинг — путь от узла к узлу, который проходит любое сообщение в сети
- рулез* — изначально — свод правил поведения в сети. Жаргонное значение — выражение высочайшего удовольствия и одобрения. Антоним — сакс (суксь)
- скринсейвер* — специальная программа, гасящая изображение в голокубе, если пикто долго не касается клавиатуры, и выводящая в голокуб абстрактные, обязательно подвижные изображения. На заре компьютерной эры такие программы сохраняли экраны от преждевременного износа, позже превратились в вид неочевидного искусства и рекламы
- скриншут* — программа, гасящая изображение в голокубе. Вызывается нажатием заранее заданной клавиши. Предназначена для сокрытия частной информации от посторонних глаз, например, от неожиданно вошедшего посетителя
- слайдер* — плавающая пода, не имеющая постоянного физического адреса в сети. Как правило, не имеет также пойнтов
- смайлик* — схематическая картинка, состоящая из буквенных и знаковых символов. Предназначена для выражения эмоций в текстовых сообщениях. Например, улыбка :-) сожаление :-(подмигивание ;-) Выглядит как лежащая на боку рожица
- сокет* — разъем определенного типа, чаще — с пулевым усилием
- софт* — программное обеспечение

- топограмма* — голограмма, скрывающая истинный вид какого-либо предмета. Например, для придания пристойного вида старому креслу или дивану в офисе
- топограмма* — служебная информация, откладываемая на узлах. Содержит пути прохождения сообщений, пути соединения конкретных терминалов и т.д.
- флэш* — приоритетный линк. Отличается повышенной скоростью передачи данных
- хакер* — пользователь, неудовлетворенный состоянием сети. Имеет склонность и умение изменять чужие программы в своих целях. Не всегда существо безобидное
- хард* — диск-накопитель большого объема. Чаще всего — стационарный, в составе терминала или сервера
- хелпы* — специальные руководства и описания к чему-либо
- хидден* — буквально — скрытый
- хинт* — неочевидное руководство к действию
- холд* — область сетевого дискового пространства, занятая пользователем для собственных целей
- чат* — режим текстовой связи. Давно устарел
- шутдаун* — отключение питания аппаратуры
- шутлист* — служебная статистика узла, куда записывается техническая информация о сбоях и ошибках в работе станции
- эхоконференция* — нечто вроде сетевого клуба по интересам
- эхомейл* — сообщения в эхоконференцию, которые могут видеть не только отправитель и адресат, но также и любой участник эхоконференции. Допускаются ответы на чужие сообщения, изложение своего личного мнения и т.д.
- юзер* — пользователь

ВЕСЕЛЫЙ РОДЖЕР НА ПОДВОДНЫХ КРЫЛЬЯХ

(БОЕВИК СО СТРЕЛЬБОЙ В ЖАНРЕ АБОРДАЖА)

Глава первая «ВЕЛИКОЛЕПНАЯ СЕМЕРКА»

1

очной Нью-Кросби стрелял в небо волшебством разноцветной рекламы, гудел клаксонами мобилей на перекрестках, зазывал гуляк-прохожих в питейные, увеселительные и еще бог весть какие заведения. В этом районе города с наступлением темноты жизнь только начиналась: выходили на охоту накрашенные девицы, изрядно подвыпившие компании совершали шумные рейды по барам и кабакам, из-за каждой двери, будь то жалюзи из бамбука или стеклопластик на фотоэлементах, доносились гомон, смех и музыка. По улицам носились ревущие стада мотоциклистов-лихачей; за ними гонялись приземистые полицейские машины, истошно воя сиреной и невыносимо слепя вспышками мигалок. Ярко иллюминированные громады небоскребов напоминали нарядные рождественские елки, только невообразимо большие.

Арчибальд Элмер, двадцати шести лет, без определенных занятий, свернул с Брамм-стрит на Гарднер-авеню напротив Центрального парка. Здание На-

циональной библиотеки вторую неделю ремонтировали, и Арчи двинулся вдоль невысокого ограждения.

— Эй, мистер!

Голос, произнесший это, был тихим и отчетливо зловещим. Арчи лениво обернулся. Позади стояли три верзилы-негра.

— Слушаю вас, господа, — вяло проговорил Элмер, нисколько, впрочем, не испугавшись, хотя нож, выхваченный одним из них, внушал некоторые опасения.

— Советую опустошить карманы, — внятно сказал верзила с ножом, — и поживее!

Арчи усмехнулся: всего лишь карманы!

— Пошел вон, шоколадка!

Негры даже присели от неожиданности. Арчи ловко извлек из рукава куртки нунчаки и, не теряя времени даром, треснул ближайшего грабителя по курчавой башке. Раздался глухой стук, и негр рухнул, как кедр на лесоповале. Перехват, размах — второй последовал за ним так же быстро и почти беззвучно, если не считать слабого удара тела об асфальт. Третьего словно ветром сдуло, только куртка мелькнула над оградой. Арчи удовлетворенно крикнул и спрятал верные свои палочки. Потом нагнулся, подобрал нож — отличный охотничий клинок со скобой и кровостоком, острый, как акулий зуб. Справедливо решив, что трофеем он вполне заслужил двумя прекрасными ударами, Арчи сунул нож в узкий карман на бедре и быстро покинул место конфликта.

Через десять минут он опустился на высокий вертящийся табурет у стойки бара «Двенадцать баллов» и закурил почерневшую от времени трубку. С виду трубка пережила гораздо больше, чем ее хозяин. На спине кожаной куртки Элмера явственно проступал старый мастерский рисунок — ощерившийся череп и две скрещенные кости под ним.

— Привет, Арчи! — Бармен привычно поставил перед Элмером бокал пива и аккуратно налил стаканчик доброго яванского рома.

Арчи кивнул, молча выцедил ром и ушел с пивом в угол, где дожидались дружки — Джон Трисель, Архипелаг и Сид Пивная Бочка.

Спустя примерно час в «Двенадцать баллов» ввалился приземистый крепыш в коричневом летном комбинезоне, остановился у входа и долго оглядывался. Завсегдатаи вроде Элмера смерили незнакомца ленивым оценивающим взглядом — подумаешь, забрел какой-то пижон! — и тут же забыли о нем.

Вспомнить пришлось через четверть часа. Крепыш возник у столика, где сидел Арчи, мгновение изучал сидевших, потом хрипло осведомился:

— Кто из вас Арчибальд Элмер?

Отвечать не спешили. Арчи мрачно разглядывал незнакомца, соображая, за что могла бы им заинтересоваться полиция, если это, конечно, полицейский. А похоже. Незнакомец нисколько не тушевался под пристальными взглядами. Наконец Сид Пивная Бочка прищурился и нагло спросил:

— А ты кто такой, мистер Спрашивающий?

Крепыш даже не шевельнулся в его сторону.

— Я ищу Арчибальда Элмера.

Сид смешно хрюкнул и обернулся к друзьям:

— Гм! Он не понимает, когда к нему обращаются!

Крепыш с презрением глянул на Сиду:

— А тебя, Пивная Бочка, я попросил бы заткнуться.

Сид вскочил:

— Чего?

Крепыш легонько двинул его по лбу:

— Потухни, приятель! — И тихо добавил: — Я — капитан Фло.

Капитана Фло знали все, но мало кто его видел. Фло, имя-легенда! Лгать крепыш не мог: спекулировать именем капитана Фло было равносильно само-

убийству. Сид испуганно засопел, потирая лоб; Арчи рывком выдернул стул из-под дремлющего за соседним столиком старика. Старик сверзился на пол.

— Садитесь, капитан! Я — Элмер.

Фло кивнул, но не сел.

— Пойдем, Арчи. Разговор есть. — Он развернулся и побрел к выходу. Элмер послушно двинулся следом.

2

Бруно Фальконе, более известный как Бруно Кер-тис, двадцати шести лет, без определенных занятий, валялся на измятой постели и таращился на экран эс-ви. Передавали бейсбольный матч на первенство штата. По вогнутому экрану метался мячик, слышались резкие щелчки бит.

Только что Бруно выгнал очередную подружку, подцепленную ночью, выдул остатки пива и теперь размышлял, где бы раздобыть денег на начавшуюся неделю. Можно было спереть мобиль. Но сержант его уже предупредил: еще раз — и Бруно не миновать пары лет тюрьмы. Позавчерашняя попытка заняться рэккетом вылилась в несколько крепких подзатыльников и продолжительный бег через самое сердце трущоб Манотекса. Изображать из себя слепого гитариста на площади не стоило, во-первых, из-за мизерного сбора, а во-вторых — кто поверит, что он слепой, если в последний раз, едва на площадь ступил Бельмондо, Бруно уже улепетывал во все лопатки, прихватив, впрочем, и гитару, и шляпу с монетками. Денег не осталось совершенно — кто бы мог предположить, что хрупкое и юное ночное создание жрет виски, как рассохшаяся бочка, и постоянно требует еще?

Вероятно, предстояло снова слоняться по городу в поисках случайного заработка.

Но судьба распорядилась иначе. Засвистел видеофон; Бруно встрепенулся и ударил по клавише ответа.

— Привет, макаронник! — улыбнулся с экрана Арчи Элмер.

— О-о-о! — обрадовался Кертис, и неспроста: звонок Арчи сулил новости. Позади Элмера в будке стоял еще кто-то. Бруно решил пока побольше слушать, поменьше болтать.

— Ты, как всегда, на мели, приятель?

Бруно развел руками:

— Увы, Арчи, женщины так много пьют, едят и курят, что на себя денег уже не остается.

Элмер обернулся к своему спутнику с видом: «Я же говорил!»

— Слушай, Бруно, есть выгодное дельце. Со стрельбой, погонями и потасовками. В прекрасной компании. И не говори, пожалуйста, что тебе надоели приключения — платит нам сам капитан Фло!

Арчи обернулся еще раз и указал на коренастого крепыша позади себя.

Кертис и не думал отказываться. Унылая жизнь бездельника уже порядком приелась ему — натуре живой и непоседливой.

— Согласен! — немедленно завопил он и добавил уже спокойнее: — На Бруно Кертиса можете положиться, капитан!

3

Подойдя к кассе, Крис, улыбаясь, сунул миловидной кассирше бакс и вежливо произнес:

— Пожалуйста, девяносто семь центов, мисс!

Улыбка Криса всегда обезоруживала девиц, подобных этой.левой рукой он тут же стащил пачку пятидолларовых бумажек. Увидел бы кто, как вывернулась при этом его рука! Словно и костей-то в ней вовсе не было...

Кассирша улыбнулась в ответ, ничего не замечая, и, пока она стучала по клавишам, Крис стянул все семь стодолларовых банкнот.

— Спасибо за покупку, мистер!

Девушка так ничего и не поняла. Крис расшаркался, прижимая к груди купленный мяч, и неторопливо покинул универмаг.

Около мэрии в переулке, похожем на чисто выметенную крысиную нору, он воровато оглянулся и зафутболил ненужный мяч через ограду.

Потом Крис сел в автобус, едущий в сторону ипподрома. За три остановки в его карман переключевали два бумажника, четыре золотых кольца, семь наручных часов и одни карманные, а также витой серебряный браслет, кажется, с гранатом. Выйдя напротив ресторана «Глоб», Крис загадал: «Если в бумажниках больше трех сотен, на сегодня хватит, если меньше — продолжу».

Солнце сияло вовсю, деревья зеленели и радостно шевелились, приветствуя наступающее лето. Крис довольно жмурился, усаживаясь на скамейку у памятника Хлайку, чтобы проверить добычу.

В бумажниках оказались семьсот двадцать долларов с мелочью, водительские права на имя Роберта Дуайта и куча визиток. Крис удивился: какого черта публика с такими бумажниками и золотыми кольцами ездит в общественном транспорте? Непостижимая страна! А впрочем, ладно, поработал сегодня на славу, можно несколько дней отдохнуть, или, как говорил его учитель-русский, оттягиваться.

И тут рядом на скамейку опустился парень в кожаной куртке и линялых ковбойских джинсах. Возник он словно из-под земли, Крис едва успел спрятать бумажники в карман.

— Привет, Крис! С днем рождения!

Кристофер Дейзи, которому сегодня и вправду исполнилось двадцать шесть лет, нахмурился.

— Простите, мистер, вы, должно быть, ошиблись.

— Да ладно, Крис, брось, тебе это не идет. Я-то знаю, кто ты и чем занимаешься — пощипал олухов на совесть, пол-автобуса, небось, сейчас охает и ругается. Кстати, — Арчи ухмыльнулся, — верни мои часы, пожалуйста. «Кросс-оптим».

Дейзи мрачно сунул руку в карман и извлек несколько наручных часов.

— На, забирай.

Арчи нацепил свои «Кросс-оптим» и весело представился:

— Меня зовут Арчибальд Элмер...

— Что нужно? — хмуро перебил Крис. Он не любил, когда оставались свидетели его промысла.

— Есть дело.

— К дьяволу! Я завязал с громкими делами. Хватит.

— Дело того стоит, — пожал плечами Арчи.

Крис свирепо выпалил:

— Я же сказал — к дьяволу!

Арчи встал.

— Жаль. — Он выдержал положенную паузу, вздохнул и скорбно добавил: — Капитан Фло сказал еще, чтобы ты не очень удивлялся, если на свет божий всплывут некоторые подробности мармоннской резни.

Дейзи чуть заметно побледнел и уставился на Элмера. Взгляд его вполне мог воспламенить газету. Арчи выжидательно глядел ему в глаза.

— Ладно, — протянул Крис напряженно. — Что я должен делать?

Арчи был краток:

— Всего лишь выслушать капитана Фло. Пошли!

Крис Дейзи медленно поднялся со скамьи.

— Надо же! — горько усмехнулся он. — Минута, и я иду за тобой, словно собачонка. Весело же я встретил свое двадцатилетие!

Арчи обернулся и легонько потрепал его по плечу:

— Ничего, приятель! Через два часа ты это расценишь как подарок на именины.

Крис вяло отмахнулся и спросил:

— Слушай, а почему ты молчал, когда я снимал с тебя часы?

Арчи расплылся в улыбке:

— А что, мне нужно было хватать тебя за шиворот и орать: «Держи вора»?

4

Днем кафе почти всегда пустовало, тишину в зале нарушал только слабый стрекот вентилятора-кондиционера. Стереовизор хозяин выключил еще утром, и редкие посетители развлекались как могли: парочка у окна рисовала на салфетках чертиков и поминутно прыскала, отворачиваясь к окну; какой-то трудяга мирно спал, уронив голову на столешницу, рядом с ним стояла недопитая чашечка кофе. Эрвин Капелька, задрав ноги на стойку и попыхивая сигарой, читал «Утренние новости». Ничто не предвещало неожиданностей.

Тяжелый трейлер компании «Лопл Триджентик» вывернул со стороны Западного шоссе и пополз прямо на кафе. Перед самым входом дорога резко сворачивала влево, и посетители могли часто видеть, как скоростные мобили, готовые вот-вот въехать прямо в зал, вдруг уходят в сторону, и только жужжание приводов мягко толкается снаружи в стеклопластик. Поэтому никто сначала не обратил на грузовик внимания. Выстрелы в кафе услышать не могли. Девушка у окна, взвизгнув, дернула своего приятеля за руку, лишь когда трейлер подмял под себя полосатый бордюр, сбил столбик дорожного знака и въехал на тротуар. Парочка едва успела отскочить, грузовик с хрустом вломился в прозрачный стеклопластик; раздвигая столики и опрокидывая

стулья, доехал почти до стойки бара, заглох и остановился.

Бармен, выскочив из подсобки на грохот, ошарашенно застыл посреди зала. В наступившей тишине слышались только нервные шаги по осколкам пластика — это, стараясь казаться незаметным, крался к выходу заспанный трудяга. Парочка исчезла еще раньше. Бармен, видимо, потерял дар речи; замерев и опустив руку с полотенцем, он таращился на грузовик, словно неандерталец на воздушный шар.

Эрвин Капелька опустил газету, аккуратно сбил пепел с сигары и с ужасающим спокойствием предположил:

— Может быть, он хочет кофе, Джимми?

Бармен вздрогнул и посмотрел на Эрвина. Он ожидал, что толстяк вновь уткнется в газету, но Капелька проявил больше интереса, чем обычно: чтение отложил, снял ноги со стойки и приготовился наблюдать, дымя сигарой.

И только сейчас Джимми-бармен заметил в лобовом стекле грузовика две дырочки от пуль и пустоту на месте водителя. Он, нетвердо шагнув, открыл дверь; сверху на него мешком свалился мертвый шофер в синем комбинезоне «Лопл Триджентик». Крови почти не было, стрелял, наверное, снайпер. Джимми беспомощно склонился над безвольным телом и так же беспомощно повернулся к Капельке, который, как болтали в округе, мог абсолютно все.

Капелька, вынув сигару из пухлых губ, сказал:

— Пожалуй, стоит вызвать полицию.

Полиция явилась через семь минут. У кафе на улице собралось с десятков зевак, Джимми, заикаясь от волнения, объяснялся с инспектором, сержант расхаживал с рулеткой, блокнотом и очень умным видом, еще двое копов стояли у входа и у дыры в витрине, никого не пуская внутрь.

Эрвина Капельку Арчи дождался только спустя полтора часа. Городишко был крохотный, Арчи, ша-

гая рядом с Эрвином, вынужденно раскланивался со всеми встречными. Толстяк делал это с видимым удовольствием. Наконец они подошли к небольшому, увитому плющом домику, избранному Капелькой под жилище. Двор утопал в сочной, мясистой зелени, навевающей смутные догадки о тропиках. Внутри домик оказался таким же милым, как и снаружи. Арчи приятно изумился уюту и умиротворенности, царящим в комнатах Эрвина. Невольно он сравнивал их со своей берлогой, и сравнение было явно не в пользу последней.

— Итак, — сказал хозяин, разливая дорогой французский коньяк по изысканным хрустальным рюмкам в виде морских раковин, — что понадобилось от меня капитану Фло?

Арчи вздрогнул: он не успел еще и полслова сказать Эрвину о цели своего визита.

— Простите, — Арчи слегка замялся, — а из чего, собственно, следует, что меня послал Фло?

Толстяк усмехнулся:

— Из Нью-Кросби с такой татуировкой к старине Эрвину могут пожаловать только от капитана Фло.

Арчи покосился на свое левое запястье — там красовался вытатуированный еще во время службы на флоте якорь.

— А почему вы решили, что я из Нью-Кросби?

Толстяк прямо-таки цвел от счастья, когда демонстрировал свою проницательность. Он вытащил у Элмера из нагрудного кармана свежий номер «Н-К Джорнинг Пост».

— Это утренний выпуск, я вижу заглавие статьи о процессе Буша. До Брендона он докатится только к обеду.

— Н-да, — протянул Арчи. Выводы показались ему несколько натянутыми, хотя Капелька все угадал верно. — Ладно. Капитан Фло просил передать, что есть возможность одновременно развеяться, поплавать, поработать головой и попутно оказать капитану Фло услугу, кроме всего прочего еще и прилично заработав.

Арчи пытливо взглянул на Капельку. Тот молча прикуривал сигару. Фло предупреждал, что толстяк консервативен и может упереться, поэтому Арчи очертя голову принялся уламывать его, на все лады понося унылую, серую жизнь в провинции и расхваливая прибыльность интересного предприятия. Эрвин слушал его минуты две. Потом прервал коротким энергичным жестом:

— Не пыли, приятель. Из тридцати девяти лет жизни двадцать три я отдал капитану Фло. Я согласен.

Арчи облегченно вздохнул.

5

Гордон Лу, известный на весь Бьюк-Даунт двадцатishестилетний шалопай, словно сквозь землю провалился. Арчи обошел все данные капитаном адреса, все девять; многочисленные родственники Лу однообразно повторяли: «Горди ушел, может быть, он у тетушки...»; «Нет-нет, не появлялся, должно быть, навещает матушку»; «Нет его, проваливай, приятель»; и так девять раз подряд.

Неизвестно, кого он там навещал, но Арчи обнаружил Лу в полицейском участке. Тот держался уверенно и беспардонно, словно решетки на окнах и рослый долдон у двери, состоящий в основном из квадратной челюсти, каски и рыжих волосатых кулаков, милы ему беспредельно, а полицейский участок — дом родной.

Впрочем, последнее было не так уж далеко от истины. К Лу здесь привыкли. Лысоватый полный полицейский, расстегнувший рубашку чуть ли не до пупа, уныло спрашивал; Горди — отвечал, живо и очень охотно:

- Ну что он тебе такого сделал, Лу?
- Как что?! Сказал, что я — дерьмо!
- И из-за этого стоило вышибать ему мозги?

Лу удивился:

— А что, надо было сказать, что он тоже дерьмо?

— Ну хоть бы и так, черт возьми!

— Ты же знаешь, Пит, это не в моих правилах.

— Но он вдвое больше тебя! И вчетверо сильнее!

Лу напыжился и, казалось, даже засветился от гордости:

— Ну и кто кому вышиб мозги?

Полицейский схватился за голову:

— Господи, убрался бы ты из города, я бы ламбаду сплясал на площади, при всех, ей-богу! Ну скажи мне, Лу, скажи на милость, какого черта ты поколотил этого быка?

Лу пожал плечами:

— Он сказал, что я — дерьмо...

Полицейский взвыл и обернулся, заметив наконец Арчи.

— Здравствуйте, сэръ! — Арчи шагнул вперед, к столу. Полицейский потянулся к шее, словно хотел поправить галстук, но потом сообразил, что галстук висит на спинке стула, махнул поднятой рукой и сел.

— В чем дело?

Арчи, вопросительно глядя на него, уточнил:

— Похоже, вы не прочь избавиться от этого типа?

Пит прищурился, словно хотел сказать: «Что-что?»

Арчи твердо, насколько смог, предложил:

— Если он ничего серьезного не натворил, сэръ, и вы согласны его отпустить, я обязуюсь увезти его отсюда минимум на полгода.

Коп повернулся к Горди:

— Ты слышал?

Тот кивнул.

Тогда Пит вскочил, пересек комнату и с треском распахнул дверь. Долдон в каске даже не пошевелился.

— Убирайся! Я не знаю, почему я должен верить этому человеку, но я даю тебе шанс. И учти: если

завтра я встречу тебя в городе, Лу, будь уверен, упеку на шесть месяцев. Надоел ты мне до смерти!

Арчи мысленно поздравил себя с успехом. Но Лу вдруг развалился на стуле и заявил с крайне независимым видом:

— А может, я с ним и не пойду!

Арчи заулыбался:

— Эй, Горди, не дури и не заставляй называть себя дерьмом, тебе это, кажется, не по нраву.

Полицейский заорал:

— Все! Хватит! Или ты идешь с этим... гм... джентльменом, или шесть месяцев заключения. Сегодня! Сейчас! Девятьсот девяносто девять тысяч чертей!

Лу поспешно вскочил:

— Иду, иду! Выбор не очень-то велик, Пит, и я думаю, что не ошибся.

Он схватил кепку, на которой сидел все это время, и выскользнул за дверь. Арчи попрощался и вышел следом. Лу, не оборачиваясь, шагал прочь по улице.

— Эй, Гордон Лу! — окликнул его Арчи. — Иди-ка сюда.

Что-то в его голосе заставило Лу замереть и неохотно вернуться. Арчи подождал, пока он приблизится.

— Нам в другую сторону, — сказал он жестко.

Развернулся и пошел, зная, что Лу не посмеет сбежать и последует за ним.

Арчи не ошибся.

6

Если Лу обнаружился в полицейском участке, то Марка Мортимера Арчи нашел и вовсе в тюрьме. Мортимер был единственным, чьей фотографии не оказалось у капитана Фло, и единственным, кому Фло посоветовал с ходу выложить всю правду.

Арчи бесстрастно и негромко выложил.

— Остался ты, Марк, и еще один парень по имени Оскар Слэш.

Марк казался спокойным.

— Кого ты уже успел завербовать?

Арчи стал отвечать, потому что так советовал Фло:

— Сначала капитан Фло нашел и уговорил меня, а я уже сумел найти общий язык с четырьмя парнями — моим дружкой Бруно Фальконе...

— Это тот, которого все называют Бруно Кертисом и которого терпеть не может Бельмондо?

Арчи удивился, что Мортимер это знает, но виду не подал.

— Да, это он. Кроме того, один малый из Бьюк-Даунта в Паноме, зовут его Гордон Лу, далее — Крис Дейзи из...

— Крис? Ты хочешь сказать, что уговорил на эту авантюру Криса? — Марк презрительно хмыкнул.

Арчи поколебался.

— Его пришлось припугнуть, — наконец пояснил он.

Марк откровенно заулыбался:

— Парень, если ты хочешь сказать, что способен запугать Криса Дейзи, то скажи это кому-нибудь другому.

Смешался Арчи всего на секунду.

— Собственно, я передал ему всего одну фразу капитана Фло: если он откажется, раскроются некоторые детали мармоннского дельца. И все.

Мортимер недоверчиво посмотрел на Элмера:

— Фло ничего не может об этом знать.

Арчи немедленно пожал плечами:

— Спросишь у капитана Фло сам. Не в свои дела я никогда не лезу.

Прозвучало это достаточно убедительно, и Арчи решил, что стоит перевести разговор в другое русло.

— Кстати, откуда ты знаешь Криса?

Мортимер криво усмехнулся:

— А откуда я знаю Бруно Кертиса?

Арчи зашелся смехом. Однако, этот парень не промах!

— Извини! Это ведь тоже не мое дело.

Арчи умолк, ожидая, что решит Мортимер. Тот сидел за мелкой проволочной сеткой с крайне независимым видом, словно происходило это не в Трэд-филдской тюрьме, а где-нибудь в баре на Гринли.

Молчали они долго, охранник даже стал с неудовольствием коситься на них, словно хотел спросить: «Какого черта было добиваться свидания? Чтобы сидеть и молчать?»

Наконец Арчи не выдержал:

— Ну так что же ты скажешь, Марк?

Тот равнодушно опустил глаза с потолка, куда неотрывно глядел последние минуты. Глаза его были невинными, словно у младенца.

— А какое отношение имеет все это ко мне? Конкретно ко мне?

— То есть? — не понял Арчи.

— Я отбываю срок. Осталось еще порядком. Во всяком случае, двадцатисемилетие я тоже встречу в камере.

Арчи хлопнул себя по лбу:

— Черт! Я совсем забыл! Капитан Фло сказал, что в случае согласия оставшийся срок тебе скостят.

Элмер действительно забыл об этом упомянуть, но Мортимер ему, конечно же, не поверил. Впрочем, это не имело особого значения: Марк знал, что Фло слов на ветер не бросает. В душе он давно уже согласился. Однако нужно было соблюсти знаменитый имидж Марка Мортимера, и он делал вид, что еще колеблется, взвешивает все «за» и «против».

Но вдруг парень по ту сторону сетки, назвавшийся Арчибальдом Элмером, понимающе усмехнулся:

— Да будет тебе, Марк! Я же вижу, что ты согласен. Не скажешь ведь ты, что полтора года

тюрьмы прельщают тебя больше предложения капитана Фло?

И Марк сдался:

— Ты прав, черт возьми!

7

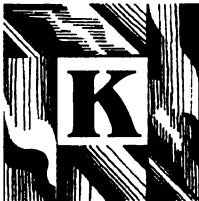
Остался один: Оскар Слэш по кличке Бегемот. Оскар не был ни толстым, ни просто крупным человеком; прозвище прилипло к нему еще в юношеские годы, когда на пикнике он в одиночку слопал целый котелок гречневой каши, предназначавшийся семьей, и навеки стал Бегемотом.

С ним вообще не возникло никаких проблем: Оскар валялся мертвецки пьяным в собственной квартире недалеко от центра Хрид-Сити. Арчи просто погрузил его в такси, отвез к станции междугородки и через минуту уже ловил такси в Нью-Кросби. Слэш не подавал никаких признаков жизни. В таком виде Арчи и доставил его в резиденцию капитана Фло.

Первое задание босса можно было считать выполненным.

Глава вторая «ВПЕРЕД, В ПРОШЛОЕ»

I

Когда к пробездельничавшей неделю шестерке присоединился свежесвыбритый и благоухающий Марк Мортимер, капитан Фло собрал всех в небольшом холле перед своим кабинетом. Одну из стен украшал черный пиратский флаг с неизменным черепом и песочными часами.

Арчи Элмер и Капелька выглядели спокойными; Кертис цвел от восторга: целую неделю он ел, спал и пил, не утруждая себя мыслями о деньгах; Крис Дейзи был мрачен, как зимний Везувий; Слэш-Бегемот — равнодушен; Горди Лу старался смотреться посolidнее, но получалось это у него не очень; о Мортимере пока трудно было что-нибудь сказать.

Фло посмотрел на собранную команду, рассеявшись в креслах, улыбнулся и начал:

— Итак, господа, насколько я знаю, каждый из вас не всегда и не во всем ладил с химерой, именуемой «законом». И — что вполне естественно — каждый кое-чему научился.

Фло сделал паузу, никто его не перебил, и это капитану понравилось, еще раз убедив его в правильности выбора.

— Мне нужно ваше умение. Умение бойцов, ловчил и авантюристов. Разумеется, не задаром. Вы, конечно, не прочь завести кругленький счет в Национальном банке и до конца дней своих не знать нужды в средствах. Это я предлагаю вам взамен вашего умения.

Фло снова умолк и слегка выждал. Глаза всех присутствующих, обращенные к нему, выражали интерес — в зависимости от темперамента — от живейшего до сдержанного. Фло снова улыбнулся:

— Я предлагаю попирагствовать, господа. Нет-нет, никакого риска, — поднял руку Фло, — действовать будем в семнадцатом веке.

С Международной комиссией по охране морских перевозок Фло конфликтовать не собирался. Это радовало.

В холле напряженной струной запела абсолютная, недоуменная тишина.

— Я имею в своем распоряжении машину времени. И намерен ее использовать. Все, что нам придется делать, это отбиваться на современном, оснащенном последними системами оружия и боевой техники судне от средневековых парусников с их смехотворными фитильными пушками и в лучшем случае — мушкетами.

Капитаном «Орхидеи» буду я. Позвольте представить вам команду, куда вы, надеюсь, органично вольетесь.

Фло встал, пересек холл и толкнул дверь в собственный кабинет.

— Питер Зборовски, старший помощник капитана. В рекомендациях не нуждается.

Питер был свиреп. От башмаков с квадратными носками до повязки на глазу. Эдакий бравый корсар, не хватало только повязанного по-пиратски пестрого платка да степенного попугая на плече.

– Ларри Робинсон, механик.

Худенький, чтобы не сказать плюгавенький, человечка в круглых старомодных очках. Руки по локоть в масле, все как положено. На флибустьера он никак не смахивал, хотя... Но об этом позже.

– Ван Баттум, кок.

Дебелый голландец, зачатый и выросший на камбузе, из тех, кого на суше преследует «береговая болезнь» и кто в состоянии при восьми баллах есть салями без хлеба и закусывать сгущенкой, искренне изумляясь при этом, почему бедняги-пассажиры повисли на фальшборте и блюют.

Сэр Юстас, шеф спасательной команды.

Тут семерка и вовсе разинула рты. Вернее, шестерка, ибо Эрвин Капелька был как раз в курсе.

Из кабинета неспешно и величаво вышел громадный пес-нюфаундленд. Роскошная черная шерсть с медным отливом, мощные клыки и лапы, умнейшие темные глаза. Сэр Юстас прошествовал мимо изумленной команды и уселся, разинув пасть и свесив набок длинный розовый язык, у ног капитана Фло.

– Эрвин Капелька назначен боцманом, Арчибалд Элмер — его помощником. Остальные, понятно, матросами. Первейшим моим условием будет железная дисциплина. С момента вашего согласия на участие в плавании я — ваш бог, ваш папа и ваша мама. Приказы выполнять немедленно и не рассуждая. За это я вам, собственно, и плачу. Кто согласия не изъявит, может встать и уйти, его миллион золотом будет поделен между оставшимися. Прошу всех вновь прибывших по очереди подтвердить согласие. Звукозаписывающая аппаратура включена. Мистер Элмер и мистер Капелька уже высказались в пользу своего участия в предприятии. Итак, мистер Слэш?

Бегемот поскреб подбородок:

– Хоть оружие-то дадут?

– Сколько угодно! -- заверил Фло.

– А выпивку?

— Только не на вахте.

Слэш развел руками:

— Что же тут решать-то? Согласен, ясное дело.

— Мистер Мортимер?

Марк переглянулся с Крисом Дейзи (они сразу же оказались рядом, с первых минут).

— Надеемся, что вы сознаете, что делаете, капитан. Мы ваши.

Крис кивнул, едва только Марк умолк. Кивнул солидно, как представитель «Форд мотор» на Всемирной автоярмарке.

— Прекрасно! Бруно?

— Нет вопросов! На абордаж! По марсам и салингам!!

Спокойнее, приятель! Меньше страсти, — поумерил пыл итальянца Фло. — Лу?

Горди напыжился:

— Только покажите, в кого стрелять, кэп!

— О'кей, — подвел черту Фло. — Я вижу, что не ошибся в вас.

Он замолчал, потрепал Юстаса по лохматой голове. А потом его голос враз из вежливого стал капитанским:

— С сегодняшнего дня командует вами Питер. Общая подготовка, изучение «Орхидей» и оружия. Слэш, ты, кажется, в прошлом механик — углубленный курс, Ларри, займешься им. Чтоб тебя заменить смог! Ясно?

Очкарик кивнул, Слэш вздохнул.

— И не пищать, корсары! Дрейк по сравнению с нами — мальчик! Доступно?

— Йо-хо-хо! — совершенно серьезно сказал Дейзи.

«И бутылка рому», — подумал каждый.

И началось. Питер гонял их, как сержант новобранцев, даже Капельку. Кстати, толстяк оказался не таким уж заплывшим: от пола отжимался полсотни раз даже не запыхавшись, а на перекладине такие вещи вытворял, что маленький, склепанный из

сплошных мускулов гимнаст Лу рот разевал от удивления. Капелька явно держал себя в форме в своем занюханном провинциальном Брендоне.

Выяснилось, что Крис так стреляет из любого оружия, что вызывать его на дуэль было чистым самоубийством, даже если Крису завязать глаза;

что малыш Лу голой рукой шутя ломает шесть кирпичей, легко садится на поперечный шпагат и ловит на лету стрелу, пущенную из спортивного лука;

что Арчи лучше не трогать, если с ним нунчаки, а если не с ним, то лучше нападать вдвоем-втроем, и желательно с Лу;

что Оскар Слэш водит все — от вертолета до подводной лодки;

что Юстас понимает человеческую речь (провалиться всем на месте, если это не так!) — дьявольски смысленный пес;

что Бруно Кертиса можно последовательно запаковать в смирительную рубашку, наручники, кандалы, мешок и бросить с моста в море — он освободится еще в полете и рассмеется вам в лицо;

что Ван Баттум — кок милостью Божией;

что механик Робинсон вовсе не такой хлюпик, каким кажется: шесть кирпичей он, правда, не мог осилить, а вот с тремя справлялся вполне;

что Питер тоже мог все это и еще чуть-чуть, а уж сам капитан Фло мог еще больше.

Выяснилось, что «Орхидея» — чудо. Плод инженерного гения военных судостроителей. Композитный корпус, управляемые суперкавитирующие крылья, водометные движители прогрессивного режима, скользящее покрытие типа «чешуя», резервные воздушные винты регулируемого шага...

Тримаран на подводных крыльях! С разделяемыми секциями. Средняя — основная, четырехуровневая. Боковые — двухуровневые. И скорость, скорость — 86 узлов в штиль! Сказка...

Оскар Слэш с Ларри-очкариком неделями не вылазили из машинного отделения.

В общем, месяц пролетел как один день. Команда постепенно становилась Командой, где каждый за всех и все за одного. Фло подобрал именно таких людей, на которых впоследствии мог положиться. Не зря он так долго выбирал.

2

Рассекая умопомрачительно синюю волну, «Орхидея» понеслась прочь от причала, мгновенно встав на крылья. Арчи не переставал поражаться ее способностям: пройти над Бермудскими банками на тридцати узлах, даже не чиркнув по песку! И глубина-то, глубина под килем... ох, пардон, под крыльями! — всего-навсего два фута! Ну и ну! Ларри что-то объяснял насчет разницы давлений под и над крылом, песок-де, более плотная среда, чем вода, поэтому над мелью давление снизу на крылья возрастает, судно приподнимается и проходит, словно на подушке. Арчи сразу не поверил: мель есть мель, что там давление... Пришлось убедиться.

Фло, Питер и Капелька расположились в рубке; капитан в кресле у мониторов, Питер за штурвалом, боцман просто у двери. Навстречу тримарану, изредка вспенивая макушки, стройными рядами ползли океанские волны. Рубка находилась на самом верху, на четвертом уровне, от воды ее отделяло добрых сорок футов. Сразу за рубкой, надежно принайтованный, притаился небольшой боевой вертолет класса «Шершень». Остальное пространство четвертого уровня занимала открытая палуба.

На третьем уровне располагались все боевые системы — пушки, ракеты, пулеметы, оперативный боезапас, торпедные пускатели, военный компьютер «Полтава» (кличка — Зародыш), датчики систем

наблюдения, мониторы и прочая, и прочая, и прочая...

Здесь, прильнув к лобовым стеклам, вглядывались в морские дали трое: вахтенный — Арчибальд Элмер и зашедшие поболтать Марк и Крис. Последнее время эта троица много времени проводила вместе.

А Бруно Кертис очень сдружился с Гордоном Лу — оба невысокие, ладные и достаточно беззаботные. Сейчас они сидели у Ван Баттума на камбузе, где были частыми гостями. Камбуз располагался по правому борту второго уровня, ближе к носу. Весь нос занимала просторная для одиннадцати человек кают-компания. Пожалуй, в ней и тридцать человек не чувствовали бы себя стесненными. Напротив камбуза по левому борту тянулись склады, а на корме находились жилые каюты. Капитан Фло и Питер Зборовски поселились в одноместных, остальные жили по двое: Мортимер с Дейзи, Арчи с толстяком Капелькой, Лу с Кертисом, а Слэш-Бегемот с механиком Ларри, понятно: они сошлись на почве своих машин. Кок Ван Баттум обитал прямо на камбузе, там у него имелась крохотная уютная каютка. Для Юстаса соорудили на самой корме специальный вольер, всегда открытый и на кормовую палубу, и в коридор-твиндек. В настоящий момент пес беззаботно спал, потому что его никто не потрудился разбудить, а на качку он обращал не больше внимания, чем мы на вращение Земли.

Второй ярус опоясывала замкнутая галерея, от фальшборта до стен кают целый ярд. Балкон балконом, да простят моряки...

Весь нижний ярус занимали склады, топливные баки и машинное отделение — царство Ларри и Бегемота. Оба сидели в дежурке — чистой, полной датчиков и приборов каюте.

Итак, «Орхидея» отчалила второго июля в два десять пополудни. Лу отдал носовой, Кертис — кормовой, Зборовски дал «малый вперед», ожили два из четырех водометов средней ступени...

А потом все собрались там, где описано.

— С Богом, — вздохнул капитан Фло, начиная свое предприятие. Питер стоял у штурвала, сунув левую руку в карман. Капелька вышел на воздух, оставив дверь открытой; в рубку врывался соленый ветер, принося шум волн и крики чаек. Капелька чадил трубкой: в море сигар он не признавал.

— Да, — сказал Марк Мортимер, вспоминая осточертевшую камеру, — сидел бы я сейчас в Трэд-филде...

Арчи улыбнулся, вспоминая разговор во время свидания и недовольного охранника; Крис косился то на Марка, то на Элмера. Тихонько тикали на запястье Арчи часы, однажды уже побывавшие у Криса в кармане.

— Ну и кофе ты варишь, Ван... М-м-м... — зажмурился от удовольствия Бруно. Кофе он обожал.

Кок разлил ароматную жидкость по чашечкам.

— Почему ты его называешь «Ван»? — проворчал Горди, принимаясь. Кофе он обожал не меньше. — Это же только полфамилии. Все равно, что тебя назвать не Фальконе, а Фаль.

— Да ладно, — вздохнул голландец. — Все так называют. Тебе сколько сахара, Лу? Никак не запомню...

Работу водометов лучше всего было слышно внизу, в трюме. Тихий гул никогда не покидал дежурку машинного отделения, разве только у причала.

— Подумать только — машина времени! Это же... — Слэш-Бегемот развел руками, не в силах выразить свои чувства.

Ларри, развалиясь в кресле, невнимательно листал журнал «Турбина».

— Да она с приветом, Оскар. Военные ее поэтому и продали капитану.

Слэш не понял.

— Что значит «с приветом»?

Ларри отложил «Турбину».

— А ты не знаешь? Капитан вроде объяснял... Хотя вас тогда еще не было. В общем, она работает только назад, в прошлое. Относительно нынешнего года. Прыгнул сегодня, пробыл в прошлом месяц, возвращаешься ровно через месяц после старта, и никак иначе. Понял?

Слэш кивнул:

— Фиксированный сдвиг, ясно.

— Вот. А прыгать можно только на тринадцать лет. Ровнехонько, ни больше ни меньше. Или на двадцать шесть, если в два приема. Три приема — тридцать девять, и так далее.

— Почему? — изумился Бегемот.

— Откуда я знаю? С приветом машина. Бракованная. Намудрили, небось, военные, сами не расхлебали. Но это не все. Ты заметил, что многие из нас одногодки? Мне, тебе, Крису, Марку, Лу, Бруно и Арчи по двадцать шесть лет, Капельке, Питеру и Вану по тридцать девять, а капитану — пятьдесят два. Улавливаешь?

— Ого! Тоже привязка к цифре «13»?

— Точно! Машина переносит только те живые организмы, возраст которых кратен тринадцати годам. Плюс-минус несколько месяцев. Так что у нас не так много времени. До конца лета.

Слэш покачал головой. Действительно, с приветом машина!

— Стоп, Ларри! А Юстас? Как с ним?

— Ему шесть с половиной лет. Тринадцать пополам.

— А-а...

Ларри усмехнулся:

— Вот такие дела. Честно говоря, я не уверен, что это ВСЕ ее заскоки. Думаю, есть и другие. Поживем — увидим, прав я или нет.

— Внимание, команда! — прозвучал по внутренней связи голос капитана Фло. — Начинаем первый прыжок!

Заслышав голос хозяина, Юстас проснулся, взлетел по кормовому трапу, пересек палубу четвертого уровня и вошел в рубку, зевая на ходу.

Мир на мгновение померк, а потом пасмурный день и легкое волнение сменились безудержным летним солнцем и полным штилем.

Оскар Слэш прилип к иллюминатору. За стеклом была резиновая лодка и конец двадцатого века, девяностые годы, середина лета.

— О'кей, ребята, все в норме, эта штука работает, — сообщил капитан Фло. — Дальнейшие прыжки без предупреждений. Поехали!

Снаружи раз за разом темнело, волны и ветер то и дело меняли силу и направление, солнце то сияло посреди бездонной голубизны, то пряталось за лохматыми сахарными облаками, то терялось за сплошной пеленой свинцовых низких туч. Раз «Орхидею» омыл неистовый летний ливень, а раз попали в бешеный шторм: огромная волна пихнула судно в левую скулу, столкнула с крыльев и посадила брюхом на воду, но в следующую секунду, тринадцатью годами раньше, «Орхидея» вновь поднялась на крылья.

Раз совсем рядом мелькнул пароход, оставляя длинный шлейф дыма и копоти; позже вдали на миг поднялись высокие мачты какого-то парусника, а за кормой все время маячила резиновая лодка с единственным человеком, вцепившимся в весла.

Оскар, заметивший лодку, так и не сообразил сначала, что она тащится вслед за «Орхидеей» сквозь времена.

Наконец прибыли. Солнце жарило как встарь, затихли водометы, «Орхидея» легла днищем на воду и неспешно заскользила по легкой ряби семнадцатого века.

Фло, Питер, Капелька и Юстас вышли на палубу.

— Красиво, черт возьми, — вздохнул Фло. — Даже дышится вроде бы легче.

Море было синее-синее, почти как дома, в двадцать первом веке.

— Да уж, — заметил Эрвин. — Наслаждайся. Ни тебе смога, ни тебе нефти...

Юстас вдруг, рыкнув, рванулся на корму, встал на задние лапы, оперся на леер и залаял.

Невдалеке лениво покачивалась ярко-оранжевая резиновая лодка; в ней стоял человек и отчаянно махал курткой.

— Гм... — оторопел капитан. Резиновая лодка в семнадцатом веке? Или что-то неладно с машиной?

— Кэп, лодка за кормой! — прокричал кто-то снизу, со второго уровня.

— Вижу, — отмахнулся Фло, направляясь в рубку.

— Все наверх! Кертис и Лу — принять человека!

«Орхидея» величаво развернулась и медленно сблизилась с лодкой.

Через минуту Кертис привел наверх перепуганного паренька-подростка; Лу втаскивал злополучную полуспущенную лодку на корму второго уровня.

Фло подозрительно рассматривал пришельца. Рыжая шевелюра, спасательный жилет, шорты, шлепанцы... Сын какого-нибудь рыбака из припортовых районов, наверное.

— Тебя послал Бейкер? — жестко спросил капитан. — Отвечай!

Мальчуган съежился:

— Какой Бейкер? Я от родителей сбежал... А лодка лопнула. Старая уже...

— Как тебя зовут?

— Слава... Слава Лебедев.

Капитан удивился:

— Русский, что ли?

— Угу, — промывчал парень. — Эмигрант.

— Сколько же тебе лет, эмигрант?

— Тринадцать...

Сходится возраст-то! Фло переглянулся с Питером.

«Вряд ли Бейкер послал бы такого сопляка... — думал капитан. — Да и что он знает о машине? Ничего, кроме того, что я купил что-то у Министерства обороны».

— Что делать, капитан? Мы почему-то приволокли его с собой. — Питер поедал капитана единственным глазом.

— Кажется, я знаю, — сказал вдруг Оскар Слэш. Все взглянули на него.

— Нас было одиннадцать плюс Юстас. До тринадцати одного не хватало. Вот и зацепили ближайшего, кто подошел по возрасту. Эта машина свихнулась на цифре «13», кэп. Ей-ей.

Капитан хмыкнул. А ведь верно! Молодец, Бегемот, голова варит. Ну и что делать? Отправить пацана назад (или — вперед, хрен теперь разберешься). Ищи потом тринадцатого в экипаж. Не приведи Господь, Бейкер узнает. У него везде уши, а информация имеет свойство просачиваться...

«Оставлю, — решил капитан. — Все едино, говорит, сбежал. А вернемся, еще спасибо скажет. Сдадим его прямо родителям под крылышко...»

— Эй, Слава!

Парень вытянулся. «Не отправляйте меня домой, дяденька», — читалось в его взгляде.

— Зачисляю тебя юнгой! Марш на камбуз к Ван Баттуму! Все вопросы к нему!

3

Бирюзовая волна Карибского моря мягко шлепала «Орхидею» в белоснежный бок. Легкий ветер гулял над миром, покачивал упругие усы антенн над рубкой. Черный флаг с черепом и скрещенными костями развевался на голо-стеннге над короткой, в сажень всего, мачтой. Флаг совершенно игнорировал ветер, ибо был лишь голограммой, как и

сама стеньга. Она потому и называлась «голо-стенгой».

Ван Баттум, свесив ноги с кормовой палубы «Деи» (правой секции тримарана, левая звалась «Орха»), пристально наблюдал за пузатым пестрым поплавком. Справа от него стояло ведро с белым трафаретом «Веселого Роджера»; в ведре плескалось несколько рыбин. Рядом чинно восседал сэр Юстас, виляя хвостом и вежливо облизываясь. С другой стороны устроился Слава, негромко насвистывая модную телемелодию минувшей недели, которая наступит только через триста с чем-то лет. В рубке «Деи» возились Питер и Слэш — настраивали систему лазерного наведения.

Поплавок нырнул, леска натянулась, словно струна, Ван Баттум сноровисто подсек.

— Оп-ля!

На крючке трепыхался небольшой тунец.

— Твой, сэр Юстас. Маловат для котла.

Кок небрежно подбросил рыбину; Юстас привстал на задние лапы...

«Клац-клац!» Рыбий хвост исчез в объемистой пасти. Нюф облизнулся не без благодарности.

Поплавок снова закачался на волне.

Очередная поклевка была гораздо мощнее. Ван вцепился в удилище обеими руками.

— Эй! Слава! Сачок!

Юнга изготовился. Удилище выгнулось правильным полукругом; пластик тихо запел, но пока выдерживал. Из воды показалась серая голова с растопыренными жабрами. Размером голова была с добрую дыню.

— Ого! — присвистнул Слава.

Сверху как раз спускались Питер и Бегемот.

— Чего свистишь, юнга? — неодобрительно заметил Зборовски. На борту свистеть положено только двоим: боцману и ветру!

Слава не растерялся:

— Так точно, сэр! Больше не повторится, сэр! Извините, клюет, сэр! — И схватился вновь за подсаку.

И тут засвистел тот, кому положено, — боцман. Пронзительный звук дудки сменился зычным голосом:

— Все по местам, бездельники! Паруса слева! Трам-тарарам!

Ругался Капелька исключительно для порядка, по старой морской традиции.

Плененный тунец забился в сачке, разбрасывая сверкающие на солнце жемчужины брызг.

— На камбуз, живо! — скомандовал кок.

Питер и Бегемот уже убежали; Юстас исчез еще раньше.

Команда занимала места. Капитан и Зборовски — в ходовой рубке; сюда же, на всякий случай, вызвали и юнгу. Капелька, Дейзи и Мортимер — в боевой рубке третьего уровня. Арчи и Слэш — в рубке «Орхи», слева; Лу и Кертис — справа, в «Дее». Ларри дежурил в трюме, у машин; кок с Юстасом остались на втором уровне.

Слева, с юга, приближался парусник. Слегка накренившись, он рассекал набегавшую волну. Белые полотнища парусов недвижимо застыли, наполненные ветром доверху. Следом шло еще несколько кораблей. Передний изменил курс и двигался теперь прямо к «Орхидее». Скоро он подошел совсем близко; стали видны даже шкентеля и юферсы. Матросы, стоя на пертах, сноровисто управлялись с такелажем; судно вмиг легло в дрейф.

— Голландцы, что ли? — предположил Питер. — Гляди, все брам-стенги вперед выгнуты...

Фло усмехнулся. На голландском судне командовать мог кто угодно.

— Эй, пираты! — послышался неожиданно громкий голос. Говорили по-английски.

«Орхидея» носом глядела в правый борт парусника. Разделяло их сажень тридцать.

— Подойди ближе, — сказал Фло и вышел на мостик.

Питер подал «Орхидею» вперед, расстояние сократилось вдвое. Теперь стало видно, кто говорил, — разодетый в шелка и парчу бородач, должно быть, капитан «голландца», а возможно, и адмирал всей эскадры. В руке он держал рупор:

— Эй, пираты! Вы на прицеле моих молодцов.

Что правда, то правда: сквозь порты выглядывали жерла корабельных пушек.

— Предлагаю сдаться, и вас не тронут до суда...

— Простите, капитан, но сдаваться я не собираюсь. — Голос Фло подхватывал приколотый к лацкану микрофон-муха и транслировал через внешний акустик. — В свою очередь, предлагаю вам идти своей дорогой, ибо вы не те, кого мы ищем.

Фло переключился на служебку:

— Что у вас, Эрвин?

— Зародыш рекомендует своротить им руль, бушприт, утлегарь и уходить на сорок градусов от миделя. Цели введены, — отозвался боцман.

— Хорошо. Залп по команде.

— Есть, сэр!

Дымный шлейф окутал один из портов ближнего парусника, грохнул выстрел; ядро вздыбило фонтан воды в нескольких саженях от «Деи».

— Это предупреждение! — надменно сообщили с парусника. — Если ваш бочонок...

— Ну ладно, — проворчал Фло. — Пеняйте на себя. Залп, Эрвин!

Сухо гукнули две кассетные пушки; бушприт и утлегарь дернуло в сторону, кливера поникли; все это жалко повисло на фор-брам-штаге. Тотчас же ожили водометы «Орхидеи», все восемь. Вмиг встав на крылья, тримаран развернулся и помчался прочь.

Бомбарды голландца с запозданием плюнули ядрами и дымом, но на прежнем месте вместо дивно-

го белого судна лишь буруны опадали, да стлался шлейф мелкой водяной пыли.

В мгновение ока «Орхидея» оставила эскадру позади, убежав далеко к горизонту.

— Ты заметил, как назывался этот корабль? — спросил Фло помощника.

— Да, капитан. «Аарбели».

— Запомни: нам нужна «Санта Розалина». Она будет идти под испанским флагом с юга, из Картахены.

Зборовски кивнул.

В рубке «Деи» Гордон Лу с досады сплюнул.

— Что-то не спешит капитан потрошить эти каракатицы. А, Бруно?

Кертис пожал плечами. Он предпочитал, не дергаясь, дожидаться обещанного миллиона золотом.

— Внимание, команда! Маленькая репетиция. Захват эскадры. Восемь кораблей. Вспоминайте, чему вас учили. Разделение!

С легким жужжанием заработали сервомоторы. Пилоны отделились от боковых секций и откинулись назад, на манер крыльев боевого истребителя. «Орха» и «Дея», став самостоятельными судами, плавно пошли на разворот вслед за секцией-маткой.

— Хо-о-о! — заорал в упоении Лу. — Вводи цели, Бруно!

Три стремительные молнии рассекли эскадру парусников на части. Беспорядочно стреляли бомбарды, не в силах поспеть за перемещениями пиратских судов, на палубах поднялась суматоха.

Кассетницы-металлорезки, повинувшись программам Зародыша, смели парусникам все мачты и рули, сковырнули бушприты, оставив совершенно неуправляемыми.

— Абордажный удар! — скомандовал Фло.

Разворот, новый заход на цель, ракеты к пуску, пуск!!

Хищные остроносые пчелы взвились в чистое небо семнадцатого века и взорвались над дощатой

палубой каждого из кораблей. Нервно-паралитический газ окутал парусники, настигая всех без разбору: матросов, офицеров, пассажиров. Люди падали как чумные — на бегу, прижимая руки к лицу.

Спустя три минуты газ разложился на безвредные составляющие, сизый туман, застивший глаза, рассеялся без следа. Солнце вновь озарило разгромленные корабли: обломки мачт, клочья парусины, щепы, валяющиеся в нелепых позах люди...

Репетиция удалась.

4

Золота и драгоценностей на захваченных кораблях оказалось совсем мало. Обшарить все и погрузить на «Орхидею» успели за каких-то два часа. Кое-кто из матросов уже начинал шевелиться, но это никого из пиратов не взволновало: чтобы те пришли в себя окончательно, потребовалось бы еще столько же времени.

Наиболее ценной добычей все сочли богатейшую коллекцию превосходных португальских вин.

С тем «Орхидея» и покинула собранные в кучу, намертво пришвартованные друг к другу увечные парусники.

На следующее утро команда, протрезвев после обильной дегустации, собралась в кают-компани. Ван Баттум в очередной раз удивил всех новым блюдом — умел голландец исхитриться и выдать шедевр кулинарного искусства.

Беззаботный завтрак прервал резкий сигнал автовахтенного.

«Полундра!»

Спустя полминуты экипаж «Орхидеи» изготовился к действиям. Горизонт оставался девственно чистым, однако акустик Зародыша предупреждал, что невдалеке кипит морское сражение. То ли англичане

пускают перья из испанцев, то ли испанцы из англичан, а может, еще кто сцепился.

Фло насупился и задействовал камуфляж. Зародыш, секунду поколебавшись, выбрал облик трехмачтовой баркентины с бермудским вооружением грота и бизани. Голограмма окутала «Орхидею», поглотила тримаран, и вот уже неся по волнам полным бакштагом стремительный парусник, еле слышно урча водометами и оставляя за собой странную тройную кильватерную струю.

— Кэп, — смущенно сказал Питер. — Бермудские паруса появились только в середине девятнадцатого века. Врет Зародыш.

Фло махнул рукой: «Пусть!»

— Слэш! Поднимай вертолет!

Подстегнутый командой капитана, Бегемот метнулся на верхнюю палубу. Разошлись паучьи лапы автонайтовки, ожил двигатель, расплылся призрачным кругом винт... Узкая полупрозрачная стрекоза вспорола небо, взмыла над «Орхидеей» волнами, горизонт разом отпрянул куда-то вдаль, а внизу раскинулась синяя водная гладь, бескрайняя, чистая и умопомрачительно свежая. У Бегемота захватило дух. Красиво, бизань пополам, якорь в глотку!

Прямо по курсу, сцепленные бортами, окутанные сизыми облаками порохового дыма, застыли два корабля: испанский сорокапушечный галеон и небольшой кеч под «Веселым Роджером». Грот-мачта испанца лежала на воде, кеч, судя по всему, взял его на абордаж.

Слэш переключил сигнал с внешних датчиков на трансляцию. Теперь и Фло в ходовой рубке, и боцман в боевой видели все происходящее на своих экранах.

Пираты на кече убрали оба кливера и фор-стаксель, бак выглядел странно пустым, ибо фок-мачту кеч не нес. Но команда «Орхидеи», натасканная Питером, уже знала, что вместо мачты на баке парусника притаились каронады — примитивные пушки,

способные, впрочем, потопить даже «Орхидею» (но только если повезет). Судно даже называлось устрашающе: бомбардирским кечем. Последствия залпа пиратов налицо: вдвое больший испанец уже потерял грот-мачту, рули, изрядное количество парусов и рангоута; пробоины зияли в надстройке юта, в бортах...

Скоро галеон был захвачен. Пираты выбрасывали за борт убитых, добивали тяжелораненых, перетаскивали на свой корабль сундуки со скарбом, перегоняли пленников, словом — вели себя как любые корсары во все времена.

«Орхидею» они откровенно прозевали, опьяненные победой. Фло успел приблизиться на добрую милю, прежде чем на кече поднялась суматоха. Вертолет уже сел, Слэш присоединился к Арчи Элмеру. Пираты, пристально глядя на лжебаркентину с «Роджером» на брам-стенге, застыли у бортов своего судна. Несомненно, что пушки левого борта и палубные каронады могли выстрелить в любую секунду.

Корабли сближались в полном молчании.

— Шлюпку на воду! — скомандовал капитан Фло. — Элмер, Лу, на весла! Остальные — полная боевая готовность. Связь по служебке, общий канал!

Питер Зборовски проводил отвалившую шлюпку пристальным взглядом. Чмокнув, она проколола границу голо-поля и, покачиваясь на спокойной волне, устремилась к пиратскому кечу.

Храбрости и хладнокровию капитана Фло оставалось только позавидовать.

Глава третья «УНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ»

1

люпка возвращалась. Арчи и Лу изображали греблю: на самом деле работали миниатюрные движители на корме. Однако Фло решил не настораживать пиратов.

Команда «Орхидеи» замерла в ожидании.

Пока шлюпку поднимали, Фло направился в рубку. Зборовски встретил его вопросительным взглядом.

— «Санта Розалина» в Маракайбо. Туда и направимся. Вот, союзников нашел...

На кече, который, кстати, звался «Колибри», ставили и поднимали паруса; сильно поврежденный испанец пошел ко дну, едва только пираты убрали абордажные крючья.

Фло договорился с капитаном «Колибри» о совместном походе на Маракайбо. В принципе, пираты ему были без надобности: «Орхидея» в состоянии сломить любые заслоны испанской твердыни. Однако надо же на кого-то списать нападение? Фло хотел опередить пиратов («Колибри» намеревался зайти на

Тортугу за подмогой), сделать свое дело, а потом пусть себе потрошат Маракайбо и испанскую эскадру, а заодно и присвоят всю славу.

К вечеру ветер посвежел, кеч, зарифив паруса, шел галфвиндом, сильно накренившись. Волны бодали белопенными макушками его исхлестанный ветрами и морем борт. «Орхидее» тоже доставалось, пришлось втянуть крылья, а боковые секции вплотную прижать к центральной. «Колибри» скоро потерялся за крутыми валами. Ветер крепчал, волны становились все выше и выше, а «Орхидея» покачивалась себе, словно бочонок. Вернее, словно три бочонка, накрепко связанных вместе.

Экипаж давно разбрелся по каютам. Боцман обосновался в гамаке, рассказывая очередную байку, Арчи слушал, глядя в иллюминатор. Мортимер с Дейзи молча пили вино, стараясь расплескать поменьше. Лу и Кертис играли в карты, насколько позволял шторм. Механик Ларри, убаюканный качкой, спал; засыпал и Оскар, намаившись за день. Фло с Питером негромко разговаривали в капитанской каюте; здесь же, опустив голову на толстые мохнатые лапы, залег и сэр Юстас. Кок с юнгой пытались прибрать в кают-компанию, но до окончания шторма это вряд ли удалось бы, и они удалились в каюту голландца, где поселился и Слава.

Шторм! Владыка морей! Что может устоять перед твоим бешеным натиском? Бесконечно малым и ничтожным кажется любое творение рук человеческих в сравнении с тобой. В твоей власти швырнуть беззащитный корабль, утлую песчинку в твоих ладонях, на скалы, разбить вдребезги, в щепы. Горе тем, кому уготована такая судьба. Ты можешь сломать мачты, оборвать снасти, лишить руля. Ты всемогущ!

Однако, что за дерзкое суденышко? У него нет мачты (убрана внутрь), нет ничего, за что можно ухватиться. И волны ему нипочем! Ну-ка, бросим его на прибрежные скалы!

Арчи почувствовал, как палуба уходит из-под ног, словно пол в скоростном лифте. И вдруг навалилась тяжесть. Рывок!

«Орхидея» вздрогнула, словно раненая птица, и стремительно ринулась вперед. Заработала гравиподушка; оттолкнувшись от скал, судно прыгнуло через мель, через высоченные валы, через смерть и понеслось туда, где было глубоко, где не могли распороть днище острые каменные клыки, где волны пониже и опасности нет.

Спустя несколько минут подушка отключилась, и «Орхидея» вновь закачалась на штормовой волне.

За ночь Зародыш включал подушку еще дважды.

2

Утро выбралось из-за горизонта, шлепая босыми ногами по притихшему морю. Шторм ушел буйствовать на юг, к экватору. Волны еще вздымали «Орхидею», но это были уже не свирепые пенные горы, а пологие синие холмы. Зародыш оценил погоду в 2,7 балла. К восходу солнца под гул сервомоторов боковые ступени разъехались в стороны, крылья отделились от корпуса и, нетвердо щелкнув, зафиксировались в рабочем положении. Выползла наружу мачта, взмахнув полурями, как руками.

Первым проснулся Юстас. Отворив носом незапертую дверь капитанской каюты, он прошествовал на корму, спихнул за борт тик-трап и с наслаждением плюхнулся в воду. Поплавал вокруг «Орхидеи» минут десять, довольно отфыркиваясь, несколько раз нырнул и взобрался назад на корму. Деловито отряхнулся, вытащил тик-трап на палубу. Оставляя мокрые следы и небольшие лужицы, побрел вдоль фальшборта второго уровня на нос.

И тут с верхней палубы донесся хриплый разбойничий крик:

— Пиастры, пиастры!

Сэр Юстас басом гавкнул и галопом понесся к трапу. От крика и лая проснулись четверо: Лу, Кертис, Арчи Элмер и капитан. А сверху продолжали громогласно орать:

— Дукаты, дукаты! Тугрики, тугрики!

Кто в чем, пулей устремились на четвертый уровень.

Там происходило следующее: на полурее, как раз под усом УКВ-антенны сидел нахохлившийся зеленый попугай и сердито орал; сэр Юстас, опираясь передними лапами о стабилизаторы вертолета, возмущенно лаял на него.

Фло, ежась от утренней прохлады, замер у трапа.

— Ну и ну! — сказал Арчи, кутаясь в одеяло, которое почему-то захватил с собой. На далекий, еле слышный гул никто не обращал внимания.

— Забей заряд! — разорвался попугай. — И стань на фитиля!

— Гав-гав!

— Кливера долой! Обрасопить реи! Трам-тарарам!

— Что это за птица, кэп?

— Гав-гав!

— Марселя на гитовы! Абордаж! Полундра! Полундра!

— Во дает!

— Может, поймать его? Он, поди, ручной.

— Юстас, фу!

— Гав-гав!

— Правый борт залп! Трам-тарарам-тарарам! Пам-пам!

Пес, все еще недовольно взрыкивая, подошел к капитану и сел у его ног.

— Пиастры, пиастры! — крикнул напоследок попугай. Похоже, он успокаивался. — Дукаты, дукаты! Тугрики, тугрики!

Арчи расправил одеяло, намереваясь использовать его вместо ловчей сети, но горластая птица вдруг

взмахнула крыльями и мигом перепорхнула на плечо Кертису.

— Мама миа! — изумился итальянец. — Точно, ручной! У-тю-тю!

Попугай, не обращая внимание на сюсюканье Кертиса, нахохлился и стал деловито чистить травянисто-зеленые перья. Ярко-желтый хохолок на макушке то вставал дыбом, как у удода, то прижимался к голове.

— Остров Бугеля! — сообщил он не очень уверенно и что-то неразборчиво прощебетал.

Капитан протянул палец; птица с готовностью заняла этот импровизированный насест.

— Ты кто? — спросил Фло, не особо надеясь на ответ.

Попугай и не ответил.

Завтракали под невнятное бормотание зеленокрылого гостя и ревнивое ворчание сэра Юстаса.

— Кстати, сэр, — обратился к капитану Гордон Лу. — Неплохо бы дать этой птице какое-нибудь имя.

— Морское, — поддакнул Кертис. — Позабористее.

Фло хмыкнул:

— Предлагайте.

Сэр Юстас нервно гавкнул.

Капитан задумался:

— Гав? А что, неплохо. Попугай по имени «Гав». А?

— Нет, сэр, это не звучит. Нужен какой-нибудь морской термин, — убежденно сказал Арчи.

— Скажите, капитан, — поинтересовался вдруг Кертис, — а почему вашего пса так неподходяще зовут? Вы же моряк.

Фло отодвинул тарелку и в упор взглянул на Кертиса:

— Как же мне следовало его назвать?

Бруно пожал плечами:

— Ну, Бимс, скажем, или... или уж Риф, на худой конец.

Фло усмехнулся:

— Скажи, Бруно, а тебе было бы приятно, если бы тебя звали «Палуба» или «Клюз»?

Кертис смутился.

— У этого пса известны предки до тридцать шестого колена по обеим линиям. Ты можешь похвастать подобной родословной?

Итальянец смутился еще сильнее. Фло продолжал:

— Да будет тебе известно, его зовут даже не просто «Юстас», а сэр Юстас Олаф Готти де Монтатар. Его родной брат носит имя Юкон Лотар Форсайт де Монтатар. А ты — «Бимс»...

Кертис развел руками:

— Прошу прощения, сэр...

Повисло недолгое молчание. И вдруг попугай тихо, но отчетливо сказал:

— Бимс.

Эрвин Капелька, выпустив клуб дыма, заметил:

— По-моему, это имя пришлось ему по вкусу.

Попугай склонил голову набок, словно прислушивался.

— Абордаж! — тревожно крикнул он и захлопал крыльями. — Полундра!

В тихий плеск моря за бортом впелся далекий утробный гул.

— Ч-черт! Что это?

Зародыш подал сигнал тревоги.

— По местам!

Команда вмиг рассыпалась.

Фло ворвался в рубку и с ходу защелкал переключателями на пульте. Зародыш лихорадочно анализировал ситуацию.

— Два легких истребителя класса «Пустельга». Вооружены ракетами «воздух-вода», — выдал он экспресс-анализ. — Вероятность атаки — 74%. Прошу снять блокировку.

Капитан нахмурился. Истребители в семнадцатом веке?

Питер безмолвно следил за экранами. Скрипнув зубами, Фло ввел личный код в охранный модуль. Запертая ниша, сухо клацнув, открылась. Сорвав ногтем пломбу, Фло вытащил микрочип и бросил его в специальный ящичек здесь же.

— Атака! — взвыл Зародыш, отдавая неуловимые команды автоматике. Две противоракеты правого борта немедленно стартовали, хлестнув реактивными струями прочную обшивку.

Спустя доли секунды в полумиле от «Орхидеи» синхронно вспухли два воздушных взрыва.

— Вот они! — воскликнул Зборовски.

У самого горизонта мелькнули две серебристые черточки.

— Уходят, — сообщил Зародыш.

И вновь все стало тихо и очень спокойно. Только чайки суматошно носились над верхней палубой.

Бой занял меньше минуты. Такие темпы семнадцатому веку и не снились.

— Капитан, — негромко сказал Питер. — Зародыш не может определить наши координаты.

Фло метнул взгляд на соответствующий монитор, который пестрел беспомощными иксами. Пальцы сами пробежались по клавиатуре. На головном экране возникли четкие контуры Карибского моря. Контрольная метка, обычно рдевшая на месте, где в данный момент находилась «Орхидея», отсутствовала.

— Что за черт? Неужели шторм унес нас так далеко?

Фло изменил масштаб. Теперь на экране умещалась вся Центральная Америка, часть Южной, половина Мексики и значительный участок Атлантики. Метки не нашлось и за пределами Карибского моря.

— Мистика, — проворчал Фло, еще раз тронув клавиатуру. Перед ними возникли два полушария, все моря, океаны и континенты. Если верить компьютеру, «Орхидея» на планете Земля отсутствовала.

Фло переглянулся с помощником:

— Ты что-нибудь понимаешь, Питер?

Зборовски пожал плечами. Капитан поскреб подбородок и решительно забарабанил по клавиатуре. На экране возникла забавная мультяшная рожица — именно так представлял себя Зародыш. Фло вызвал его в режим акустической беседы, «поболтать».

— Хэлло, кэп! Как дела?

— Хэлло, Зародыш. Неважные дела. Никак не пойму, где мы находимся.

Голос у Зародыша тоже был мультяшный — озорной, скрипучий. Рожица на экране шевелила губами и гримасничала; чуть ниже, в правом углу, дублировался текст.

— Сейчас взгляну, кэп.

Рожица на экране отвернулась, показав на секунду затылок. Фло ждал.

Выражение недоумения и растерянности, написанное на рожице, невозможно было передать словами.

— Что такое? — насторожился Фло.

— Не знаю, как и сказать, кэп.

— Говори! А лучше — покажи.

Рожица, уменьшаясь в размерах, уползла в левый верхний угол экрана; рядом высветился масштаб: один к десяти миллионам. На мониторе вместо ожидаемой навигационной карты возникла эмблема пиратов — череп, кости и песочные часы. Судя по контрольной метке, «Орхидея» находилась точно между глаз мертвой головы.

Фло с Питером долго таращились на экран.

3

В дверь капитанской каюты осторожно постучали. Юстас вскинул лобастую голову и вильнул роскошным хвостом.

— Да! — сказал Фло не двигаясь.

На пороге стояли Эрвин Капелька и Арчи Элмер. Толстяк выглядел озабоченным; Арчи так и светился решимостью.

— Команда желает поговорить с вами, сэр! Немедленно, — твердо сказал Капелька.

Фло ждал чего-нибудь подобного. Что же, он не младенец и прекрасно сознает: на полуправде далеко не уехать.

— Хорошо, Эрвин. Собери команду в кают-компани.

— Все уже собраны, сэр. Ждут вас и Питера.

Фло поднялся. Тем лучше!

Постучать старпому не успели. Дверь плавно скользнула в сторону; за нею стоял Зборовски.

— Я все слышал, капитан. Я готов.

— О'кей.

Команда расселась за столиками кают-компани. Еще издали донеслись громкие спорящие голоса; когда Фло, Зборовски, боцман и Арчи вошли, голоса враз стихли.

Капитан окинул взглядом своих людей. Молочно-белые панели под потолком источали ровный приглушенный свет.

— Итак, матросы, я слушаю, — твердо сказал Фло. — Есть ли у вас основания для недовольства?

Элмер присоединился к команде, как бы подчеркивая, что разделяет мнение большинства; Капелька, напротив, остался стоять за спинами Зборовски и капитана. Сидящие за столиками переглянулись, потом поднялся Марк Мортимер:

— Не воспринимайте это как бунт, сэр. Вы по-прежнему наш капитан, а мы — ваши матросы. Просто мы хотим, чтобы вы внесли ясность, ибо не все обстоит так, как представлялось вначале. Готовы ли вы дать ответ на наши вопросы и выслушать наши пожелания, сэр?

Фло бесстрастно произнес:

— Спрашивайте!

Мортимер обернулся, черпая поддержку у остальных.

— Это предприятие нам представили как рейд за золотом, причем имелось в виду, что действуем мы против техники семнадцатого века. С истребителями и ракетами это как-то не вяжется. Не подумайте, что мы струсили, сэр. Мы всего-навсего хотим знать, ради чего рискуем. По-нашему, это справедливо.

— Согласен, — кивнул Фло. — Дальше? Я отвечу, когда выслушаю все ваши требования.

— О'кей. Следующее: что-то незаметно никакого желания наполнить трюмы. За все наше пребывание здесь мы практически не добыли ни унции золота. Давайте сначала загрузимся доверху, чтобы каждый из нас увидел свою долю и был спокоен за свой карман, а потом уж станем гоняться за вашей драгоценной «Санта Розалиной». А иначе наш черный флаг выглядит просто как издевательство. Это все, сэр.

Марк сел. Вздохнув, Фло собрался с мыслями:

— Итак, начнем. Ради чего мы здесь? Очень несложно: у меня есть недруг по фамилии Бейкер. Причин ненавидеть его вполне достаточно. Мне он сильно мешает, а поделаться я ничего не могу по той простой причине, что он дьявольски богат.

В начале двадцать первого века он нашел вблизи Канарских островов затонувшую каравеллу «Санта Розалина», перевозившую слитки золота на полтора миллиарда долларов из Южной Америки в Испанию. С тех пор как он ее поднял, у меня серьезные трудности.

Сначала я решил действовать силой и просчитался. Золото Бейкера было все мои козыри. Позже мне удалось завладеть машиной времени, буквально под носом его людей. К сожалению, вы уже сами убедились, что это весьма капризный механизм. Я вер-

нулся на тринадцать лет и попытался устроить все так, чтобы Бейкер не попал в 2002 году на Канары и никогда не узнал о «Санта Розалине». В результате я обнаружил, что он поднял золото двумя годами раньше, чем в варианте до моего вмешательства. Я сделал еще одну попытку и едва не погиб — казалось, само небо восстало против меня. Бейкера я нашел богатым и процветающим. Наверное, я попробовал бы еще что-нибудь сделать, но мне исполнилось сорок, и машина отказалась переносить меня в прошлое. Поразмыслив, я послал двоих своих парней, велел им убить Бейкера в молодости, как убил кто-то его родного брата. Первый не вернулся, второй сделал все как надо, но после его возвращения я с ужасом понял, что в новом варианте теперь живет другой Бейкер — брат, который оказался гораздо хитрее и опаснее, а исполнитель оказался во всемирном розыске со смертным приговором. Я понял, что послужило причиной смерти одного из Бейкеров — моя воля. Я просто поменял их местами и выбрал худший вариант. Пришлось послать очередного исполнителя, чтобы убить их обоих, но и этот не вернулся. Зато все стало на свои места: появился прежний Бейкер, а более опасный брат вновь числился погибшим много лет назад при невыясненных обстоятельствах.

Постепенно я пришел к мысли, что время так просто не обманешь. Необходимо придумать нечто, срабатывающее наизусть.

К этому моменту машина времени включалась, если считать запуски военных, двенадцать раз...

Ларри и Оскар при этих словах вскочили.

— Как вы сказали? Двенадцать? — пробормотал Оскар.

— Да, — сказал Фло. — Зная странную привязанность сей своенравной леди к числу «тринадцать», нетрудно предположить, что наше путешествие в прошлое — последнее, тринадцатое по счету. Боюсь, что

это мой единственный шанс. Я построил «Орхидею» и решил сделать так, чтобы «Санта Розалина» никогда не попала к Канарским островам, а ее золото стало моим. Вот и вся история. Хочу добавить только одно: для меня это очень важно.

— Сэр! — вмешался Слэш. — А как вам удалось посылать своих людей? Машина ведь переносит только тринадцать человек?

Фло невесело усмехнулся:

— Только сейчас я это и понял. Машина утаскивала в прошлое и моего посланца, и ближайших людей подходящего возраста. Людей или животных — уж и не знаю. Только перенос происходил в городе, а не в море, и заметить попутчиков, которые, наверное, находились в разных зданиях и на разных улицах, не так уж просто. Никто и не замечал. Кстати, именно так исчезла моя двадцатипятилетняя жена. Но, увы, понял я это слишком поздно.

— Постойте! Но ведь машина должна возвращать тоже тринадцать человек!

— Должна, — подтвердил Фло. — И возвращала. Только никто, кроме исполнителей, не знал об обратном переносе. И снова попадались те, кто оказывался вблизи. Люди, провалившиеся в прошлое без предупреждения, отнюдь не сидели на месте. Назад возвращались совсем другие. Может, помните сенсацию «Нью-Кросби Джорнинг Пост» в четырнадцатом году? Полагаю, это был один из бедняг, выдержанных из прошлого.

Команда «Орхидеи» внимательно слушала и нерешительно переглядывалась.

— Вы удовлетворены? — спросил капитан. — На вторую часть ваших требований отвечу вот что: начинаем пиратствовать всерьез. Можете заранее отделить свою часть добычи, я не возражаю. Но «Санта Розалину» мы должны найти, это первое условие.

— О'кей, сэр! Мы к вашим услугам!

Оставалось одно — понять, что же случилось с Зародышем и куда, черт побери, унес «Орхидею» вчерашний штормовой ветер.

4

Испанское судно заметили под вечер. Бегемот, рыскавший над морем на вертолете в поисках берега, увидел вместо суши одинокую каравеллу. Далеко на юго-западе. Чуть раньше Фло дедовским методом — с помощью секстанта — определил координаты «Орхидеи». Они по-прежнему находились в Карибском море, изрядно южнее острова Гаити. Что стряслось с Зародышем, оставалось загадкой. Зборовски сбился с ног, пытаясь привести его в чувство. Безуспешно: ориентироваться компьютер словно разучился; отказал сканер, а остальные функции вроде бы не пострадали.

— Паруса вижу! Зюйд-зюйд-вест, одна посудина! Флаг испанский, зовется «Инфанта»!

Фло занял место в рубке.

— Берем! Все к бою!

Радостно потирая руки, корсары разбежались по местам. Вспенивая чистую соленую гладь, «Орхидея» встала на крылья и стремительно рванулась навстречу добыче. Камуфляж Фло включать не стал.

Каравелла шла крутым бейдевиндом на юго-восток. Видимо, испанцы намеревались обойти стороной оживленные трансатлантические пути, ведущие в Европу. А это значило, что в трюмах испанца скрывалось нечто ценное.

В облаке брызг, рвущихся из-под носовых крыльев, «Орхидея» настигала «Инфанту», как легкая газель настигает черепаху.

— Холостым поперек курса! — скомандовал Фло. Крис Дейзи немедленно тронул пульт управления

огнем. В десятке саженей от бушприта каравеллы диковинной розой расцвела дымная вспышка. На «Инфанте» спешно заряжали пушки и открывали порты.

Фло проорал в лучевой узконаправленный акустик:

— Эй, сеньоры! Стойте, или стены обрушатся вам на головы!

— Добавьте «Каррамба!», сэр! — хихикнул Кертис. — Думаю, подействует!

— Заткнись, макаронник, — одернул его Капелька. — Не мешай капитану.

Бруно что-то невнятно проворчал и заткнулся. На «макаронника» он никогда не обижался. Зато неожиданно заорал Бимс:

— Забей заряд! Пор-рох! Пор-рох! Пир-роксилин!!

Лу с Кертисом немедленно заключили пари: скажет попугай «динамит» или «тротил». Сделали они это тихо, чтобы не слышали боцман и капитан.

Канонир-испанец поднес пылающий фитиль к одной из двенадцати бортовых пушек. Зародыш среагировал мгновенно: повела стволами правая металлорезка, вколачивая снаряд точно в жерло испанской пушки.

Ба-бах! В воздух взвились щепы и доски.

— Эй, полегче! — предупредил капитан. — Не хватало, чтоб они затонули...

Мортимер пробежал по пультам пальцами, словно пианист по клавишам.

— Давай, Зародыш!

Компьютер не оплошал: мигом скovyрнул «Инфанте» все три мачты и бушприт. На плаву остался голый пузатый корпус.

— Газ!

Три ракеты взвились в небо и, описав плавную дугу, легли на палубу. Испанцы падали, ползли и замирали. Крови почти не было — двоих задавило мачтами, да несколько человек пострадало при взрыве.

— Все на «Дею»! Швартуемся!

Сверкающие хромированные крючья впились в поврежденный фальшборт. Арчи сноровисто намотал на кнехт тонкий пластиковый трос.

— Юнга! Наверх!

Слава с готовностью вынырнул с нижних уровней.

— Держи! Будешь прикрывать! Отрабатывай свою долю!

Питер метнул мальчишке тяжелый автомат М-72.

В рубке остался лишь капитан; на верхней палубе с автоматами в руках застыли Зборовски и Слава; остальные, сжимая такие же автоматы, прыгали на палубу «Инфанты».

— На абордаж! Пленных не брать! — орал снизу Бимс. Воинственно так.

Ван Баттум на бегу кинул Капельке:

— Вот курица зеленая! Говори после этого, что он ничего не понимает!

Один за другим пираты исчезали в дверях надстройки юта. Спустя несколько минут Эрвин радостно крикнул:

— Кэп! Золото! Мы попали в самую точку!

Фло криво усмехнулся:

— Надеюсь, вы довольны?

Восторженный вопль, вырвавшийся из девяти глотков, был ему однозначным ответом.

Золото грузили до темноты. Его было много: по курсу 2020 года миллионов на семьдесят. Кроме того, трюмы и каюты каравеллы скрывали изрядное количество серебра, драгоценностей, монет. Однако, если оценивать презренный металл не просто по весу, если учесть, что статуэтки инков — наследие древней цивилизации — стоят неизмеримо больше, каждый из команды «Орхидеи» смело мог считать себя миллиардером.

Бимс все время важно кричал:

— Пиастры, пиастры! Дукаты, дукаты! Тугрики, тугрики!

Команда хохотала. Сэр Юстас лениво бродил по палубе, щелкая зубами перед носом очнувшихся испанцев. Никто не осмеливался встать. Зубы у сэра Юстаса были весьма убедительные.

Заметно повеселевшие, корсары покидали борт обреченной «Инфанты». Отвалили в полночь, в густой тропической темноте. «Орхидея» сидела в воде несколько ниже, чем пару часов назад, и это не могло не радовать.

Едва запустили водометы, Бимс, задремавший было в кают-компании, вдруг встрепенулся.

— Полундра! Абордаж! — заволновался он. — Барракуда!

— Чего это он? — поинтересовался Оскар. — Взбеленился...

— Пойду, гляну. На всякий случай. — Капелька поспешил в рубку. Вдруг его крик гулко растекся по каютам и коридорам, усиленный акустиком:

— Полундра! Мины! Полный назад!

Фло, как на крыльях, взлетел в рубку. Боцман уже переключил водометы на реверс.

Точно по курсу «Орхидеи», выставив из воды шипастые макушки, лениво покачивались на волнах две морские мины.

— «Белые молнии»! — похолодел Фло. Взрыв каждой из мин обратил бы их всех в ничто.

Скорость медленно гасла. Тихо, очень тихо капитан разворачивал тримаран, так тихо, чтобы не поднялась даже самая незначительная рябь. Вот средняя секция уже избавила свой нос от опасной близости; мимо зловещих плавучих «ежиков» плавно скользила «Дея»...

Казалось, время стало. Зародыш, и тот затаил дыхание.

Наконец мины остались далеко за кормой.

— Взрываю! — предупредил Капелька.

Дважды гукнула пушка; посреди водной глади выросли две пенные свечи высотой с пятиэтажный дом.

Волна нехотя колыхнула «Орхидею» и ушла дальше. Вздых облегчения прокатился по всему судну.

— Можете считать меня ослом, капитан, но первым «полундра» закричала эта неугомонная птица, — отдуваясь, сообщил боцман.

Зборовски поднял глаз на капитана.

— Послушай, Стив, а ведь когда появились истребители, Бимс тоже предупреждал нас. Теми же словами: «Абордаж» и «Полундра».

Фло пожал плечами:

— Что ж, прислушивайтесь впредь к его мнению. Однако и сами... того... Как говорится, на Бимса надейся, а верблюда привязывай! Усекли?

— Да, сэр!

Бимс тотчас был обласкан. Впрочем, он уже утратил интерес к происходящему и вернулся к вялосонному состоянию.

«Орхидея» уходила на север.

Глава четвертая «КТО ПОДСТАВИЛ ВЕСЕЛОГО РОДЖЕРА?»

1

а трое суток потрошили испанцев еще четырежды. Два раза напали на одиночные суда, раз на тройку, раз на целую эскадру из семи кораблей. «Орхидея» с неизменным успехом одерживала скорую победу в коротких артиллерийских дуэлях, а настроение ее команды улучшалось по мере заполнения трюмов-складов.

Утром четвертого дня Фло сказал: «Довольно» — и направил тримаран в Маракайбо. Бодро вспарывая соленый атлантический хрусталь, «Орхидея» неслась на северо-запад наперегонки с дельфинами и альбатросами. При виде дельфинов здоровый глаз Питера увлажнился: хорошим приметам старый морской волк всегда порадуетя.

Старпом стоял на вахте, остальные занимались кто чем: капитан удалился к себе в каюту, боцман с Арчи возились в боевой рубке, заряжая опустевшие кассеты металлорезок и меняя ленты в пулеметах; Ларри с Бегемотом затеяли мелкий ремонт топливного насоса в машине «Орхи»; Крис спал после ночной вахты;

Слава, весело хохоча, боролся с Юстасом на корме; Ван Баттум, приведя в порядок камбуз, варил кофе по заказу Бруно и Гордона, которые вместе с Марком писали пулю, попивая трофейную малагу. Лу проигрывал и поэтому нервничал, итальянец азартно атаковал, Марк, как всегда, оставался внешне спокойным. Однако общее настроение было весьма благодушным.

Вошел кок, неся изящные кофейные чашечки на золотом подносе — последнее время пираты могли себе это позволить.

— Эй, картежники! Кофе! — весело объявил Ван. — Лу, сколько тебе сахару? Никак не запомню.

— Ух! Как пахнет! Спасибо, Ван! Ты настоящий виртуоз камбуза! Сдавай, Марк...

Карты ловко тасовались в длинных пальцах Марка. Впрочем, соперничать в ловкости с Крисом Дейзи не смог бы даже он.

— Хоть бы музыку включили, что ли... — заметил голландец, расставляя чашки на столик.

— Вон плейер, Ван. Поставь что-нибудь. Лучше старое — «битлов», Джеггера. Или Фогерти...

Кок выпрямился. На полке сверкал новенький «JVC Autem», рядом россыпью валялись старомодные кассеты с магнитной пленкой.

— Ух ты! — присвистнул он. — Антиквариат! Моя молодость. Твой, Бруно?

— Гордона, — ответил Кертис. — Включай, включай...

Ван утопил кнопку «Power» — динамики тотчас зашипели. Переключатель «Tape — Radio» стоял в положении «Radio».

«Бип-бип! — пискнул приемник. — Бип-бип!»

Сигнал повторялся каждые две секунды. Кок покрутил настройку — пиликанье стало громче и четче.

Картежники вскинули головы.

— Что там, Ван?

Палец кока лег на переключатель. Однако Марк уже заподозрил неладное.

— Стоп, Ван! Не трогай!

Приемник размеренно попискивал.

— Что за черт! Мы же в семнадцатом веке! В мире еще нет передатчиков! — дошло наконец до Кертиса.

— Питер! — вызвал Марк по служебке.

— Ну? — отозвался тот.

— Послушай, что бы это могло быть?

«Бип-бип! Бип-бип!»

— Это мы или нет? Ван поймал это на обыкновенный радиоприемник.

— Частота? — спросил Зборовски недоуменно.

— М-м-м... Сто пятнадцать с чем-то мегагерц. Точнее не скажу, шкала бытовая.

— Ядро в корму! Это не «Орхидея» и не Зародыш. Сигнал сильный?

— Похоже, да.

Питер связался со Слэшем.

— Эй, Оскар, где твой пеленгатор, или как там ты его зовешь?

— В каюте, сэр.

— Тащи в рубку. Немедленно.

— У нас ремонт...

— Немедленно! — рявкнул старпом.

— О'кей, несу...

Мортимер схватил «JVC» и метнулся вверх. Лу, Кертис и кок последовали за ним.

Вскоре Бегемот принес пеленгатор для охоты на «лис» — черную коробочку, величиной с пачку «Кэмел», из которой торчали длинные серебристые усы узконаправленной антенны. Его подключили к Зародышу. Питер сел за клавиатуру, вводя поисковую программу.

— Ах ты, акульки зубы!

Старпом изумленно таращился на монитор.

«Бип-бип!»

Зародыш наотрез отказывался работать с пеленгатором, что было вещью просто-напросто невозможной.

— Ну и ну, через клюз на палубу! Только этого и не хватало.

— Дай-ка, — сказал Бегемот, протягивая руку. — Попробую на слух.

Он прикрепил к ушам телефончики-клипсы и пошевелил антенной.

«Бип-бип!»

Оскар с сомнением водил прибором, направляя его то вниз, то вверх.

— Разрази меня гром! — Он зажмурился, не переставая манипулировать антенной.

— Послушай, Питер... Это звучит глупо, но похоже, что источник на борту «Орхидеи».

Старпом хмуро глядел на Бегемота.

— Отыскать сможешь?

— По-моему, нос, второй уровень.

— То есть кают-компания?

— Выходит...

— Кертис, на вахте, — скомандовал Зборовски и кивнул Слэшу. — Веди!

— Есть, на вахте, сэр... — разочаровано протянул Бруно, выпадавший из следствия. Он прекрасно разобрался, когда старпома можно запросто на «ты» и по имени, а когда нет. Бегемот с пеленгатором шагал впереди, вслушиваясь в отчетливое пиликанье, остальные пристроились в кильватере.

Кают-компания была пуста. Столики, банкетки, да Бимс на жердочке, специально для него подвешенной к потолку.

Медленно, шаг за шагом, Бегемот приблизился к попугаю. Антенна глядела прямо в гущу зеленых перьев.

«Бип-бип!»

Оскар демонстративно снял клипсы.

— Та-ак... — протянул Зборовски. — Ну-ка, птичка, поди сюда!

Бимс заволновался, учуяв опасность, но поздно: железные пальцы старпома сомкнулись на его тельце.

— Полундра! Кар-раул! — крикнул он и попытался укусить Питера за палец.

— А не просветить ли нам тебя, пернатый?

2

— Вот! — Марк протянул руку. На ладони лежал крохотный шарик размером с булавоочную головку. В другой руке поблескивал скальпель. — Был введен под кожу, в жировую ткань.

«Бип-бип!» — равнодушно пиликал приемник.

— Я проверил, — сказал Ларри, ни к кому конкретно не обращаясь. — Это одна из входных частот Зародыша. Следящая, только на прием.

— Так-так... — Фло обвел взглядом присутствующих. — Дай-ка, — подставил он ладонь.

Микроглушилка переключалась к нему. Лево́й рукой Фло вытащил из кармана плоскогубцы. Тихо хрустнув, шарик скончался меж стальных плоскостей. Пиликанье враз смолкло, только девственно-чистый эфир наполнял рубку размеренным шипением да потрескивали далекие грозовые разряды.

Зародыш оживленно замигал мониторами, потом высветил навигационную карту. Контрольная метка находилась где и положено — у берегов Венесуэлы.

— Непростой попугай, — покачал головой Ларри. — Но чего можно добиться, сбивая Зародыш со слежения? Ну потеряли мы ориентировку, ну и что?

Фло пощелкал плоскогубцами, стряхивая остатки раздавленного шарика.

— А вдруг эта штука со временем меняет частоты? Парализуй в нужный момент боевые цепи Зародыша — что тогда случится? Не берусь предсказать...

В полдень приблизились к проливу в бухту Маракайбо. Интересно, побывал уже здесь капитан Блад?

Если да, то капитан Фло надеялся добиться не меньшего успеха.

Хорошо укрепленный форт оседлал макушки пологих холмов. Слева раскинулось обширное мелководье, непроходимое для обычных судов. К городу «Орхидея» могла подойти шутя — из форта простреливалась только фарватерная часть пролива. Испанская эскадра стояла на якорях в заливе. Кораблей насчитывалось шесть.

Фло с Питером разглядывали форт. Прибегать к подзорным трубам, биноклям или иной оптике, как в старину, им было незачем: Зародыш дал на мониторы изображение с тридцатикратным увеличением, самостоятельно менял ракурсы и выделял каждую пушку, каждый ствол светящейся меткой и коротким звуковым сигналом.

— Кэп! Наши коллеги на траверзе!

«Орхидея» была обращена к проливу левым бортом. Справа приближались три корабля: уже знакомый кеч «Колибри», небольшой ладный бриг и трехмачтовая гафельная шхуна с вызывающе яркими желтыми триселями.

— Ага! Союзнички, — оживился капитан. — Замечательно. Шлюпку!

Переговоры заняли всего час. Все это время команда «Орхидеи» не спускала глаз с форта и пиратской эскадры. Фло вернулся, насвистывая старую пиратскую песню:

Я жду, когда слова порадует море ветрами,
И полным бакштагом пойдет гордый парусник наш.
На мачте взовьется, как птица, черное знамя,
И вновь прозвучит команда: «На абордаж!»

— Ну как, кэп? — спросил Зборовски, встречавший у трапа.

Фло поднялся на палубу, сделал три шага и обернулся. На фоне парусников его помощник выглядел

восхитительно по-флибустьерски, особенно повязка на глазу. Правда, картину слегка портило отсутствие огромного кривого тесака.

— Атакуем, Питер! Прямо сейчас. А эти монстры, — Фло кивнул на пиратов, — доведут разгром до конца.

Зборовски повеселел.

— Кстати, — сообщил он, — я починил сканер. Эта чертова попугайская глушилка сожгла все приемные цепи.

— Спасибо, Питер.

Они молча зашагали в рубку. Фло стал у штурвала.

— Команда, готовы?

— Рубка-три, готовы, сэр! — доложил Капелька.

— «Орха» — готовы, сэр! — сказал Арчи.

— «Дея» — всегда готовы! — бодро гаркнул Лу.

Юнга Слава Лебедев почему-то засмеялся.

— Хо-хо! Вперед, корсары!

На Фло снизошло боевое вдохновение.

Заурчали водометы; Зародыш во все датчики следил за испанцами. Тримаран встал на крылья, описал шикарную дугу и рванулся в узкий пролив.

Артиллеристы в крепости, не сводившие глаз с пришельцев под «Веселым Роджером», поднесли к пушкам зажженные фитили. Зародыш только этого и ждал: термосканер нащупывал готовые выстрелить орудия, компьютер посылал туда снаряд с упреждением в секунду-другую. Над фортом вставляли смертельные дымно-черные грибы взрывов. Слэш прошелся на вертолете, едва не задев флагшток с золотисто-пурпурным флагом, и выстриг из бортовых пушек и четырех «Вулканов» все, что только мог.

— Прекрасно, — сказал Фло. — Залив наш. Очередь за эскадрой.

Питер, уже с минуту не отрывающийся от мониторов, вдруг тихо сказал:

— Капитан, среди испанцев «Санта Розалины» нет.

Фло опешил. Такого он даже в мыслях не допускал.

— Как нет?

Питер пожал плечами:

— Смотри сам. Есть «Валенсия», «Сен-Санчес», «Бутрагеньо», «Реал», «Андалузе» и «Санасьон».

«Орхидея» мчалась вперед, прямо на парусники. Пираты-союзники как раз входили в залив.

Второй форт, внутренний, подавили одним залпом. Недолго возились и с эскадрой: уже спустя полчаса союзники всю хозяйничали на почти не поврежденных судах противника.

Фло стал мрачнее тучи.

Пленный испанский гранд, капитан «Сен-Санчеса», сказал, что «Санта Розалина» отбыла в Картахену. Собственно, это совпадало с исторической правдой. Она затонула у Канар, выйдя именно из Картахены и пересекши Атлантику. Бухту Маракайбо «Санта Розалина» покинула только вчера. Перехватывать ее сейчас не имело смысла — капитан Фло сообразил: ну вышлют из Картахены другую каравеллу с золотом, ну затонет она у Канар... Не в названии ведь дело.

Решили слегка пополнить золотой запас за счет Маракайбо, выспаться и отдохнуть, а потом караулить «Санта Розалину», курсируя вдоль северного побережья Колумбии и Венесуэлы.

Пираты с парусников уже успели обстрелять город, высадить до зубов вооруженный десант и начать грабеж.

Скоро сползли тягучие летние сумерки. Звенели тучи москитов — если бы Зародыш не включил радиозащиту, экипажу «Орхидеи» пришлось бы довольно туго.

На берегу, в городе, пылали костры, слышались выстрелы и крики. Впрочем, скоро город затих, зато на кораблях пираты продолжали гулять. Ветер разносил далеко над заливом пьяные песни, смех, громкую ругань.

Декеж добычи назначили на утро.

«Орхидея» замерла неподалеку от «Колибри». Все спали, только Арчи Элмер остался на вахте. Он сидел

в рубке, пил горячий кофе, которого Ван специально наварил целый термос, поглядывал на обзорные экраны и дулся с Зародышем в странную компьютерную игру, подцепленную в русских программах, — нечто среднее между шашками и бадминтоном. Зародыш выигрывал.

«Забей заряд, и встань на фитиля, —

доносилась хмельная пиратская песня. —

Купчина лезет прямо на рожон!
За тесаки, ребята, помолясь,
Ведь с нами Бог и шкипер дядя Джон!»

Дважды приходил Юстас; обойдя рубку, лизнув руку Арчи и вылакав по чашечке холодного кофе без сахара, он удалялся, поскольку все было спокойно.

3

Перед рассветом луна села и стало совсем темно. Арчи вышел на палубу, побродил на свежем воздухе. Откуда-то взялись крупные летучие мыши — целыми стаями они носились над заливом.

Арчи Элмер, двадцатипятилетний шалопай из Нью-Кросби, который верил лишь в море, нунчаки и удачу, а о чем-то серьезном задумывался крайне редко, вдруг осознал, что мир, которого он, в сущности, не знает, прекрасен. Эта тихая ночь, когда в сорока футах внизу ласково шепчет теплая волна, когда ветер доносит терпкие солоноватые запахи, когда над головой мелькают бесшумные тени рукокрылых и незримой хрустальной пеленой висит вокруг тихий звон москитов, — разве не такой же она будет через три столетия? Правда, в море к тому времени будет больше нефти и меньше живности, а в воздухе больше

углекислоты... Но все равно — мир велик и бесконечен, а любой человек — и безудержный грешник, и аскет-праведник — неизбежно уйдет из этого мира...

Тихий шорох привлек внимание, оторвав от раздумий. Шорох доносился с кормы.

«Юстас, что ли? — подумал Арчи, вглядываясь в сумерки. — Пойду взгляну...»

Он спустился по трапу в твиндек второго уровня. Юстаса в вольере не было; дверь на корму, конечно же, оставалась открытой.

Арчи не успел ничего больше разглядеть, потому что его сильно ударили чем-то твердым по затылку, и чудный мир, о котором он только что с благоговением думал, вмиг погрузился во тьму.

Пират с «Колибри», бородатый детина в рваной тельняшке, не успел порадоваться своему успеху: с рычанием на него напал сэр Юстас, а что такое сэр Юстас в бою, не дай бог кому узнать!

На корму карабкались новые «гости», сжимая ножи и сопя от нетерпения.

Потревоженный шумом, Бимс проснулся и заорал на весь второй уровень:

— Полундра! Абордаж! Измена!

Нападавшие дружно ринулись в твиндек, но команда «Орхидеи» уже получила предупреждение. Бесшумно отворилась дверь, и первый защитник выскочил из каюты. Ближайший корсар-бородач взмахнул длинным ножом...

К несчастью для него, этим первым оказался Гордон Лу. Нож с тихим свистом рассек пустоту, а пират вдруг с удивлением обнаружил, что не может вдохнуть и не чувствует под собой палубы. В следующее мгновение он мирно потух в углу, у вольера. Лу голой пяткой своротил челюсть следующему.

Мортимер с Дейзи, спина к спине, отмахивались у своей каюты. Ларри спросонья сломал ногу какому-то коротышке, и тот орал не своим голосом, потому что все по нему топтались. Оскар, поработав

немного кулаками, вспомнил наконец о револьвере и, решив, что «так надежнее», метнулся в каюту. Зборовски, подобрав в темноте саблю, яростно рубился с кем-то у первого склада.

Ван Баттум, огрев ближайшего неприятеля рукояткой кухонного ножа по уху, догадался включить свет в твиндеке. Молочные панели вспыхнули с секундным запозданием.

Юстас на корме сбил с ног четвертого пирата и не позволял своим пленникам встать.

Фло вышвырнул из капитанской каюты сразу двоих. Несколько корсаров поспешно поднимались по трапу на третий уровень.

Оскар уложил двоих из револьвера, и тут кривой нож вонзился ему в плечо.

Крики, хрип, проклятия, свистящее дыхание...

Новые и новые пираты забирались на корму «Орхидеи».

Бруно Кертис, сообразив, что к корме пристали шлюпки, вылез в иллюминатор из каюты, перебрался через фальшборт, попутно сбросив кого-то в воду, и полез на верхнюю палубу, цепляясь за стойки стабилизаторов.

Из камбуза выскочил взъерошенный юнга с автоматом наперевес.

— «Орхидея» — на палубу! — ломающимся голосом закричал он и дал первую очередь, повыше, над головами. Пули, высекая искры из обшивки твиндека, загрохотали о сталь. Один светильник разлетелся вдребезги, брызнув осколками белого пластика.

Лу, Питер и Ван Баттум послушно упали на пол; Бегемот уже и так лежал; Дейзи и Мортимер ретировались в каюту, Фло с Ларри — в другую.

Слава вновь нажал на спусковой крючок.

В тот же миг Бруно, достигший ходовой рубки, включил водометы, и «Орхидея» лягушкой прыгнула вперед.

Слава не устоял, потерял равновесие; пули загрохотали о палубу. Корсары тоже попадали — кто от пуль, кто от рывка.

Тримаран несяся прямо к проливу; в кильватере у него болтались две большие шлюпки, прихваченные к кормовым кнехтам крепкими манильскими тросами. Когда «Орхидея» рванулась с места, часть пиратов полетела за борт, остальные упали на дно. Высокие буруны захлестывали неуклюжие, задравшие нос шлюпки.

В этих широтах светает очень быстро, буквально за несколько минут. Пираты рассчитывали захватить «Орхидею» на рассвете, и, пока длилась битва на корме, ночь растворилась без следа.

Пролив перегораживали бриг и шхуна с желтыми парусами. Капитаны пиратов, сговорившись завладеть чудесным кораблем, делали все, чтобы не выпустить его из бухты.

Бруно, чертыхнувшись, отвернул. Пальцы исполнили на клавиатуре понятный Зародышу танец. Ожил авторулевой. Итальянец схватил автомат и ринулся прочь из рубки.

На палубе как раз показались первые захватчики, поднявшиеся по кормовому трапу.

Фло, отобрав у Славы автомат, перебил оставшихся в твиндеке и поспешил на третий уровень, в боевую рубку. Лу метнулся на корму, Ван — к раненому Оскару, остальные спешно вооружались.

Тут очнулся и Арчи.

Грянул выстрел с «Колибри»; авторулевой, гонявший по кругу, резко изменил курс. Новый толчок сбил с ног почти всех: Фло едва не сверзился с крутого трапа, Ван ткнулся лицом прямо в окровавленную руку Бегемота, отчего тот заорал басом, как грешник на сквороде.

Пираты наверху горохом покатались по палубе, а Бруно, перевалившись через леера, вверх тормашками полетел в воду. От неожиданности он выпустил

в небо всю обойму. За пилон уцепиться ему не удалось, и, подняв тучу брызг, Бруно окунулся точно между средней и правой секцией. «Орхидея» сразу же оставила его далеко за кормой; сэр Юстас, верный своим обязанностям, уже плыл ему на выручку, расстелив по воде большие, лопухастые уши и мощно загребая лапами. Мимо, вздымая крутобокую волну, пронеслись на буксире шлюпки; пираты в них молились и ругались наперебой.

Четверка, которую прежде держал пес, поднялась и скопом надела на Арчи, но тот уже успел извлечь из рукава свои верные нунчаки.

Гордон Лу, видевший падение своего дружка Кертиса, решил, что «Орхидея» осталась без управления, и ловко полез по станинам кормовых металлорезок к основанию стабилизатора.

Марк, Крис, Ларри и Слава, непрерывно стреляя, ворвались на третий уровень по мидель-трапу; Фло — по кормовому. Пираты отступали, карабкались наверх, на палубу. Осталось их всего семеро. Трех положили в боевой рубке, одного на трапе.

Арчи Элмер отправил последнего противника за борт, остальные трое валялись на корме без признаков жизни: крепкие дубовые палочки и человеческая голова — понятия не очень-то совместимые, а если и совместимые, то с плачевным для обладателя головы исходом.

На втором уровне, кроме трупов, остались только бедняга Слэш да перевязывающий его кок. Арчи поспешил к трапу.

Снова прогремел пушечный выстрел, но на этот раз «Орхидея» не изменила курса: ядро разорвалось в стороне.

Последний из уцелевших пиратов на пути к рубке замер, потому что оттуда вышли четверо с автоматами.

Фло нажал на курок, но магазин опустел, и пират все еще стоял живехонек. Глаза их встретились; М-72 лязгнул, ударившись о палубу. И тогда пи-

рат сообразил, что пощады ждать нечего, что он уже, в сущности, мертвец, и метнул с проклятием нож, желая отомстить напоследок вражескому капитану.

Неизвестно, что случилось бы с Фло. Он продолжал стоять прямо, даже не шелохнувшись. Время вдруг замедлило свой размеренный и неизменный бег, пригвоздив его к месту. Вот медленно опустилась рука, метнувшая нож; вот вскидывает автомат Крис Дейзи; вот нож, вращаясь лениво и неспешно, приближается...

Мягко перекатившись через спину, Гордон Лу ногой отбивает смертоносный клинок в сторону, встает...

...звякая, нож прыгает по палубе...

— Стоп! Не убивайте его!

Но поздно: Лу в высоком прыжке наотмашь бьет пирата ногой по физиономии, а Крис всаживает в падающее тело пулю.

Пират мертв.

Фло, придя в себя, чертыхнулся:

— Это зря. Он бы мог нам кое-что рассказать.

Арчи поднялся по трапу, расслышав только последние слова.

— Вам необходим язык, кэп? На корме валяются по меньшей мере три.

Фло, переступив через мертвого пирата, направился в рубку.

— Бруно Кертис за бортом, сэр! — громко сказал ему в спину Горди.

— Знаю, — устало ответил Фло. — Сейчас...

Зборовски уже взял управление на себя. Зародыш, прочесав сканером каждый квадрат залива, отыскал плавающих Кертиса и сэра Юстаса среди десятка еще не потонувших пиратов.

«Орхидея» пошла на разворот. Палуба опустела: Фло скрылся в рубке, остальные спустились на второй уровень. Марк, Арчи и Слава вязали пленных, Лу помог голландцу отвести Оскара в каюту, Крис вышел на корму и вскинул автомат.

Два выстрела — и шлюпки, до сих пор волочившиеся следом, клюнули носом и отстали. Остатки веревок Крис сбросил в воду.

Через минуту подобрали Бруно и Юстаса. Все это время они проплавали бок о бок. Хорошо — лето, море теплое... А хотя в этих широтах холодов и не бывает.

С одежды Бруно струйками стекала вода, ньюф отряхивался с чувством выполненного долга.

Мертвых вышвырнули за борт акулам на прокорм.

— Куда пленных, сэр? — вызвал Арчи капитана.

— В третий склад... — Голос Фло звучал озабоченно. — Где боцман?

Все переглянулись. Выяснилось, что Капельку с самого начала боя никто не видел.

— Ищите! — скомандовал Фло. — Везде!

Однако Капелька нашелся сам. Кряхтя, он поднялся снизу, с первого уровня. Скоро стало понятно, почему он кряхтел: тащил за шиворот двух пиратов, избитых и покорных.

Напротив камбуза он остановился, бросил тела и вытер вспотевший лоб.

— Фу-у! Эй, кто-нибудь, помогите, там внизу еще трое.

Капитан облегченно засмеялся:

— А я уж испугался, Эрвин... Всегда ты все втихомолку делаешь.

В который раз капитан убедился, что его команда — лучшая в мире.

Оставались пираты на «Колибри» и двух кораблях поддержки. Они снова напомнили о себе выстрелом. Неудачным — ядро разорвалось, далеко не долетев до «Орхидеи».

— Мортимер, Дейзи — в рубку! Остальные — помогите Вану и юнге прибраться.

Фло всерьез рассердился. «Колибри» под шумок успело отойти к проливу. Видимо, пираты все еще надеялись не отпустить «Орхидею» на волю.

— Торпеды! На уничтожение! — скомандовал Фло. — Нечего с ними цацкаться. Испанцев тоже ко дну.

Марк занялся наведением на цели. Одна за другой короткие, меньше трех футов, смертоносные сигары понеслись к обреченным парусникам, вспенивая спокойные воды Маракайбо. Взрывы кромсали чуткую утреннюю тишину.

Пираты в заливе молча наблюдали, как «Орхидея» потопила всю испанскую эскадру с помощью своего непонятного оружия, светлой молнией метнулась навстречу, а потом вдруг отвернула и птицей понеслась через мелководье, окутанная белопенным ореолом.

Шкипер «Колибри», Джон Бест, именуемый своим сбродом «дядей Джоном», бывший союзник Фло, громко выругался. Тройной диковинный корабль, оказывается, мог ходить по мелкой воде, как это дико ни звучит. Они проиграли.

Поняли это и другие пираты. Чудесный корабль ускользнул. Ну и пусть: у их ног все сокровища Маракайбо, с ними по-прежнему Бог и шкипер дядя Джон, и делиться ни с кем не надо...

Поэтому они без особого волнения глядели на три светлые черты, тянущиеся к каждому из кораблей.

Три взрыва прозвучали одновременно.

«Орхидея» уходила в море, спеша в Картахену. Позади остались разграбленный город, останки девяти парусников и еще один выигранный бой. «Веселый Роджер» гордо развевался на голо-стенге.

Впереди ждала «Санта Розалина».

Обыскать боковые секции никто из команды Фло не удосужился.

А зря. Паршивая вещь — недостаток опыта.

Глава пятая

«ТЕРМИНАТОР (КРЕЙСЕР-УБИЙЦА)»

1

стребители прошли над «Орхидеей» спустя девять часов. Перечеркнули небо серебристыми стрелками и исчезли за горизонтом.

Тримаран успели вычистить и отдраить от крови, лишь вмятины от пуль в титановой обшивке напоминали о недавней схватке. Пленников допросили и высадили на берег где-то в районе будущей границы Колумбии и Венесуэлы.

Фло был мрачен. Команда видела, что капитану не по себе, и каждый старался как мог подбодрить его. Ван Баттум поднапрягся и подал к обеду кроме тривиального черепахового супа сразу два экзотических блюда: нечто южноамериканское, вроде люля-кебабов, только побольше и гнутых, словно молодой месяц, и еще странный гибрид овощного рагу с салатом из лангустов, щедро приправленный специями. Все, включая Юстаса и Бимса, отдали должное усилиям кока. Матросы громко переговаривались, прищались остатками португальского и зыркали на хмурого капитана украдкой, исподтишка.

И тут Зародыш засек истребители. Они не атаковали, пронеслись в пронзительно-голубой вышине, напоминая, что Бейкер не дремлет.

— Полундра! — встрепенулся Бимс. — Абордаж!

Но самолеты вскоре ушли, и попугай успокоился.

— У-у, прихвостень бейкеровский... — проворчал Кертис без особой злости.

Фло вздохнул:

— Да ладно тебе... Бестолковая ведь тварь. И бессловесная...

— Ничего себе бессловесная! — фыркнул Бруно и передразнил: — «Полундра! Абордаж!»

Бимс оживленно захлопал крыльями:

— Абор-рдаж! Алебарды и стингеры! Р-ракето-мет! Вр-раги-недруги!

— Сам ты враг, — холодно заметил Лу.

Бимс перепорхнул на стойку бара.

— Вр-раг! Вр-раг! Шухер! Бейкер!

— Бейкер! — негромко сказал Фло, ожидая, что ответит на это попугай.

— Бейкер! Хозяин! Брамселя долой!

Фло насупился:

— Хозяин, говоришь?

— Бейкер! Бейкер! Дир-рик-фал!

— «Орхидея», — в тон ему проскрипел Крис Дейзи, не отрываясь от тарелки.

Бимс охотно сообщил:

— Тримаран! Воор-ружение! Зар-родыш! Вдребезги! Растерзать!

Фло встал, отбросил вилку и вышел из кают-компании. За ним последовал и Питер Зборовски. Казалось, кровью налилась даже повязка на его глазу.

— Чертова птица! — процедил Арчи. — За борт бы тебя...

— За борт! Прибой! Крюйт-камера! — бормотал Бимс без умолку.

Сэр Юстас, поддавшись общему настроению, облаял попугая и ушел вслед за капитаном. Кок вздыхал,

Оскар Слэш скрипел зубами, не то от боли в забинтованном плече, не то просто от досады. Эрвин Капелька безостановочно курил трубку и тосковал по свежим газетам. Остальные мрачно пили кофе. Попугай перепархивал с места на место, что-то невнятно бормоча; наконец он уселся на макушку Кертиса. Тот замахал руками и обругал его по-итальянски. Бимс немедленно обиделся и, обозвав Бруно «нок-клампом», исчез в твиндеке. Команда захохотала, а Бруно допил кофе одним глотком и, проклиная горластую птицу, пошел к Питеру узнавать, чем же это таким его нарекли.

Рана не позволяла Слэшу водить вертолет, поэтому над морем, распугивая чаек, носился Ларри. Каравеллу заметили вечером следующего дня.

— Все навехр! — Фло словно воспрянул к жизни. Все утро он провалялся в каюте, преисполненный черной меланхолии. — Капелька, к Элмеру на «Орху», Ларри — вертолет не сажать! Слэш, в машинное!

— Есть, сэр!

— Крис, Марк, вдвоем справитесь? Могу дать юнгу.

Боевая немедленно ответила:

— Справимся, кэп!

— О'кей!

Зародыш самостоятельно поймал в телеобъектив высокую корму каравеллы, вычленил квадрат по центру и увеличил его на весь экран.

Над резной женской фигуркой не то в плаще, не то в тоге вилась затейливая старинная надпись: «САНТА РОЗАЛИНА».

— Наконец-то! — воскликнул капитан. — Йо-хо! Вперед, корсары!

В один голос команда ответила:

— Йо-хо!

Только Бимс тревожно загорланил:

— Полундра! Абордаж!

«Орхидея», влекомая восемью водометами, устремилась к каравелле.

— Полундра! Ракеты! Пор-рох! Пор-рох!

— Заткнись, пернатый, — рявкнул на попугая Марк. — Хвост выщиплю!

Бимс притих, затаился и вдруг внятно сказал:

— Козел! Ненавижу...

Смеяться было некогда.

Неладное первым почуял Питер, сменив несколько ракурсов на мониторе слежения.

— Что за чушь, Стив?

Только он мог обратиться к капитану по имени, которого остальные попросту не знали.

Фло недовольно оторвался от клавиатуры — вкочлачивал в оперативку Зародыша экстренную программу.

— В чем дело, Пит?

— Гляди сам. — Зборовски перебросил на монитор Фло изображение кильватерной струи «Санта Розалины». Оно было белесым от множества мелких пузырьков.

— Убей меня Бог, если это не кавитирующие винты!

Фло уставился на экран.

— Сэр, обратите внимание еще и на вымпел... — деликатно посоветовал Мортимер.

Фло обратил. Вымпел развевался против ветра, раздувающего паруса.

— Проклятие!

Водометы взвыли, переключенные на реверс, но поздно: подойти успели слишком близко. Чмокнув, вырвалась из голо-поля парусника боевая ракета. В рубке «Деи» ругались Лу и Кертис, наиболее несдержанные в минуты опасности.

Зародыш успел среагировать: ракету сбили точно посерединке между «Орхидеей» и лжекаравеллой. Осколки дождем ворвались в кают-компанию, прошив иллюминаторы и корпус. Два носовых датчика

приказали долго жить; заклинило одну из двух металлорезок.

— Дьявол! Разделение!

Ларри всадил в неприятеля малую ракету и поспешно отвалил в сторону. По вертолету всюду лупили из крупнокалиберных пулеметов, светлые грозды разрывов вспухали в опасной близости.

«Орха» и «Дея» освободились, расходясь в стороны. Пилоны прикрыли борта второго уровня. Секция-матка сворачивала вправо, огибая «каравеллу» (или что там пряталось под голо-полем). Марк хладнокровно поливал ее огнем левого борта. Пули и снаряды смачно влипали в поле и взрывались внутри; поле шло уродливыми пузырями и вдруг, сверкнув напоследок, исчезло. Вместо «Санта Розалины» предстал серостальной мини-крейсер класса «Ихтиозавр».

— Вот ты что! — рывкнул Фло. Его не удивило, что крейсер-малютка не имеет собственного названия. Такие суда имели лишь бортовой номер. Но здесь и этого не было.

«Орхидея» и «Дея» пошли на разворот; «Орха» скрылась по другую сторону крейсера.

— Ларри, изображение сверху! — потребовал Фло. Тотчас резервный монитор дал нужный ракурс. «Орха» по прямой уходила прочь.

«Ихти» разворачивался к «Орхидее» носом.

— «Дея», расходимся!

— Есть, кэп! — Лу завертел штурвал. «Дея», грациозно накренившись, отвалила вправо, на запад. Секция-матка продолжала идти к югу.

— Торпеды, сэр!

— Вижу!

Несколько резвых сигар нетерпеливо неслись к ним — Зародыш давил их последними ракетами.

— Ракеты, сэр!

— Вижу, Ларри!

Две из трех сбил Марк, еще одну — вертолет, пронесшийся над самой антенной. Крейсер наддал следом.

Крис вылез наружу и ковырялся у поврежденной кассетницы, распластавшись на белой обшивке носа, как муха на стекле.

— Эрвин, что у вас?

Фло вдруг сообразил, что с «Орхи» уже несколько минут доносятся лишь прерывистое дыхание да глухие удары, будто там сцепились врукопашную.

Капитан взглянул на монитор, работающий с вертолета: Орха» рыскала на курсе, словно у руля никто не стоял. Собственно, так оно и было.

2

Когда пилоны освободили «Орху» и характер качки изменился, Арчи переключился в автоном.

Капелька вскрывал ящики с кассетами, подаваемые снизу подъемником. В машинное, на нижний уровень, никто не спускался, было не до того.

Каравелла-оборотень сбросила свою личину. Арчи несколько секунд глазел на крейсер.

— Ух ты! Погляди, Эрвин, кого нам подсунули!

Капелька обернулся, но смотрел вовсе не на монитор, а за спину Арчи. Глаза его сделались удивительно круглыми.

Арчи обернуться не дали: колючая веревка, пропахшая смолой, захлестнулась вокруг шеи. Дышать сразу стало невозможно. Арчи забился, как тунец у кока на крючке.

Трое пиратов с кеча «Колибри», прятавшиеся внизу, поднялись в рубку. Выйти наружу раньше они не могли: после стычки на борту «Орхидеи» Зародыш намертво задраил все люки, замуравав их в железном коконе. Просидев почти двое суток взаперти, оголодав и озлобившись, пираты действовали отчаянно и дерзко. Один придушил Элмера, двое других насели на Капельку. Кроме ножей, у них ничего не было; у боцмана не было даже ножа.

Толстяк казался неуклюжим, но, когда пираты получили ногой по зубам, движения их стали ловкими и осторожными. Капелька отлично владел техникой единоборства, но перед ним пританцовывали от напряжения тоже не выпускники воскресной школы. Просоленные морем убийцы, годами разбойничавшие в компании себе подобных и вдобавок убежденные, что отступление означает неминуемую смерть.

Постепенно Капельку оттеснили в самый нос. Штурвал слабо шевелился, «Орха» нетвердо прыгала с волны на волну, предоставленная самой себе.

Одного боцман все же выключил. Но второй цепился в него бульдожьей хваткой, приставив нож к горлу; вдобавок вмешался третий пират, связавший к тому времени Арчи.

— Дьявол! Вяжи его, Хэнк, вяжи крепче! Клянись всеми акулами Атлантики, они научат нас управляться с этим адским кораблем!

Хэнк вязал. Крепко.

Арчи не мог даже пошевелиться: удавка тотчас врезалась в горло. Дышал он хрипло, тяжело, с надрывом.

Капельку бросили рядом с ним.

— Эрвин, что у вас? — спросил капитан отрывисто. Чувствовалось, что он занят.

Пираты всполошились.

— Кто здесь, тысяча чертей?

Фло их слышать не мог, микрофоны, пристегнутые к лацканам Капельки и Элмера, фильтровали посторонние звуки.

— Эрвин, отвечайте!

Грохот взрыва. Пираты смешались и отступили к трапу.

— Эй, кто там? Порази вас брочинг...

Взрыв, еще взрыв, натужный лай пулеметов...

— Вниз их! — скомандовал один из пиратов. Второй, тот, что звался Хэнком, приводил в чувство пострадавшего товарища.

Арчи и Капельку бросили вниз, прямо у трапа. Пираты возились в рубке, проклиная все на свете.

Связанные руки затекали, по коже бродили стада неприятных мурашек. Вязать пираты умели, чувствовался большой навык.

«Дьявольщина! — подумал Арчи. — Бруно Кер- тис, конечно же, давно уже сумел бы освободиться. А тут без ножа никак...

Стоп! Нож! Он же у меня до сих пор! Тот, что добыл в уличной драке в день, когда встретился с капитаном Фло! Острый, как акулий зуб!»

— Эрвин, — прошептал Арчи. — Нож!

Капелька с трудом обратил лицо к напарнику.

«Орху» завалило набок при крутом повороте.

— Разрази меня гром, Хэнк, если это не штурвал!

Хэнк, должно быть, брякнулся на пол от такого рывка. Пират-экспериментатор несомненно крутанул штурвал, словно находился на мостике парусника.

— Нож, Эрвин! В кармане! Я не могу пошевелиться! — Арчи заметно страдал.

Капелька, извиваясь, словно неуклюжая личинка, подбирался к карману. Арчи закричал, когда толстяк навалился на него всем телом.

— Не здесь! На бедре!

Наконец Капелька нащупал карман-невидимку. Минута ушла на то, чтобы расстегнуть клапан, еще полминуты — чтобы извлечь нож.

Набрав воздуха в легкие, Арчи затаил дыхание. Капелька на ощупь пилил веревку. Колючая просмо- ленная змея немилосердно терзала горло. Капелька пыхтел и ворочался: было очень неудобно. Раз шесть или семь приходилось останавливаться и давать Арчи отдышаться.

Постепенно веревка поддалась. Кое-как двигая затекшей шеей, Арчи освободился. Боже, какое бла- женство дышать полной грудью!! С минуту он при- ходил в себя. Потом стянул путы с рук.

— Скорее! — торопил Капелька. Пираты сквернословили в рубке и, похоже, собирались спускаться. Свободными руками орудовать было куда удобнее. Веревка, стягивающая кисти Эрвина, развалилась на обрезки в одно мгновение. Теперь ноги...

Капелька бесшумно вскочил, стряхивая остатки пут, взял нож из ладони Арчи.

Первый пират, угодивший в его стальные объятия, захрипел, забулькал и упал, заливая кровью ворсистый пол твиндека. Второго Арчи огрел кстати повернувшимся гаечным ключом, потому что нунчаки вывалились в рубке. Этот ушел лицом вперед с третьей ступеньки трапа, даже не пикнув.

— Ну что там, Хэнк? — донеслось сверху. Капелька исчез на секунду в машинном и вернулся с автоматом наперевес. Арчи массировал шею, сидя на полу.

— Эй, отродье! — крикнул Эрвин поднимаясь. — Молись!

Хлопнул одиночный выстрел.

— Капитан, говорит Капелька...

3

Крейсер гнался за «Орхидеей», не отставая больше чем на четверть мили. На «Ихтиозавах» применяли хитроумное сочетание редана, крыльев и подушки — в скорости «Орхидее» он не уступал.

Фло пытался уклониться от схватки.

— Лу, что у вас?

— Следуем в стороне, сэр! — отозвался Горди. — Торпедирую, но торпеды он топит!

— Неудивительно... — фыркнул капитан.

Зборовски манипулировал программами Зародыша. Термосканер давал обычную картину военного судна, биосканер ничего живого на борту не выявил.

— Это робот, Стив! Крейсер-убийца, водный терминатор-уничтожитель!

Фло только вздохнул.

— Кэп, впереди островок! — предупредил Ларри. Сверху он видел гораздо дальше. — Семь градусов влево!

Капитан забарабанил по клавиатуре. Когда остров попал в поле зрения, врубил подушку на запуск. Под крыльями оставалось все меньше воды, «Орхидея» вылезала наверх, обнажая даже водометы. Загудели воздушные винты, крылья подтянулись и прилипли к днищу, судно пошло на подушке над прибрежной мелью, над полосой песка, над низкими кустиками...

«Ихти», не снижая темпа, прорывался следом.

— Не оторвемся, — констатировал Питер.

— Это ж военный крейсер, — пожал плечами Фло. — Даром что терминатор. Что ему суша? Игрушки...

Вышла на связь замолчавшая было «Орха».

— Капитан! Капелька говорит. У нас гости случились...

Крейсер крепко вцепился в цель. Принять бой? «Орхидея» не слабее «Ихтиозавра», значит, ко дну суждено пойти вместе. Но ведь есть еще «Дея», «Орха», Ларри на вертолете.

Боеприпасов маловато. Кто же рассчитывал на встречу с крейсером? Ну Бейкер, ну бестия! Как сумел пронюхать? Где раздобыл машину времени? Золото, золото — вот причина! Желтый металл может все.

Арчи, более-менее придя в себя, поднялся в рубку. Капелька сидел за пультом. Они успели забраться далеко к востоку, оторвавшись от «Орхидеи» и крейсера. Боцман уткнулся в навигационный экран.

Паруса заметил Арчи.

«Каравелла, — сразу определил он. — Испанская...»

Конечно, это была «Санта Розалина».

— Капитан! Вижу «Санта Розалину»! — воскликнул Капелька, убедившись, что на этот раз голоподем и не пахнет. — Координаты...

Фло сжал кулаки:

— Топите, Эрвин! Любой ценой!

— Есть, сэр!

«Ихти» безмолвно плевался ракетами. Пока Зародышу удавалось их сбивать.

— Лу! Держитесь в стороне. Будьте готовы принять нас на борт прямо из воды.

— Есть, сэр... — несколько удивленно отозвался малыш Лу.

— Питер! Сейф к эвакуации! Ван, Слава, помочь старпому! Марк, Крис, Ларри, приготовьтесь всадить в терминатора весь боезапас. А потом — на корму.

— Есть, сэр!

— Есть...

— Есть...

— Юстас! Место!

Пес, повинувшись команде хозяина, умчался к своему вольеру.

— Оскар, что машина?

— Норма, сэр! Пыхтит.

Руки капитана легли на штурвал.

— Йо-хо!

«Орхидея» величаво заложила вираж, разворачиваясь к крейсеру носом.

— Огонь!

Смертоносный шквал рванулся навстречу «Ихти». На столь короткой дистанции терминатору просто не хватило быстрогодействия. Кое-что крейсер сбил, кое-что отклонил. Кое-что...

Взрыв взметнул в небо тучи огненных осколков. Вражеские снаряды рвали тело «Орхидеи», Зародыш тоже не справлялся со всеми. Нос «Ихти» с каждой секундой приближался к левой скуле детища капитана Фло.

Сам капитан на корме нажал на кнопку экстренной эвакуации. Надувной пластиковый плот отшвырнуло прочь, словно пущенный из катапульты камень.

Два корабля соприкоснулись, затрещала сталь, сминаясь как бумага. А потом их охватило море огня, неистовый полыхающий смерч, вставший на ноги вблизи побережья.

— Прощай, Зародыш... Прощай, «Орхидея»...

Фло припал к большому иллюминатору. Аварийный плот качался далеко в стороне, краснея на темной вечерней воде. Пришла ударная волна, сверху дождем сыпалось железо...

С собой захватить успели сейф с документами и машиной времени, десяток автоматов, два ящика патронов да немного пищи и воды сверх той, что входила в комплект плота.

С запада на выручку спешила «Дея».

4

Никогда еще в рубке маленькой «Деи» не было таклюдно. У пульта сидели капитан, Питер и Лу — поникший, потрясенный потерей всего золота «Орхидеи». В кармане у него осталось несколько побрякушек, но, право же, это не слишком утешало. Конечно, координаты записали в судовой журнал... Но ведь еще поднять надо...

В машинном обосновались Бегемот, кок, юнга и растерянный Бимс. Марк с Крисом Дейзи отправились на кормовую палубу, к пулеметам. Сэр Юстас улегся у трапа, понимая, что людям сейчас не до него.

От «Орхи» и «Санта Розалины» их отделяло миль пять-семь. «Дея» встала на крылья и устремила на восток, вслед за низко летящим вертолетом.

Гул турбин они услышали через несколько минут. Ларри зашипел, словно рассерженная кобра.

Все в рубке «Деи» впились взглядами в монитор.

Там, рядом с неуловимой каравеллой, тонула «Орха», истерзанная близкими разрывами малых ракет, а навстречу «Дее» хищными остроносыми птицами мчались два истребителя.

— «Белые молнии»! — Фло даже вскочил. — Ну конечно! «Ихтиозавры» несут два истребителя «Пустельга», это и младенцу ясно. Они защищали каравеллу, пока терминатор занимался секцией-маткой.

Мертвый крейсер ожил в двух самолетах-роботах. Им неведом страх. Они не знают пощады. И не боятся смерти. Роботы-терминаторы умеют только повиноваться программе. А в ее содержании сомневаться не приходилось.

— Ракеты! — сцепил зубы Фло и нажал на пуск. Ракет осталось всего семь, противоракет — четыре.

Истребители прошли над «Деей», развернулись и скользнули в разные стороны. Ларри повис над полупогрузившейся «Орхой».

— Вижу Элмера и Капельку! — сообщил он, сбрасывая два спасательных круга.

Фло выпустил по «Санта Розалине» пару торпед, но истребители стерегли парусник на совесть. Роботы иначе и не могут.

— У меня плохое предчувствие, Стив, — устало сказал Зборовски. Пора готовить второй плот...

Фло промолчал. Дуэль с истребителями не затянется. Слишком уж те быстры.

«Почему они не стреляют? — удивился он. — Ракет, что ли, жалко?»

Капитан не знал, что в бою с «Орхой» оба истребителя истощили практически весь боезапас. Экономить, как и отступать, роботы не умеют. И сейчас они стали просто летающими железками. А раз они не могут больше охранять каравеллу, остается уничтожить противника единственным оставшимся способом — ценой собственного существования.

Пискнув, очистился экран монитора перед капитаном Фло.

«Немедленная эвакуация! Вероятность тарана — 100%», — прочел он.

— Все на плот! — взревел капитан и первым подхватил сейф. Он знал: поступки компьютера лучше всего предскажет такой же компьютер. Ибо на «Ихтиозаврах» стоят стандартные «Полтавы», а на истребителях — модули, аналогичные модулям «Орхи» и «Деи».

Они успели. Чудом или нет, но успели. Пушки достали пикирующий истребитель в полусотне саженей и осеклись: опустели кассеты. В «Дею» врезалось облако раскаленных осколков. Спустя несколько секунд взорвалась и «Дея», но плот уже рассекал волну далеко в стороне.

Второй истребитель протаранил вертолет. Еще одна смертельная роза расцвела над океаном.

«Боже мой, — подумал Фло. — Сколько взрывов принесли мы в этот неспешный век...»

Впрочем, тут хватало и своих взрывов.

Ларри выпрыгнул из вертолета секунд за двадцать до столкновения. Сейчас он покачивался на волне недалеко от Арчи и Капельки. Осколки его пощадил. Сэр Юстас, натасканный на цвет спасательных жилетов, прыгнул в воду и поспешил на помощь. С другой стороны к нему гребли Арчи и Эрвин, цепляясь за спасательные круги.

На маленьком плотике было тесно. Марк завел подвесной мотор и дал газ, направляясь к «Санта Розалине».

Все взялись за автоматы, даже раненый Слэш и юнга Слава. Каравелла приближалась, быстро увеличиваясь в размерах. Похоже, наступало время последнего, действительно последнего боя.

— Стрелять, кэп? Ниже ватерлинии, потопим ее к черту, — горячился преисполненный решимости Кертис.

Капитан засмеялся:

— Зачем? Там же золото!

Кертис вопросительно уставился на капитана. Действительно, зачем? Зря, что ли, таскались в этот золотой век?

Единственное, чего опасался Кертис, это малые размеры плота. Вдруг все золото не влезет?

Испанцы, запуганные развернувшейся на их глазах битвой, толпились у борта.

Крис Дейзи снял с предохранителя штурм-трап.
«Пок!»

Блестящие крючья легли поверх планшира каравеллы и намертво вонзились в темное дерево. Вниз свесилась плетеная лестница, похожая на корабельные ванты.

— Лу, Кертис! Наверх!

Кто-то из испанцев сунулся к лестнице с тесаком. Зборовски выстрелил, и тот свалился на палубу под ноги своим собратьям с дыркой в курчавой башке.

— В стороны! Живо!

Лу и Кертис орали на матросов, прижавшись спинами к фальшборту и хищно поводя стволами автоматов. Всех, кто не подчинился, клали на месте. Никого не волновало, что испанцы могут не понять по-английски.

Через десять минут все, кроме Марка, поднялись на борт каравеллы. Плотик отвалил, пофыркивая сорокасильным двигателем.

— Все на корму! Шлюпки на воду! Шевелитесь, если жизнь дорога! — командовал Фло, на этот раз по-испански, подбадривая зазевавшихся пинками.

Марк подобрал Арчи, Капельку, потерявшего сознание Ларри, Юстаса и вернулся к штурм-трапу.

Испанцев загоняли в шлюпки и отправляли подалее. Скоро на каравелле остались лишь команда погибшей «Орхидеи» да несколько трупов.

Лу и Кертис, успевшие совершить короткую разведку, вернулись на палубу. Оба цвели, как вишни по весне.

— Золото, кэп! Полные трюмы!

Фло улыбнулся. Черт возьми, они все же добились своего! «Санта Розалина» не затонет у Канар, а ее груз не попадет в лапы к Бейкеру.

Испанцы, грустно глядя на захваченные корабли, мерно работали веслами.

— Даже не верится, — вздохнул Зборовски, моргнув здоровым глазом. Автомат он лениво забросил за спину. Сэр Юстас, которого общими усилиями втащили на борт, сосредоточенно вылизывал влажную шерсть. Ван Баттум склонился над Ларри, рядом стоял Слава и придерживал открытую аптечку, бросив великоватый для него М-72 на истертые доски полуюта. Лу, Кертис, Мортимер, Дейзи и Бегемот передавали из рук в руки тяжелые слитки золота и восторженно цокали языками. Арчи с Капелькой выжимали промокшую одежду, смеясь и довольны ухая. Над головой тихо гудели паруса, скрипели реи, стояли на ветру снасти.

— Эй, кто-нибудь, станьте к штурвалу! — крикнул капитан. — Рыскаем, словно гончая, потерявшая след!

Бимс, нахохлившись, сидел на планшире рядом с крюком штурм-трапа.

— Пиастры, пиастры! — закричал он. Вышло как-то устало и неубедительно.

— Слушай, — сказал Арчи, встряхивая комбинезон, — ты не находишь, что эта бестолковая птица орет всегда удивительно подходящие слова?

Боцман глубокомысленно кивнул.

Капитан Фло расчехлил машину времени.

— Дукаты, дукаты! Тугрики, ту...

Голос попугая оборвался, словно кто-то выкрутил регулятор громкости. Все обернулись. Взъерошенное зеленое создание медленно растаяло в воздухе.

— Что с ним? — насторожился Кертис.

Лу подошел и потрогал планшир. Ничего, кроме гладкой оструганной древесины.

— Исчез, — развел он руками.

Фло ввел программу. Машина времени, странно равнодушная к цифре «тринадцать», тихонько загудела. В прошлом пробыли ровно пятьдесят два дня.

— Поехали, — сказал капитан и нажал на клавишу старта. Бруно Кертис успокоился — все золото следовало за ними в будущее. В этот самый миг Ларри Робинсон открыл глаза, а испанцы, тоскливо озирающиеся на каравеллу, увидели, что она неторопливо растворилась, не оставив ничего, кроме зыбких следов на водной глади.

— Каррамба! — только и сказал экс-капитан «Санта Розалины».

Глава шестая и последняя

«КОМАНДА»

1

тех пор как «Санта Розалину» отбуксировали в порт Нью-Кросби, прошло десять часов. До прибытия в резиденцию о судьбе Бейкера и его состоянии капитану Фло узнать ничего не удалось. После бурного финиша корсарской одиссеи усталость свалила всех. Даже Капельку и Зборовского, хотя они казались склепанными из стали и гранита. Капитан Фло дал указания своим людям и отключился в кабинете прямо за столом.

Погожим августовским утром, когда солнце пронизывало толстые стекла особняка Фло, команда «Орхидеи» в полном составе расселась в глубокие кресла холла, где впервые собралась в начале лета. На стене, рядом с картой мира, все так же висел черный пиратский флаг.

Фло, хоть и отоспался, выглядел уставшим и опустошенным.

— Ну как, кэп? — Нетерпение всех можно было понять.

— К черту! — буркнул Фло. — Мы занимались ерундой.

Он швырнул Питеру пожелтевшую газету.

— Можешь прочесть вслух...

Зборовски подхватил хрустящий ком на лету и ловко развернул. Газета была датирована октябрем 2007 года.

— Филипп Бейкер поднимает со дна моря остатки судна на подводных крыльях с грузом драгоценных металлов и камней, — прочел Питер. — Сенсация века... Радиоуглеродный анализ показал, что судно провело под водой триста с лишним лет... Поиски в прибрежной зоне острова Аруба ведут сотни подводников-любителей...

— Вот это номер, — протянул Арчи. — Он поднял «Орхидею»...

Питер потрогал повязку на глазу. Потом вздохнул:

— Знаешь, Стив, а ведь у нас золота было больше, чем на «Санта Розалине»...

«И мы сами его добыли», — подумал каждый.

Фло неподвижно сидел за столом, скорбно уставившись в одну точку.

— Эх, еще бы разок попирагтовать... — мечтательно сказал Гордон Лу, взъерошив черную шевелюру.

Но все знали, что путь в прошлое закрыт. Машина времени рассыпалась мельчайшей серой пылью прямо на палубе испанской каравеллы, едва они вернулись назад, в будущее.

— Увы, господа. Свой миллион каждый из вас получит, как и договаривались, но, выходит, зря я затевал это предприятие. Наверное, время невозможно обмануть. Результат останется прежним, даже если идти к нему другим путем.

И тогда поднялся Марк Мортимер:

— К черту время, капитан. Может, попробуем потягаться с Бейкером сейчас, сегодня? По-моему, у нас сложилась неплохая команда. Ведь зо-

лото Бейкера по праву принадлежит нам. Не так ли, капитан?

Фло словно очнулся. Взгляд его вновь сделался живым и осмысленным.

— Но что скажут остальные?

— Йо-хо!! — сказали остальные.

Громче всех кричал Слава Лебедев. Фло обратился к нему:

— Как же твои родители, юнга?

Мальчишка отчаянно махнул рукой:

— К дьяволу родителей! Пора делом заняться...

Одобрительный гул встряхнул тихий особняк.

Фло смотрел на команду, и неожиданно на глаза ему навернулись слезы. Команда! Я навеки ваш капитан!

Он потрепал сэра Юстаса по мощному загривку.

— Ну что, Юсти? Не так уж и плохи наши дела?

Пес преданно сопел.

А в голове назойливо вертелся старый матросский мотив:

Мы ждем, когда снова порадует море ветрами,
И полным бакштагом пойдет гордый парусник наш.

— Я думаю, стоит попытаться, — сказал Питер, старпом.

На мачте взовьется, как птица, черное знамя,
И вновь прозвучит команда: «На абордаж!»

Фло взглянул на календарь.

— Пиастры, пиастры! Доллары, доллары! — заорал Бимс, сидящий на большом пузатом глобусе.

— Проклятие! — воскликнул капитан Фло. — Откуда снова взялась эта жуткая птица?

Команда засмеялась. Да что команда? Сам Веселый Роджер, скалящийся на стене, подмигнул ему

пустой глазницей и оскалился еще больше. Или это
просто ветер шевельнул черное полотнище?

Вперед, капитан! Ведь команда с тобой.

Эй, капитан! Наша жизнь — это только дорога.

Эй, капитан! Этот бой — остановка в пути.

Эй, капитан! Остановок не так уж и много.

Эй, капитан! И все меньше их впереди!

Фло сжал кулаки. На абордаж, капитан!

Йо-хо!

Январь 1990 — декабрь 1991

Николаев — Киев

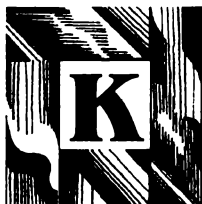

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

ГОРОД-ПРИЗРАК

Глава 1

полуночи Алик начал клевать носом, «Жигуленок» то и дело вилял к обочине. Шоссе стремительно рвалось под колеса — гладкое, как олимпийский каток, и почти прямое. Андрей вздрагивал на заднем сиденье и тихо ругался.

— Все, — тряхнул головой Алик, притормаживая. Машина облегченно фыркнула, прокатилась еще метров сорок, тихо шурша протекторами по шершавому асфальту, и затихла на кромке дороги.

— Засыпаю, — виновато сказал Алик. — Извини. Андрей заворочался.

— Ладно, спим...

Он вел машину весь день. Алик же выдержал всего четыре часа. Правда, вчера Алик из-за руля не вылезал, а выспаться ночью не удалось ни тому, ни другому.

Шоссе в полуночный час оставалось совершенно пустынным. Встречные автомобили перестали попадаться сразу с наступлением сумерек; попутные — чуть позже, часам к десяти. Это было странно: шоссе

ведь отличное, настоящий автобан, да и местность достаточно оживленная... Но — мало ли?

Алик откинул спинки передних сидений, Андрей поджал ноги. Малыш, устраиваясь, что-то тихонько насвистывал, и Андрей с улыбкой поглядывал на напарника.

Вокруг таилась зыбкая ночная тишина, а когда Алик погасил в кабине свет, в окна заглянули звезды.

— Есть хочешь? — лениво и сонно спросил Андрей. Алик только вяло отмахнулся, свернулся калачиком и почти сразу же уснул, уютно посапывая. Андрей вздохнул, вытянул ноги, чувствуя, как дремота обволакивает и его, и подумал, что маловато за сегодня проехали.

Они гнали потрепанный «Жигуленок» на восток — к финишу традиционного майского авторалли «ПРЫ-ЖОК», от которого их отделяли (если верить спидометру и карте) две с половиной тысячи километров. Экипаж номер восемь, Андрей Шаманов и Алексей Загородный по прозвищу Малыш, ну и, понятно, стальной их брат, ВАЗ-2107, семьдесят шесть лошадок, полторы тысячи кубиков, проверенная родная колымага, на которой они выиграли две гонки в прошлом году.

По графику заночевать планировали в Белорецке — крохотном сонном городишке, приткнувшемся к великолепному трансказиатскому шоссе. Прибыть в него Андрей с Аликом рассчитывали часов около восьми, но дорога мерно тянулась навстречу, а городка все не было и не было. Стемнело, время шло, а впереди по-прежнему виднелась лишь широкая асфальтовая лента и еще степь — колышущееся море ковыля от горизонта до горизонта.

Усталость взяла свое, заснули прямо в машине, справедливо решив, что утро рассеет все сомнения, путь свернется с картой и вновь станет ясным и понятным, ралли пойдет своим чередом, и лидерства они не уступят. А сейчас спать, спать, расслабиться, провалиться в сладкую призрачную негу, когда не нужно

вертеть баранку и жать на акселератор, втискивая покорный «Жигуль» в прихотливые изгибы трассы. Вытравить из тела противную свинцовую тяжесть, снова ощутить свои мышцы полными сил и готовыми к борьбе.

Андрей не мог сказать наверняка, но ему показалось, что за время сна ни одна машина не проехала мимо них.

Первым проснулся Алик. «Жигуленок» ожил, зафырчал и послушно рванулся вперед. Как истый раллист, Алик не умел медленно ездить: шум мотора быстро перешел в привычный надсадный рев, а за окном замелькали придорожные кусты. У ручья гонщики задержались, чтобы умыться и вновь почувствовать себя людьми — бодрыми и совсем не сонными. А после дорога снова стремительно ныряла под колеса и убегала назад, в лобовом стекле отражалось солнце, и нескончаемой казалась тонюсенькая асфальтовая ниточка, рассекающая степь надвое.

Андрей, вручив Алику бутерброд, хмуро изучал карту.

— Ч-чертовщина! — прошипел Андрей. Алик беспокойно косился через плечо, хотя легче было просто глянуть в зёркало.

— Ерунда какая-то, Малыш! По спидометру мы уже давно должны проехать Актюбинск. И движение по трассе просто обязано быть плотным. А я уже забыл, как выглядят машины со стороны.

— Остановить? — с готовностью спросил Алик.

— Зачем? — не понял Капитан.

— Посмотришь на нашу клячу со стороны! Ха-ха! Малыш от души веселился. Усмехнулся и Андрей:

— Тоже мне, Петросян... Лучше бы за дорогой следил.

Алик лихо вписался в плавный поворот, и «Жигуль» мощно пошел в гору.

— Чего за ней следить? — пожал плечами Малыш. — Ровная, ей-богу, как стекло. Дави себе на газ и все.

Взобравшись на холм, машина покатила еще быстрее; стрелка спидометра дрожала в правом углу шкалы, то и дело задевая за ограничитель, а впереди раскинулся город, ясно видимый с высоты. Огромный, как степи вокруг, и серый, как скопище мышей. И, наверное, более пустой, чем покинутый муравейник, потому что на дороге между ними и городом транспорта по-прежнему совсем не было. По мере того как они подъезжали, крепло ощущение заброшенности и опустошенности. Вывеска-указатель с названием города насквозь проржавела и сильно покосилась, чуть не падая. Дома на окраине дышали затхлостью и пустотой, глядя в мир побитыми пыльными окнами. Гладкое покрытие шоссе сменилось старым, растрескавшимся асфальтом, пропускавшим сквозь себя буйную майскую зелень. Машину сразу стало трясти, и Алик теперь всюду ворочал рулем, выискивая путь получше. Андрей ошарашенно озирался, стиснув в руках бесполезную карту. Города-призраки на ней не значились.

— Куда это нас занесло, Кэптейн? — поинтересовался Алик без особой надежды на ответ. — Может, это Бедуиния?

«Жигуленок» катил безлюдными захламленными улицами мимо безлюдных захламленных домов. На тротуарах попадались сдвинутые с проезжей части автомобили — ржавые, облупленные или просто здорово помятые. Слева тянулась размытая рельсовая колея. О названиях улиц оставалось лишь догадываться, попадались только таблички с номерами домов. Числа были четырехзначные.

Алик, изредка отрываясь от дороги, поглядывал на Капитана.

— Шеф, скажи, что мы спим. Ну!

Андрей хмурился. За спиной оставались все новые и новые кварталы, а картина совершенно не менялась. Все те же заброшенность и пустота.

— Малыш, может, ты вчера не туда свернул?

Алик уверенно помотал головой:

— Не-а, шеф. Трассу от проселка я, слава Богу, отличаю. Да и не было вчера развилок, я помню. Собственно... гм... — Алик запнулся.

— Что? — поднял голову Андрей. Резко, насто-
роженно.

Алик с непонятым выражением лица остановил машину и повернулся к нему.

— Последние два часа, как только стемнело... А может, раньше?.. В общем, от шоссе не ответвилась ни одна дорога. Даже самая захудалая.

— Ну?

Алик пожал плечами:

— Так же не бывает, Капитан! К трассе всегда стекаются десятки дорог, от простой колеи до...

— Интересно, — перебил Андрей, — сегодня, ка-
жется, наблюдалось то же самое?

Алик напрягся:

— Кажется...

Они посидели молча, поглядывая то друг на друга, то за окно. Алик, вздохнув, направил «Жигуль» даль-
ше, в глубь города. Деревья на улицах не росли, даже трава, взламывавшая покрытие мостовой и тротуаров на окраине, исчезла — только асфальт, бетонные и кирпичные коробки домов, ржавое железо и битые стекла под колесами. И всего этого очень много.

Минута тянулась за минутой, и скоро Алик не выдержал:

— Черт! Может, у него вообще конца нет? Давай посмотримся, Кэп.

«Жигуленок» замер посреди улицы. Вокруг вы-
сились относительно нетронутые разрушением семи-
этажки. Андрей выбрался из машины; сухой хруст закрываемой дверцы гулко растекся окрест. Алик уже стоял рядом и озирался. Было тихо, как ночью в запертом кинотеатре. Метрах в пятнадцати впереди, слева, чернела высокая арка, открывая ход во двор в сплошной стене домов.

До того, как его покинули, дворик наверняка был зеленым и уютным. Вдоль низеньких деревянных заборчиков бесформенными пузырями буйствовали давно не стриженные кусты, царапали глаз безобразные лавочки, некрашенные и потемневшие от дождей. Песок детского городка от ржавчины стал совсем рыжим, а почти все бельевые веревки прогнили, лопнули и валялись на земле длинными темными змеями; кое-где к ним цеплялись лохмотья, бывшие когда-то выстиранным бельем. И еще: под ногами шуршал многолетний ковер из опавших листьев, асфальт прятался глубоко под ним.

Андрей и Алик застыли, пораженные. Потрепанные фасады домов и ржавые автомобили не тронули их так, как этот опустевший дворик.

— Мистика, — проворчал Андрей, — не верю!

Алик оглянулся и потянул его за руку к ближайшему подъезду.

Внутри царил сумрак, на ступенях и перилах скопилось много сероватой пыли, а в углах под потолком пауки свили настоящие белесые джунгли. А вот двери в квартиры выглядели, наоборот, вполне жилыми. Все были заперты. Открытые попались на пятом этаже, но Капитан решил попытать счастья на верхних, сверху-то больше шансов что-нибудь рассмотреть. Внушительный амбарный замок запирает некрашенный люк на чердак, зато две квартиры из трех оказались открытыми. Дверь под номером «34» послушно пропустила их внутрь.

Обстановка хранила следы долгого запустения — уже знакомая пыль и паутинные джунгли. Мебель вполне обыкновенная, только все книги в шкафу и пара газет на столе были почему-то на польском языке. Пока Андрей рассматривал их, Алик отворил дверь на балкон. Петли при этом жалобно заскрипели, и по квартире метнулось глухое, мгновенно застрявшее в пыльной рыхлости эхо.

Вид сверху открылся солидный. Алик машинально вцепился в ажурное ограждение балкончика, Капитан отпихнул в сторону ржавый велосипед и пристроился рядом.

Город тянулся, сколько хватало взгляда, и терялся в туманной дымке где-то у горизонта. Слева, километрах в двух, на шпиле высокого, похожего чем-то на Московский университет, здания трепыхался незнакомый бело-зеленый флаг, а рядом поднимался легкий дымок, словно там жгли костер. Все это гонщики разглядывали минуты две.

— Ну, — протянул Андрей, — что скажешь, Малыш?

Малыш не нашел, что сказать.

— По-моему, стоит поинтересоваться во-он тем дымком.

Алик пожал плечами:

— Может, это просто пожар. Жара-то какая...

— Может, — согласился Андрей. — А может, и нет.

— Резонно, — кивнул Малыш. — Пошли?

Капитан еще с минуту обозревал местность, а Алик тем временем слонялся по квартире в надежде отыскать подсказку.

— Что-то мне здесь не нравится! — с сомнением пробормотал он. — Такое чувство, будто чего-то не хватает.

Андрей молча направился к выходу, Малыш вяло взялся за телефон, найденный на кухне.

— Работает! — изумился он. Перед этим Алик безуспешно пробовал включить телевизор и зажечь свет.

Андрей замер на пороге. В повисшей тишине отчетливо раздавалось стройное гудение зуммера.

Алик вопросительно глянул на Капитана.

— Набирай, чего уж там... — махнул рукой тот.

— Ноль-два? — ехидно спросил Малыш.

Андрей буркнул: «Остряк!» — отобрал у него аппарат и наугад набрал пятерку.

Послышались короткие гудки — отбой.

Алик выразительно указал на аппарат: крохотный белый прямоугольничек хранил номер этого абонента — 2754118.

Андрей примирительно фыркнул, накрутил 275, а затем первое, что взбрело на ум.

Им ответил женский голос:

— Да-а?

Андрей от неожиданности нажал на рычаг.

— Ч-черт!

И тут снаружи донеслось далекое рычание мотора. Андрей метнулся на балкон — по улице, вдали, полз бронетранспортер. А посреди дороги, прямо напротив балкона, стоял их «Жигуленок».

— Вниз! — скомандовал Капитан. — Поживее!

Алик внял. Из подъезда он выскочил первым, и одновременно с этим раздались выстрелы, четыре подряд. Стреляли как будто в соседнем квартале. Гонщики нырнули в полутьму арки. Алик сунулся было на улицу, но Андрей поймал его за ремень.

— Потише!

Он осторожно выглянул, одновременно отпихивая Малыша назад.

Броневи́к приближался. Кроме того, перекресток бегом пересекли несколько человек, одетые в темное и явно вооруженные.

— По-моему, пора смываться! — предположил шепотом Малыш. Он все же изловчился и выглянул.

— Согласен!

Мгновение — и они юркнули в свой «Жигуленок».

— Эй! Стойте!

Стекло в ближнем окне первого этажа вылетело вместе с рамой, на асфальт боком вывалился исцарапанный и запыхавшийся человек. Одного взгляда хватило, чтобы понять: его преследуют.

— Быстрее! — распахнул дверцу Алик. Андрей молча завел двигатель, нога его застыла на акселераторе. Незнакомец прыжком втиснулся на заднее сиденье. Капитан лихо развернулся почти на месте,

так что истошно завизжали шины и сама собой захлопнулась дверца. «Жигуленок» всхрапнул и рванулся вперед как подстегнутый. Алик успел заметить в выбитом незнакомцем окне несколько размытых лиц, и Андрей круто свернул направо. Вслед сухо пролаяла автоматная очередь, перекрывая рев мотора; воздух рассек на части веселый звон разбитого стекла. Мимо пронеслись дома, а сзади уже маячил на редкость быстроходный бронетранспортер. Незнакомец тяжело дышал и кусал губы.

Впереди, кварталах в двух, на дорогу выкатился еще один бронетранспортер и, взревев, устремился навстречу. Андрей вновь с жутким визгом развернулся и шмыгнул в переулок. Алик вцепился в поручень на панели, а незнакомца швыряло вместе с походным сундучком.

— Могешь! — похвалил Малыш Капитана. Тот молча ворочал рулем, пристально всматриваясь в дорогу.

— Влево! — вдруг сказал незнакомец, мучительно скривившись. Андрей рефлекторно свернул, и вовремя — из-за угла показались два мотоциклиста, сразу севшие им на хвост. Незнакомец озабоченно пялился в заднее стекло: преследователи маячили сзади, не отставая. И вдруг, приоткрыв на ходу дверцу, что-то выбросил на дорогу.

Позади сильно ухнуло, улицу заволокло клочьями светлого дыма; мотоциклисты из него так и не появились.

— Все, — бесцветно сообщил незнакомец, — последняя граната.

Алик обернулся и увидел, как сквозь дым позади прорвался броневик. «Жигуленок» еще раз свернул и помчался по пустынному проспекту. Незнакомец продолжал хмуриться.

— Сейчас надо будет свернуть налево, в проулок.

— Зачем? — не отрывая глаз от дороги, спросил Андрей. — По прямой они нас не догонят...

— У них рации и полно броневиков! Все равно выследят и загонят в тупик. Вот, сюда!

Но здесь путь преграждали сразу три бронетранспортера.

— Ч-черт! Назад!

Андрей вернулся на проспект и погнал машину дальше.

— Куда?

— Я скажу, — ответил незнакомец. Сзади нутжно гудели двигатели преследователей. Алик с похоронным видом пристегнулся и скептически спросил:

— У вас что, принято на бэтээрах разъезжать?

Незнакомец оторвался от стекла, глянул в затылок Алику (тот, задавая вопрос, даже не обернулся), но смолчал.

— Вправо, — скомандовал абориген чуть погодя, и «Жигуленок» ушел в узкую улочку. Впереди, метрах в ста, она упиралась в дом.

— Что такое? — опешил Капитан. — Это же тупик!

Назад возвращаться времени уже не оставалось — подоспели броневики.

— Давай-давай, в самый конец! Уйдем пешком, все равно на колесах не оторваться, они уже весь сектор на ноги подняли!

Машина затормозила у самой стены.

— Живее!

Незнакомец взял командование на себя; Алик с Андреем молча повиновались. Уже знакомо, боком, вожак вломился в окно, туда же юркнули гончики. Дверь, дальше — лестница, коридор; и тут сзади ахнуло так, что содрогнулся дом. Пробегая мимо окна, Алик выглянул и невольно вздрогнул — на месте верного «Жигуленка» теперь зияла черная смердящая воронка, по улице бежали люди, а за ними лениво полз броневик.

Алик очнулся и кинулся вслед за товарищами.

Они долго уходили по крышам, Андрей тихо ругался, понимая, что квартал оцеплен, а незнакомец все бегал, минуя чердаки, пока Алик не взвыл от досады. Но тот знал, что делал, — преследователи еще пыхтели на высоте, а они втроем спустились по пожарной лестнице на выпщербленный забор, оставили за спиной какие-то ужасные трущобы-задворки, гаражи и просочились, как тараканы, в подвал в самом центре квартала.

В подвале было темно, как в ящике с углем, но незнакомец неся вперед, словно запаздывающая электричка. Алик с Андреем, вовсю распахнув глаза и вытянув руки, изо всех сил старались от него не отстать.

— Сюда-сюда, — нетерпеливо сопел незнакомец.

Они пробрались в крохотную комнатку. Из узкой щели под потолком прорывался слабый намек на свет, ровно столько, чтобы тьма перестала быть кромешной. В углу стоял шкаф.

— Сюда, — прошептал незнакомец и бесшумно распахнул створки.

Шкаф был пуст. Алик озадаченно уставился на незнакомца.

— Помогите, — не успокаивался тот, пытаюсь подцепить днище. Андрей послушно помог. Под квадратной деревянной крышкой обнаружился канализационный люк. Тяжелый чугунный блин они мигом сдвинули.

— Вниз! Быстро!

Алик сиганул вниз и в полете похолодел. Прыгнул он совершенно бездумно, повинувшись властному голосу незнакомца, и не задумался о глубине. Пролетев метра четыре, он обрушился на крепкие деревянные ящики и, шипя и проклиная все на свете, откатился в сторону. Почти сразу же мягко спустился Андрей. Абориген задержался: закрыл двери шкафа, опустил днище, поставил на место люк и, цепляясь за ржавые гнутые скобы в стене, присоединился к гонщикам.

Луч света, вырвавшийся из его фонарика, резанул по глазам и осветил маленькое, похожее на склеп, помещение. В центре виднелась беспорядочная груда дерева — посадочная площадка Алика. Один-единственный коридор уходил куда-то вправо, под землю.

— С Богом! — вздохнул незнакомец и предупредил: — Идти часа три.

Под ногами шмыгнула крупная, жирная крыса; Андрей брезгливо поморщился:

— Кажется, ралли мы завершили, Малыш.

Алик только вздохнул: жаль «Жигуля»...

Коридор однообразно тянулся навстречу, иногда слегка изгибаясь.

— Вспомнил! — остановился вдруг Малыш. — Вспомнил!

Незнакомец оторвался шагов на десять вперед.

— Что вспомнил? — уныло спросил Андрей.

— Знаешь, Капитан, чего не хватало в той квартире?

— Ну и чего же?

Алик вдруг понизил голос:

— Там не было ни одного зеркала!

— Ну и что?

Алик замялся:

— Ничего... Но так ведь не бывает!

— Догоняй! — проворчал Капитан и подтолкнул его вперед.

Глава 2

По стенам убежища бродили причудливые черные тени, варево многообещающе булькало в закопченном котелке, уютно потрескивал костер, и только теперь Андрей позволил себе расслабиться. Новый знакомый хлопотал над ужином.

— Меня зовут Вилли. Вилли Квайл.

— Алик, — тут же встрепенулся Малыш.

— Андрей, — представился Капитан. — Может, расскажешь, куда это нас занесло?

Вилли хмыкнул:

— В самое логово нонки — Скул-риджент, кварталы со сто семнадцатого по двести восемьдесят первый.

— Понятно, — буркнул Андрей. — Врубаетесь, Алик?

Алик тупо переводил взгляд с Вилли на Капитана.

— Извини, Вилли, — миролюбиво объяснил Малыш, — мы в городе только с утра, и поэтому эти твои кварталы для нас пустой звук.

Вилли выпрямился, но изумления в его глазах было очень немного.

— Так вы совсем свеженькие! Поздравляю! — Он покачал головой. — Держались молодцом. Я уж было решил, что вы либо люди Старого, либо откуда-то из Верховий.

— Вилли, черт тебя побери! Скажи по-человечески, где мы?

Квайл положил ложку и сел. Костер тихо гудел, и его извечная песня успокаивала.

— А занесло вас, ребятки, в Город-призрак. — Вилли замолчал.

Андрей с трудом удержался, чтобы опять не сказать: «Понятно». Ведь все было как раз наоборот — совершенно непонятно.

— Раз вы оттуда, — Вилли неопределенно махнул рукой, — то, наверное, знаете легенду о Летучем Голландце?

Это уже что-то — гонщики кивнули.

— Вот. Город — нечто подобное. Бродит по белу свету и заманивает людей.

Алик поднял бровь:

— Бродячий город? Забавно!

— Как это город может бродить? — не поверил Андрей.

Вилли попробовал объяснить:

— Вообще-то он, конечно, никуда не бродит. Просто иногда вдруг появляется в разных местах. По всей планете. И тогда в него забредают люди.

— Ну, допустим, — смирился Капитан, — пусть так. А как выбрести обратно в нормальный мир?

Вилли всплеснул руками:

— В том-то и дело, что никак. Отсюда невозможно выбраться. Это город-ловушка.

Алик потряс головой:

— То есть как это — нельзя? А если я выйду на улицу и пойду все время прямо? А?

— Во-первых, тебя, скорее всего, отловят нонки. Или просто бандюги какие-нибудь. А во-вторых, даже если бы никто тебя и не тронул, иди хоть тысячу лет — Город бесконечен, как Вселенная. В это трудно поверить, но это так. Вряд ли он безграничен в обычном смысле — по-моему, некоторые его места просто замыкаются друг на друга. Можно всю жизнь идти прямо и в итоге кружить в полусотне знакомых районов. Но одно я могу сказать точно: путей наружу отсюда нет. Это железно.

— Интересно, — пробормотал Андрей. — Ладно, а кто же здесь живет?

— Люди, — пожал плечами Вилли, — те, кто попал в западню из внешнего мира.

— А ты давно попал?

— Я здесь родился.

— Даже так?

— А что? Жизнь есть жизнь. Привыкнете — поймете. Вообще-то нас, родившихся в Городе, почти не осталось. — Квайл вдруг ощерился.

— Нонки? — предположил Алик.

— Да!

— Кто они?

— Сволочи! — лаконично ответил Вилли.

— А конкретнее?

— Конкретнее? Какая-то женская религиозная секта, проникшая в Город лет двести назад. Теперь

они держат под контролем почти двадцать районов и продолжают захватывать новые.

— Что же они с вами не поделили?

Вилли замялся:

— Это трудно объяснить... Те, кто здесь родился до прихода нонки, очень хорошо знают Город. А знание дает власть. Другое дело, что они к власти стремятся, а мы, Квайлы, нет...

— Постой, — перебил его Алик, — ты сказал, что родившиеся до прихода нонки хорошо знают Город?

— Да.

— И ты тоже?

— Да. А что?

— Ты родился до прихода нонки?

Капитан понял, чего добивается Алик.

— Да, незадолго, — ответил Квайл.

— Но они же пришли двести лет назад! — Алик торжествовал.

Вилли понял и усмехнулся:

— Это тоже один из фокусов Города. Сколько, вы думаете, мне лет?

— Ну-у... — протянул Алик, — тридцать.

Вилли вздохнул:

— Двести семьдесят два.

Алик вытаращился на него:

— Чего?!

Вилли спокойно сказал:

— Живущие в Городе очень медленно стареют. А родившиеся здесь, по-моему, не стареют вообще. Лет эдак после двадцати пяти. Но нас, детей Города, всегда было очень мало, не больше сотни. А теперь осталось человек пять от силы.

Экс-гонщики переваривали обрушившуюся на них информацию.

Квайл продолжал размышлять вслух:

— Я знаю достаточно хорошо около трехсот районов Города. Род Квайл, мой родственник с севера, считает, что это меньше одного процента реальной

территории Города. Роду скоро тысяча лет, и он рассказывает, что иногда возникают новые районы — вероятно, Город растет, как гриб. Не знаю, не уверен, я еще слишком молод, чтобы анализировать собственные наблюдения.

Ужин яростно клокотал в котелке, напоминая о себе; Вилли поднялся.

— Ладно, постепенно все уложится и у вас в голове. А пока смиритесь с тем, что жить отныне придется в Городе. Довольно долго, кстати. Так что можете не спешить, не принято. И еще: здесь никто серьезно не болеет. Насморк да механические травмы, вот и все. Понятно? Приятного аппетита!

Потом они спали. Алик думал, что не заснет после всех странностей, однако сразу же провалился в зыбкое фиолетовое небытие. До сих пор он видел либо обычные сны, либо вовсе ничего не видел. А тут перед глазами сплошная фиолетовая пелена. Фиолетовый сон, ничего не значащий и не несущий. Алик проснулся со странным чувством: очень хотелось громко и длинно выругаться, но что-то удерживало. Он приподнялся на локтях и сел. Рядом сразу же вскинулся Квайл.

— А... это ты... — Вилли вытер рукавом лоб. — Фу! Извини, последнее время я всегда был один, привык реагировать на любое движение.

Он уставился на еле тлеющий костер и, словно раздумывая, произнес:

— Скоро утро. Пожалуй, стоит двинуть к югу, в Верховья.

Алик разбудил Капитана. Вчерашнюю похлебку Вилли оставил среди угольков костра, она до сих пор хранила тепло.

После скорого завтрака Квайл прибрал в убежище — уволок все три матраса куда-то в темноту, котелок и ложки вымыл в ручье, невесть откуда и куда текущем в этом подземелье, кострище разбросал и тщательно затоптал оставшиеся искры. Когда глаза

привыкли к темноте, стали видны сотни тускло-синих точек на потолке и стенах; света они вроде бы и не давали, но тем не менее Алик с Андреем различали все вокруг себя метров на пятнадцать-двадцать. Квайл вернулся с маленькой заплечной сумкой и небольшим автоматом.

— Извините, из оружия я здесь прятал только эту хлопушку, так что вы покамест остаетесь с пустыми руками. Впрочем, — поспешил успокоить он, — по дороге подстрелим пару нонки, будет и вам что-нибудь.

Алика передернуло, но он, как и Капитан, смолчал.

— Пошли, — махнул рукой Вилли, и они двинулись во влажные сумерки тоннеля.

На поверхность выбрались спустя приблизительно час из подвала, набитого бурым, неприятным на ощупь углем. Старая, заброшенная котельная торчала в центре просторного, окруженного однотипными шестнадцатизэтажками двора. Квайл с минуту наблюдал из окна и, успокоившись, поманил спутников за собой.

Алик уже начал привыкать к запустению. Капитан все еще хмурился.

Вилли направлялся к угловому подъезду с южной стороны, видимо, хотел осмотреться с высоты. Вообще Капитан быстро сообразил: здесь принято сначала осмотреться, наметить путь, а потом уж идти. И так, циклами, раз за разом — осмотрелся, наметил, прошел; осмотрелся, наметил, прошел...

С крыши шестнадцатизэтажки видно было куда больше, чем с седьмого этажа, но существенной разницы Капитан не уловил. Город распластался внизу, словно огромный невиданный кристалл; четко виднелись границы соседних кварталов. Справа, над большим стадионом, кружила стая крупных темных птиц. Квайл протянул Капитану бинокль и указал на еле видимое здание вдали, то самое, с бело-зеленым флагом на шпиле. Флаг выглядел сейчас как неясная точка.

— Это штаб-квартира нонки, — сказал Квайл, — советую держаться оттуда подальше.

Андрей передал бинокль Малышу и тяжело вздохнул.

— У! Кто это? — спросил вдруг Алик. Смотрел он совсем в другую сторону. Квайл отобрал у него оптику, глянул и невнятно зашипел, словно выругался.

Алик шепнул Капитану:

— Там какие-то люди, здорово потрепанные.

Вилли продолжал смотреть туда; смотрел он долго и внимательно. Потом опустил бинокль и обернулся к спутникам:

— Кажется, в Верховья мы сегодня не поедem. Это люди Берта Квайла, моего двоюродного брата. У них явно неприятности.

Вилли поспешно направился к ходу вниз, в подъезд, где принялся наугад толкаться в двери.

— Ищите телефон, — посоветовал он Капитану и Малышу.

Нашел Алик, — на десятом этаже. Квайл уверенно набрал номер, Капитан с Малышом осматривались. Пыли в этой квартире скопилось меньше, чем в семизатжке, но хватало и здесь. Книг в комнатах почти не было, всего несколько, все по судомодельному спорту.

Минут через пять к Капитану приблизился Алик.

— Кэп! — шепнул он. — Здесь тоже нет ни одного зеркала! Даже в ванной.

Андрей вопросительно уставился на друга:

— Ну и что?

Алик разозлился:

— Что — что?! Не бывает так! Не бывает дорог без ответвлений и жилья без зеркал!

— Как видишь, бывает, — перебил Андрей и повернулся к Вилли. Тот как раз заканчивал разговор:

— ...угол сто седьмого и сто пятьдесят третьего. Приезжайте, нас трое.

Трубка с легким стуком легла на аппарат.

— Послушай, — спросил Андрей. — А как получается, что телефон работает? Или кто-то из вас следит за АТС?

— Город следит, — коротко ответил Вилли. — Пошли.

— Не понимаю, — пожал плечами Капитан. — Объясни.

Вилли остановился и сонно взглянул на него. Секунду поразмыслил.

— Город следит. Как — не знаю. Но некоторые телефоны работают. Точно так же, как кое-где есть свет или работает водопровод. Это может прекратиться в каком-то одном месте, но это же и значит, что в тот же миг заработало в другом.

— И как долго это обычно длится?

— Несколько лет. Десять. Иногда больше. Пошли, время.

Они спустились вниз, еще раз пересекли двор, нырнули в широкий проход и остановились на углу квартала. Шестнадцатипятиэтажное здание взметнулось высоко вверх, казалось, оно падает прямо на них, наверное, иллюзию создавали облака, торопливо бегущие по небу и исчезающие за краем крыши. Угол нависал над людьми, как нос гигантского ледокола; вместо названия виднелись белые таблички «0107» и «0153».

Алик отшатнулся и потряс головой. Дом сразу перестал «падать». Стены неподвижно застыли и уходили ввысь строго перпендикулярно асфальту.

Минут через пятнадцать из арки на противоположной стороне перекрестка показались четверо. Один, с маленьким автоматом, таким же как у Квайла, заметно хроمال; у другого (он был без оружия) перед грудью висела наспех забинтованная рука. Остальные двое держали в руках обыкновенные «калашники». Вся четверка выглядела изрядно потрепанной — царапины на лице и руках, рваная, потертая одежда... Компенсаторы автоматов чернели нагаром, Андрей мог поклясться, что стволы еще горячие.

Вилли мрачно разглядывал их. Передний, высокий плотный парень лет двадцати пяти, мучительно закашлялся и сказал:

— Берта взяли...

Вилли молчал.

Подошли остальные. Андрей и Алик безмолвно стояли за спиной Квайла.

— Где? — наконец спросил Квайл.

— В Грэтте. Часа полтора назад. Мы пытались отбить, но...

— Знаю, — буркнул Вилли, — нонки не ходят в одиночку.

Высокий виновато понурил голову, словно извиняясь.

Вилли задумчиво оглядел всех, оценил что-то, одному ему понятное, и решил:

— Заглянем-ка мы на Зеленую Базу.

Высокий кивнул и осведомился:

— Транспорт?

Квайл не замедлил с ответом:

— Пригони бэтээр из Конуса. Вон, их, — он указал на Алика с Андреем, — их бери, и вперед. Мы здесь будем, в 407-й, десятый этаж, — Вилли кивнул на дом и отвернулся.

Алик с Капитаном переглянулись. Им уже приказывают! Но перечить не стали.

Высокий качнул головой — пошли, мол! Капитану дали «Калашник» и два магазина в придачу к примкнутому. Он привычным движением забросил оружие за спину, привычным, несмотря на годы, минувшие после службы. Алик лишь вздохнул, когда Капитан отдал ему тяжелые рожки, из которых выглядывали желтенькие цилиндрики патронов.

Вилли и трое с ним скрылись во дворе; высокий дождался, пока его нагонят экс-гонщики, и зашагал влево по 107-му проспекту.

— Меня зовут Богдан, — на ходу бросил он, — если короче — просто Би. Все так и зовут.

— Алик.

— Андрей.

— Я вас что-то не видел раньше в Команде Вилли Квайла.

Капитан спокойно объяснил:

— Мы второй день в Городе.

Би внимательно присмотрелся к ним.

— Из России?

— Да.

— Я тоже, — вздохнул он. — Уже четырнадцать лет здесь.

— Ну и как? — поинтересовался Капитан.

Би склонил голову набок и приподнял брови:

— Да так... Но в общем нормально. Не хуже, чем ТАМ. И уж, во всяком случае, гораздо интереснее.

Они свернули и двинулись по улице под номером 6219. Богдан шел быстро; вскоре стандартные коробки многоэтажек остались позади, и они оказались в районе, похожем на киевский Подол.

— А что скажешь о нонки?

Би нахмурился:

— Нонки? Гм... Хорошо организованная банда. Женская. Чего они добиваются — не знаю. По-моему, ищут некие предметы, религиозного, если не ошибаюсь, содержания. Вылавливают всех новичков. И еще — не то строят, не то достраивают что-то у себя на Базе. Именно поэтому охотятся на Квайлов, Детей Города, имеющих огромный опыт жизни в нем и знающих очень много. Из этого делаю вывод: они не могут отыскать необходимые для завершения строительства вещи, а те спрятаны где-то в Городе.

Вдалеке послышался характерный треск мотоциклетных моторов. Богдан метнулся через улицу в подъезд, Алик и Капитан бросились за ним. Би прислушался, смешно наклоняя голову, прикрыл дверь.

Вскоре по дороге проехали два мотоциклиста в черных комбинезонах и таких же черных шлемах. На перекрестке они притормозили, спешили и сверну-

ли на поперечную улицу. Шли оба очень медленно, словно что-то выискивали.

Богдан жестом поманил Капитана за собой, Алик остался в подъезде. Когда они скрылись в квартире на первом этаже, Малыш выглянул — улица оставалась пустынной, виднелись лишь два мотоцикла, застывшие на мостовой у перекрестка, да проржавевшая легковушка, смятая в гармошку, сдвинутая вплотную к стене дома и выглядевшая на пустом тротуаре сиротливо и одиноко.

Би с Капитаном через открытое окно попали во двор. Андрей в очередной раз подивился знанию местности горожанами, потому что Би легко вскочил на балкон, потом миновал квартиру, и вид при этом сохранял совершенно отстраненный, какой, вероятно, имел сам Капитан, когда отправлялся дома за почтой. Андрей уже начал привыкать к тому, что квартиры в Городе являются частью пути. Раньше города были для него только улицами и дворами, а дома оставались чем-то запретным. Здесь же дома, подъезды, квартиры — все это стало частью дорог, которыми пользовались все. По крайней мере, во многих квартирах первого этажа встречались в скопившейся пыли хоженные от дверей к окнам и на балконы тропинки. Дома можно было и не обходить, а просто проколоть насквозь.

Они поднялись на второй этаж; Би с опаской взглянул наружу и пробормотал слегка удивленно:

— Что за черт?

Улица была пуста, хотя именно сюда свернули мотоциклисты. Капитан осторожно спросил:

— Подождем?

Би продолжал изучать улицу.

Алик тем временем все выглядывал из подъезда. Когда на лестнице вверху послышались крадущиеся шаги, он решил, что это возвращаются спутники.

Малыш обернулся и вздрогнул. Совсем рядом, направив прямо в грудь маленький «Узи», стоял один из мотоциклистов.

— Привет, квайлин.

Алик ждать не стал — ногой мягко отбросил в сторону кусок отвалившейся штукатурки. Ударившись о стену, тот зашуршал, мотоциклист тут же повел автоматом вправо, и Алик, собрав себя в крохотную жесткую точку на ступне, пнул его в грудь. Мотоциклист выронил «Узи» и сочно шмякнулся о дверь, нелепо взмахнув руками. Дверь со скрипом распахнулась, человек в черном рухнул через порог, а Малыш, подцепив оружие за ремень, кинулся прочь из подъезда. О втором мотоциклисте он в тот момент совершенно забыл и вдруг полетел кубарем, споткнувшись о подставленную ногу. Трофейный автомат с размаху лязгнул об асфальт. Второй человек в черном стал над ним, «Узи» глядел вниз; Алик, растянувшись на краю тротуара, не двигался и не пытался встать. Человек указал на автомат:

— Дай сюда!

Гермошлем искажал голос, но Алик решил, что звучит он чересчур звонко. Протянув оружие, Алик замер. Человек нагнулся, собираясь взять автомат, и на секунду отвел глаза от Малыша. Малыш мигом подцепил его за ногу и опрокинул на асфальт рядом с собой. Очередь из «Узи» бесполезно ушла в небо. Алик проворно перекатился и вскочил на колени. Следующая очередь всковырнула мостовую на месте, где он только что лежал. Вставать не было времени — Алик с колен провел высокую «минутную стрелку». Автомат загремел по мостовой, мотоциклист взвыл, согнулся и прижал к груди ушибленные пальцы. И только когда из подъезда бегом вырвался Богдан, а следом Андрей, Алик окончательно успокоился.

— Все в порядке, Капитан! Я тут мимоходом добыл нам оружие. — И бросил ему один из трофейных «Узи».

Би склонился над лежащим, сноровисто связал ему руки и потащил в подъезд. Капитан догнал

Алика, направившегося туда же, и доверительно хлопнул его по плечу:

— Молодчага, Малыш!

Алик зарделся от удовольствия. На трассе получить похвалу от Капитана удавалось нечасто.

Первый мотоциклист все еще неподвижно валялся у входа в квартиру. Сейчас Алик заметил, что в падении шлем с него слетел, и с немалым удивлением убедился, что это молодая белокурая девушка. Сопоставить ее с мрачной фигурой автоматчика, совсем недавно угрожавшего ему, никак не удавалось. Малыш заворуженно смотрел на нее, а сзади уже возник Би, опуская рядом вторую девушку, такую же молодую и белокурую.

— Ну, Малыш, поздравляю! Неплохое начало для новичка — в одиночку, без оружия, против двух нонки. Совсем неплохо! Ей-ей!

Нонки. Женская секта. Или женская банда. Те, кто вчера полдня преследовал их с Квайлом. Малыш никак не мог поверить в это — две хрупкие миловидные девчонки лет двадцати. И в то же время они — нонки. «Нонки» — слово, произносимое всеми, кого они успели встретить в Городе, со страшной ненавистью.

— Чертовщина... — прошептал Алик и ткнулся лицом в плечо Капитану.

Глава 3

Моторы мотоциклов звучали очень странно — не то трещали с присвистом, не то хрустели. Ни Алик, ни Андрей никогда раньше не слышали подобных звуков. Впереди несся Богдан, именно несся, ибо бешеный полет сквозь город, когда встречный ветер норовит оторвать тебя от мотоцикла, а мотоцикл от асфальта, иначе никак не назовешь. Ту девушку, что оставалась без сознания, привязали к Богдану, чтоб

не свалилась. Вторую втиснули между Капитаном и Аликом, пристроившимся на втором мотоцикле сзади, почти на стоп-сигнале. Андрей пытался не отставать от Богдана. Малыш придерживал девушку за плечи, слегка вьющиеся волосы нонки хлестали его по лицу.

В Конус они попали спустя полчаса. Просторный двор, до отказа набитый всевозможным металлическим хламом, напоминал захудалую сельскую МТС. За воротами Би свернул влево, минуя вереницу не то боксов, не то ангаров. Вскоре он притормозил; остановился и Капитан. Алик соскочил, помог сойти нонки и пошел отвязывать вторую пленницу от Богдана. Андрей заглушил двигатель и задумчиво поглядел на руль: зеркало заднего вида отсутствовало на обеих машинах. Случайно ли?

Би тем временем отпер ворота и возился у стоящего в боксе бронетранспортера, темно-зеленого восьмиколесного монстра, похожего на гигантского поросенка.

— Кэп! — крикнул Би Андрею, услышав, что Алик так его называет. — Грузите нонки в бэтээр и спрячьте в боксе мотоциклы!

Андрей взял за локоть девчонку, понуро стоящую рядом, и повел ее к броневику. Алик без напряжения нес вторую. Он подождал, пока Капитан загонит свою в люк; тут нонки на руках у Малыша слабо застонала и открыла глаза. Алик немедленно скорчил зверскую рожу, и девушка вздрогнула. Вообще то, что она очнулась, было даже хорошо. Алик слабо представлял, как сумеет втянуть расслабленное, податливое тело в узкий люк бэтэера. Поэтому он сразу поставил ее на ноги и указал на «поросенка». Она послушно полезла внутрь; перед тем как скрыться, длинно и напряженно посмотрела на Алика, словно хотела о чем-то его спросить, но не решалась. Очень хотелось показать ей язык, но Алик удержался от подобного ребячества.

Богдан уже завел машину; из бокса рвались сизые клубы выхлопа. Бэтээр взревел и нехотя выполз во двор. Капитан не торопясь закрыл ворота, запер за-

мок и швырнул ключ Богдану, а сам нырнул в десантный люк позади башни. Алик устроился справа от Богдана, выглядывая в маленькое наклонное оконце. Нонки рядышком сидели посреди отсека, руки у них по-прежнему оставались связанными за спиной.

Бэтээр урчал и резво несся по улицам. Пока Андрей осматривался, Би успел вырुлить из лабиринта ангаров, но выбрал почему-то не ту дорогу, по которой они только что пронеслись на мотоциклах. Капитан припал к боковому триплексу: Город его завораживал, чем — он не понимал, но эти пустые улицы и дома действовали на него как море на старого, списанного на берег боцмана. Би гнал бэтээр очень быстро, иногда используя тротуары. Раз они наткнулись на старую угрюмую баррикаду, пришлось объезжать ее кривыми, похожими на татарские кварталы задворками.

Час пролетел очень быстро. Богдан затормозил у подъезда, где Алик с Андреем и Вилли Квайлом уже побывали утром.

Квайл ждал их внизу.

* * *

Зеленая База оказалась насмерть замаскированной крепостью. С виду — квартал как квартал, но стоило туда углубиться, как сразу чувствовалось неладное. Андрей позже понял: дворы были совершенно пусты. Голый асфальт, будто на плацу; ни лавочек, ни обычных в этом районе низких ажурных оградок, зато невероятное количество каменных домиков, трансформаторных будок и колодцев, похожих на канализационные, только побольше диаметром. И еще — дома были без балконов. Но это все внутри, а снаружи — квартал как квартал.

Еще за километр от Базы Квайл сунул руку в обширный карман на груди и извлек продолговатый, смахивающий на карманный приемник предмет

с двумя антеннами, и Алик, сидевший рядом, услышал тоненький писк, более всего походивший на сигналы радиомаяка. Во дворе они подъехали к одной из трансформаторных будок. Малыш ожидал, что Квайл пойдет отпирать замаскированные ворота, но те распахнулись сами, и Алик с Капитаном убедились, что ЭТО изнутри так же похоже на трансформаторную будку, как ананас на велосипед.

Это оказалось ни больше ни меньше — лифтом. Простым грузовым лифтом. Они спустились на несколько уровней, и Би повел бэтээр по широкому прямому тоннелю. За двести метров пути прошли серию шлюзов и наконец попали в большой зал, где бэтээров стояло больше, чем обычно бывает пчел в улье.

— Приехали, — буднично хлопнул себя по коленям Вилли. Прибор с рожками висел у него на шее рядом с биноклем.

База поразила и Алика, и Капитана. Огромное, многоярусное сооружение, напичканное оружием и электроникой, полное отсеков, кают и залов. Если бы космический линкор каким-нибудь непостижимым образом брякнулся оземь и врос в окруживший его Город — получилось бы нечто подобное.

Нонки заперли в небольшой комнате, пустой, унылой. Люди Квайла, видимо, часто здесь отсиживались, потому что сразу разбрелись по каютам, расположенным недалеко от набитого экранами и аппаратурой зала, куда скрылся Вилли. На двери этого зала висела невзрачная, серая табличка с надписью «Вахта 2Р». Пахло казармой, военщиной и пылью.

Богдан показал Капитану на комнату напротив своей:

— Туда, туда! Устраивайтесь пока. Придется здесь некоторое время покуковать.

Малыш вздохнул и несильно пихнул Андрея под бок:

— Пошли, Кэптейн. Мы пока что чужие на этом празднике жизни. Нечего и голову ломать.

Богдан обернулся и скороговоркой выпалил, будто извиняясь:

— Да ничего, мужики, скоро освоитесь. Просто нонки словно озверели, пришлось лечь на дно. Такое иногда случается.

Он поглядел на них и, улыбнувшись, потрепал Малыша по плечу.

— Советую выпасться хорошенько. Ну, отдохайте!

Би повернулся и шагнул к своей комнатке. Перед тем как захлопнуть дверь, он замешкался на миг и тихо сказал:

— Вы очень понравились Квайлу, ребята. Держитесь за него.

Щелкнул, закрываясь, замок, и экс-гонщики остались одни.

Алик проснулся, когда с хрустом распахнулась дверь каюты. На пороге стоял Богдан.

— Ну как? — поинтересовался он.

Алик пожал плечами:

— Кажется, выпался...

Капитан промолчал.

— Пошли. — Богдан развернулся и вышел. Алик с удовольствием потянулся и направился следом; Капитан позевал немного и поплелся за ним.

Они пришли в зал, похожий на центральный пульт большой электростанции или автоматического завода. Кругом пестрели экраны, датчики, индикаторы и кнопки. На экранах просматривались подходы к границам Базы. В кресле у пульта сидел Вилли Квайл и мрачно поедал консервы, ловко орудуя длинным пиратским ножом. Остальные занимались тем же; и Алику с Капитаном вручили по банке.

— Слушай, Вилли, — прищурился Алик и склонил голову набок, — а где вы жратву берете?

Вилли на секунду перестал жевать и вопросительно уставился на Малыша.

— Как где? В Городе, конечно. Там же пропасть складов — и еда, и оружие... Нужно просто уметь искать.

— Но когда-нибудь все съедят и изнасят, так ведь, долгожители? Что тогда?

Вилли отодвинул пеструю банку и положил нож на пульт.

— А тебе не страшно, что мы весь воздух выдышим, прости за корявую фразу? Все никогда не съедят. Город есть Город — он непостоянен и не терпит пустоты. Новые склады найдутся там, где вчера их не было и в помине. Между двумя соседними улицами однажды ты сможешь найти целый район — новенький, с иголочки. Это Город, Малыш. Тут особые законы. Нужно только стать здесь СВОИМ. И еще — уметь искать. Если Город разглядит в тебе СВОЕГО, можешь больше ничего не бояться. Разве только нонки.

Алик хмыкнул и взялся за консервы: банка была уже открыта.

— Ну-ну... Непонятно, но здорово. Приятного аппетита, Кэп!

Андрей сокрушенно покачал головой и тоже принялся за тушенку. Похоже, она была здесь национальным блюдом.

Пока Алик с Капитаном спали, явно что-то произошло. Команда Вилли тихо переговаривалась у пульта. По экранам бродили невнятные тени. Андрей присмотрелся внимательней и подошел ближе.

Нонки!! Черные комбинезоны он узнал сразу. Много: десятка два, не меньше. В отдалении на пыльном тротуаре замерли три бэтээра. Ребристые следы убегали за край экрана. Камера глядела на это откуда-то сверху, должно быть, с края плоской крыши одного из «домов».

Андрей оглянулся на Вилли: тот, мрачно уставившись на монитор, подкручивал пузатый цветной верньер на пульте.

— Что происходит? — поинтересовался Алик, выглядывая из-за спины Капитана.

Вилли, не отрываясь от экрана, ответил сквозь зубы:

— Я тоже хотел бы это знать!

«Вход в Базу ищут, что ли?» — подумал Малыш без особой уверенности.

Квайл исподлобья наблюдал за изысками нонки; те возились вблизи бэтээров, нарочито не кроясь. И вдруг — залп!! Половина экранов взорвалась фиолетовыми брызгами, так что кольнуло глаза. Алик чертыхнулся и полез за темными очками, с которыми никогда не расставался. Датчики донесли сочный, раскатистый звук взрыва, потом зазвенели стекла.

Цветные пятна долго плясали перед глазами, постепенно тускнея.

— Вилли! Снайпер на связи! — обыденно сообщил Богдан. Квайл натянул на уши гарнитуру, даже не поправив микрофон-бусину у губ.

Зрение быстро восстановилось, Алик с воодушевлением пялился на уцелевшие мониторы. Нонки вновь закопошились.

Богдан тихонько пояснил Алику и Капитану:

— Снайпер — это наш человек, стрелок-одиночка. Квайлы души в нем не чают. Сколько он нонки-разведчиц перебил — не счесть. Они потому и боятся в районе Базы лишний раз появиться.

— Да уж... — саркастически заметил Алик, взглянув на бессмысленно-молочные экраны поврежденных мониторов. — Боятся...

Нонки сгрудились вокруг бэтээров, замышляя очередную пакость.

— Ну, бывают, конечно, случаи. Вроде этого... — ничуть не смутился Богдан.

Квайл говорил со Снайпером недолго — минуты две. Неловко стянул с головы гарнитуру, медленно обернулся к остальным. Лицо его было угрюмым, как у разорившегося банкира.

— Плохо дело... Нонки раздобыли схемы коммуникаций Зеленой Базы...

Словно в подтверждение, пропала картинка еще на нескольких мониторах, свидетельствуя о кончине наружных камер-датчиков.

Прочный и надежный мир Вилли рушился на глазах. Всегда, когда становилось горячо, он и его команда скрывались на Базе, уверенные в своей неуязвимости. Теперь нонки имели схему и достаточно сил. Захват Базы стал лишь вопросом времени. Ведь, в сущности, что нужно? Подавить все камеры слежения и зоны автоматического огня, постричь антенны дистанционки, взорвать чего помощнее в нужном месте — и все. База строилась с расчетом на достаточное число защитников. А команда Квайла насчитывала ныне семь человек.

Неужели в команде предатель? Иначе — откуда у нонки схема?

Квайл стиснул кулаки.

Схема всегда — ВСЕГДА! — хранилась на Базе. В таком месте, где никто не стал бы ее искать. Да и понять, что это именно схема, мало кто смог бы.

Кто? Раньше команда состояла из трех десятков бойцов. Плюс Снайпер, конечно. Нонки давили их настырно, холодно и методично. Хастли, его братья, Ваулин, потом Берт Квайл... Кто же? Или существует еще одна схема?

— Уходить надо... — негромко предложил Богдан.

Вилли поднял на него свинцовый взгляд.

«Этот? Нет, не могу поверить».

Действительно, пора уходить. Мысли прыгали, нестройные, обрывочные.

«Может, эти двое? — подумал он об Алике и Капитане. — Играют в новичков, а сами...»

— Гасите всю электронику! — скомандовал Квайл и щелкнул несколькими тумблерами на пульте, отключая основные генераторы.

Тотчас мигнули и погасли все мониторы, став одинаково матовыми; враз оборвались наружные звуки; отключился почти весь свет, лишь редкие аварийные лампы скупо выхватывали из воцарившегося полумрака гладкие стены да низкий потолок. Но и они гасли, сразу после того, как люди уходили прочь.

«Вахта 2Р» осталась далеко позади.

Квайл шел первым, торопливо впечатывая толстые подошвы ботинок в ворсистый пол коридора.

— Стоп! — вспомнил вдруг Капитан. — А нонки-пленницы?

Вилли удивленно замер.

— Что — пленницы?

— Они же заперты. И руки у них связаны, — тихо сказал Андрей.

— Ну и хрен с ними, — отмахнулся Вилли. — Некогда.

Он собрался идти дальше.

— Это не по-людски, Вилли. Их же завалить может, — так же тихо добавил Андрей.

Он ожидал, что Квайл снова возразит, но тот вдруг швырнул ему связку плоских ключей.

— Ждать вас никто не будет, — предупредил Вилли. — Выход в секторе «G», второй шлюз. Изнутри откроется без проблем, мы снимем блокировку.

Его подозрения против этих двоих укрепились.

Алик переглянулся с Капитаном — в одиночку в Городе? Без поддержки Квайла и его людей? Они уже успели понять, что тут небезопасно, и новичку вряд ли стоит уповать на везение.

— Я подожду их, — сказал вдруг Богдан. — Земляки все-таки...

— Как знаешь, — сухо ответил Квайл. — Сбор у Снайпера завтра.

Богдан кивнул. Вилли и троица из его команды быстро исчезли в полутьме коридора.

— Шевелитесь, — посоветовал Богдан. Одобрения в его голосе не нашел бы и самый отпетый оптимист.

Гонщики заторопились назад, к центральному пульту и жилым каютам.

— Дались они вам... — недовольно буркнул Би им в спины.

Нонки неподвижно сидели у стены в своей комнате-тюрьме. Капитан бесцеремонно поставил их на ноги, схватив за воротники комбинезонов. Алик приподнял брови: на отсутствие или недостаток силы Андрей никогда не жаловался, но такого Малыш не ожидал. Впрочем, девчонки на вид хрупкие...

— Пошли! — скомандовал Кэп.

Выскользнули за дверь. Обстрел продолжался: пол под ногами то и дело слабо вздрагивал, а потом, после короткой паузы, доносился едва различимый гул. Коридор бесконечной кишкой тянулся навстречу. Наконец они оказались у массивной герметичной двери во всю стену. Богдан ждал их, усевшись на пол под кнопкой-пускателем.

Одна из нонки вдруг отрывисто сказала:

— Город найдет силы отомстить вам, квайлины!

— Заткнись, — огрызнулся Би, вдавливая пускатель до отказа. Дверь бесшумно и величаво скользнула в сторону. Открылся тесный тамбур, упирающийся в точно такую же дверь с жирной буквой «G» в рост человека; ярко-красная эмаль искристо поблескивала. Дверь, в которую они только что вошли, неслышно затворилась. Алик обернулся — с этой стороны на ней красовалась выведенная эмалью буква «K».

Спустя несколько секунд вторая дверь уползла в сторону, пропуская их в сектор «G». Богдан сразу же повернул налево.

А в это время нонки, пробив очередным залпом стену рабочего коридора, стали просачиваться в крепость.

Зеленая База, верный бастион Квайлов, впервые за много лет пропустила в себя их упрямого врага.

Глава 4

Би, Алик и Капитан выбрались на поверхность, миновав уже знакомую трансформаторную будку. Или другую, но в точности такую же. Нонки громили беззащитную Базу на противоположном краю, а здесь было тихо и на вид — спокойно. Вилли и его спутники давно успели раствориться в окрестных кварталах.

— Ну и что теперь с ними делать? — спросил Богдан, неприязненно зыря на нонки. Девушки не менее неприязненно глядели на всех троих.

«А ведь они близнецы...» — удивился Алик. Раньше он этого не понял. Странно.

— Отпустим, — предложил Капитан.

Би взглянул на него как садовник на плодояжку:

— Ты спятил? Они же всю банду нам на хвост повесят.

Капитан хотел пожать плечами, но не успел. Зло затрещала автоматная очередь. Алик, не раздумывая, бросился на пыльный асфальт; на зубах сразу за скрипело. Андрей замешкался, но тоже залег невредимым. А вот Би, схватившись за бедро, неловко повалился рядом. Из-под ладони обильно сочилась кровь, на асфальте под ним быстро расплзлось темное пятно.

Одна из нонки-пленниц резко ударила Богдана ногой, вторым же ударом вышибла из рук автомат. Би отчаянно заругался.

— Не двигаться! — послышался громкий, отчетливый крик. Теперь Алик понял, откуда стреляли: справа, с крыши очередной лжебудки, шлюза соседнего сектора.

В арку с гулом ворвался серо-зеленый бронетранспортер, из него горохом посыпались нонки с автоматами.

— Лицом вниз, руки за голову!

— А пошли вы... — отозвался Богдан и тут же получил по голове вороненой сталью.

Алик с Капитаном повиновались.

— Шелли! — в один голос воскликнули девушки-близнецы. Потом кто-то засмеялся.

С полминуты нонки радостно переговаривались. Выходило, что близнецы были важными персонами, по крайней мере, такое складывалось впечатление.

Капитан, приподняв локоть, пытался осмотреться, елозя небритой щекой по асфальту. В итоге ничего он так и не рассмотрел, только получил сапогом между лопаток.

— Вяжи их! — скомандовала одна из двойняшек, Алик узнал по голосу.

Теперь уже Андрея, Богдана и Малыша грузили, плененных, в бэтээр. Вчерашняя ситуация перевернулась с ног на голову, отразилась в кривом зеркале.

Раненного в ногу Богдана никто и не думал перевязывать. Кровь так и сочилась из раны, окрашивая плотную ткань защитного комбинезона в черный цвет.

Ехали недолго — минут сорок. Алик видел небо в приоткрытый люк, иногда — верхние этажи домов. Ощущение реальности покинуло его, казалось, что все происходит в горячечном бреду.

Из бэтэера их вытащили на руках, предпочитая не давать свободы вовсе, хотя Алик с Капитаном тайне надеялись на это. Би не надеялся — он слишком хорошо знал нонки.

Первое, что увидел Алик по прибытии, — бело-зеленый флаг на длинном, как зимняя ночь, шпиле. Нонки привезли их на свою штаб-квартиру в Скулриджент. Здание мало походило на Зеленую Базу, но некоторое сходство все же угадывалось. Витающий везде оружейный дух? Подспудная готовность

к немедленному выстрелу? В общем, нечто милитаристское.

Освободили от пут их только в камере. Богдана сразу же куда-то увели, а Капитан с Аликом остались стоять посреди небольшой комнатухи, малые длина и ширина которой компенсировались непомерно большой высотой. Более всего комната походила на шахту грузового лифта в четырехэтажном доме. Никаких окон; светильник на высоте трех метров в углу, пара низких нар у стен. Тонкая книга валялась на полу. Дверь закрылась плотно, лишь едва заметная щель волоском темнела на фоне кофейного пластика.

Алик с Андреем мрачно переглянулись. Разом, словно по команде, сели. Капитан протянул руку к одинокой книге на полу. Малыш с интересом взглянул на него.

— Чушь какая-то, — сказал Капитан брезгливо спустя несколько секунд. — Закорючки.

Алик взглянул — ничуть не понятнее клинописи. А на ребус вроде непохоже.

— Картинок нет? — с надеждой спросил он. Впрочем, иронии в голосе тоже хватало.

Капитан невозмутимо пролистал — ни одной. Только схема в самом конце: правильный пятиугольник (ну прямо знак качества), поделенный на четыре неравные части двумя пересекающимися линиями, и буква «W», совпадающая рожками и углом с перекрестием и малыми крыльями линий. Все это здорово смахивало на задачку из учебника геометрии.

Капитан вздохнул и нехотя отбросил книгу к стене.

Дверь тотчас мягко ушла в глубь стены, ни дать ни взять, как у «Икаруса»-междугородки; на пороге возникла невысокая нонки с внушительной кобурой ни боку.

— На каком языке читаете? — отрывисто спросила она. Лицо ее при этом не выражало ничего, кроме презрения.

Алик с Андреем снова переглянулись. Издевается, что ли?

— На том же, что и говорим, — буркнул Малыш неприветливо.

Нонки уставилась не него, словно бармен на посетителя, который отказался от выпивки за счет заведения в новогоднюю ночь.

— Говорят здесь все на одном, я спрашиваю, на каком читаете? На английском? Испанском?

— На русском, — тихо и спокойно сказал Андрей.

Охранница обернулась и крикнула в темнеющий проем двери:

— Русскую копию!

Нагнулась, подобрала валяющуюся у стены книгу с закорючками.

Алик вежливо осведомился:

— Простите, а эта копия на каком?

Нонки, не оборачиваясь, ответила:

— На тамильском.

И вышла. Почти сразу же в камеру впорхнула нонки помоложе и рангом явно пониже. Преклонив одно колено, она бережно опустила на пол точно такую же книгу, только вместо непонятных завитушек на обложке четко выделялась золоченая надпись: «Завет».

— Приобщитесь к Учению, квайлины, — негромко промолвила нонки. — И не смейте швырять эту священную книгу. Второй раз вам этого не простят.

Когда дверь за ней плотно затворилась, Капитан осторожно взял книгу в руки.

На следующие два часа мир для Алика и Андрея перестал существовать. Они погрузились в чтение, проглатывая страницу за страницей и не замечая ничего вокруг.

Это была история Мира в странной интерпретации. Есть Мир, и есть предназначение, говорилось в книге. Когда оно исполняется, Мир становится другим, более сложным. И так раз за разом, словно по лестнице, одолевая ступень за ступенью.

А еще есть те, кто исполняет предначертанное. Имя им — нонки.

Вначале была Точка. Когда Свершилось, стала Черта. Когда в другой раз Свершилось, стало Пятно. Когда в третий раз Свершилось, стал Город. Когда снова Свершится — Город станет чем-то иным, чему нет еще названия; и там будет такой же «Завет», но будет в нем больше на одну главу. Главу, где будет изложено предначертание для Того-Что-Будет-После-Города. И так все выше и выше, дальше и дальше, ибо нет конца Миру и Изменениям.

Каждое предначертание так или иначе связано с Отражениями. Нонки чтит Отражения и поклонялись им. Поэтому в их иерархии наивысшее место занимали мать близнецов и сами близнецы.

В этом месте Алик единственный раз оторвался от текста, чтобы значительно шепнуть Капитану единственное слово:

— Зеркала!

Предначертание для Города сводилось к тому, что однажды придут Те-Кто-Несут-Отражения, и если они сумеют отразить Свет четырежды, Город уйдет Вверх.

На этом книга обрывалась. И они не нашли слова «Конец».

Некоторое время пленники молчали. «Завет» бережно опустили на пол в центре комнаты.

— Черт возьми! — Алик все еще оставался под впечатлением прочитанного. — Вот почему у них нет зеркал!

Капитан задумчиво покачал головой:

— Не путай причину со следствием, Малыш. У них почему-то нет зеркал, и поэтому они поклоняются Отражениям.

— Пусть так, — поморщился Алик. — То-то они штурм учинили из-за своих близнецов-двойняшек...

Капитан вскользь глянул на «Библию» нонки.

— Странная секта. Под стать Городу. Но тогда непонятно: при чем здесь Квайлы?

— Может, они знают, где искать зеркала?

Андрей с сомнением прищурился:

— Во-первых, эти самые Отражения могут оказаться вовсе не зеркалами, а чем угодно. А во-вторых, зачем Квайлам что-то скрывать?

Малыш пожал плечами:

— Мало ли? Кто знает — что будет после Города?

— Может, Квайлы знают? И это их не устраивает? Андрей поразмыслил. А что? Это многое объясняло.

Он еще раз осмотрелся. Удрать отсюда наверняка невозможно. Выручать их тоже вряд ли кто явится: некому. Будущее представлялось крайне туманным; понять, чего добиваются от них нонки, смог бы разве что телепат. Схватили, посадили под замок, всучили «Завет» свой непостижимый... Фарс с языками какой-то. И ведь все так многозначительно! Неужели пытаются обратить в свою веру? А зачем? Кто они — Алик с Андреем? Новички в Городе, котятка слепые. Непонятно.

И тут в стену напротив двери осторожно постучали: «Та, та, та-та-та».

Семерочка — для тех, кто знает морзянку.

— Ответь, — прошептал Капитан.

— «ЕР», — послушно ответил Алик, что значит «здесь».

— «АС», — отбили из-за стены.

— Ждем, — перевел Малыш.

Подождали. За стеной кто-то еле слышно возился. Может, Богдан? Алик осторожно прижал ухо к стене. Шорохи усилились. Однако Капитан предостерегающе потянул его за рукав.

Малыш оторвался от прохладного пластика, и в тот же миг могучий удар проломил стену. Дождем брызнули острые осколки, исцарапав пленникам лица и руки. Из рваной дыры кошкой выпрыгнул человек в черном комбинезоне нонки, но это был мужчина. Он выдохнул всего одно слово:

— Ноги!

Повторять не пришлось. Алик, а за ним и Андрей мигом шмыгнули в дыру. Город быстро выработал в них мгновенную реакцию и тараканьи рефлексy. В сторону открывшейся двери и нонки-охранниц, возникших на пороге, полетела граната. Взрыв встряхнул все здание.

Вниз вели крутые пыльные ступени. Ход был невероятно узок. Тем не менее впереди кто-то ухитрился нести Богдана, и делал это на редкость быстро.

Вверху ахнул еще один взрыв, потом еще — гранат не жалели.

Алик отказывался что-либо понимать. Ситуация, вопреки логике, менялась каждые несколько часов. Сначала они захватили нонки-близнецов, неясно как попавших в ничейные кварталы без охраны. Позже нонки проникают в Зеленую Базу — самую совершенную крепость, какую можно представить. Теперь их спасают из самого сердца вражеской штаб-квартиры. Что здесь, все в сговоре?

Погоня, похоже, не состоялась: взрывами завалило ход. Позади беглецов, по крайней мере. Алик прыгал через две ступеньки, а длинная лестница все не кончалась и не кончалась. Опуститься успели этажей на тридцать-сорок, не меньше, если сравнивать с пролетами стандартных многоквартирок. За спиной сопел Капитан. Еще дальше дробно топотал спаситель в комбинезе нонки. Передний нес раненого Богдана, не снижая темпа: ни дать ни взять — горилла с детенышем. Ну и силища у него, однако!

Внизу оказался тоннель с полукруглым сводом. Алик сразу и не сообразил, что спуск завершился, пока не налетел с разгону на новенький желтый электрокар. Горилла перевалил Би через низкий бортик в кузов, а сам живо уселся за руль.

— В кузов! Ну! — скомандовали сзади.

Алик тотчас сиганул через борт; сверху на него рухнул Капитан, словно куль с мукой. Кар рванул с места, как «Формула-1» на старте. Человек (даже

нет — человек, сухощавый и невысокий) в черном успел пристроиться рядом с Гориллой.

— Перевяжите Би! — кинул он через плечо.

И вдруг обернулся, привстав.

— ...! ...!! задница!!!

Ругаться он умел.

Андрей как ни в чем не бывало перевязывал Богдана, достаточно ловко для немедика. Малыш, виновато сморгнув, спросил:

— Что-то не так?

Горилла притормозил было, но, повинувшись короткому, энергичному жесту Черного, вновь погнал кар с прежней скоростью. Мощные электромоторы тихо урчали, да шелестел еще встречный поток воздуха.

— Черт возьми! — сказал Черный уже спокойнее. — Я был уверен, что один из вас — Берт Квайл.

Вот оно что! В пылу побега эти ребята спасли не того, кого хотели. Ну а теперь-то в стан нонки соваться — дело гиблое. Если они, конечно, на данную минуту покинули стан нонки...

— Мне очень жаль... — развел руками Алик.

Ему и правда было очень жаль. Старались же ребята.

— Что вы делали в камере Квайла?

— Сидели, — развел руками Алик, — часа два.

Черный не ответил.

Капитан еще раз взглянул на Богдана, вытер ладони о брюки и выпрямился. Ветер ударил ему в лицо, взлохматил волосы, стал трепать остатки продранной футболки. Богдан безжизненно лежал рядом, перевязанный, но без сознания. Не повезло парню, крови много потерял...

Вдруг кар резко затормозил. Горилла и Черный враз соскочили: первый ловко схватил Богдана, без видимых усилий взвалил его на плечо и легко потрусил в левый коридор; второй сумрачно смерил взглядом Алика с Капитаном и, вздохнув (куда уж вас деть!), призывно взмахнул рукой.

Короткий коридор привел в небольшой круглый зал, посреди которого застыл малютка-вертолет. Единственная пыльная лампочка под самым потолком с трудом разгоняла темень.

Черный скользнул в кабину; Горилла бережно опустил Богдана за сиденья и едва заметно шевельнул головой: «Полегче, мол!»

Алик с Андреем не заставили себя ждать. Вертолет заурчал, завибрировал, медленно зашевелил винтами. Черный оживленно щелкал переключателями на пульте, не отпуская кривую ручку управления, похожую на длинный джойстик.

Горилла тем временем рванул рубильник на торце пузатого металлического шкафа у стены и бегом вернулся к вертолету.

Потолок зала разделился на три изогнутых сегмента, которые уползли в стороны; на одном продолжала сиротливо гореть лампочка. Хлынувший сверху поток яркого дневного света затмил эту жалкую искорку подземелья. Вертолет, словно большая неторопливая стрекоза, взмыл и на секунду завис над круглой дырой, очень странно выглядевшей посреди покалеченной клумбы.

Улица провалилась вниз; под прозрачным брюхом вертолета зачернели плоские крыши зданий, утыканные антеннами и вентиляционными трубами. Совсем рядом, на уровне глаз, трепыхался на четырехгранном шпилье флаг нонки. Из окон по вертолету стреляли.

«Что он делает?» — подумал Алик с холодом в груди.

Черный, вместо того чтобы уносить ноги (точнее — винты), развернул «стрекозу» и несся прямо на шпиль, постепенно снижаясь. Прямо под пулеметы.

Но Черный отнюдь не стремился в камикадзе. Вертолет едва заметно трянуло, и к зданию потянулись два дымных следа.

«Ракеты! — понял наконец Алик смысл маневра. — Вот это да!»

Теперь Малыш вспомнил, что вертолет был окрашен в серо-стальной цвет. Военный, стало быть...

После залпа Черный враз отвернул. Алик успел заметить, как брызнули стекла, когда ракеты взорвались в толще здания, как кусок стены провалился внутрь и как просели три верхних этажа. Плотность огня со стороны нонки заметно упала.

Вертолет накренился, разворачиваясь. Город раскинулся внизу и чуть сбоку — серый, угловатый. Близо, — казалось, протяни руку и коснешься ближайших крыш.

Позади разрастался, подпирая небо, столб рыхлого черного дыма, слабый ветер откусывал от него неровные куски, величаво плыли в стороны косматые жирные клочья. Ракеты достигли цели.

— Кто вы такие? — отрывисто спросил Черный. — И где Берт Квайл?

Капитан степенно объяснил. Поверил Черный или нет — поди разберись? Богдана он, похоже, знал, но тот все еще не приходил в сознание. Негромко стрекотал мотор, свистели винты, да еще вплеся в этот размеренный шум сверлящий зуммер рации. Вызов!

Черный щелкнул тумблером и взялся за микрофон с тангентой, странно похожий на миниатюрную электробритву. Витой двухжильный шнур усиливал сходство. Того и гляди, зазвучит ровное жужжание и Черный примется деловито елозить микрофоном по сизой щеке.

— Эй, Снайпер!

Говорил кто-то из нонки.

— Ну? — ответил Черный неприветливо.

Алик приподнял брови. Так вот кто их спас!

— Мы найдем тебя, Снайпер! Слышишь? Где бы ты ни укрылся!

— Бог в помощь, — равнодушно ответил тот. — Могу, в свою очередь, пообещать, что Берта я все-таки вытащу из ваших вонючих лап.

— Черта с два! Сегодня ты остался с носом, останешься и впредь!

— Посмотрим. В следующий раз я захвачу побольше ракет.

— Будь ты проклят, коротышка! — В голосе нонки звучало плохо скрываемое бешенство.

— Ну-ну, Шелли! Меньше фанатизма. Ищите лучше свои дурацкие Отражения. А Квайлов в покое оставьте...

Снайперу никто не ответил. Видимо, нонки отключилась. В эфире только что-то мерно попискивало, наверное радиомаяк.

Горилла громко засопел, по-прежнему не вымолвив ни слова.

— Так ты — Снайпер? — спросил Алик зачем-то. Все и так было ясно.

Не отрываясь от управления и даже не глянув в сторону Малыша, Черный ответил:

— Угу. А это, — он указал на своего гориллоподобного приятеля, — это Гризли.

И такое прозвище здоровяку вполне подходило. На медведя-гризли он смахивал, пожалуй, еще больше, чем на гориллу.

Откуда-то снизу чуть слышно хлопнул одиночный выстрел, ровный гул моторов тотчас сменился надсадным воем и хриплым клетотом раненой машины.

— Падаем! Держитесь крепче! — без эмоций, очень буднично сообщил Снайпер.

Двигатели стихли; вертолет не рухнул сразу только благодаря вращающимся винтам. Мостовая рванулась навстречу с пугающей быстротой.

Бам-мм-мм!

Алик, оглушенный, тряс головой, пытаясь прийти в себя. В голове гудело, словно после удара в Царьколокол. Капитан, придерживая Богдана, кривился и тер ушибленный локоть. Зато Гризли как ни в чем не бывало ногами вышиб дверцу и мягко, словно бы нехотя, вывалился наружу.

Еще выстрел! Пуля вжикнула чуть выше, задев лениво вращающийся винт. Со стороны ажурного, основательно искореженного хвоста вертолета наполнили вонючие клубы дыма.

Едва Богдана погрузили на Гризли, а Алик с Капитаном, оба пошатываясь, отбежали под прикрытие домов и скрылись в подъезде; едва Снайпер, не целясь, навскидку, снял в окне верхнего этажа нонки с автоматом и поспешил за остальными, накренившийся вертолет вспыхнул, а еще через несколько секунд взорвался, высадив стекла во всем квартале.

— Ого! — удивился Капитан. — Что это так бабахнуло? Неужто горючка?

Снайпер снисходительно поглядел на него:

— Боезапас!

Гризли угрюмо вышиб ногой еще одну дверь, на этот раз ведущую в квартиру второго этажа. Коротко, без замаха, словно картон проломил. Опустил Богдана в комнате прямо на ковер. Снайпер, не выпуская свою винтовку с оптическим прицелом, скользнул к окну, на секунду подставив себя. Тотчас грянул выстрел, уцелевшие после взрыва остатки стекла весело звякнули, разлетаясь по всей комнате.

— Чертовы бабы! — сплюнул Гризли на пол. Это были его первые слова.

Снайпер еще разок выглянул, и снова прогремел выстрел.

— Видать, патронов у них мало, одиночными бьют, — протянул Снайпер глубокомысленно. — Нука, Гризли, пошерсти малость.

Гризли кивнул, подхватил один из двух принесенных в одной охапке с Би автоматов (во силища!) и убрел на кухню. О существовании эмоций он, видимо, не догадывался с рождения. Пребывал, так сказать, в блаженном неведении. Затарахтел его автомат, потянуло из кухни едким пороховым газом, всковырнулась штукатурка на стене дома напротив...

Снайпер на короткое мгновение возник в проеме окна, нажал на спуск и вновь спрятался за стену. Он не целился, Алик готов был поклестаться! Просто вскинул винтовку, шагнул в сторону и прямо от живота саданул по нонки. Все заняло едва ли полсекунды: появление, выстрел и уход.

Из окна третьего этажа нехотя вывалился автомат и гулко загремел внизу об асфальт, а за окном неловко осела темная фигура.

Так повторилось трижды — Гризли знай себе постреливал из кухни, сидя под подоконником, спиной привалившись к стене. Автомат он поднял над головой и лупил, не глядя, короткими очередями, меняя когда нужно обоймы. А Снайпер убивал нонки, мгновенно и наповал.

«Зачем ему оптический прицел? — подумал Алик с уважением. — Все равно ведь не пользуется...»

После третьей жертвы нонки прекратили стрелять и высывываться.

— Уходим! — скомандовал Снайпер.

Цепочкой выскользнули во двор. Пересекли палисадники, детскую площадку. Нырнули в кривые ходы, разделяющие приземистые кирпичные сараи. Пахло сыростью и кошками, как в подвале.

Потом были целые кварталы одноэтажных домов, сплошь утопающие в зелени; новые широкие проспекты с нескончаемыми двадцатипятиэтажками; районы, которые Алик привык именовать «хрущобами», — тесные панельные домишки, бестолково громоздящиеся в метре друг от друга; просторные, мощенные булыжником площади, которые они видели только мельком, при входе в целый лабиринт подземных переходов и при выходе из него.

Наконец Снайпер привел всех на станцию метро. Алик вытаращил глаза. Подземные переходы он еще принял как должное, но когда они свернули в длинный коридор, миновали стеклянные (или пластиковые, черт их разберет!) двери с тусклыми надписями

«НЕТ ВХОДА», спустились по мертвому эскалатору и оказались на платформе станции, чаша переполнилась.

— Ё-моё! Так тут и метро есть?!

Снайпер задержал на нем стеклянный взгляд:

— Угу. Правда, не надейтесь подъехать: кроме освещения, здесь ничего не работает.

Впрочем, и освещение работало еле-еле. Едва выхватывало из плотного мрака станцию, а в тоннелях хозяйничала тьма, как на самом дне в цистерне с мазутом.

Снайпер деловито прыгнул на путь и побрел в тоннель. Гризли половчее ухватил Богдана и сиганул следом. Алик с Андреем переглянулись на краю платформы.

— Бог знает что! То с Квайлом, то у нонки в плену, то в бегах... Калейдоскоп!

— Пошли, — проворчал Капитан. — Небось еще и не то переживем.

Снайпер хитрил. Тоннель метро обладал одним странным свойством: если спуститься на этой станции, в Песках, и пройти всего один перегон, попадешь к старому автовокзалу. Если же идти в том же направлении по поверхности, сначала углубишься в Старые Пески, потом на пути встанет обширная промзона со странным названием Водопой, дальше раскинется «спальный» район Пасифик Трай, а за ним — Верховья. Автовокзал же останется далеко справа.

Со стены, из-под путаницы кабелей, Снайпер извлек фонарик, один из пяти припасенных; впереди заплесал круг света, вырывая из мрака ниточки рельсов и своды тоннеля. Идти было удобно, хотя желоб между рельсами пропал сразу по выходе со станции. Казалось, что навстречу из давящей темноты вот-вот с грохотом и лязгом покажется поезд, но тишина нарушалась лишь звуком шагов да негромкой крысиной возней.

— Снайпер, — не утерпел Алик, — а почему тебя так называли?

Тот неохотно ответил, по своему обыкновению не оборачиваясь:

— Стреляю потому что...

— А правда, что ты ни разу в жизни не промахнулся?

Снайпер замялся; вместо него неожиданно подал голос Гризли:

— Правда. Хотя однажды он не попал в цель — ствол разорвало. Промахом это не считается.

— Понятно, — вздохнул Алик. — Врожденная способность к стрельбе. Здорово.

Метров сто прошли молча.

— А почему ты с Квайлами заодно?

Снайпер даже остановился. Направил фонарик прямо в глаза Малышу, впору надеть верные солнечные очки, Алик даже потрогал их сквозь ткань кармана, другой рукой заслонившись от луча. Сколько раз Алик их ронял, очки свои безотказные, в какие передряги ни попадал на трассах — они оставались целыми. Да и в Городе им уже немало досталось, однако ничего, выдюжили.

Спустя несколько секунд Снайпер резко убрал фонарь и зашагал дальше.

— Не с нонки же быть... — неприветливо буркнул он.

Алик не унимался:

— А правда, что Квайлы не хотят изменений в Городе и поэтому прячут от нонки Отражения?

Снайпер молниеносно обернулся и вскинул винтовку:

— Не слишком ли много ты болтаешь? Вилли еще спросит вас, кто сдал схемы Зеленой Базы нонки. Ну-ка, шагайте вперед, да без фокусов: чуть что — пулю в спину, и уж, будьте уверены, не промахнусь!

Капитан укоризненно глянул на Алика и прошел вперед мимо Гризли и Снайпера. Малышу тоже

ничего больше не оставалось. И они зашагали вперед, по тоннелю, чувствуя спинами холодный зрачок снайперовской винтовки.

Дрожал позади слепящий свет фонаря. Миновали два полных перегона; одна из пройденных станций утопала во тьме, вторая кое-как освещалась аварийными лампами. Приглушенное эхо брело где-то рядом — не то позади, не то чуть впереди, а может, и там, и там.

— Направо! — скомандовал вдруг Снайпер посреди третьего перегона.

Вбок уходил узкий ход, завершающийся колодцем с лестницей.

— Сидеть у стены!

Сели. Гризли опустил Богдана рядом. Сам Снайпер полез вверх, погромел немного и откинул люк. Сразу стало светлее: в колодец заглянул солнечный день.

Зашуршала карманная рация. Капитан пригляделся — похоже на «Уоки-Токи». Неплохо.

Снова, как и в вертолете, громко запищал радиомаяк. Рядом он где-то, что ли?

Вскоре ответил знакомый, хотя и искаженный электроникой голос Вилли:

— Снайпер! Вы где?

— На четыреста тридцать второй, метро «Риска». Скоро будем.

— Удалось?

— Богдан жив, но без сознания, а вместо Берта в камере оказались те два типа, что пристали к тебе позавчера...

Алик чуть не задохнулся от возмущения. Они пристали! Да если бы не они да не «Жигуль» верный, сидел бы сейчас Вилли где-нибудь рядом с Бертом, если, конечно, нонки оставили бы его в живых.

— ...к сожалению, мы их сначала вытащили, а потом уж рассмотрели. Поверь, я был убежден, что это Берт и Хейниц! И на стук они ответили...

- Где Берт? — сухо перебил Вилли.
— Не знаю. В той камере больше никого не осталось.
— Паршиво, — протянул Вилли. — Живее сюда.
— О'кей.
— Кстати, — спросил Вилли, — что за помеха?
— Черт ее знает, — хмыкнул Снайпер, — она и раньше была, я уже слышал утром.
— Мощная, — вздохнул Вилли сокрушенно. — Где-то рядом. Находят же люди батареи... Ладно, жду. Отбой.

Снайпер выбрался из колодца, позвал остальных. Когда Гризли вытолкнул Богдана и выбрался сам, люк намертво закупорил тайный ход. Команда Квайла знала Город!

Углубились в тесные уютные дворики, заросшие вишней. Алик все молчал, зло поскрипывая зубами. «Они передали схемы нонки!» Чушь какая! Третий день всего в городе. Хотя как это докажешь? Неприятно. Оправдываться всегда неприятно. А если не виноват — вдвойне. Однако надежда не покидала — умные же люди, поймут. И Квайл, и Снайпер, и Богдан — когда очнется. Как он, кстати? Гризли его так бережно несет, словно ребенка. Младенца. Со-кровище.

Скоро пришли. Невесть откуда вынырнули двое с карабинами.

— Снайпер?

Гризли криво улыбнулся; Снайпер помахал свободной рукой.

— Привет, бродяги.

Одного из дозорных Алик с Капитаном уже встречали — на Зеленой Базе.

Поднялись на третий этаж старого, сплошь в лепных украшениях, дома. Гризли осторожно опустил Богдана на низкую кушетку и с наслаждением рухнул в кресло. Снайпер прошел к окну и некоторое время внимательно изучал пустынную улицу. Вскоре вошел

Вилли в сопровождении крепкого негра и двух белых — автоматчиков.

— Ну? — сказал он с нажимом.

Снайпер отошел от окна.

— Что — ну? Би нашелся там, где ты и говорил. А напротив — вместо Берта с Хейницем — эти двое. Я сослепу не разглядел, бежим, говорю. Побежали... И главное — они на стук ответили!

— Очки носить надо, — жестко процедил Вилли.

— Мог бы сам пойти, — огрызнулся Снайпер. — Я и без тебя неплохо жил.

Вилли охладел.

— Ладно... — он обернулся к Андрею. — Берта видели?

Капитан покачал головой:

— Нет... успели только «Завет» прочесть, тут Снайпер и явился...

— И как вам «Завет»?

Андрей пожал плечами:

— Непонятно, но здорово.

Квайл глянул на Алика и отрывисто произнес:

— Ерунда все это, и «Завет», и Отражения. Не обращайтесь внимания. Нонки — просто секта, только чересчур уж воинственная.

Капитан пошел вслепую, поскольку не поверил.

— Так дай им Отражения, Горожанин, и дело с концом. Глядишь, и отстанут.

— Не отстанут, — убежденно сказал Вилли. — Да и где я возьму Отражения-то? Я ведь и сам толком не знаю, что это такое.

— Но они существуют?

Квайл замялся:

— Не знаю, не встречал. Если «Завет» — дело рук нонки, то вряд ли, а если порождение Города, тогда пожалуй. Но это вовсе не значит, что Отражения имеют какой-либо смысл.

— Почему же нонки думают, что Отражения у тебя?

— Хрен их знает! Скорее всего, они почему-то решили, что я знаю, где их искать. Я и другие Квайлы...

Вилли не договорил. Снайпер вдруг скользнул к окну, распахнул его и пальнул по-своему, без прицеливания. Внизу, на тротуаре, рухнула фигура в черном комбинезоне.

— Проклятие! — вскинулся Квайл. — Откуда они тут?

«И чем заняты часовые внизу?» — подумал Капитан, и вдруг до него дошло, что часовых, скорее всего, больше нет. Сняли. И хорошо, если не насмерть.

Тихо запищал вызов квайловой рации. Странно, объемно, глубоко. Потом Алик сообразил, что звучала еще и рация Снайпера. Вызов стерео, так сказать...

— Эй, Квайл! Привет.

— Шелли? Это ты, старая сука?

Нонки хмыкнула:

— Неужто такая старая?

Отчетливо пищал давешний радиомаяк.

«Что за чушь? Такое впечатление, что он все время находится рядом...» — подумал Алик.

О том же, видимо, подумал и Вилли.

— Обыскать! — рывкнул он.

Малыша и Капитана мигом обшарил один из стражников. Ничего не обнаружив, повернулся к Квайлу и покачал головой.

Вилли подозрительно глянул на Гризли, невозмутимо сидящего в кресле. Здоровяк отрицательно качнул головой, совсем как охранник.

И тогда Снайпер метнулся к недвижимому Богдану. Долго искать не пришлось: в боковом кармане комбинезона нашлась плоская металлическая коробочка с усиком-антенной и парой батареек «Trident», прихваченных прозрачным скотчем.

— А ч-черт! — в сердцах выругался Вилли.

— Вот именно, — насмешливо произнесла рация, то бишь Шелли. — Конец вам, Квайл. Советую не трепыхаться.

— Дудки! — сказал Квайл и выключил рацию. — Ходу!

В тот же миг дверь слетела с петель, в квартиру шумно ворвались нонки в шлемах и неизменных черных комбинезонах. Огнестрельного оружия у них не было, только пластиковые щиты и полицейские дубинки. Вилли, негра, охрану, Алика и Андрея скрутили тут же. Снайпер успел застрелить одну из нонки, в щель между наплечником и щитом, и лег под ударами дубинок. В рукопашном он был совершенно бесполезен, ибо был Снайпером. Зато Гризли старался за четверых и продержался долго. Дубинки ловил на лету и выворачивал противницам руки; пинал ногами щиты, и нонки разлетались по комнате, словно теннисные мячи.

Утихомирили его лишь минут через пять, да и то с помощью баллончика слезогонки. Всех сразу же выволокли в подъезд, даже недвижимого Богдана и истекающего слезами и соплями Гризли. На полу остались только осколки стекла и фарфора да плоская коробочка с усиком и батарейками «Trident».

Глава 5

Штаб-квартира нонки была совсем не та, что пару часов назад. Верх здания отсутствовал, нельзя сказать чтобы напрочь, но осталась всего часть дальней стены, почерневшей от копоти. Пожар нонки быстро потушили. Не было и шпиля с бело-зеленым флагом. Площадь перед центральным входом напоминала горный заповедник — сплошные глыбы да обломки, разбросанные хаотично и беспорядочно. И причиной этому — всего-то две ракеты. М-да.

Всех вытолкали из грузовика у бокового, наименее пострадавшего подъезда. Снайпер не устоял и, перевавшись через борт, упал, в кровь разбив лицо. Гризли заботливо поднял его на ноги. Здравяк тоже

не блистал — красное после слезогонки лицо, воспаленные глаза, разбитые губы.

Нонки-охранницы сноровисто построили всех пленников: дюжину парней из команды Квайла, самого Вилли, Снайпера, Гризли да Алика с Капитаном — семнадцать человек. У всех, кроме экс-гонщиков, почему-то — Гризли и еще лежавшего в стөроне Богдана, были связаны за спиной руки.

Встретили их нонки в коричневом комбинезоне и несколько пар близнецов в таких же, но с синими рукавами и штанинами, среди них и знакомые белокурые двойняшки.

— Добро пожаловать, Вилли! Ты — последний из Квайлов, кто разгуливал на свободе.

Вилли вздрогнул:

— Врешь, Шелли...

— Род Квайл приветствует тебя из своей камеры.

Вилли сразу сник. Нонки-предводительница вдруг обратилась к Капитану:

— Отлично, ребята, поработали на славу. Спасибо.

У Алика отвисла челюсть — она давала понять Квайлу, что они, Малыш и Капитан, заодно с нонки. Какое коварство! Алик задохнулся от гнева, готовый кинуться на бестию в коричневом.

— Вилли, она лжет. Мы ни о чем не знали, — сказал Капитан уныло, ни на что особенно не надеясь.

Алик все же ударил, хлестко, изо всех сил. Но его встретили пустота и молниеносный тычок в затылок. А потом — твердые булыжники, что секунду назад были под ногами.

Шелли на миг замерла в стойке, потом медленно опустила руки. Алика подобрали охранницы и унесли в здание.

Квайл, угрюмо наблюдавший за всем этим, тихо произнес, скривив разбитые губы:

— Брось, Шелли, они же желторотые. Скажи лучше, чем Богдана накачали. Морфием?

— Неважно, — ничуть не смутилась нонки, — скоро и он к вам присоединится. А тебе советую вспомнить все об Отражениях.

Она повернулась, бросив через плечо: «Обыскать всех и к допросу!» — и вместе со свитой исчезла в подъезде. Пленников обшаривали и по одному уводили туда же.

Очнулся Алик на теплом линолеуме. Под головой лежало что-то мягкое, оказалось — остатки капитанской футболки.

— Жив? — заботливо спросил Капитан.

Алик вздрогнул — теперь напарник был одет в черный комбинезон нонки. Ничего другого не нашлось, что ли?

Под пятиугольным потолком бессмысленно белели лампы дневного света.

— Очнулся, — сказал Капитан обернувшись.

Алик приподнялся. В комнате, кроме Капитана, находились Квайл, Снайпер, Гризли и Богдан. Ближе к дальнему углу пятиугольной комнаты стоял стол, рядом — высокий вертящийся табурет. На столе, хищно изогнув шею, застыла металлическая лампа. Обыкновенная настольная лампа, каких в мире миллионы.

Дверь располагалась точно посередине одной из стен; Алик лежал неподалеку. На стене выделялся мастерский рисунок, непонятно чем выполненный, во всяком случае не красками. Глаза. Огромные, гипнотические. Бездонные. Хотелось утонуть в них, глядеть, не отрываясь.

Между глазами — двери. Запертые.

Капитан стоял рядом с Аликом на коленях.

— Ты как, Малыш?

Алик прислушался к себе:

— Нормально.

На самом деле голова сильно болела, особенно разбитый лоб. Но стоит ли расстраивать Капитана?

— Нормально, Кэп. Встаю.

Он и правда встал.

Почему комната пятиугольная?

Гризли привалился к стене недалеко от правого Глаза. Квайл взгромоздился на стол, игнорируя табурет-вертушку. Богдан, неловко выпростав раненую ногу, лежал в центре, на бледном его лице блуждала потусторонняя улыбка. Снайпер, невнятно что-то бормоча, кружил по периметру комнаты, словно взбесившийся спутник, то ускоряя шаг, то замедляя.

— Где мы? — поинтересовался Алик.

— Все там же, — зло буркнул Вилли.

Капитан ободряюще похлопал Алика по плечу:

— У нонки, Малыш. Скоро будет допрос.

Ободрил, нечего сказать!

Мимо сомнамбулой прошаркал Снайпер, и Алик наконец понял, что именно тот бормочет.

— Отвертку... Отвертку...

Малыш потряс гудящей головой, ничего не сообщая. Что происходит? Как долго он провалялся без сознания? Все задерганные, злые, нервные...

— Зачем отвертку? — безнадежно спросил он Снайпера.

— Зачем? — остановился тот резко, будто якорь бросил. Взглянул на Малыша — бессмысленно, отсутствующе. Алик попятился. И вдруг Снайпер, схватив его за руку, увлек за собой к одной из стен, прилегающих к дальнему углу.

Посреди стены, разделяя ее надвое, тянулась резиновая полоса, тоже разделенная по вертикали пополам тоненькой черточкой. Более всего это напоминало закрытые двери поезда метро или электрички. Такие же «двери» виднелись и на другой, прилегающей к дальнему углу стене.

— Что это, по-твоему? — Снайпер указал пальцем на резину.

Алик еще раз добросовестно изучил стык. Голова раскалывалась.

— Раздвижная дверь?

— Именно! — воздел руки Снайпер.

«Неужели откроет с помощью одной лишь отвертки?» — усомнился Алик. Пригнано на совесть, плотно, планария не просочится.

— На, держи! Пойдет? — протянул Снайперу десантный нож-стропорез, память о службе.

Алик не знал, что был единственным, кого нонки не обыскивали, потому что унесли чуть раньше, чем остальных. А люди Квайла, когда искали маяк-предатель, нож почему-то не отобрали.

Снайпер схватил тяжелую ладную рукоятку. Толкнул язычок. Лезвие, сухо шелкнув, вырвалось на свободу.

— Хо! — Снайпер преисполнился восторга.

Сначала Алик решил, что он ковыряет стену. Однако, присмотревшись, сообразил: Снайпер пытается поддеть небольшую прямоугольную крышку, почти неразличимую на гладкой серой поверхности.

Щелчок! Крохотная, с почтовый конверт, крышка-дверца откинулась на миниатюрных петлях. Внутри контакты, провода, клеммы, рисунок с черепом и молниями...

— Осторожнее, Снайпер!

Это голос Вилли.

Ослепительная синяя искра, треск. Крик Снайпера, отброшенного в сторону. Гаснет верхний свет, зато вспыхивает лампа на столе. Светит она прямо в глаза, нарисованные на противоположной стене. Нож намертво приварился в нише, закоротив два контакта.

Легкий шум сервомоторов — двери разъехались в стороны. Сработало-таки, молодец Снайпер!

— Бог ты мой! — просипел Гризли, подавшись вперед всем телом.

Это вовсе не двери! Это нечто вроде жалюзи, закрывающих два огромных, во всю стену, зеркала! Теперь дальний угол образовывали две гигантские серебристые плоскости.

Вилли вытянул палец и беспомощно прошептал:

— Отражения...

Алик обернулся — Капитан стоял между Глаз, скрестив руки на груди. Малыш бросился к нему, потряс:

— Кэп, это Отражения! «Завет» не врал!

Андрей поморщился. Малыш всегда очень спешил: со словами, с выводами, с оценками...

Отпустив Капитана, Алик вновь бросил взгляд на зеркала. Слепила яркая лампа. Где там верные очки?

Два зеркальных овала прикрыли уставшие глаза Алика. Комната погрузилась в полумрак, лишь тремя восклицательными знаками светили три огня: лампа и два ее отражения. Несколько шагов вперед, и огней стало много, целая вереница, уходящая в бесконечность, в глубь каждого из зеркал.

Вилли Квайл ошарашенно уставился на Алика, скрывшего глаза под зеркальными «сейковскими» очками.

— Отражения... — тупо повторил он, на этот раз указав пальцем на Алика. Очки немного исказили, и в них отражалась не слепящая точка, а вытянутый ромб.

Алик захлебнулся неясным восторгом. Происходило что-то захватывающее. Отражения!

Он опустил на табурет.

Свет лампы ударил в стекла очков, отразился; упал на зеркала, еще раз отразился; застыл светлыми зайчиками на дальней стене, рядом с Глазами.

И тут Капитан все понял. Схема в конце «Завета»! Пятиугольник — это комната. «W» — лучи света. От лампы к стеклам очков, от стекол — к зеркальным стенам. А две линии, делящие пятиугольник на части, — это продолжение, отраженные от больших зеркал лучи. Свет отразился четырежды, от двух стекол и от двух зеркал, как и гласил «Завет». Предназначение выполнено.

В углу стонал Снайпер, его здорово дернуло током. Свершилось! Свершилось ли?

Движимый неясной догадкой, Капитан обернулся — Глаза невозмутимо таращились на происходящее, чернота клубилась в зрачках.

Загремел ключ в замке — открывалась настоящая дверь.

И тогда Капитан прыгнул, боясь, что может не успеть. Толкнул Малыша в спину, обернулся.

Медленно, как во сне, Алик подался вперед, к лампе, изменив угол отражения. Зайчики на стене ожили, поползли к нарисованным Глазам. Ну! Ну же, Малыш!

Дверь открылась, на пороге возникли Шелли и свора нонки-охранниц. Но поздно: светлые пятна зайчиков совместились с темными провалами зрачков.

Почему-то Капитан был уверен, что сделать это должны были они, а не нонки.

С В Е Р Ш И Л О С Ъ!

Глаза подернулись туманом и мигнули. Стало очень светло.

Нонки, побросав автоматы, прямо у порога опустились на колени.

С В Е Р Ш И Л О С Ъ!

Город, невообразимо огромный блин на теле Земли, вздрогнул, пошел могучей волной и скомкался. Встал дыбом асфальт, не ломаясь, гнулись свечи сотных зданий и тоже не ломались, словно мир состоял из пластилина. Город вздрогнул еще раз и свернулся в морщинистый клубок, словно исполинский еж.

Потом воцарилась тьма: ком Города отделился от планеты под названием Земля и нырнул в щель-складку в том, что люди именуют трехмерным пространством.

Замер. И стал стремительно распухать посреди громадного Нигде.

А потом вывалился назад через другую щель. Не было больше Города-призрака, бродяги планетного.

Рассекая межзвездную пыль, неслась в бескрайнем космосе Планета-призрак, бродяга Вселенной, ловушка для звездолетов. То-Что-Стало-После-Города начало свой путь. Что станет после? Система-призрак? Звезда-призрак? Галактика-призрак?

Подождите. Планета только начала путь на очередной ступени. Вместе с Квайлами, нонки, Аликом, Капитаном и всеми, кто населял канувший в прошлое Город, вместе с «Заветом», выросшим на одну главу в ожидании нового Сверхшения и новых Отражений. Кто знает, как они будут выглядеть? Никто.

Пока — никто.

Эпилог

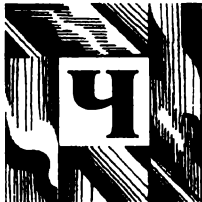
Пришло время, и как-то на ночную сторону Планеты опустился очередной заплутавший звездолет. Небольшая трехместная посудина, сбившаяся с курса, лидер престижной межзвездной регаты.

Он сел на пустынной площади. В сверкающей полированной обшивке четко отражались огни уличных фонарей.

*Январь 1990 — октябрь 1991
Николаев — Киев — Николаев*

ХИРУРГИ

0

то может быть обиднее? Судите сами: 31 декабря, время — 23.45, вас ждут у новогоднего стола, правда, на другом конце города, куда на тачке пилить не менее получаса, а все машины, редкие, как оазисы в Сахаре (не психи же они — праздник!), проскакивают мимо, обдав морозным ветром и выхлопом.

На город валились рыхлые хлопья белого до умопомрачения снега. Окна унылых девятиэтажек освещались бликами елочной иллюминации или просто тривиальными лампочками малопочитаемого ныне Ильича. Отовсюду доносились обрывки музыки, смех и, казалось, даже звон бокалов.

Мимо на бешеной скорости промчался приземистый «жигуленок». Отчаянно махавшую рукой Ольшу водитель проигнорировал. Можно было обругать его, но смысл?

Ольша зло подышала на ладонь, замерзшую, несмотря на двойную варежку, Риткин подарок. Все, пропал праздник...

В тот же миг с проспекта, разгоняя мутную полутьму новогодней ночи, вывернула еще одна машина. Олыша без особой надежды воздела руку.

Гляди-ка, притормозил!

Олыша рванулась к машине. Странная тачка, вместо фар — сплошная светящаяся полоса над бампером. Иномарка, наверное. Олыша пригляделась.

Точно, иномарка. Отдаленно смахивает на сорок первый «москвич», но не более, чем этот же «москвич» на пристойный автомобиль.

Дверь уползла вверх, на крышу, но Олыше уже некогда было удивляться. Мало ли чего напридумают проклятые буржуи!

— Шеф, на Намыв, полста, если за полчаса докатишь!

За рулем сидел невыразительный парень в зеркальных очках. Это зимой-то!

«Сейчас он заявит, что ему в Соляные!» — решила Олыша. Но парень качнул головой: «Залезай, мол!» Олыша, взглянув на часики (23.45), уселась рядом. Шофер тронул что-то справа от руля, и дверь тихо встала на место. Приборов и циферблатов в машине было больше, чем привык видеть бывший советский человек.

Автомобиль мягко скользнул вперед.

— Пристегнись, — негромко попросил парень.

Олыша насмешливо уставилась на него. Зеркальные очки раздражали.

— Что, автоинспекции боишься? Они уже пьяные давно...

— Пристегнись, — не меняя тона повторил парень.

Олыша решила не спорить — еще упрется и высадит. Ремень безопасности сухо щелкнул, сам собой выбрал слабину, принайтовав ее к креслу, удобному, как и все заграничное.

А парень вдруг развернулся и, утопив акселератор, погнал машину совсем в другую сторону.

— Э! Нам не туда! — сказала Олыша. Стало страшно. «Вляпалась!» — решила она.

Парень, не глядя на нее, ответил:

— Помалкивай.

Ольшу вдавило в кресло. Машина почему-то задрала капот, потом завалилась набок, скользнула меж троллейбусных проводов и взмыла, словно самолет. Земные огни провалились вниз.

Ольша вцепилась в дверную ручку. Мысли расплзлись и попрыгали. Так ведь не бывает!

Плавно развернувшись, парень повел машину (или что там?) прямо на Намыв, над рекой. Ольша затравленно глянула назад — за стеклом плясало неистовое малиновое пламя. И было очень тихо, ни гудения, ни рокота, словно двигатель вообще не работал.

«Ракета? — подумала она, чувствуя себя полной идиоткой. — Бред ведь собачий!!»

Справа и внизу угадывались очертания порта. Город сверху напоминал рой разноцветных светляков. Плясавшие за стеклами снежинки придавали ощущение сказки.

На Намыв (точнее — над Намыв) они ворвались спустя семь минут.

— Какой дом? — спросил парень вполне буднично, что-то переключая на панели управления.

Неким непостижимым образом Ольше удалось объяснить. Парень кивнул, взявшись за руль обеими руками, — до сих пор он руля вообще минуты две не трогал.

— Седьмой этаж, — добавила Ольша неизвестно зачем. Наверное, вспомнила старый новогодний фильм.

— Подать к балкону? — ехидно осведомился шофер (или пилот?).

Пришлось указать и балкон. Чудо-машина зависла ровень с перилами. Снова сама собой отворилась дверца.

Ольша медлила.

— Слушай, — сказала она, — ты, часом, не Новый год?

В голове имела место совершеннейшая каша.

— Нет, — ответил парень серьезно. — Вытряхивайся. Денег не надо.

Кое-как Ольша перебралась на балкон, уже там сообразив, что забыла отстегнуться. Но удивляться не осталось сил. Тряхнув головой, в последний раз заглянула в машину.

— Я тебя еще увижу? — спросила зачем-то.

Парень долго, секунд пять, глядел на нее, потом вдруг снял очки.

— Возможно.

Лицо его Ольша запомнила накрепко.

Дверь плавно встала на место, чудо-машина, слегка накренившись, отвалила от балкона и рванулась ввысь, задирая капот к звездам. Казалось, она так и уйдет, затеряется среди мерцающих небесных огней и пропадет из виду. Колеса у нее были почему-то горизонтально, под днищем.

«Бек ту зе фьуче...» — пробормотала Ольша. Приди после такого в себя!

Сверху сыпал и сыпал пушистый новогодний снег. На балконе было холодно и неудобно; Ольша легонько постучала в заиндевшее стекло. Дверь отворилась.

Компания за столом дружно отвесила челюсти.

— Ольша? — не своим голосом спросил Юра-Панкрат. — Ты откуда?

— С неба, — вздохнула Ольша и вошла одновременно с первым ударом курантов. — Это ничего, что я не в дверь?

Невзирая на общее замешательство, шампанское все же откупорили, и Ольша, как была, в пальто и варежках, опустошила бокал.

— С Новым годом!

1

Июнь поливал морское побережье плотным, изнуряющим зноем. Песок накалился до того, что обжигал босые ноги. Нескончаемый коблевский пляж кишел загорелыми телами, надувной резиной, цветастой

материей над ажурными металлическими грибка-ми. Все, кто еще не одурел от солнца, плавилась у прибоя или мокли в горько-соленом месиве среди посиневших от долгого купания детишек и сизых от рождения медуз. Большинство пряталось в тень. Над морем плясали призраки: до того прогрелся воздух.

Ольша томно потянулась и ойкнула, ненароком коснувшись песка. Глеб с Юрой-Панкратом, как по команде, подняли головы.

— Граждане! — сказала Ольша. — Я кипю, шипю и пузырюсь.

Фраза была ритуальной. Перед купанием ее обязательно кто-нибудь произносил.

Море не принесло желанного облегчения. Возникла весьма здравая идея сходить за пивом. Тут же и выступили.

За первой шеренгой пансионатов, старых, еще старорежимных, тянулась асфальтовая лента дороги, рассекая надвое узкую полосу сосновой посадки. По дороге сновали курортники и редкие автомобили. Навстречу попало несколько счастливых компаний, бережно несущих полные бутылки (канистры, фляги, графины...). Значит, пиво наличествовало. У первой же компании выяснили, где именно, — у «Ракеты». В принципе, баночное пиво постоянно водилось в любой кафешке, но большинство отдыхающих предпочитало бочковое, потому как изрядно дешевле.

На Ольшу и Ритку все пялились: мужики голодно, женщины — с завистью. Девчонки давно привыкли. Нельзя сказать, что Глеб с Юриком особо радовались этому, однако вид оба сохраняли гордый и снисходительный. Кому не станет приятно, когда рядом шагает симпатичная девчонка с лицом и фигурой голливудской кинозвезды, загорелая до бронзы, а ты еще вдобавок точно знаешь, что она не полная дура, как большинство красавиц, но и не дремучая интел-

лектуалка, скучная и занудливая? Пока ребята, пристроившись в очередь, ожидали живительной пенной влаги, Олыша с Риткой сунулись в кафе-стекляшку здесь же, у «Ракеты». Посетителей было немного, всего с десяток. Последнее время подобных стекляшек развелось по всему побережью без счета, не то что пять лет назад. Несмотря на внушительное количество курортников, очереди у стоек кафе и баров как-то сами собой рассосались. Да и цены многих устрашали: мороженое — пятерка, стакан «Массандры» — двадцатник, а банка паршивого баварского пива — сорок гривн!

Олыша скользнула глазами по уставленным разноцветными и разнокалиберными бутылочками полкам. Кола, оранж, лайм, «Траминер», «Гратиешты», красная «Варна», мускат «Ливадия», «Южное игристое»... еще сухенькое что-то, кажется феодосийский «Сильванер». Четыре сорта пива плюс николаевское бутылочное. Ритка рылась в сумочке-ксивнике, носимой на поясе.

И тут что-то заставило Олышу обернуться, странный зуд между лопатками, словно в спину ей уперся тяжелый, внимательный взгляд. Открытая дверь сияла в полутьме стекляшки ослепительным восклицательным знаком. Подкатила серо-зеленая иномарка, поблескивая и искрясь в лучах солнца. Мутные тонированные стекла не позволяли разглядеть сидящих в салоне.

Закругленная дверца машины знакомо уползла вверх, на крышу. У Олыши захватило дух. Дальнейшее происходило словно в замедленном кино.

Вышли двое — одинаково рослые, загорелые, в сланцах-вьетнамках, истертых шортах, легкомысленных майках с трафаретными ухмыляющимися рожками, озорных панамках-колокольчиках вызывающе красного цвета и одинаковых зеркальных очках.

Ритка, застывшая у стойки, машинально посторожилась. Бармен угодливо заулыбался:

— Привет, ребята! Как обычно?

— Ага... — отозвался один из парней, поправив очки, и осекся: — О! Мускат! Ящик!

Бармен свистнул подручным; ящик вина и две упаковки пива тут же вынесли и погрузили в машину.

— Ну и здесь по бутылочке... — вздохнул второй.

Две запотевших «Дак Гессер» вкрадчиво возникли на стойке.

— Три шестьсот, — объявил бармен.

На стойку шлепнулись восемь кредиток по пятьсот гривн с лихим гетманом Петром Сагайдачным. Бармен сгреб все и рассыпался в благодарностях. О сдаче речь, видимо, не шла.

Второй парень стянул очки, и Ольша убедилась, что именно он подвозил ее к Глебу в новогоднюю ночь.

— Привет, — сказала Ольша улыбнувшись и шагнула вперед. — Ты меня помнишь?

Парень прищурился и посмотрел в ее сторону.

— Ну, привет...

На стойку легла еще одна кредитка.

— Хью, выдай им чего попросят...

Одинаковым движением парни вернули пустые бутылки на стойку, переглянулись и вышли из кафе. Дверцы машины плавно встали на место, и серо-зеленое искрящееся чудо унеслось в сторону молдавских баз.

Ольша потерянно глядела вслед. Зато Ритка не растерялась:

— Два муската и по мороженому!

Бармен мигом соорудил в белых пластиковых вазочках две маленькие зимы с сиропом и шоколадом, а бутылки с вином заботливо упаковал в плетеную корзинку с затейливой ручкой. Сдачу: требовать не решилась даже Ритка.

Девушки заняли дальний столик. Ольша не могла прийти в себя.

— Кто это, Оль? — Любопытство Ритки нетрудно было понять. Но вот попробуй ответить на этот простой вопрос!

Ольша вздохнула:

— Еще не знаю. Помнишь Новый год? Когда я с балкона заявила?

Ритка кивнула. Ольшиной истории с летающей машиной никто, конечно же, не поверил. А придумать она ничего не смогла. Да и не пыталась.

Ольша сонно ковырялась в мороженом. Узнал ее тот парень? Или просто кинул кредитку, чтоб отвязаться?

Этот вопрос мучил ее два последующих дня.

Чудо-машину она снова увидела ранним утром. На «Черноморце», у телефонов межгорода. Большинство курортников еще спало, несколько жаворонков торопливо похмелялись в буфете. Жестяные ведра громкоговорителей уныло разразились новостями.

Ольшин знакомый стоял, привалившись плечом к окрашенной в бодро-зеленый цвет будке; его приятель звонил, нервно постукивая свободной монеткой по стеклу.

Сердце почему-то заколотилось сильнее, Ольша удивилась и рассердилась одновременно. Вскинула голову, подошла поближе.

— Привет!

Парень склонил голову. Выражение его глаз осталось невыясненным: очки он, видимо, снимал лишь в исключительных случаях.

— Ты помнишь новогоднюю ночь? Машину, поданную к балкону?

Две зеркальные капли продолжали отражать Ольшу.

— Ну?

— Я верила, что мы еще встретимся.

Парень пожал плечами без следов выражения на лице. Это было до жути странно, лицо вообще без выражения!

— Это та самая машина? — спросила Ольша, чтобы не молчать.

Парень ответить не успел; его дружок повесил трубку и обернулся, оценивающе разглядывая Ольшу. Впрочем, смотрел он вполне дружелюбно, без цинизма.

Ольша смутилась; смутилась до того, что уронила книгу, которую читала с утра. Ветер зашелестел страницами, мягкой лапой вытащил закладку — мгновенную фотографию. С неделю назад пристал к Ольше какой-то заезжий монстр-воротила. В ресторан водил, сфотографироваться вместе заставил. Насилу отвязалась. А потом вместо закладки фото это под руку подвернулось.

Ольша присела одновременно с парнем. Тот подобрал книгу, мельком взглянул на фото...

И замер.

— Ты его знаешь?

Ольша растерялась.

— Немного...

— Где живет?

— В «Лазурном»...

— Поехали!

Ольшу бережно взяли за локоть.

В салоне было прохладно, пахло перегретой пластмассой и ландышами. Днем панель управления выглядела не менее загадочно, чем в ту памятную ночь.

— Как тебя зовут?

— Ольша...

Бесшумно развернувшись, машина устремилась к воротам по узкой аллее.

Ольша набралась храбрости:

— А вас как?

Знакомый парень с готовностью ответил:

— Я — Сеня. Сеня Бисмарк. А это — Енот.

— Енот? — не поняла Ольша.

Сеня рассмеялся:

— Это прозвище. Вообще его Олегом кличут.

За окном шелестел горячий ветер, мелькали сосны и курортники.

Ворота в «Лазурный» охранялись заржавленным амбарным замком. Сеня притормозил и выскользнул наружу. Ольше помог выйти Енот. Дверцы, слабо клацнув, опустились и закупирили машину.

— Пошли!

Енот тащил Олышу за руку, Сеня нетерпеливо семенил рядом.

— Какой корпус?

Олыша все больше терялась.

— Вон тот...

— Как этот тип себя назвал?

— Боря... Борис Завгородний...

Войдя в корпус, Сеня с Енотом вмиг утратили суетливость: ни дать ни взять — два лентяя забрели в гости к знакомой девушке. Даже настырная сухопарая кастелянша лишь едва повела носом в их сторону.

Завгороднего в номере не было. На стук никто не ответил, зато за спинами возникли двое гориллоподобных шестерок Завгороднего — Олыша часто их замечала, когда ее обхаживал этот делегата.

— Кого ищем?

В голосах сквозила ленивая надменность. Сеня и Енот явно уступали гориллам в силе.

Дальнейшее произошло очень быстро. Енот помедвежьи переступил с ноги на ногу: «Топ-топ!» Движение было совершенно не боевым, Олыша даже назвала бы его уютным. Однако один из громил с размаху въехал в стену и затих, рухнув на линолеум. Второй принял красивую стойку.

«Х-хех!»

Нога, словно пушечное ядро, летела Еноту прямо в грудь. «Топ-топ!» — Енот снова потоптался на месте. Он не бил и не отбивал удар!! Тем не менее второй оппонент-каратэка головой вперед улетел вдоль по коридору, причем ноги его болтались

существенно выше головы. Он тоже так и не поднялся.

Сеня за это время открыл номер Завгороднего — именно открыл, а не взломал. Олыша застыла на пороге, Сеня с Енотом быстро и профессионально обшарили обе комнаты, ванную. Если они чего и искали, в этот раз не нашли.

Дверь Сеня за собой запер. Чем — Олыша не рассмотрела. Она ощущала себя втянутой в какую-то чудовищную игру.

Немного отошла она только в машине. За руль сел Енот. Ее привезли в уютный маленький коттедж на самой границе молдавских баз. На веранде спал еще один парень — если не близнец Сени с Енотом, то, по крайней мере, двоюродный брат.

— Это Паха Толстый. С ним лучше не заговаривать, ясно?

Парень был совсем не толстый. Наоборот, поджарый и подтянутый, как Енот или Сеня.

В комнате хозяйничала благодатная прохлада. Виной этому служил небольшой импортный кондиционер.

— Пить будешь? — спросил Енот вполне буднично, кивая одновременно на просторное заманчивое кресло.

— Буду! — храбро ответила Олыша и ухнула в податливую бараканную глубину. Кресло и она, похоже, создавались специально друг для друга. Ребят этих она бояться перестала. Если что — все равно ведь достанут. Из-под земли. Да и вообще — интерес к ней возник, только когда выяснилось, что она знакома с Завгородним, чисто деловой интерес. А пить согласилась, памятуя о ящике муската — вчера они приговорили обе бутылки с Глебом, Юриком и Риткой и нашли сей напиток весьма замечательным.

Впрочем, Енот извлек на свет божий бутылку «Еким Кара». Рубиновая жидкость темнела в старомодной пыльной посудине.

— Солнечная долина, урожай 57-го года. Цени!

На дне бутылки скопился слой похожего на рыжий лишайник осадка. «Ну их, эти проблемы!» — зло подумала Ольша и взяла протянутый бокал.

2

Следующий фокус компания Сени Бисмарка выкинула наутро. Ольшу никто пальцем не тронул, хотя сначала она полагала, что ее пытаются напоить, ибо за «Черным доктором» последовали не менее пыльные и выдержанные бутылки южнобережного «Токая» и «Кагора», а потом казахского фиолетового муската какого-то особого, элитного разлива.

Ольша проснулась в том самом чудном кресле (оно незаметно трансформировалось в диван), укрытая пушистым клетчатым пледом. В углу на голом матрасе посапывал Енот.

На улице буянило июньское солнце; с каждым часом укорачивались и без того куцые тени. Сеня в позе лотоса сидел на капоте машины.

— Доброе утро, мистер йог! Вам не горячо на железе-то?

Сеня не шевелился, уставившись в пустоту. На веранде бессовестно дрых Паха Толстый. Кажется, он так и не просыпался со вчерашнего дня. В винопитии он тоже не участвовал, а когда Ольша спросила почему, Сеня с Енотом рассмеялись и сказали: «Ему не нужно...»

Когда наконец все проснулись, ни о чем, кроме завтрака, поговорить не удавалось. Сеня заикнулся о корейском ресторанчике на «Дельфине», за что и был посажен на место шофера.

Ольша устроилась рядом. Странно: раньше она не замечала, что не только буквы, но и цифры на шкалах приборов были чужими. Даже не римскими. Ольша никогда прежде не встречала таких знаков.

Спидометр, например, делился на шесть секторов, каждый сектор — на шесть делений. Что означали угловатые символы у каждого сектора, оставалось только догадываться. Километры? Мили? Лиги?

— Сеня, просвети меня, темную. Это чья машина? Штатовская? Или японческая?

— Гианская, — ответил Сеня совершенно серьезно. — Называется «Аз-Б'ат». «Северный ветер» по-вашему.

— Гианская? — Ольша наморщила лоб. — Это в Африке, небось?

— В созвездии Змееносца.

— Шутить изволите?

Сеня пожал плечами:

— Отнюдь...

Завизжали тормоза. На дороге, вытянув руку вперед, стоял один из громил Завгороднего. Ольша, притянутая ремнями к креслу, слабо ойкнула.

Автомобиль врос в асфальт у самого колена громилы, бампер едва не касался вареной штанины.

— Толстый, разберись, — поморщился Сеня.

Паха неторопливо вылез из машины и достал винчестер. Знаете, такая пушка, ствол калибром со средний огурец, а затвор там, где цевье. Ольша такие только по видикам знала. Где Паха прятал эдакую махину, осталось загадкой. Не под футболкой же?

Громила, увидев винчестер, смутился. Курортники, которых угораздило именно в этот момент проходить мимо, торопливо рассасывались кто куда.

На лице Пахи красноречиво цвел единственный вопрос: «Ну?»

Сзади подъехали две «Самары», из них полезли угрюмые плечистые субъекты. Шестеро. Еще трое показали из ворот ближайшей базы. Для вящей солидности им очень не хватало бейсбольных бит.

Ольше стало весьма неуютно.

— Гм! — сказал Сеня несколько озадаченно. — Болваны.

И выбрался наружу. Енот — тоже. В руке его зачернел большой пистолет а-ля «Кольт-Магнум».

«Боже мой! — похолодела Ольша. — Куда же я, дура, влезла?»

Вид оружия оппонентов слегка охладил, однако вряд ли испугал.

— Где Завгородний? — жестко спросил Сеня, видимо, не желая упускать инициативу.

Громилы переглянулись.

— Спрячь пушку, — предложил один. — Потолкуем.

— Толкуй, — согласился Сеня, но пушку не спрятал.

Их взяли в кольцо. Счет десять-три внушал Ольше серьезные опасения насчет исхода конфликта. Очень хотелось стать прозрачной. Впрочем, оставалось только крепче вжиматься в кресло.

— Кто вы такие? Кому служите?

— Не твое собачье дело, — чуть ли не беспечно ответил Сеня.

— Хамишь, — констатировал громила-предводитель. — Накажем.

Сеня неожиданно легко согласился:

— Валяй, наказывай.

И шепнул негромко Еноту:

— Гэр орми?

— Туу, — был ответ.

В ту же секунду трое из оцепления сноровисто извлекли оружие, но сделать ничего не успели: сверкнуло ярче солнца, и все трое рассыпались черным бархатистым пеплом, а пистолеты багровыми, раскаленными комками медленно вязли в асфальте, окутываясь едким дымом.

Уцелевшие громилы ошалело переглядывались. Их осталось семеро. Ольша испуганно хлопала глазами. Она могла поклясться: ни Сеня, ни Паха, ни Енот не применяли своего оружия. Сияние обрушилось на громил сверху, из выцветшей голубизны неба.

— Ну их к дьяволу, — снова по-русски сказал Енот. — Поехали.

Сеня тут же спрятал свой пистолет и сел за руль. Енот полез на заднее сиденье.

— Э-э! — запротестовал громила-предводитель. — Постойте!

Паха Толстый хладнокровно поднял винчестер.

«Ду-дут!»

Громилу швырнуло на пыльный асфальт. Вместо головы у него стало сплошное кровавое месиво. Олыша схватилась за щеки, чувствуя, как к горлу подступает противный ком.

С хрустом передернув затвор, Паха сел в машину и захлопнул дверцу резким, сверху вниз, движением. Винчестера у него в руках уже не было — спрятал. Куда — непонятно.

Верзила застыли кто где стоял, словно дожидались звона прыгающей по асфальту гильзы — логического завершения эпизода, которого действительно не хватало.

В этот день коблевский асфальт впитал в себя много: кровь, пепел и три куска железа, бывшие некогда пистолетами. Впрочем, пепел быстро развеялся на ветру.

3

Завтрак в ресторанчике совершенно не отложился у Олыши в памяти. Сеня и Енот жевали куксу как ни в чем не бывало. Паха почему-то остался в машине — его товарищи сказали, что «ему не обязательно».

Насытившись, заказали вина и долго сидели в полутьме зала. Сеня с Енотом явно не торопились, потягивая коллекционный херес, и тихо беседовали, кажется, не по-русски. Олыша помалкивала. А что оставалось? Спутники ее церемониться не привыкли, если судить по последним часам...

Негромко наигрывала музыка, сначала старенький «Спейс», потом Крис Ри. Ближе к обеду налегли на что-то модно-танцевальное, Олыша поморщилась: не любила она слюнявые песенки прилизанных мальчиков-шоуменов. И чего народ с них так млеет?

Она даже не заметила, что произошло: Енот вдруг вскочил и произнес отрывистую фразу, словно коротко ругнулся. Сеня оказался на ногах лишь секундой позже. Оба они мельком глянули в окно; Сеня подхватил Олышу под локоть и потащил к выходу. Енот на ходу сунул официанту веер кредиток и поспешил вослед.

У машины стояло четверо парней, один заглядывал в полуоткрытое окно и что-то втолковывал Пахе. Паха, соответственно, молчал, видимо, уже довольно давно. Парни злились.

— Эй, ребята, — с неподдельной ленцой протянул Енот. — Чего к нему пристали?

Сеня успокаивающе поглаживал Олышину ладонь, но хотелось сжаться или исчезнуть, потому что, скорее всего, сейчас снова все начнут хвататься за пистолеты и палить друг в друга.

— Клевая у вас тачка, — с нехорошей улыбочкой протянул один из парней, худощавый и длинноносый, как тапир. — Наверное, жалко будет, если кто-нить стекло раскокает. А?

— А кому мешает наше стекло? — Енот являл собой само благодущие, разве что не зевал в лицо длинноносому.

Длинноносый оскалился:

— Пойдем-ка потолкуем, умник...

— Пойдем! — даже обрадовался Енот. — Куда?

— Да вон, в тир хотя бы...

Невдалеке стоял крашенный в зеленое автобус, переделанный в пневматический тир еще при совке. Енот немедленно зашагал к полуоткрытой двери.

— И ты иди, чего уж там... — предложил длинноносый Сене. — Вместе с телкой своей...

«Гад!» — подумала Ольша и вдруг поймала себя на мысли, что злорадствует. Ибо не без оснований полагала, что ее новые знакомые сейчас разнесут автобус в клочья — и это еще в лучшем случае.

Сеня невозмутимо двинулся к тиру, по-прежнему придерживая ее за руку.

— Не бойся, — шепнул он. — Ничего они нам не сделают. Это лохи какие-то...

В тире покуривали еще двое типов, таких же неприятных, как и те, что приставали к Пахе.

— Постреляем? — предложил длинноносый, переламывая винтовку. — Кто лучше стреляет, того и тачка. Идет?

Енот молчал, выжидая чего-то. Длинноносый тем временем зарядил все пять ружей и выложил их в ряд на стойку.

— Ну так что? — повторил он. — Постреляем?

Вскинув ближайшую к себе винтовку, он выстрелил. Сухо клацнула пулька, и первая мишень — душманистого вида всадник на верблюде — закачалась, перевернутая. Второй выстрел — и из пузатой бочки с надписью «Пиво» вылез рогатый черт, сжимая трезубец.

Стрелял длинноносый неплохо: пять выстрелов, пять попаданий. При том, что он почти не целился.

— Твоя очередь, — пододвинул он жестяную коробочку из-под ваксы, наполненную пулями. — Стреляй!

— Из этих пукалок, что ли? Ну уж нет! — ответил Енот и добавил: — Паха!

Длинноносого снесло в сторону — в тир вошел Толстый и мрачно достал винчестер, со скрежетом передернул затвор. Ребята несколько присмирели.

«Ду-дут!»

Первый выстрел проделал в задней стене автобуса изрядную дыру.

«Ду-дут! Ду-дут!»

Сеня и Енот синхронно палили по мишеням из своих чудовищных пистолетов, не целясь и не меняя обойм — словно в рукоятках прятались миниатюрные фабрики патронов.

Внезапно повисшая тишина ткнулась в барабанные перепонки. Парни боязливо жались к металлическим бортам. Длинноносый, казалось, стал даже ниже ростом.

Вместо стенда с мишенями наблюдалась сплошная дыра с неровными краями, словно в злополучном автобусе разорвалась граната.

— Мы выиграли, — удовлетворенно, даже нет, радостно сказал Енот. — Пока, ребята.

И вышел. Сеня вывел истерически хохочущую Ольшу на улицу, следом шагал Паха. Ольша продолжала хохотать даже в машине, успокоившись только когда Сеня заговорил с кем-то по радио.

После Сениного разговора все веселье мигом улетучилось — Ольша уловила это безошибочно. Что-то произошло.

Енот направил «Аз-Б'ат» к почте и долго звонил по межгороду; Ольша ждала в машине вместе с Пахой. Сеня разгуливал вокруг, наверное высматривал нежелательные хвосты.

Потом они вернулись в коттедж, где ночевали. Паха тотчас же повалился спать на веранде. Сеня и Енот, оба мрачные, как ночная тайга, сели друг против друга в комнате. Ольша боязливо забилась в кресло.

— Что со мной будет? — спросила она тихо. — Я даже не спрашиваю, кто вы, лучше не знать. Но со мной-то что?

Сеня часто-часто закивал:

— Собственно, можешь не бояться. Найдем Завгороднего — и гуляй себе.

— А если не найдете?

— Найдем, — уверенно сказал Сеня. — Никуда он не денется. А тебя-то защитить мы сумеем, не

сомневайся. Раз втравили, придется защищать. А это мы можем...

Ольша вздохнула:

— Я видела...

Последствия Пахиной стрельбы до сих пор стояли перед глазами.

— Ты поспи лучше, — посоветовал Сеня мягко.

Ольша замотала головой — заснешь после такого, как же! Но Сеня вдруг протянул руку, заговорил о чем-то теплом и знакомом...

...И проснулась она только следующим утром. Ни Сени, ни Енота в комнате не было; Паха валялся на своей любимой веранде, словно манекен. Со вчерашнего дня он не двигался и вроде бы даже не дышал.

Потянувшись так, что хрустнул позвоночник, Ольша прислушалась к себе. Голова была легкой и свежей, а еще зверски хотелось есть. И не мармеладу какого-нибудь, а желательного мяса. Жареного. И побольше.

К коттеджу, жалобно скрипнув протекторами, подкатила иномарка, но не Сенина. Выскочила она из-за угла совершенно неожиданно, Ольша даже вздрогнула. Дверца уползла вверх точно так же, как и на «Северном ветре».

Взору явился парень — высокий, поджарый, естественно — в темных очках.

— Доброе утро, — поздоровался он приветливо. — Ты — Ольша, да?

Ольша кивнула:

— Где Сеня?

Ответить она не успела: Бисмарк и Енот рысцой вырвались из-за другого угла. На лицах их читалось выражение, близкое к легкой панике.

Незнакомец открыл было рот, но его перебили.

— Проблема, Артур. Они скovyрнули спутника-сторожа.

Вероятно, это было нехорошо. Ольша вспомнила, как вчера нечто из поднебесья поджаривало особо

ретивых боевиков, и сообразила, что лучше иметь над головой такого сторожа, чем не иметь.

— Не кипи, Сеня. А ты чего ждал — что они петь и плясать станут? Я бы на их месте точно так же поступил.

— Но это же война! Неприкрытая!

Говорили почему-то по-русски.

— Пойдем-ка в дом...

«Разведка! — решила Ольша. — Это западная разведка. Созвездие Змееносца, как же... Морочат голову. Вот нарвалась!»

Каким образом удрать, Ольша даже боялась представить. Да и найдут ведь наверняка — вчера Сеня так солидно обещал найти скользкого и неуловимого Завгороднего. Отыскать перепуганную девчонку не составит для подобных спецов никакого труда. Документы ее давно уже изучены — идиоты они, что ли?

Хотелось выть от страха. Ранняя смерть совсем не входила в Ольшины планы.

Тем временем эта контора совещалась, даже не пытаясь скрыть что-нибудь от Ольши.

— Завгороднего нужно брать. Перебить этих его подручных, засаду устроить...

— Не клюнет он. Да и куда мы без сторожа? Пуля-то дура, как здесь говорят.

Енот нервно барабанил пальцами по столу.

— Пахе пули не страшны.

«Это почему же? — подумала Ольша. — Железный он, что ли?»

— А может, плюнуть на соглашение? Вызовем модуль, пусть сядут, оцепят все вокруг. А? — предложил Енот, но особой уверенности в его голосе не чувствовалось.

— Не мели ерунды, — прервал его Сеня. — Настоящей войны хочешь?

— Пусти Паху с Хасаном, — не то попросил, не то приказал Артур. — Они уж отравняют всех как следует, невзирая на туземные пукалки...

«Хасану ихнему пули, по всей видимости, тоже до фени...» — растерянно решила Ольша.

— Я за Хасаном. У «Лазурного», минут через десять.

Артур тут же выскользнул.

— Пошли, — велел Сеня Ольше.

Она послушно встала, потому что перечить на ее месте осмелилась бы либо Мата Хари, либо полная дура.

— Я есть хочу... — жалобно вздохнула она.

— Пошли, пошли...

Енот взял ее за руку. Ладонь его была твердая и странно сухая. Паха вышел последним, заперев домик на ключ.

Они свернули за угол; у Сениной машины топтались двое полицейских и трое в штатском. Поодаль виднелся желто-голубой джип с мигалкой.

«Нашли убитого, и кто-то вспомнил машину, благо таких здесь больше нет», — догадалась Ольша. Почему-то казалось, что на этот раз убийств не будет.

Сеня сокрушенно вздохнул:

— Тьфу ты... Полиции как раз и не хватало...

Он нагнул голову и упрямо и независимо пошел к «Северному ветру». Ладонь легла на ручку двери.

— Минуточку, — сказал один из полицейских.

Сеня с неудовольствием обернулся. Енот невозмутимо открыл заднюю дверцу и запихнул Ольшу внутрь.

— Инспектор, у меня мало времени. — Тон Сени был вполне миролюбивым и в меру неприветливым. — Мы поедем.

— Не раньше, чем мы вас отпустим, — столь же миролюбиво и неприветливо отвечивал полицейский.

Сеня полез на рожон:

— Вот уж не собираюсь с вами трепаться.

— Ты потише, — вмешался вдруг штатский, с виду — начальник. — Ты в убийстве замешан, понял?

— Да пошел ты, — процедил Сеня с таким презрением, словно перед ним был последний подонок. — Фраер хренов. Да-да, это оскорбление при исполнении...

Штатский вспыхнул:

— Взять!

Полицейские шелохнулись, но тут Енот дважды выстрелил в полуоткрытое окно; штатский и один из полисов тяжко осели на выгоревшую траву. Сеня тем временем зарядил второму штатскому в лицо, да так, что кровь брызнула, и тут же еще одному, вроде бы ногой. И опять: Олыша готова была поклясться — так не дерутся! Движение скорее напоминало попытку устоять, сохранить равновесие.

Оставшийся полис схватился за кобуру, но Сеня потряс у его носа невесть откуда возникшим пистолетом с большим черным глушителем.

— Умолкни, приятель!

Приятель умолк, как ошпаренный. В ворота базы на полном ходу ворвался автомобиль Артура. Скрипнула резина, взвыли тормоза. Артур и еще один парень восточной наружности мигом выскочили, хлопнув дверцами.

— Перед «Лазурным» кордон, не проехать...

— Здесь тоже, — проворчал Сеня. — Зашевелились, работнички... Ладно, поехали поглядим.

Артур обозрел валяющиеся тела блюстителей порядка; уцелевший полицейский, подняв руки, опасно переминался с ноги на ногу у джипа.

— Толстый, — распорядился Сеня, — испортить им машину. И рацию не забудь.

Паха мрачно достал винчестер.

«Ду-дут!»

Хруст затвора.

«Ду-дут!»

Хруст затвора.

И так несколько раз. Он прострелил колеса и разворотил панель управления. Напоследок ткнул

полицейского, что с ужасом взирал на этот беспредел, в бок, и тот безвольно улегся рядом с разгромленным джипом.

Винчестер исчез, словно ледышка в пламени. Паха его сунул вроде бы в карман брюк. Эдакую махину — и в карман, р-раз! И все. А карманов на брюках у него просто не было, это Олыша знала точно. Несколько раз присматривалась.

Они съехали на дорогу и скользнули за ворота. У «Лазурного» и впрямь хватало полиции. Сеня с Артуром припарковались неподалеку, наблюдая за суетой у корпуса.

— Толстый, — скомандовал Сеня, и Паха послушно толкнул дверцу вверх. Вылез. Хасан тоже выбрался из машины.

Олыша вытаращила глаза. Только что Паха сидел перед ней в своих коричневых брюках, футболке и кедах, а когда ступил на асфальт, на нем уже красовалась форма лейтенанта полиции — новенькая, хрустящая, от ладных туфель до лихой кепки с кокардой-трезубцем.

Хасан был в форме сержанта.

«Дьявольщина! — Олыша до боли прикусила губу. — Эдак и впрямь придется поверить в созвездие Змееносца. Никакие шпионы-американцы не смогут переодеться быстрее чем за секунду. И потом — летающая машина. Для Земли это тоже чересчур круто. Неужели, действительно, чужаки?»

Вот теперь стало по-настоящему жутко. Олыша сжалась в комок и забилась в угол, подальше от Енота. Тот на нее даже не глянул.

В спину ей впилась какая-то рукоятка на дверце, но Олыша словно вознамерилась вжаться в тесную щель между сиденьем и обшивкой.

Спустя минуту-другую донеслись вроде бы приглушенные выстрелы. Сеня, не оборачиваясь, спросил:

— Кажется, взяли кого-то?

Енот сжал виски, посидел секунду и утвердительно замычал.

Вскоре показались Паха с Хасаном; заломив руки за спину одному из громил Завгороднего, они вели его к машинам. Полицейский из оцепления сунулся к ним, но Хасан потряс у него перед глазами блеснувшим на солнце жетоном, и тот мигом отстал, козырнул даже напоследок.

Громилу усадили в автомобиль Артура. Ольша полагала, что Сеня пожелает убраться подальше от кордона; так и произошло, правда, Ольша ждала спешки, а отъехали спустя минуту и без излишней суеты. Прокатили почти до причала и остановились в тени у парка аттракционов. Сеня с Енотом пересели к Артуру, с Ольшей остался только Паха. Он вновь нарядился в обычные свои брюки, футболку и кеды. Шорты, как Сеня и Енот, носить он почему-то не желал. Теперь она не пропустила момент переодевания: когда Паха садился в машину, полицейский мундир на мгновение приобрел зеркально-стальной цвет и в две секунды «перетек», став футболкой и брюками. Кепка словно бы расползлась и впиталась в голову, что поразило Ольшу больше всего.

Пока в машине Артура совещались, Паха молча сидел впереди, изредка тихонько постукивая ногтями по лобовому стеклу. Ольшу он начисто игнорировал.

Сеня и Енот вернулись минут через семь, ведя пленного громилу.

— Ольша, сядь вперед, — приказал Сеня, и она послушно пересела. Вообще она старательно разыгрывала паиньку, хотя подмывало рвануть от «Северного ветра» с оной же скоростью, благо место людное. Но — не решилась.

Артур с Хасаном уехали в глубь молдавской зоны; Сеня повернул назад, к кордону. Но у «Лазурного» они не задержались, покатали дальше. За «Кристаллом» Сеня притормозил.

— Проводи его, Толстый, — велел он негромко.

Паха вылез, извлек из машины громилу и мрачно достал винчестер. Как всегда — непонятно откуда. Выразительно мотнул головой. Громила неохотно углубился в посадку; сосенки, вымахавшие за три десятка лет, поглотили их, заслонив от глаз бронзовой колоннадой стволов.

Вернулся Паха один, с пустыми руками. Буквально через минуту. Спокойно сел рядом с Енотом.

— Все? — осведомился Сеня.

Паха без выражения кивнул.

Сеня нажал на газ. Асфальт, истертый тысячами босых и обутых ног, стелился под колеса; горячий полуденный воздух пел в раскрытых окнах.

— Сеня, — робко спросила Ольша, — а где тот тип?

— Паха его пристрелил, — равнодушно ответил Бисмарк. И взглянул из-под очков на Ольшу: — А что?

Ольша втянула голову в плечи.

Притормозили у «Черноморца». Ольшино сердце замерло — ее очередь? Или решили отпустить?

Нет. Сеня заглушил двигатель и повернулся к ней:

— Сейчас ты пойдешь к себе. Успокоишь Риту, ну и Глеба с Юрием, если встретишь. Бери все свои вещи и возвращайся. Понятно?

Они все про Ольшу знали. Где живет, друзей и прочее. Ну конечно, профессионалы... Стоит ли удивляться?

— Зачем? — не надеясь на ответ, спросила она. Но Сеня с готовностью объяснил:

— Завгородний ночью удрал. В Крым — в Ялту. Мы едем туда же. Немедленно.

«Так-так. Одиссея продолжается».

Ольшу провожали Енот и Паха. Ритки в домике не оказалось, но дверь была не заперта. Ольша вошла; провожатые уселись на лавочку неподалеку от входа. Енот непринужденно плел Пахе какие-то небылицы об Антарктиде.

Она почти уже собралась, когда Енот умолк на полуслове, а спустя секунду в домик ворвалась Ритка.

— Где тебя носит? — без обиняков начала она. — Что за приколы — два дня черт-те где, непонятно с кем? Я тут с ума схожу... — В голосе Ритки звучало праведное, ничем не прикрытое возмущение.

— Я еду в Ялту, — тихо сказала Ольша.

Ритка вмиг почуяла неладное.

— Кто эти двое — на лавочке? — понизив до предела голос, спросила она.

Ольша промолчала. Не говорить же — инопланетяне?

— Да объясни ты, — не унималась подруга.

— Они обещали меня отпустить.

В стену деликатно постучали, занавеска отодвинулась, и в щель просунулась, поблескивая очками, голова Енота.

— Время!

Ольша взяла сумку и, на секунду встретившись взглядом с Риткой, вышла.

Не успели они отойти и тридцати шагов, как из-за домиков показались с десятков парней; Глеб и Юра-Панкрат, понятно, сию процессию возглавляли. Этого Ольша и боялась.

— Минуточку...

Еноту и Пахе преградили путь. Кое-кого из «спасательного отряда» Ольша знала — волейболистов с НКИ, Максима Саенко, Боцмана, Вовку Наумова... Внутри что-то оборвалось: двое из созвездия Змееносца просто не умели останавливаться. Язык прилип к гортани, Ольша хотела вмешаться, но навалившееся оцепенение сковало ее, словно смирительная рубашка.

Поправив очки, Енот кивнул Пахе. Тот мрачно достал винчестер. Два негромких выстрела, заглушенных истошным Риткиным криком; с Юры-Панкрата и одного из волейболистов сорвало одинаковые желтые кепки с «кэмэлом». Ольша смертельно побледнела; но никто не падал, все продолжали стоять.

Паха наступил ногой на гильзы и спрятал свое оружие. Енот подхватил Ольшину сумку.

Ее друзей почему-то пощадили. До сих пор валяли всех неугодных направо и налево, а тут — припугнули, и все. Она никак не могла понять — почему? Не из-за нее же?

Когда Паха двинулся прочь, Ольша заметила, что гильз на асфальте уже не было.

До машины она дошла как в тумане.

4

— Если тебе что-нибудь нужно — скажи, мы купим.

Сеня небрежно вел машину и говорил с Ольшей; Енот читал свежий «Спорт-экспресс». Паха, по обыкновению, спал.

Ольша вяло кивнула. Ее спутники были мрачны, как Черное море в бурную зимнюю ночь. За исключением всегда безмятежного Пахи.

После стрельбы по кепкам они ненадолго заскочили в свой коттедж, Енот принес откуда-то две испанские пиццы, а когда с ними расправились, сразу же стартовали в Ялту. Днем летать команда Бисмарка не решилась, поэтому поехали как все, по дороге. Правда, на редкость быстро, обгоняя даже прилизанные «Мерседесы» с одесскими номерами.

Неприятности начались уже на полпути к основной трассе: слева, уткнувшись смятым капотом в штабель бетонных плит, неловко приткнулась красная машина Артура. Внутри никого не было; Сеня, связавшись с каким-то Сластом, сказал, что Артур тяжело ранен, его унес Хасан на реабилитацию. Автомобиль кто-то повредил. Грешили, конечно, на Завгороднего и его боевиков.

С этой минуты Сеня и Енот сцепили зубы и погрузились в непонятный транс — лишь за Нечаян-

ным к Ольше впервые обратились. А она все еще видела белое, как костюм теннисиста, лицо Юры Панкрата, уставившегося на ствол Пахиного винчестера. Самым парадоксальным было то, что она отказывалась воспринимать эту троицу как врагов, хотя они уже убили нескольких человек — ее, Ольшиных, соотечественников. И сопланетников. Наиболее неприятен ей был Паха Толстый. Скала, закрытая книга, запертая наглухо дверь, а ключ выброшен много лет назад неизвестно куда. От него веяло холодом и бездной. Иногда ей казалось, что это вообще не человек, а манипулятор Сени, бездушный и исполнительный. Толстый, сделай то, Толстый, убери это. Не ест, не разговаривает... Сеня с Енотом выглядели совсем обычно, как сотни и тысячи людей вокруг, если бы не их фокусы. Впрочем, это как раз не удивительно: агент не должен выделяться из толпы, иначе это мертвый агент. Закон, единый для всех планет.

— Ты что, испугалась? — спросил Сеня странно родительским тоном. С заботой, участием, что ли? Сыграть такое не всякий актер сумел бы. Ольша вопросительно уставилась на него.

— А чего вы ждали?

— Не нужно нас бояться. Мы не приносим зла людям.

Ольша зябко поежилась.

— Как же... Я видела.

Положили человек десять, и бровью никто не повел. И это называется «не приносим зла»!

— Если ты имеешь в виду боевиков Завгороднего, то их мы к людям не относим. Поднявший руку на себе подобного заслуживает лишь смерти.

— А полицейские? Они что, тоже не люди?

Сеня усмехнулся:

— Можешь не продолжать. Мол, семьи у них, жены, дети, родители... Я знаю. Но полицейских-то мы не убивали!

Он ловко добыл из-под тонкой джинсовой рубашки знакомый пистолет с набалдашником глушителя. Все-таки прятать оружие они были великие мастера.

— Это биопарализатор. Он не убивает, только обездвиживает на некоторое время. Полицейские около нашего домика давно очухались и, наверное, горюют у обломков своего «джипа».

Сеня помолчал.

— Настоящее оружие только у Пахи.

— Этот его винчестер? — спросила Ольша.

Сеня уточнил, вновь делая непроницаемое лицо:

— Если ты имеешь в виду его пушку, то она выглядит под «снайдер», а не под истинный «винчестер».

— Какая разница! — перебила Ольша. — Стреляет что снайдер, что винчестер одинаково — на смерть!

Сеня вновь умолк.

— Послушай, девочка, — сказал он после минутного раздумья. — Ваше общество больно. А когда болезнь вцепится в организм, наступает время скальпеля. Никто не плачет, когда сталь вырезает пораженные ткани. И никто не смеет называть хирурга убийцей.

Ольша в упор глядела на Сеню.

— Ваша хирургия больше смахивает на ампутацию.

— Нет, — Сеня покачал головой. — Ампутация делает человека инвалидом. А если мы пристрелим нескольких подонков, нескольких бандитов и убийц, обществу будет только лучше. Мы не собираемся оздоравливать все ваше общество — тут у вас такая помойка, что, боюсь, уже поздно. Но тем, кого эти уже не ограбят, не убьют, не унизят, — им будет лучше.

— Круто, — констатировала Ольша. — Вселенские судьбы. Но вас сюда никто не звал, между прочим, на нашу помойку.

Сеня поморщился:

— Только не говори, что мы не имеем права, и так далее. Имейем. Уничтожать тех, кто строит свое благополучие за счет других, считается долгом. Это закон всего космоса. Поэтому мы и впредь будем их уничтожать.

В голосе Сени не было злости, и это Ольша сочла главным. В чем-то он был, пожалуй, даже прав.

— А остальные? Если у вас на пути случайно встанет совершенно посторонний человек? Как мои друзья час назад?

Сеня пожал плечами:

— Сегодня ты уже могла воочию убедиться в нашей реакции на подобную ситуацию. Припугнем... В крайнем случае, — он потряс парализатором, — это. Малоприятно, конечно, зато никакого ущерба. Гарантия.

Теперь задумалась Ольша. Ловко это у вас получается, господа хирурги! Но с другой стороны, эта шваль, эти молодчики с тупыми взглядами, но с тугими мускулами получают как раз то, чего заслуживают. Диалог ведется на их языке, и пусть, черт возьми, они хоть раз, хоть перед смертью узнают, каково приходится их жертвам.

Если только Сеня не врет.

Но Ольше казалось, что он говорит правду.

— Скажи, — понизив голос, спросила она, — а почему Паха не ест и не разговаривает?

Позади деликатно захихикал Енот, шелестя газетой. Сеня тоже усмехнулся:

— Разговаривать он не может, потому что он не человек. Ну а питается он по-своему.

— Не человек? — спросила Ольша с недоумением. — Неужели робот?

— Нет. Колония кристаллических микроорганизмов, дружественных нам. Точнее, крохотная часть колонии. Они удерживают форму, подобную человеку, сохраняют видимость одежды, стреляют из

«снайдера», но на самом деле все это, вплоть до пули, вылетающей из ствола, плоть. Они могут принять вид чего угодно — хоть куста, хоть автомобиля. Когда придет время, эта часть сольется с остальной колонией. Здесь Паха всего лишь посол. Как и Хасан, кстати.

Вот они, ответы, разгадка многих тайн и нелепиц. Неуязвимость для пуль, переодевание в рекордные сроки, неведомо откуда возникающий винчестер... Или, как его там, — снайдер...

Сеня обогнал колону румынских грузовиков и вновь повернулся к Ольше, в глазах которой застыл вполне закономерный вопрос.

— Ну а мы с Енотом — обыкновенные люди. Правда, разных рас. И для нас, как и для тебя, огнестрельное оружие смертельно.

— Люди? Из созвездия Змееносца?

— Я — да, Енот — со звезды, которая имеет пока только номер в ваших астрономических каталогах. С Земли ее не видно. Это в созвездии Рыб.

— Со звезды?

— С одной из планет, конечно, — фыркнул Сеня. — Так говорят только, что со звезды. Когда ты говоришь, что ты с Украины, это не значит ведь, что ты живешь и в Киеве, и во Львове, и в Донецке?

Ольша вздохнула. Почему-то она воспринимала это как должное — словно друзья-иностранцы рассказывают о своей далекой Америке. Все равно ведь глупая девчонка там никогда не была и не будет и не отличит правду от заурядных баек.

— Что же вас сюда привело?

— На Землю? Или в Коблево?

— На Землю.

Сеня пожал плечами:

— За всеми населенными планетами ведется наблюдение. Вы не исключение.

— И везде вы занимаетесь подобной... хирургией?

Сеня с уважением взглянул на нее — совершенно непонятно почему, словно она сама дошла до некоей скрытой истины.

— Нет. Только там, где приходится вмешиваться.

— Разве у нас что-нибудь не так? — поинтересовалась Ольша с ревностью в голосе.

— Да все у вас не так! — раздраженно стукнул по баранке Сеня. — Вы стали опасны. Природу губите, себя не щадите... А оружия сколько накопили — это ж рехнуться можно! И это при том, что треть населения голодает, а еще треть едва сводит концы с концами.

Ольша жадно слушала. Наверное, она была первой из землян, кто слушал мнение о себе со стороны.

— И ведь вместе с тем удивительно способная раса! За каких-то шесть тысяч лет подняться из грязи, из дикости в космос. Но в то же время во многом так и остаться в грязи. Ваши ученые на ощупь, по наитию постигли то, до чего нам пришлось доходить столетиями, набивая без счета шишек. Мы уже устали вам поражаться. Вы начисто убили в себе экстрасенсорику — средние века, инквизиция — и тем не менее сплошь и рядом ставите наших специалистов в тупик.

Сеня умолк. Но Ольше было мало.

— Что же заставило вас вмешаться?

Сеня, не отрываясь, глядел на дорогу. Миновали Половинки — до Николаева оставалось минут десять езды.

— Погибли два наших агента. В Кobleво. Двенадцать дней назад. Как раз когда «сторож» находился в тени вашего метеоспутника, в течение всего полутора минут.

— Завгородний?

— Не лично, конечно. Но, похоже, он за этим стоит.

— А кто он? Тоже ваш? Из созвездия?

Сеня снова глянул на нее с уважением.

— Догадалась? Молодец. Нет, он не имеет отношения к нашей службе. Земля, безусловно, заинтересует любую высокоразвитую цивилизацию. Похоже, мы столкнулись с конкурентами, о которых до сих пор не подозревали. Причем ребятам пальца в рот не клади. И уступить мы не можем просто так, и на рожон не полезешь... Поди знай, кто они? А нам объявили войну пока тихую: «сторожа» сковырнули, Артура пытались устранить. Короче — незавидное положение.

— Значит, Завгородний не землянин?

— Наверное. Хотя, может, и землянин. Его могли завербовать.

— А почему вы решили, что он имеет отношение к смерти ваших агентов?

Сеня покосился на Енота.

— У одного из них сработал аварийный прибор для фиксации изображений. Вроде фотоаппарата, только миниатюрный. На последнем снимке Завгородний и один из его громил. За секунду до смерти.

Сеня тяжело вздохнул:

— Он был соотечественником Енота. Они готовились в одном центре...

Некоторое время слышался только шелест покрышек по асфальту, сильно сдобренному гудроном.

«Почему они мне все это рассказывают? — подумала Ольга и сама же себе ответила: — А чего им бояться? Мне и стукнуть-то некуда. Але, это управа безпеки? Тринадцатый отдел по борьбе с нечистой силой? У меня тут инопланетяне-разведчики. Люди — две штуки и колония кристаллических микроорганизмов — одна штука...

Заикнешься ведь — в психушку упекут. Мне даже Ритка, лучшая подруга, — и та не поверит. Отец — не поверит. Не тащить же с собой Паху с винчестером в качестве доказательства?»

Прерывая ее мысли, замигал тревожный красный огонек на пульте. Сама собой выскочила короткая

трубочка антенны, и зазвучала незнакомая речь. Сеня ответил на том же языке. Наверное, это был его родной язык. Олыша никогда не слышала ничего подобного.

Уже через минуту Сеня, не прекращая слушать, свернул с трассы и поехал пыльным проселком вдоль куцей полоски не то высокого кустарника, не то деревьев-недорослей.

Голос не умолкал ни на секунду; было в нем что-то от скороговорки темпераментного футбольного комментатора-итальянца. Непременно итальянца — никто так не захлебывается, не глотает окончаний и не тараторит, пытаясь спрессовать информацию, как горячие жители Апеннинского сапога.

Вскоре Сеня остановил машину. Антенна втянулась в приборную доску, голос умолк. Енот распахнул дверцу, выбрался и немедленно полез в багажник. Паха помогал ему доставать содержимое — несколько небольших чемоданчиков, два ящика вина да Олышину сумку. Сеня опустошал бардачок.

— Что случилось-то? — спросила Олыша на всякий случай.

Сеня выгреб стопку тысячегривных банкнот толщиной с кирпич, в карман даже не лезла. Еще две таких же он отдал Еноту.

— Ищут нас, — просветил он. — Полиция, отдел по борьбе с терроризмом. Машину срисовали, надо сменить.

«Ага, — догадалась Олыша. — Эту бросят, а на шоссе кого-нибудь тормознут. Убить не убьют, наверное, но оставят посреди дороги с разинутыми ртами, это точно».

Но, поразмыслив, решила: нет. Не станут они этого делать. Нельзя, добытая таким образом машина очень быстро станет «горячей», ибо пострадавшие немедленно сообщат в полицию. А Сене энд компани подобная реклама ни к чему. Как они умудрятся выкрутиться, Олыша даже не представляла.

Тем временем Енот с Пахой отнесли немногочисленные пожитки метров на двадцать в сторону.

— Пошли, — сказал Сеня. В руках его чернел предмет, напоминавший пульт дистанционки от видека.

Отошли к вещам; Паха уселся на ящики, Енот, скрестив руки на груди, приготовился наблюдать. Сеня открыл капот, покопался внутри и извлек черный плоский ящичек размером с дипломат. На верхней его плоскости красноречиво скалился череп с костями.

Сеня присоединился к остальным, бережно водрузив ящичек на чемоданы. Олыша нервно переминалась с ноги на ногу. Наконец на машину был направлен пульт и надавлена одна из кнопок. Сначала ничего не менялось. Потом послышался негромкий хруст, и корпус «Северного ветра» стал медленно сминаться, словно его со всех сторон сдавливал гигантский пресс. Металл обшивки пошел складками, машина сворачивалась в ком, в округлый морщинистый ком, быстро уменьшаясь в размерах, словно проваливалась внутрь себя. Последними скукожились покрышки колес.

Минут через десять все было кончено: вместо машины на укатанной дороге покоился изъеденный каньонами извилистых впадинок шарик, похожий на грецкий орех, только покрупнее. Раза в два. Пульт тихонько пискнул и высветил неяркий в свете дня красный огонек. Спустя какое-то время пульт пискнул вторично, и огонек изменил цвет на зеленый.

Енот немедленно подобрал шарик и присел у одного из чемоданов. Олыша вытянула шею, вглядываясь: в чемодане в специальных нишах таких шариков насчитывалось больше десятка.

— Что возьмем? — спросил Енот, оглянувшись на Бисмарка.

— Ммм... «Оксо», пожалуй.

Енот вынул другой шарик, неотличимый от прежнего, и отнес его на дорогу, закрыв предварительно чемодан.

Все повторилось в обратном порядке: шарик распух и превратился в новенький, сверкающий лаком автомобиль. Другой модели. Цвета мокрый асфальт.

Писк, красный огонек.

Ольша замороженно шагнула к этому четырехколесному диву.

— Куда! — схватил ее за локти Енот. — Спятила, что ли? Там же излучение!

Ольша вздрогнула:

— А здесь?

— Здесь экран... — пояснил Енот.

Вскоре на пульте зазеленел веселый разрешающий огонек. Енот сразу схватился за чемоданы, Паха — за ящики. Сеня взял «дипломат» с черепом и откинул крышку капота. Ольша подошла и глянула: никакого двигателя там не было и в помине. Пустота, словно у старорежимного «Запорожца». Но двигатель не мог располагаться и сзади, как у того же «Запорожца», — Енот с Пахой как раз грузили пожитки в багажник.

А Сеня ловко закрепил «дипломат» в специальных зажимах и подсоединил единственный разъем. Черная вязь проводков терялась в недрах корпуса.

«Эта коробка, небось, и есть двигатель», — решила Ольша. Паха с Енотом уже уселись внутрь.

Земля рядом с новорожденной машиной была теплой, Ольша чувствовала это даже сквозь пластмассовые подошвы туфель-мыльниц.

— Прощу, — пригласил Сеня, распахивая дверцу. Ольша не без удовольствия уселась: машина ей нравилась и вселяла какой-то смутный восторг. Казалось, под искрящимся металлом дремлет тугая, но покорная водителю мощь.

Сеня взялся за руль, приборы ожили, «Оксо» едва ощутимо завибрировал и приподнялся над почвой, одновременно разворачиваясь. А потом земля разом

провалилась вниз, и в кабину ворвалось неистовое солнце — до сих пор они стояли в жиденькой тени. Они уходили в неощутимую голубизну неба, оставляя под собой и проселок, и асфальтовую трассу, и близкий уже Николаев. Сеня брал курс на Крым, на Ялту. Наверное, он спешил.

— Скажи, — обратилась к нему Ольша, — а что значит «Оксо»?

Сеня, оставив руль, зевнул, прикрываясь ладонью. За него ответил Енот:

— Птица такая. Вроде орла.

5

Горы околдовывали: сплошь покрытые лесом, они напоминали уснувших ежей. С высоты на них можно было глядеть бесконечно. Впрочем, «Оксо» летел совсем низко. Внизу причудливым серпантинном вилась ниточка дороги.

Сеня выбрал момент, когда на коротком участке, зажатом между двумя крутыми поворотами, не оказалось ни одной машины, снизился, сел и как ни в чем не бывало покатыл к Ялте. При этом он очень ловко поднырнул под троллейбусные провода, царапнув днищем о макушки кипарисов. Гурзуф и Медведь-гора уже лежали позади, вскоре проехали ботанический сад и Массандру с ее новыми многоэтажками. Впереди раскинулась Ялта — шумная многоцветная Мекка курортников-толстосумов. О здешней дороговизне ходили легенды, но Ольша не смущалась: хирурги-разведчики явно не испытывали недостатка в средствах. Так что, глядишь, еще и удастся кутнуть на халяву.

Город встретил их пестрыми нарядами тысяч отдыхающих, скупо разбавленных деловитыми аборигенами. Сеня уверенно обогнул автовокзал и повел машину по Киевской, словно бывал здесь сотни раз. Енот лениво пялился в окно.

— Да-а-а... — протянул он многозначительно.

Перед площадью Сеня свернул направо и проскочил бывшую улицу Маркса, ныне Платановую, потом вырулил на Садовую, проехал под канаткой, мимо собора Александра Невского, и почти сразу снова свернул направо, на улицу Манагарова. «Оксо» шел в гору легко, без надрыва.

Они остановились у серой девятиэтажки времен горбачевской перестройки. Рядом возвышалась еще одна. Дорога, извиваясь, уходила вверх, взбираясь по склону горы. На следующем «витке» она проходила уже на уровне четвертого этажа. У единственного подъезда стояли пара «жигулей» и одна иномарка. Ольше показалось, что она тоже гианская (надо же, запомнила!). Чувствовался некий единый стиль, неповторимый и своеобразный, — и в «Северном ветре»; и в машине Артура, ныне разбитой, и в «Оксо», и в этой, цветом походившей на перезрелый лимон.

— Ага, Хасан уже тут, — с удовлетворением заметил Сеня. — Прекрасно.

Ольша вышла и сладко потянулась — тело жаждало движения. Захлопнула дверцу с видимым сожалением и погладила «Оксо» по выпуклой крыше. Идеально ровная поверхность приятно холодила руку.

— Да, замечательные у вас тачки! И, что радует, при случае легко помещаются в чемодан. По несколько штук.

Сеня серьезно кивнул:

— Мне тоже нравятся. У вас, увы, эмбриомеханика еще только зарождается как наука. Полагаю, вы быстро нас обставите, если только не передеретесь к тому времени.

Вошли в подъезд.

— Какая квартира? — спросил Енот деловито.

— Шестнадцатая. Это на четвертом.

Гудящий и скрежещущий лифт вознес их на нужный этаж. Квартира была трехкомнатная.

Их встретил высокий голубоглазый блондин — вылитый швед в представлении среднего обывателя. Первый из ЭТИХ, увиденный без очков с самого начала.

— До нэзи...

Он осекся, увидев Ольшу, и заговорил по-русски:

— Добрый день.

Сеня и Енот обменялись с ним хитрым, с зацепом, рукопожатием, Паха сдержанно кивнул и сразу ушел в комнату. В щель Ольша углядела валяющегося на диване Хасана.

«Швед» с ходу принялся докладывать, не дожидаясь, пока Сеня начнет его теревить.

— Клиент осел в гостинице «Ореанда», это недалеко, на набережной. Прибыл в девять утра.

— Чем занимался?

— Сидел в кабаке и клеился ко всем девицам напрапалую. Не без успеха, должен заметить.

«Конечно, с такими бабками... Шампанского извел, поди, не один ящик...» — подумала Ольша. Впрочем, одних только денег лично ей всегда было мало. Даже под шампанское.

Сеня вздохнул:

— Как здесь вообще?

«Швед» улыбнулся:

— Как у нас на Саните. Но в целом спокойно.

Паха с Хасаном тем временем спустились за вещами. Сеня представил голубоглазого:

— Ольша, это наш человек, зовут Римас. О тебе он все знает.

«Так уж и все», — фыркнула про себя Ольша.

«Швед», косивший под прибалта, с достоинством кивнул.

— Вот твоя комната, — продолжал Сеня, распахивая одну из дверей. — Напоминаю: если что-нибудь понадобится, тут же говори.

Паха, неслышно возникший за спинами, поставил ее сумку у кровати и вышел.

Комната Ольше понравилась. Небольшая, уютная, вся завешанная коврами, толстыми, как пуховое одеяло. Обширная, на вид весьма соблазнительная кровать в углу. Огромное зеркало. Окно, выходящее как раз на склон, — за стеклом величаво покачивались зеленые лапищи кипариса.

Пока Ольга устраивалась, в соседней комнате совещались. Из-за полуоткрытой двери отчетливо доносился густой голос Римаса:

— ...Дважды проявлялся один фрукт по имени Сергей Затока. Кто такой — неясно. Трется среди серферов у Фороса, там какой-то волногон в прошлом году запустили, они туда и сползлись со всего побережья. Приехал с дружкой на «Полосе» зеленого цвета.

— С Завгородним встречался? — Сенин голос.

— В первый раз — нет, не застал. Отсиделся в подвальчике, знаешь, рядом с канаткой, в проулке? Внизу?

— Знаю.

— Потом снова в «Ореанду» сунулся. К этому моменту Завгородний уже основательно надрался. Затока получил дипломат и тут же уехал. Содержимое — все что угодно, кроме металлических предметов. Полагаю, деньги.

— Куда он делся дальше?

— Вернулся к Форосу. За ним Кейси присматривает.

— Хорошо. Сегодня ничего не предпринимаем. Сходим в ресторан, развеемся. Вина тут неплохие, говорят. — Сеня чем-то звякал все время, должно быть ключами.

«Интересно, меня возьмут?» — подумала Ольга. Хотелось бы. Ялта, лето, ресторан...

Ее взяли. Ужин вышел на славу — уютный зал, ненавязчивый тапер на крохотной сцене, потрясающая кухня. Сеня, Енот и Римас устроили форменную дегустацию: заказали все двадцать шесть сортов вин,

имевшихся в ресторанчике. Кажется, Сеня с Енотом всерьез интересовались виноделием — официанта они просто запытали узкоспециальными вопросами. Тот вскоре прослезился и довольно дешево выкатил пыльную бутылку «Алеатико Партенит» тридцать какого-то года из личных запасов.

— Запомните, господа, это вино не делают уже полвека...

Ольша по очереди танцевала со всеми; наконец она поняла, почему Енот не снимает темных очков — у него были совершенно не человеческие глаза. Темно-пурпурного цвета, больше, чем у землян, и вдобавок необычного разреза. Щелевидные, как у кошки, зрачки, но не вертикальные, а чуть наклонные, как буква V. Увидев это, Ольша вздрогнула, и снова надела на Енота его зеркалки. Как она осмелилась их снять, и сама не поняла. Танец, наверное, сблизил. Енот не противился, только поправил прическу, скрывающую уши.

Без очков он выглядел чужим, но не отталкивающим, в облике его чувствовалась своя неповторимая гармония.

Танцевал он лучше всех — спустя полчаса Ольша и Енот сбацали такой рок-н-ролл, что за остальными столиками дружно зааплодировали, подвыпившая парочка в углу зала все хваталась за видеокамеру, хотя, что они там наснимали в полумраке, Ольша не понимала, а кто-то даже прислал бутылку новосветовского брюта.

К полуночи все заметно захмелели: дегустация выдалась обильная, да и реликтовое вино оказалось на редкость коварным. Ольша смутно запомнила обратную дорогу. За руль сел, кажется, Римас, но сразу же вроде бы задремал, сунув руки в карманы.

Утром ее разбудил Сеня.

— Едем на пляж, — сообщил он. — Не забудь купальник.

Ольша заметила, что голова, несмотря на вчерашнее, удивительно ясная.

На кухне шкварчала исполинская яичница — ребята-хирурги с удивительным спокойствием меняли изысканность ресторанов на домашнюю холостяцкую неприхотливость. Ольшу к стряпне они не привлекали, видимо, из принципа. А может, и еще почему-то.

Людные городские пляжи их не интересовали. Сеня гнал «Оксо» на юго-запад, вдоль побережья. Дорога петляла, как напуганный муравей. Зелень, скалы, море — все это сменялось с калейдоскопической быстротой. Ухоженные ряды виноградников, свечки кипарисов, серые башенки Ласточкиного Гнезда... Ливадия, Гаспра, Мисхор, Алупка, Симеиз...

Сеня притормозил, когда взгляду открылась совершенно необычная для Южного Крыма картина: прямая береговая линия. Желтоватый песок устилал длинный, добрых два километра, пляж. Горы величаво застыли в отдалении. Несмотря на достаточно спокойное море, на берег обрушивались крутые метровые волны; темная синь воды цвела белопенными барашками. И стоял нескончаемый гул — это пело море, как пело оно уже миллионы лет. Каждая волна имела свой голос, вела свою партию в извечном концерте природы.

Машину они оставили прямо на обочине. Ольша справедливо решила, что украсть ее, скорее всего, непросто. И свинтить что-нибудь типа зеркальца — тоже. Гвардия Сени, во всяком случае, нимало не беспокоилась, оставляя «Оксо» у трассы.

На бесконечной ленте пляжа группками загорали люди. Свободного места хватило бы, чтобы разместить еще не одну сотню курортников. Наверное, сюда могли добраться лишь те, кто имел собственные колеса. И деньги на бензин. Или друзей с колесами и деньгами на бензин. Вдоль пляжа тянулась пыльная дорога, там и сям торчали, как грибы-дождевики, зачехленные автомобили. Ольша знала, что на Южный берег частный транспорт из-за пределов Крыма не

пускали уже лет восемь. Сеня объяснил, когда менял номерные знаки на «Оксо».

Почти никто не купался, зато на гребне волны скользили несколько серферов, окутанные радужным ореолом брызг и ключьями пены. Зеваки на берегу подбадривали их нестройными криками и разбойничьим свистом, но, вероятно, — зря, потому что море шумело громче.

Едва они ступили на желтый, как масло, явно привозной песок, Сеню окликнул стройный мускулистый парень в пестрых плавках и темных очках. Казалось, он только-только слез с доски, и сияющие в лучах солнца брызги так и остались у него на плавках.

«Их человек», — немедленно решила Ольша и не ошиблась. Звали его Кейси.

Не прошло и пяти минут, как Ольша, Сеня, Рима, Енот и Кейси в компании десятка серферов и их подружек — просоленных, загорелых до синеватого блеска парней и девушек — уже хохотали, общались, пили коблевский мускат и пиво, которого Енот принес целую сумку, купались, играли в волейбол, обсуждали какие-то внутренние, малопонятные посторонним серферовские проблемы — одним словом, вели себя как любая нормальная молодежная компания на пляже. Ольша плюнула на все земные и космические неприятности и откровенно развлекалась, тем более что за ней немедленно стали ухаживать сразу трое аборигенов. Постепенно тусовка росла и ширилась, подходили новые люди, все больше с портвейном; то и дело кто-нибудь хватал ярко раскрашенную пластиковую доску, бежал к морю и скользил на виду у всех вдоль пляжа. Асы демонстрировали прыжки. Народ радовался с берега. Ольшу пытались научить держаться на доске — в результате она раз пятнадцать сверзилась в воду и нахохоталась на несколько лет вперед. Потом их вызвали на состязание соседи, расположившиеся в полумиле левее. На макушке волны состоялось такое представ-

ление, что Олыша на час с небольшим забыла, кто она и где она. К этому времени ветер с моря окреп, и волны выросли еще на полметра, что серферов весьма обрадовало. Проигравших выявить не удалось, посему дело sprыснули очередной дозой пива.

Приближался вечер, когда Кейси и Римас обратили внимание Сени на светловолосого парня с доской в руках. Он шел, увязая в песке, со стороны Фороса.

— Это дружок Сергея Затоки, — шепнул Римас.

Сеня неторопливо и словно бы даже нехотя обернулся. Олыша, сидевшая так близко, что расслышала слова Римаса, тоже.

Енот встал и вразвалку пошел навстречу. Смуглая кожа, драные джинсы, усохшие от долгой и тяжелой жизни до шорт с бахромой внизу, и длинная, скрывающая уши шевелюра делали его похожим на заведомая дикого пляжа.

Увидев его незнакомец с доской замер.

— Эй, Куня! — крикнул кто-то. — Где тебя носило весь день? Мы чуть понизовским не продули!

Тот, кого назвали Куней, настороженно попятился, потом стал бочком отступать к морю. Сеня вскопчил, Енот прибавил шагу, а справа от дороги появился Паха, успешно скрывавшийся с самого утра.

Куня со всех ног кинулся к прибою, плашмя рухнул на доску и что есть духу погреб от берега. Енот, затормозивший у самой кромки мокрого песка, обернулся к Пахе.

— Корса-а отра-а! — крикнул он протяжно.

Беглец отгреб уже метров на сорок.

Паха метнул Еноту что-то вроде короткой трости.

— Быстрее! — тихо процедил Сеня, косясь то на Енота, то на Куню. Тот уже успел встать на доску и невероятно быстро заскользил прочь, в сторону Симеиза и Ялты.

«Трость» в руках Енота раскрылась на манер веера, превратившись в незамкнутый диск-полубублик. Не хватало сектора градусов в сорок — сорок пять.

Енот швырнул его плашмя под ноги; раскрытый веер странным образом завис в двадцати сантиметрах над мокрым песком. Под весом Енота он просел еще сантиметров на пять.

Серферы со всего пляжа давно уже стояли на ногах, превратившись в зрителей. Встала и Олыша. Римас и Кейси, ни во что не вмешиваясь, застыли поодаль.

Енот, являя собой нечто среднее между серфером и скейтбордером, несся над волнами. Пенные макушки хлестали веер, рассыпаясь светлыми брызгами, отчего он плясал под ступнями Енота, словно норовистый конь.

— Ч-черт! — тихо ругнулся Римас. Олыша перехватила его взгляд — вдали стоял человек с видеокамерой и снимал погоню на пленку. Наверняка, с самого ее начала. Секундой позже его заметил и Сеня и пронзительно свистнул.

Человек с камерой прекратил съемку и кинулся наутек. Сеня, Паха и Енот, заскользивший наперерез к берегу (видимо, камера была важнее сбежавшего Куня), попытались догнать его, но тщетно: невдалеке стояла зеленая «Полоса» — машина, как известно, мощная и быстроходная. Человек с камерой молниеносно прыгнул за руль и был таков. Благополучно удравшего Куню вместе с доской он подобрал спустя пару минут у всех на виду.

Лица у Сени и Енота стали непроницаемыми (у Пахи оно другим не бывало). Компания серферов как-то вдруг сразу вытянулась полукольцом, медленно надвигаясь.

— Что вы с ними не поделили, ребята? — не без угрозы прозвучал первый вопрос.

Первый и последний. Других не возникло — Паха мрачно достал винчестер. Хруст затвора имел свойство мгновенно отрезвлять.

Сеня взял Олышу за руку, Енот подхватил одежду и опустевшие сумки. Ни на Римаса, ни на Кейси

никто даже не глянул, видимо, им незачем было раскрываться.

Ольша обернулась и беспомощно глянула на загорелую пеструю толпу. Так и не удалось стать частью ее. А хотелось.

Еще издали стало заметно, что «Оксо» изуродован до неузнаваемости. Стекла и фары, правда, лишь покрылись мелкой сетью трещин, но уцелели, зато по корпусу словно кувалдами молотили. И шины изрезали в клочья.

— Так! Замечательно... — процедил Сеня. — Минут на двадцать, не меньше. Теперь их точно не догнать.

Спешить хирурги сразу перестали. Вообще, даже совершив ошибку, Сеня с Енотом никогда не злились и не сетовали. Старались исправить по возможности быстрее и прилагали к этому все силы.

Увечную дверцу совместными усилиями удалось немного приоткрыть, вернее приподнять. Внутрь просочился Паха, сделавшись плоским, как доска. Он тронул что-то на пульте и поспешно покинул машину.

Раненая «Оксо» ожила. Мутными пленками «потекли» стекла, с покрывшей лохмотьями начала отваливаться поврежденная резина, захрустел, выпрямляясь, металл. Вмятины пропадали. Автомобиль восстанавливался на глазах.

— Что это Паха там сотворил? — буднично спросила Ольша. Удивление на этот раз не пришло.

Сеня пояснил:

— Задействовал программу машинной регенерации...

Вот так. Машинная регенерация. Будто у ящерицы: оттоптали хвост, да и хрен с ним. Новый вырастет.

Ольша вздохнула. Это была, без сомнения, воплощенная смерть всех станций техобслуживания. В виде кнопки на панели управления и какой-нибудь

крохотной коробочки в недрах инопланетного автомобиля.

Сеня не ошибся со временем: спустя двадцать две минуты «Оксо» вновь стал как новенький.

— Поехали...

Невзирая на кажущееся спокойствие и невозмутимость, настроение у хирургов было на редкость отвратительное.

— Скажи, Сеня, — спросила Ольша, глядя прямо в Бисмарковы очки, — почему из «ореха» машина вырастает целиком за десять минут, а регенерирует вдвое медленнее?

Сеня помолчал, потом буркнул:

— Это к Еноту. Он спец...

— Программы разные, — вздохнул Енот. Наверное, он не мог взять в толк, как можно не знать таких простых вещей. — Разный уровень сложности: или расти по готовой программе с форсажерами, или отслеживать повреждения и заново создавать программу. Да и энергии на регенерацию раз в семь больше уходит...

Ольша вздохнула. Эмбриомеханика... Слово какое-то неживое.

Зеленую «Полосу» по дороге они так и не нагнали. Что, собственно, и ожидалось.

В Ялту въехали уже затемно. Ночное небо атаковали мириады огней по всему побережью, тьма висела только сверху, над горами, а в городе потоки электрического света захлестывали каждую улицу.

— К «Ореанде»? — спросил Енот. Сеня кивнул.

«Оксо» свернул на улицу Гоголя и покатил вдоль канала, куда люди упрятали шустрюю горную речушку Уган-Су.

Они припарковались на стоянке между «Фордом-Венера» и низенькой пальмой у тротуара. Пальма очень походила на детскую игрушку.

— Толстый! Проверь номер и ресторан. Потом возвращайся.

Ольше Сенин приказ напомнил школьные задачки по программированию. «Взять шар из полосатой урны...»

Паха безмолвно ушел к шикарному portalу, по пути «переодевшись» в денди-стилягу, вплоть до хризантемы в петлице. Швейцар в дверях поклонился ему, словно арабскому шейху, набитому нефтедолларами. Ольша хихикнула: если Паха дал ему кредитку из собственной ткани, швейцар останется в дураках, ибо Паха тканями не разбрасывался, даже гильзы после пальбы втягивал в себя.

Вернулся он очень быстро. Покачал головой — мол, нет нигде.

Енот тронул машину. Эмоции они с Сеней сдерживали.

Площадку перед домом на Мангарова освещал старинный фонарь на металлическом столбе а-ля Лондон, девятнадцатый век. Только не газовый, а электрический. И яркий, словно галогенная фара.

Едва они покинули «Оксо», не успев даже опустить двери, сбоку, из-за деревьев, кто-то прокричал:

— Руки! Вы окружены. Стреляем без...

— Фонарь! — шепнул Сеня. Паха мрачно достал винчестер. Тихое «Пок!» вместо обычного «Ду-дут!» утонуло в грохоте трех выстрелов из огнестрелки. Фонарь брызнул осколками матового стекла, и сразу навалилась полутьма, едва рассеиваемая светом в нескольких окнах.

Ольшу мгновенно и бережно уложили на асфальт. «Не шевелись», — прошептала ей на ухо смутная тень голосом Сени и исчезла. Словно по волшебству. Только что была рядом, а в следующую секунду уже никого не осталось.

«Пок, пок», — раздалось справа. Потом глухо и очень громко заговорили земные пистолеты. Шум драки, ругательства (тоже земные), и вдруг — тишина. Долго-долго. Еще шум драки, и снова тишина. На этот раз насовсем.

Голову от асфальта Ольша еще долго не решалась оторвать. Наконец осмелилась, подняла и увидела торопливо идущих от соседней девятиэтажки Сеню и Енота. С другой стороны приближался Паха.

Сеня поставил ее на ноги, словно весила она не больше плюшевого медведя. Потянулся к своим очкам, поправил. Два зеркала отражали испуганную Ольшу.

— Кто это был?

Сеня вздохнул:

— Поехали... Не бойся, все уже в порядке.

«Оксо» так и стоял с поднятыми дверьми и сейчас очень напоминал птицу, вздевшую на взлете крылья.

Ольша подумала, что дела у хирургов неожиданно усложнились. Наркоз перестал действовать, и пациент опасно зашевелился.

Ночевали они в гостинице «Южная» напротив морвокзала.

6

Утром Сеня с Енотом получили по связи взбучку и выглядели соответственно. Заказали завтрак прямо в номер (Ольше, живущей в одноместном за стеной, — тоже) и безрадостно поглощали «Пино Гри Ай-Даниль», купленный в вестибюле.

Часам к десяти явился Хасан. Если он и сообщил нечто новое, то прибег к чему-то иному, нежели речь. Сеня с Енотом сразу оживились, допили «Пино Гри» и велели Ольше собираться «гулять на набережной».

Паха с Хасаном тут же удалились. Минут через пять спустились и они втроем. На этот раз Сеня решил пешком, да и ходьбы-то до набережной было всего около минуты.

Едва они показались из вестибюля, невесть откуда появился полицейский из отдела регулировки движения. Пришлось задержаться. Ольша заметила, что

Енот втихомолку взялся за парализатор. Вряд ли это предвещало что-либо хорошее.

— Простите, господа, не вам ли принадлежит во-он та машина, хэтчбек, темно-серого цвета?

Сеня, сохраняя каменное лицо, согласился:

— Да, это моя машина.

— Прекрасная модель! Как, кстати, называется? Что-то не припомню такой, хотя регулярно просматриваю европейские, американские и японские каталоги.

— «Кондор Кордильеров», — без запинки ответил Сеня. — Мне тоже очень нравится.

Ольша еле сдержала улыбку. Ведь «Оксо» действительно был птицей «вроде орла».

— Первый раз слышу! Чья сборка?

— Южноамериканская. Перу. Дочернее предприятие австралийской фирмы «Бас-роллс». Экзотика, знаете ли... А что не так, офицер? Страховка...

— Видите ли, — перебил полис, — вчера эту машину, сильно поврежденную, видели недалеко от Фороса...

Сеня очень натурально рассмеялся:

— Что вы! Моя в полном порядке, можете взглянуть. — Он приглашающе повел рукой.

Енот предупредительно придержал Ольшу за локоть.

— Стой на месте... он сам разберется.

«Не сомневаюсь», — мысленно фыркнула Ольша.

Полицейский некоторое время бродил подле «Оксо», взирая на нее то с одной стороны, то с другой, потом долго пялился в бумаги, слушая объяснения Сени, и, козырнув напоследок, величаво удалился.

— Болван, — констатировал Сеня, вернувшись. — Однако оперативно работают, этого не отнимешь. Хорошо, что вчера номера сменить не поленились...

Ольша покачала головой, глядя на Сению: «не поленились!» Да там всего-то и делов, что нажать

кнопку на пульте. Точнее, несколько: набрать на компе команду и ввести данные. Вот шланги!

Енот вздохнул:

— Ладно, потопали...

Свернули направо. Сеня мельком глянул на вывеску с многообещающей надписью «Таверна» и твердо направился мимо. На набережную они попали, миновав гостиницу «Крым», Дом моряка и крохотный, чуть выгнутый мостик с ажурными зелеными перилами. Перед памятником Ленину трюкачила пацанва на скейтах. Позади Ленина синел щедро сдобренный медным купоросом бассейн; казалось, что вождь большевиков только что вынырнул и взошел на гранитный пьедестал, потому что сам памятник весь был покрыт зеленоватым налетом. Время никого не щадило. Убирать Ленина, похоже, никто не собирался.

«И правильно, — решила Ольша. — Пусть себе стоит. Мешает он, что ли? В конце концов, он тоже история. Я вот даже не помню имени последнего русского царя. Не то Николай, не то Александр, не то второй, не то третий — вовек не вспомнить. Может, и знала бы, не смети мятежный октябрь всех героев прошлого с постаментов».

Море синело слева неподдельной (некупоросной) краской. Набережная кишела гуляющими, торговцами, фотографами, попрошайками, лотошниками... Глаз ловил непрерывное движение. Пальмы, ели и кипарисы шелестели о чем-то своем, растительном. Надувные куклы и звери фотографов ярчайшими кляксами пестрели на фоне серого асфальта, размягченного неистовым ялтинским солнцем. Громадный, сверкающий белизной лайнер являл взору необъятный, в оспинах иллюминаторов, бок.

Чуть дальше расположились художники, оккупировав все лавочки. Похоже, проходила какая-то выставка. Вдалеке кто-то гнусно орал под гитару, зеваки ошибочно принимали эти немилосердные вопли за

пение. Поглазеть на выставку решили попозже и свернули в «Штурман». Там подавали двенадцать сортов мороженого. Ольша наугад заказала три. Енот не сводил глаз (точнее очков) со входа. Удивительно, но Сеня с Енотом не стали пить — обыкновенно они не упустили случая попробовать что-нибудь, им еще не знакомое.

— Помнится, за «Русалкой» пивная была, «Парус», — вздохнул Сеня мечтательно. — Бармен сидел еще такой пузатый... не помню, как звали. Жонглер, ей-богу, бокалы так у него и порхали... В девяностом, кажется...

Ольша в девяностом еще в школу бегала. Бантики, фартучек белый. И — уже сережки, предмет особой гордости.

После «Штурмана» спустились в подвальчик, похожий на подземелья рыцарского замка. Внутри прятались два крохотных зала. Енот с порога вслушался в музыку.

— Здорово, — прошептал он. — Что это?

— Пинк Флойд. — Ольша села за столик. — Семьдесят пятый год. «Wish you were here», самое начало.

Енот, заворожено внимая магическому действию английской четверки, скорбящей по Сиду Баррету, опустился на стул.

Пришел Сеня с заказом.

— В их мире подобная музыка в большом почете, — пояснил он Ольше. — Кстати, может, ты не знаешь: Енот слышит гораздо лучше нас с тобой. И в более широком спектре.

Ольша глядела ему в очки.

— А у вас что в почете?

Сеня усмехнулся:

— Все понемножку. Пожалуй, нечто вроде вашего кантри, только потяжелее — это наиболее популярно. Вроде «Криденса» или «Зет Зет Топ». Ритм плюс мелодия. Стравинского у нас вряд ли оценили бы.

Хотя я лично очень люблю ваш «Дип Перпл» и «Металлику».

«“Перпл” и “Металлику” только ленивый не любит», — подумала Ольша и покосилась на Енота — тот даже дышать перестал.

«Надо будет подарить ему компакт», — решила она.

— Хотя найдете ли, на чем прослушать?

Сеня покачал головой:

— Не стоит... В архиве наверняка есть.

Ольша глянула на него с уважением. Если архив инопланетной разведки содержит «Флойд», «Перпл» и «Криденс», значит, они не просто балбесы с рефлексами «зеленых беретов». Значит, они готовы не просто размахивать скальпелем, но и попытаться понять нас. Понять!

Потому что резать может и обезьяна, а понять — лишь Человек.

Но разве может Человек убить другого человека, даже если тот — негодяй? Кто ответит? Кто вразумит?

Ольша сжала кулаки. Эти двое и, наверное, их соотечественники на двух планетах решили вопрос в пользу скальпеля, раз и навсегда. Ольша еще не решила — для себя. И еще она радовалась, что оказалась среди тех, кого хирурги пытаются понять, а не сразу из винчестера...

Значит, операция имеет шанс пройти успешно.

Полдень лежал на остроконечных маковках кипарисов. Очень не хотелось из прохлады подвального выходить на душную свободу летнего дня. Однако Сеня с Енотом неумолимо влекли к известной лишь им цели.

Народу на набережной поубавилось. В тень, наверное, спрятались, в кофейни. Лишь фотографы стойчески торчали под своими цветастыми зонтиками, терпеливые, словно пауки в сетях. Каждый норовил нацелиться в Ольшу заморским объективом.

Прошли мимо художников; Завгороднего Ольша увидела только после того, как Сеня легонько двинул ее локтем.

— Гляди! Он?

— Он...

«Будто и сам не знаешь...» — подумала.

— Подойди, поздоровайся, — велел Сеня. — Поговори. Хотя бы полминуты.

Ольша на миг растерялась. Сеня и Енот шмыгнули в стороны, будто в воздухе растаяли.

Завгородний фланировал чуть впереди двоих громил. Ни шагу он не ступал без охраны — Ольша еще в Коблеве это заметила.

Ну что же, задержать так задержать. Вскинула голову, заставила себя улыбнуться, хотя и без особого энтузиазма.

Завгородний ее узнал, расцвел, руки растопырил, даже его бульдоги от неожиданности дернулись.

— Ба! Старая знакомая!

— Здравствуй, Боря!

Ольша говорила нараспев, чтоб потянуть время.

Завгородний продолжал цвести:

— Ты какими судьбами в Ялте?

Ольша неопределенно пожала плечами:

— Да вот, занесло... Ветер попутный.

Завгородний оценивающе взглянул на ее наряд. Несмотря на некоторую эфемерность (летний ведь), он стоил Сене немереных баксов в валютном отделе гостиничного шопа. Ольша выглядела как удравшая из дому дочь миллиардера, прихватившая с собой кредитную карточку папаши.

Краем глаза Ольша заметила, что Сеня и Енот положили двоих телохранителей, следовавших несколько в отдалении. Как Римас с напарником кладут еще двоих совсем уж в отдалении, не заметил бы с ее места и Аргус, даже будь у него подзорная труба: дело происходило за углом, на Черноморском переулке, выходящем на набережную.

— Может... — начал было Завгородний, но тут громилы за его спиной рухнули навзничь, не издав ни звука, а их босса аккуратно взяли под локотки возникшие прямо из асфальта Паха с Хасаном.

Упаковали его в секунду.

Тут, на грех себе, показались двое полицейских. Оба растерянно потянулись за оружием.

Хасан покрепче ухватил Завгороднего и повел его в сторону, Паха мрачно достал винчестер.

«Пок!» — так говорило его ружье, когда Паха не хотел никого пугать, а старался, напротив, действовать потише и по возможности незаметнее.

Пистолет одного полиса вышибло из рук; второй, повинувшись жесту Пахи, сам бросил свой на землю.

Из переулка задним ходом вынырнула машина; Хасан втолкнул Завгороднего в салон и нырнул следом. За рулем сидел вроде бы Римас.

Ольшу дернули за руку — это оказался Сеня.

— Шевелись!

Прямо на набережной стояла еще машина. Ее появление Ольша прозевала напрочь. Енот держал ногу на акселераторе и рванул с места, едва Сеня захлопнул дверцу. Дороги Енот не разбирал: набережная, лавочка, клумба, кусты — все ныряло под капот, под днище. Потом колеса коснулись асфальта; Ольша отстраненно глядела в окно. Улица Екатерининская, памятник Лесе Украинке, дом-музей с шикарным резным балконом... Леся осталась слева. Улица Кирова, поворот.

— Цвет! — нервно напомнил Сеня. Енот кивнул.

Капот, до сих пор отчетливо белевший за лобовым стеклом, вдруг налился красным, словно застеснялся. Енот обращался с компом со сверхъестественной скоростью.

Минут сорок они катались по городу без определенной системы. «Наверное, обрубают хвосты», — решила Ольша. О Пахе спрашивать она не стала. Уж этому уйти от полиции проще простого: свернул за

угол, обернулся собакой, скажем, или стаей воробьев, и тью-тью. Или того проще — в воду, и поминай как звали. Дышать ему вроде бы не обязательно.

В гостиницу они вошли со служебного входа, отсидевшись с часок в «Чарде». Швейцар, попивавший кофе на страже, при виде крупной купюры подобострастно заулыбался. Купюра перекечевала в его карман. Отныне здесь никогда не проходили двое молодых людей в темных очках и девушка в потрясающем наряде.

— Переоденься и приходи к нам, — сказал Сеня, отпирая номера.

Он дождался Ольшу в коридоре, скользнул в ее комнату и закатил что-то размером с горошину под кровать. Потом вышел и запер дверь.

Паха валялся на кушетке, напоминая, как всегда, мумию. Енот разговаривал по-гиански с кем-то, прячущимся в дипломате. Сеня стал рядом, чуть повернув стол; теперь Олыша видела в зеркале отражение внутренностей того, что внешне выглядело как обычный дипломат. Почти всю стоящую вертикально крышку занимал плоский экран. На экране наличествовал пожилой мужчина с печатью начальственности на лице. Одежду его было не рассмотреть.

«Небось их шеф, — подумала Олыша и налила себе вина из стоящей на столе початой бутылки. — Вещает из поднебесья. Со спутника, например...»

Взглянула на этикетку, прежде чем пригубить: десертное, «Золотое поле».

Любят эти монстры хорошие вина, трам-тарарам!

Монстры, то бишь Сеня с Енотом, смиренно внимали начальству. Вероятно, их снова ругали.

Наконец начальство угомонилось, и лжедипломат был закрыт.

— Фу! — вздохнул Сеня и немедленно потянулся за бутылкой. Темно-рубиновая жидкость полилась в хрустальные фужеры, подводя черту под незапланированной одиссеей Олыши.

Сеня с Енотом расслаблялись. Сделал, как говорится, дело...

Ближе к вечеру передавали местные новости по каналу «Южный Крым». Енот заранее включил телевизор. Обещали сногшибательный репортаж взошедшей недавно звезды тележурналистики, Сергея Градового. Здесь он успел снискать популярность, какая и не снилась в свое время Политковскому. А сногшибательный репортаж не мог не иметь отношения к сегодняшним событиям на набережной.

Ольша равнодушно ждала, удобно устроившись в кресле и слушая вполуха Сеню с Енотом. Те болтали на винные темы, планируя, что они здесь закупят, чтоб увезти «к себе».

Ее обещали отпустить, как только поймают Завгороднего. Вроде бы теперь пора. Она ждала, не решаясь напомнить о себе. Бормотание телевизора пролетало мимо сознания.

Вдруг Сеня с Енотом умолкли на полуслове. Ольша уставилась на экран.

Крупный план: вид Ялты с гор. Солнце, море, зелень.

Хорошо поставленный голос:

«...кого только не увидишь у нас в Крыму. Стекаются отовсюду, были бы деньги».

Ряд лотков с трех-, четырехзначными ценами. Лениво-наглые лоточники в фирме, беспрестанно жующие какой-нибудь «Орбит» или «Стиморол».

«Приходят...»

Экзотического вида ребята — хайрастые, с гитарами и пухлыми рюкзаками — бредут вдоль дороги.

«Прибывают морем...»

Теплоход у причала. Чайки. Флаг треплется на ветру.

«Приезжают... кто на чем».

Троллейбус из Симферополя. Двери с шипением открываются, выходит разномастный народ с покла-

жей и без; на заднем плане мелькает шикарный «Мерс», камера несколько секунд провожает его.

«А иногда даже прилетают».

Ольша чуть не выпала из кресла.

«Оксо» над дорогой. Парит; сзади почти невидимое в свете дня пламя. Колеса горизонтально под днищем. Вот «Оксо» заваливается набок, ныряет под троллейбусные провода, колеса становятся как положено и касаются покрытия дороги.

«Те, кто прибыл в Ялту таким непривычным способом, свое появление не афишировали».

Пустынная дорога, «Оксо» долго катит в одиночестве.

«Наверное, им есть что скрывать».

Крупным планом — Сеня с Енотом. Оба в зеркальных очках, похожи не то на легкомысленно одетых дипломатов, не то на контрразведчиков из приключенческого фильма.

Невозмутимый Паха, смахивающий на манекен. Полностью неподвижный, хотя хорошо видно, что вокруг него вьется несколько пчел.

Смеющаяся Ольша — ее сняли вчера на пляже.

Сеня тихо выругался по-гиански. Ольша ни слова не поняла, но интонацию вполне уловила. Да, от такой рекламы добра не жди...

«Сия симпатичная команда весьма небезразлична к еще одному гостю Ялты. Тоже не особо желанному».

Завгородний крупным планом.

«Завгородний Борис Александрович, 1952 года рождения, гражданин России, житель города Волгограда. Замешан в громком деле двухгодичной давности, связанном с торговлей редкоземельными металлами, а также в ряде более мелких махинаций. Благополучно скрывается от правоохранительных органов уже несколько лет».

«А это... — камера скользит по лицам громил-телохранителей, — это его руки. Точнее, кулаки. Железные кулаки».

Набережная, прогуливающийся народ.

«Но вернемся к более симпатичной команде».

Сеня, Енот и Олыша. Гуляют. В толпе мелькает лицо Пахи, с ним рядом — Хасан, но на Хасана оператор внимания не обращает. Это снято уже сегодня. Незадолго до того, как взяли Завгороднего.

«Никто из них не числится в розыске ни в нашей, ни в какой-либо из соседних стран. Личности их установить пока не удалось. Однако это лихие ребята».

Сеня кладет громилу Завгороднего. Ловко, почти без движений. Енот стреляет из парализатора, кто-то падает.

Енот на лету ловит «трость», раскрывает ее «веером» и мчит сначала над песком, потом над водой.

Паха прямо из тела достает винчестер и стреляет в полицейского. Точнее, в его пистолет. Рука полицейского дергается, самого его разворачивает, пистолет, лязгая, прыгает по асфальту.

«Это не монтаж и не спецэффекты. Все снималось на обычную видеокамеру за один раз».

Замедленный повтор: «веер» падает и замирает над песком, повиснув в воздухе. Без всякой опоры. Енот прыгает на него, отталкивается и скользит к морю.

Паха тянется к боку. Посреди ладони его набухает бугорок — рукоятка винчестера. Из локтя другой руки и прямо из футболки тянутся, текут два потока податливой плоти, сливаясь в один. Хорошо видно, где футболка меняет цвет и становится винчестером. Все это стыкуется с рукояткой, течет, пока не отделяется от тела. Выстрел. Вылетевшая гильза отскакивает к Пахе, касается правой руки и впитывается кожей, не оставив ни малейшего следа.

Паха у гостиницы «Ореанда». В хорошо сшитой паре и стильных «саламандровских» штиблетах. Вдруг вся его одежда начинает оплывать и в не-

сколько секунд превращается в брюки, футболку и кеды.

«Они дерзки и отважны. Полиции совершенно не боятся».

Сцена на набережной. Охрана перебита, Завгороднего, заломив руки за спину, уводит Хасан, обезоруженные полицейские хмуро взирают перед собой.

«Трое из “железных кулаков” убиты на месте. Один скончался по дороге в больницу. Один полицейский отделался вывихом кисти, второй не пострадал вовсе. Замечу, что, несмотря на стрельбу, не пострадали и случайные свидетели».

Летящая над тротуаром машина, сигающая через кусты и лавочки, словно скаковая лошадь. Колеса под днищем. Это не «Оксо», это та, на которой они кружили по городу, еще белая.

— Двумя камерами снимали, — угрюмо заметил Енот. Сеня молчал.

«Кстати, об их машинах. Вот одна из них».

«Оксо» перед гостиницей «Южная».

«Если поверите мне на слово: вчера она подверглась нападению банды хаммеров в районе Фороса. Стекла, как ни странно, не поддались. Зато остальное...»

«Оксо» вчера. Вид плачевный. Номерной знак крупным планом.

«А это она же сегодня утром».

«Оксо» в добром здравии. Номерной знак, не имеющий ничего общего со вчерашним.

«Она же вчера вечером...»

«Оксо» на стоянке у «Ореанды». Паха удаляется. Видно, что машина цела. Номер вчерашний.

«Кстати, так и не удалось узнать, что это за автомобиль. Ни один каталог не дает ответа, а наш эксперт просто озадачен. Такое впечатление, что на старушке Земле его не делали. Ау, может, кто подскажет?»

«Эк он ловко на межпланетные темы свернул!» — подумала Олыша.

«А вот еще один».

Машина Римаса, оранжево-желтая, словно впитавшая летнее солнце.

«И еще».

«Северный ветер», на котором сегодня увезли Завгороднего.

«Эти автомобили тоже не значатся в каталогах. Не встречались ранее и подобные товарные знаки».

Крупным планом — птица на «Оксо», потом два переплетенных символа на «Ветре» и машине Римаса.

«Добавлю еще кое-что, — продолжал вещать голос. — Позавчера утром в зоне отдыха Коблево (это между Одессой и Николаевом) полиция и служба безопасности пытались арестовать четырех человек по подозрению в совершенном накануне убийстве с применением огнестрельного оружия. Девушку и трех парней. Им удалось скрыться на иномарке неустановленной модели. Убитый, а также трое без вести пропавших, по странному стечению обстоятельств, оказались жителями Волгограда и области и в Коблево прибыли вместе с Завгородним. Днем позже найден труп еще одного волгоградца из охраны Завгороднего. Смерть наступила в результате выстрела из крупнокалиберного ружья незадолго до полудня того самого дня, когда таинственные обладатели странных автомобилей покинули Коблево.

Полиция, совершавшая арест, подверглась действию оружия, не имеющего земных аналогов. Справедливости ради стоит отметить, что жизнь и здоровье полицейских не ставились под угрозу — все уцелели, несколько часов пробыв в полной неподвижности. Зато служебной машине досталось сполна».

Черно-белая картинка: фотография разгромленного Пахой «джипа».

«Из Коблева они исчезли около часа дня. В Ялте объявились уже в три двенадцать. Неплохо для расстояния в полтыщи километров. По-моему, за два с небольшим часа преодолеть его можно единственным способом — вот так».

«Оксо» в небе. Полет его стремителен и неудержим.

«Наверное, они люди, — вел дальше голос, — во всяком случае, ничто человеческое им не чуждо...»

Кадр: Сеня покупает вино в гостинице.

Енот с Ольшей танцуют. Здорово танцуют. И снято здорово: полумрак, цветные блики.

— Это те, за угловым столиком, с камерой! — черным голосом сказал Енот. Ольшу даже передернуло.

«Почему-то они прячут лица».

Несколько кадров подряд:

Сеня в очках.

Енот в очках.

Римас в очках.

Снова Сеня, но уже вечером, в полутьме.

Енот.

Ольша.

Енот.

«Впрочем, однажды нам удалось заглянуть под очки. И увидеть, что там прячут».

Замедленная съемка: Ольша и Енот танцуют что-то явно блюзовое. Рука Ольши тянется к лицу Енота, берет за дужку очки и плавно снимает их. Рывком укрупняется план, освещение улучшается.

Снимая очки, Ольша задела длинные пряди волос Енота, сама не заметив этого. Хорошо видно открывшееся ухо Енота — остроконечное, а не закругленное, как у землян или Сени. Енот машинально прячет его под прической. Теперь акцент переносится на его глаза. Красноватые, огромные, с наклонными щелевидными зрачками.

Рука Ольши возвращает очки на место и опускается Еноту на плечо. Танец продолжается.

Многозначительная пауза.

Панорама Ялты.

«Понятия не имею, чем завершится эта история, поскольку в дело вступили работники службы безопасности. Но на вашем месте, господа телезрители, даже если вы и не верите в летающие тарелки, и межзвездную экспансию, и прочую чушь, повстречав этих ребят...»

Снова лица Сени, Енота, Ольши и Пахи.

«...Я бы спросил у них: “Откуда вы?”»

Последние кадры репортажа растаяли на телеэкране, канал давно уже разразился рекламой, а Ольша все пялилась на светящийся прямоугольник. В ушах звучал чуть хриловатый голос Сергея Градогова.

— Это Затока с дружкой, — угрюмо сказал Сеня. — Они журналисты, оказывается. Бог мой, я же предупреждал — это великая раса!

Ольша взглянула на него с сочувствием:

— Да. Засветили вас талантливо.

Енот уже общался с раскрытым «дипломатом». Спустя минуту Паха встал, превратился в... Ритку, точно скопировав одежду Ольши, и вышел из номера. Ольша подняла брови.

Сеня выглянул в окно сквозь занавесь.

— Дьявол! — сказал он и взялся за парализатор. Наверное, внизу творилось что-то нехорошее.

Ольша встала и приблизилась к светлому проему окна. На стоянке у «Оксо», совершенно не кроясь, стояли несколько типов в штатском, все, как на подбор, плечистые и крепкие.

Сеня вышел на балкон, прямо у них на виду выдавил стекло в номере Ольши, проник внутрь и вынес ее вещи. Типы внизу забеспокоились, не обращая внимания на приближающуюся Ритку, то бишь Паху.

Спустя минуту (а может, и меньше — Ольше казалось, что все происходит на удивление медленно)

у балкона завис «Оксо». В дверце и стекле зияли быстро затягивающиеся пулевые отверстия. Вещи как попало побросали в салон. Енот посадил Ольшу и влез следом. Последним сел взъерошенный Сеня. Он уже захлопывал дверцу, когда в дверь номера громко и требовательно постучали.

— Жми! — скомандовал он. «Оксо» стремительно вгрызся в прогретый летом воздух. Вдалеке урчали вертолетные двигатели.

Но летающая машина оставила их безнадежно позади.

— До свидания, Ялта! — прошептала Ольша с непонятым сожалением. Внизу умопомрачительно синело море.

— Знаешь, Сеня, — серьезно протянул Енот, — а мы ведь не заплатили по счету в гостинице...

6,81

Ольшу высадили в Николаеве. На пустынной улочке недалеко от центра.

— Уж извини, до дому придется добираться самой.

Ольша кивнула.

— На вот... — Енот порылся в объемистом бардачке и выгреб толстенную пачку тысячегривнок.

Сеня пошарил в дипломате и добавил столько же.

— Мы все равно уходим... Купишь себе что-нибудь. Не бойся, кстати, они настоящие.

Ольша как попало свалила деньги в сумку, взглянула на часы, потом — по сторонам.

— Извини, что пришлось тебя... гм... задержать. Ты нам очень помогла. Кстати, Завгородний, похоже, совсем невиновен в смерти наших. Просто волею случая оказался рядом. А спутника-сторожа сбил шальной метеорит. Представляешь, угодил в

единственное уязвимое место и под нужным углом. Вероятность — один к пятнадцати миллиардам. В ближайший галактический год такого больше не случится. Но все равно, спасибо тебе.

Даже не верилось, что придется расстаться с этими ребятами. Похожими на ее друзей и непохожими. Добрыми и безжалостными.

— Вы... к себе? Домой?

Сеня пожал плечами:

— Сначала на базу. За головнойкой. Тысяча чертей, нигде мы так не проваливались!

— Не нарежьте Землю, хирурги, — попросила Олыша серьезно.

— Постараемся, — пообещал он и вздохнул.

— Ну, давай лапу...

Ладонь Олыше легонько сжали — сначала Енот, потом Сеня, а потом (к несказанному удивлению Олыши) и Паха. Рука у него была горячая и чуть-чуть влажная. На лице сохранялась все та же непрошибаемость. Пожав руку, он показал Олыше раскрытую ладонь, ставшую матовой, как экран «Ноутбука». Под «кожей» медленно возникали буквы, складываясь в короткое предложение:

«Ты очень привлекательная самка своего вида».

Олыша смутилась, Сеня с Енотом заржали на всю улицу. Паха невозмутимо «погасил» надпись и вернулся в машину.

— Эй, Толстый! Когда-нибудь я научу тебя делать комплименты гуманоидам, — пообещал Енот, усаживаясь за руль. Олыше он сделал ручкой.

Сеня задержался, заглядывая ей в глаза. На секунду показалось, что сейчас он ее поцелует. Но Сеня только снял очки и протянул ей.

— Возьми. На память.

Олыша приняла подарок обеими руками. Взгляды их встретились.

— Я еще увижу тебя?

Сеня усмехнулся:

— Однажды ты уже задавала этот вопрос.

Он резко повернулся и шагнул к машине. Сухо клацнула дверца, опускаясь на место.

«Оксо», подобрав колеса под днище, круто ушел в зенит. Олыша провожала его глазами, пока темную точку не поглотило небо. Осталась лишь самая обычная улочка, каких в Николаеве десятки. Чудеса закончились, вернулась обыденная серость, но остались еще воспоминания и неожиданное ощущение минувшего праздника.

Вдохнула. Надела подаренные очки.

Сеня, Сеня, разведчик-гианец. Растворился, исчез из ее жизни, как предутренний сон.

«А ведь ему бы очень пошел белый халат», — подумала Олыша, подхватила сумку и зашагала домой, зная наверняка, что ее путь гораздо короче, чем у троицы там, наверху.

Апрель 1992 — январь 1993

Николаев

ПЕЛЕНА

Бойт ждал пятницы с отчаянием — ночь на субботу была первой ночью полнолуния. Значит, опять начнется... Боль во всем теле, приблизительно с полуночи. И слухи, слухи, ползущие по городку: «Вы слышали? У Фарлингов сын пропал. И сарай сломан, а забор и вообще в щепы...» — «А следы, следы? Кто может оставлять такие следы на земле?» — «Кто?» Потом, конечно, найдутся обезображенные останки молодого Фарлинга, жители торопливо попрячутся по домам, запирая двери и ставни, потому что покрасневшее солнце нырнет за горизонт и сразу же навалятся липкие июньские сумерки, а за ними — вторая ночь полнолуния.

Бойт удрученно вздохнул. Все началось недавно — это полнолуние всего третье. И все же... Уже четырежды находили истерзанные останки жителей Армидейла, неосторожно покинувших свои дома ночью. Несколько раз к утру оказывались полуразрушенными деревянные строения.

Городок погрузился в оцепенение. Обитатели отсиживались за мощными стенами старых каменных

домов, понимая, что оборотень — кто-то из местных. Армидейл — такая глушь, что за ночь добраться от ближайшего селения можно разве что на самолете, а самолеты сохранились только в столице и, говорят, давно уже не летают. Горы и лес окружили городок с трех сторон, единственная дорога убегала на юг, где далеко-далеко, в неделю пути, лежит такой же замшелый городишко Гриборг.

Бойт торопливо шагал по улице, обдумывая то, что пришло в голову сегодня утром. Соседи безмолвно кивали ему — Бойт здоровался и сразу же опускал глаза. Он боялся, как и все в Армидейле.

Правда, никто не мог узнать, что боится он совсем не того, что остальные. Самое парадоксальное — больше всех боялся именно Бойт. Остальные боялись только оборотня. Бойт боялся всего: себя, сограждан. Боялся, что его разоблачат. Боялся неминуемой и неотвратимой расправы. Как ужасно терзаться страхом, которому виновник — ты сам! И ведь поделать ничего нельзя.

Бойт от бессилия зажмурился и до боли сжал кулаки.

Дом у него был старый и крепкий. Будь оборотнем кто другой, Бойт чувствовал бы себя вполне в безопасности за его массивными стенами.

Дверь глухо хлопнула, закрываясь. Бойт замер на пороге комнаты. И так... Получится ли?

* * *

Лан неслышно подошел к сестре и положил руки ей на плечи. Васта испуганно вскрикнула, отшатнулась прочь. В глазах ее сверкнул ужас. Лан смутился.

— Прости... Я не хотел тебя испугать...

Сестра всхлипнула, опускаясь на табурет.

— Господи... Сколько это будет продолжаться?

— Прости, Васта. Мне кажется, я кое-что придумал..

Васта горько усмехнулась:

— Что ты мог придумать? Кто может справиться с этой тварью?

Лан не успел ответить — в наружную дверь постучали. Почти одновременно часы пробили десять вечера.

— Не открывай! — прошептала Васта, судорожно вцепившись брату в локоть. — Это ОН!

«Рано еще, до полуночи далеко...» — подумал Лан и вышел в сени. Васта не отпускала его руки.

— Не открывай!!!

В дверь опять постучали. Удары гулко отдавались во всем доме.

Лан взял свободной рукой разрядник, всегда висевший на крайнем крючке вешалки, и громко спросил:

— Кто там?

Снаружи донеслось:

— Лан! Открой! Это мы — Ари и Веселый. Открой, пожалуйста!

Васта вздрогнула и крепко сжала брату ладонь: Ари был ее женихом.

— Что вы, черт возьми, делаете во дворе в такой час?

— Лан, у нас в спальне кто-то окно вышиб. В дом теперь может влезть кто угодно. Открой, пожалуйста! Нам негде укрыться. Эй, слышишь?

Лан колебался.

— Почему мне знать, вы это или только притворяетесь?

— Лан, прошу тебя, мы уже десять минут торчим на улице беззащитными...

— Ари, — перебила Васта, — скажи, как ты меня называешь? Только ты? Как?

Из-за двери сразу же послышалось:

— Шао!

— Это он! — сказала Васта брату. — Никто не может этого знать.

Лан отступил и отодвинул тяжелый засов. В сени поспешно ввалились двое — Ари и его закадычный дружок, имени которого никто не помнил. Звали его просто «Веселый».

В открытую дверь на миг заглянул желтый кругляш полной луны. Лан защелкал замками.

— Черти бы вас побрали! Шляетесь в такое время... — проворчал он, вешая разрядник на место.

Веселый сегодня выглядел не особенно веселым. Ари перестал обниматься с Вастой и повернулся к Лану:

— По-правде говоря, дом у нас в полном порядке, Лан. Просто я придумал, как изловить это отродье, — сказал он.

Лан покачал головой:

— Ты идиот, Ари. Я бы ни за что не вышел на улицу в потемках.

— Надо же что-нибудь делать, — пожал плечами Ари и усадил Васту в кресло. Лан вздохнул, вопросительно качнув головой:

— Ну, выкладывай, что ты там придумал.

Звезды поблекли, темнота расползлась, уступая место рассвету. Бойт дернулся и пришел в себя. Все тело ломило и жгло, словно его долго топтали в кислотной луже.

Он огляделся. Городок виднелся в полумиле слева. Бойт вскочил, преодолевая боль, и побежал туда, торопясь скрыться, пока окончательно не рассвело. Бежал он по знакомому следу — двойной цепочке четких глубоких отпечатков, внушающих подсознательное, смутное беспокойство.

Значит, ничего не вышло. Вчерашняя выдумка не остановила его.

На околице Бойт свернул со следа и задами пробрался к своему дому. Дверь болталась на легком ветру, распахнутая настежь. Он вошел в комнату и устался на груду битого кирпича вперемешку со штукатуркой.

Вчера он снял люстру, привязал к крюку в потолке крепкую капроновую веревку с петлей на конце. Еще одной веревкой обвязал массивную чугунную печь. Около полуночи встал на табурет, одну петлю захлестнул на ногах, другую на запястьях. Завалился набок, взыв от боли в вывернутых плечах, и повис, растянутый между потолком и печью, абсолютно беспомощный. Это было вчера вечером. Больше он ничего не помнил.

Бойт угрюмо поднял глаза. Крюк был вырван с мясом. На потолке остался безобразный кратер метрового диаметра. Сам крюк с креплением валялся посреди комнаты. Шнур, привязанный к печи, был просто оборван и пестрой змеей свился в углу.

Бойт судорожно сглотнул и обессиленно повалился на кровать. Боль медленно отступала. «А ведь сегодня нужно еще что-нибудь придумать», — мелькнула вялая мысль.

Армидейл тем временем оживал. Вот хлопнули открываемые ставни, вот показалось помятое, тронутое ночным страхом и бессонницей лицо.

Спустя час Бойт встал и начал собираться на работу. Работал он единственным продавцом в крошечном магазинчике и обычно целый день механически принимал деньги, отпускал покупки, а сам думал все время о своем.

Бойт запер дом и побрел вверх по улочке к магазину. Сегодня должен был заявиться хозяин и привезти партию товаров, ну и, разумеется, устроить Бойту обычный разнос, после которого все пойдет как прежде.

Жители Армидейла торопливо кивали друг другу и спешили поскорее разойтись. Бойт вел себя точно так же.

У дома Ридли Ньюмена стояла группа прохожих. С двух сторон дом был основательно разворочен: стены рухнули и развалились по кирпичику, крыша перекосилась и просела почти до земли.

С чердака только что сняли насмерть перепуганного сына Ридли; самого хозяина и его жены нигде не было видно. И следы, следы, знакомые жуткие следы кругом... Бойт вздрогнул и быстро зашагал прочь.

Лан вернулся через час. Ари и Веселый побросали лопаты и выбрались наверх.

— На этот раз Ридли Ньюмен с женой, — глухо сообщил Лан. — Вдребезги, в пыль...

— А мальчишка? — спросила Васта. Она стояла в дверях, опираясь ладонью о косяк, и смотрела на Лана.

— Живой, но, похоже, лишился рассудка.

Ари скрипнул зубами и прыгнул в яму, на лету подхватив лопату.

— Давайте! Времени не так много.

Втроем дело у них пошло споро. Яма быстро углублялась.

Около двух Васта заявила, что всем давно пора передохнуть и подкрепиться. Сели за стол. Васта до сих пор слабо представляла себе, что же задумали парни.

— У меня такое впечатление, — объяснял ей Ари и одновременно рассуждал вслух, — что оборотень двигается не быстрее нас. Все его жертвы и не пытались бежать — они погибли, парализованные страхом. Обычно он нападает на не слишком прочные дома и ломает их. Дверь, окно, и все — обыватель уже вопит от страха. Кто попадаетея во дворе — рвет на части или давит, словно грузовик. Вспомните первые убийства — след оборотня везде был коротким. Это значит, что догонять жертву ему не приходилось. А вот Веселый месяц назад попался ему на дороге, но удрал. Побежал и оторвался уже через минуту.

— Ты видел оборотня? — изумился Лан.

Веселый угрюмо кивнул:

— Да.

Васта схватилась за виски:

— Господи...

Лан чужим голосом спросил:

— И... какой он?

Веселый помедлил и сказал с интонациями пророка:

— Я не хочу никого пугать. Но если мы его не перехитрим, он убьет нас всех.

Все притихли. Потом Ари завершил:

— В общем, Васта, хоть оборотень и становится гораздо сильнее в ночном обличье, в скорости он вовсе не прибавляет. Мы хотим замаскировать нашу яму, заманить его туда и убить.

Васта покачала головой:

— Неужели это так просто?

Ари встал.

— Нет. Но мы попытаемся. Если не трусить и все рассчитать... — Он обратился к Лану: — Пошли! Лучше, чтобы яму никто не видел.

Вскоре западня была готова. Ари обозначил ее границы неприметными вешками.

Двор Лана с улицы почти не просматривался: высокая живая изгородь ошетилилась короткими шипами и сплошной пеленой мелких зеленых листьев образовывала настоящую стену. Яму выкопали посреди двора; дальнюю ее сторону прикрывал дом, ближнюю — изгородь. Справа был крепкий каменный сарай, слева — дорожка от калитки к дому.

Веселый влез на столб у калитки и прикручивал проволокой мощный прожектор. Ари и так и эдак приглядывался к западне, доводя маскировку до совершенства. Лан за домом разбрасывал вынутую землю, потом ему стал помогать Веселый. Скоро участок стал выглядеть просто вскопанным.

Только после этого они собрались в доме. Васта привычно проверила запоры на окнах.

Вечерело. На голубом еще небе отчетливо виднелся бледный диск полной луны.

Васта взглянула на Веселого и без выражения спросила:

— Думаешь, твой прожектор поможет?

Тот неопределенно пожал плечами:

— Все же лучше, чем столкнуться с ним при свете одной лишь луны.

— Так он вам туда и свалится.

Веселый только усмехнулся.

Смеркалось быстро. Васта хотела уже закрыть ставни, но Лан ее остановил:

— Иди-ка ты в свою комнату, сестра, запришь и постарайся уснуть. Ты нам будешь только мешать. — Голос у брата был непривычно ломкий. Васта просто не смогла не подчиниться, хотя перспектива остаться в одиночестве в темной комнате отнюдь не радовала ее. Ари обнял ее и отвел в спальню. Ключ дважды провернулся в замке.

И они стали ждать. Часы пробили десять, потом одиннадцать. За окнами было тихо, только шелестела листва на ветру. Прожектор на столбе ярко освещал двор и часть улицы, и от этого липкий полумрак за пределами светлого круга казался еще более зловещим и непроницаемым.

В полночь они открыли дверь, застыли на крыльце.

Армидейл глядел в ночь редкими огоньками. Темные туши домов выстроились вдоль едва освещенных фонарями улиц. Гнетущий лунный свет скупно разливался вокруг.

— Черт побери! — прошептал Ари. — Поди угадай, откуда он явится!

Веселый на ватных ногах проковылял по дорожке и вышел на улицу. Постоял посреди пустынной дороги — нелепый, жалкий и одинокий. Крикнул срывающимся голосом:

— Эй! Где ты? Иди сюда!

Лан ткнулся в плечо Ари:

— Ну почему мы такие беспомощные в этой пелене?

Веселый все переминался с ноги на ногу посреди освещенного пространства, вертел головой — озирался. Так прошло минут двадцать.

Вдруг Веселый подобрался и бочком, бочком юркнул в калитку; взбежал на крыльцо. Лан сжал разрядник, до рези в глазах вглядываясь в обманчивый полумрак. Но ничего не происходило, все оставалось так же зыбко, тихо и неподвижно. Веселого трясло. Он прошептал:

— Я больше не могу...

Ари зло сплюнул:

— Так мы ничего не добьемся.

А ночь раскинула крылья, поглотив и Армидейл, и горы, и полмира, и драгоценным бриллиантом сияла в небе над ними полная луна.

Они вернулись в дом, пытаясь что-нибудь придумать; у двери все время находился кто-то один. Позже к ним присоединилась Васта, издерганная и усталая.

А перед рассветом ночную тишину вспорол отдаленный рев и полный отчаяния и безысходности пронзительный крик. Все четверо мигом оказались на крыльце, напряженно уставившись в темноту; Лан судорожно держался за разрядник, внешне совсем маленький и безобидный. Васта прижалась к Ари.

Оборотень чинил расправу кварталах в пяти от них. Крики оборвались почти сразу, а густой, утробный рев еще долго сотрясал теплый июньский воздух. Луна села час назад, там было темно, как в преисподней. Каждый понимал, что бежать на помощь уже поздно.

Потом начало светать, и они заснули кто где сидел, разбитые и утомленные нервной ночью, забыв даже закрыть дверь.

Лан очнулся, когда часы в комнате пробили пять вечера. Не проснулся, а именно очнулся, ибо то без-

граничное и бездонное забытье, куда он провалился, сном назвать было трудно.

Ари с Веселым сидели на крыльце, вполголоса переговариваясь, Васта еще спала. Лан с хрустом потянулся и побрел к зеркалу. Заснул и очнулся он с одной и той же мыслью: как приманить оборотня к дому? Не устраивать же вечеринку на крыльце...

Стоп! А почему бы и нет?

Лан круто развернулся и вышел к Ари с Веселым. Те сразу заметили оживление на его лице.

— Ты как будто что-то придумал?

— Кажется, да!

Кого настиг оборотень прошлой ночью, они в тот день так и не узнали. А когда стало темнеть, недоумевающие соседи могли видеть ярко освещенное крыльцо в доме Лана, накрытый на четверых стол и веселящуюся компанию. Далеко окрест разносились звон гитары и сдержанный смех. Среди столовых приборов как бы случайно лежал разрядник.

Веселый последние два часа перед темнотой провел в импровизированной химической лаборатории. Теперь он вертел в ладонях два стеклянных пузырька с вязкой жидкостью цвета серебра.

«Гуляли» почти до утра. Но оборотень так и не появился. Этой ночью его вообще никто не видел и не слышал — первая ночь без жертв. Армидейл не знал, что делать — вздохнуть свободно или бояться еще сильнее. На дом Лана смотрели с подозрением: не они ли? Ведь никто не пострадал...

Напрасно ждали его и следующей ночью. Нервы Лана и его сообщников натянулись до предела. Шла последняя ночь полнолуния.

На закате Ари с Веселым решили обойти дом. Просто так, без какого-либо умысла. И на разбросанной два дня назад земле наткнулись на знакомые зловещие следы.

Лан сидел на крыльце и чистил разрядник, на который почему-то очень надеялся. Когда из-за угла

пулей вылетел Ари с перекошенным лицом, Лан произвольно вздрогнул и вскинул оружие.

— Лан! Он все-таки был здесь! Последние две ночи выжидал за домом!

Потом они все вместе ходили осматривать следы и сломанный забор. Веселый хмурился, Ари все ждал, что же скажет Лан. А тот не спешил.

— Ну что? — не выдержал Ари. — Кажется, мы теперь знаем, откуда его ждать!

Лан не ответил. Он тоже об этом подумал. Если оборотень опять придет и решит напасть, значит, он выйдет к крыльцу слева, между домом и сараем, и, если убежать с крыльца по дорожке, оборотень, преследуя их, неминуемо попадет в западню.

Но сейчас Лана волновало не это. Во-первых, как тварь смогла бесшумно сломать забор и подобраться к дому? Так, что даже они, ждущие и настороженные, ничего не заподозрили? И почему, черт возьми, он две ночи выжидал? Что его удерживало?

Лан терялся в догадках. Все разрешить могла только ночь. Последняя ночь полнолуния.

И она пришла, затянув городок зыбкой, неясной пеленой; разбросала по угольному бархату неба колючие светляки далеких звезд и глянула на мир круглым немигающим глазом полной луны!

Прошла полночь. Шумная компания во дворе Лана на фоне вымершего городка казалась несколько неестественной. Но у них не осталось выбора. Они должны были победить.

Спиной к щели между домом и сараем сидел только Ари. Лан с Веселым не спускали с нее глаз. Васта уже дважды ходила в спальню и украдкой глядела в окно, пытаясь увидеть выжидающего за домом оборотня.

Ветер запутался в листве серебристых тополей, слегка колыхая их стройные кроны, но шелест заглушала музыка.

Васта в третий раз пошла взглянуть в окно. Вот тут-то все и началось.

Оборвалась на полуслове песня, погас на столбе прожектор. И, кромсая на части ночную тишь, в воздухе завис громкий рев, перекрывая крик, одновременно вырвавшийся из трех мужских глоток. Васта закричала секундой позже.

Оборотень напал совсем не с той стороны, откуда его ожидали. Он проломил ограду соседского двора справа от крыльца и оказался на дорожке, ведущей к воротам. Ни Ари, ни Лан, ни Веселый не успели ничего заметить; сообразили только: «Началось!» Перед глазами плыли цветные пятна. Лан рефлекторно вскинул разрядник и наудачу выпалил. В свете короткой вспышки они увидели массивное приземистое тело в каких-то двух-трех шагах от себя. Лан попал, динамический удар отшвырнул оборотня от ступенек, воздух сотряс новый злобный рев.

Секундой позже опомнилась Васта и метнулась к пускателю аварийного дизеля. В темноте прихожей она зацепилась за кресло, налетела на стеллаж с книгами. На счастье, палец ее угодил прямо на кнопку, и грохот просыпавшихся книг заглушил вой генератора. Над крыльцом как раз вовремя вспыхнула тусклая, пыльная лампочка.

Оборотень вновь лез по ступеням, дыра в широком боку быстро затягивалась. В неверном, колеблющемся свете он казался огромным, хотя на самом деле был даже ниже малыша Веселого.

Ари опрокинул на тварь сервированный стол и перемахнул через перила. Разрядник Лана плюнул плазмой еще раз, однако оборотень заращивал раны прямо на глазах. Его лишь отбросило к стене дома. Веселый, пригнувшись, пересекал двор. Лан выстрелил еще дважды и швырнул бесполезный разрядник, целясь оборотню в глаза. Ари жался к стене: оборотень загнал его в угол, где крыльцо примыкало к дому, и не подмял до сих пор только потому, что его

отвлекал Лан своей стрельбой. Стараясь использовать оставшиеся секунды, Ари попытался вскарабкаться на крыльцо, но оборотень успел сцапать его сзади. Ари подтянулся на руках, перевалился через перила и, оглянувшись, осознал, что у него больше нет левой ноги. Боли не было — его переполняли только отчаяние и ненависть.

Лан с Веселым подкрались, пока оборотень драл Ари, и обрушили на него тяжеленную дубовую колодину. Тот развернулся, мотнул могучей лапой — Лана отбросило через весь двор к калитке. Веселый увернулся и бросился наутек. Оборотень рыкнул и в два скачка нагнал его. Веселый вдруг споткнулся и упал.

В этой суматохе никто не заметил, как Васта выпрыгнула в боковое окно и скользнула за сарай, к задней двери.

Лан у калитки пытался подняться, но не мог — все время падал. Веселый еще раз увернулся от страшной лапы и наконец вскочил. Оборотень приготовился на него ринуться, однако не успел.

Из сарая с пронзительным воплем, от которого вздрогнул даже оборотень, показалась Васта. Ее светлая фигурка явственно выделялась на фоне темной стены.

— Сюда! Иди сюда, тварь!

На секунду их взгляды встретились. Оборотень замер, повернувшись к ней. А потом стал медленно приближаться.

Веселый метнулся на крыльцо, где выронил свои пузырьки. Их подал ему Ари.

С громким хрустом настил над ямой проломился; оборотень, тяжело осев на левый бок, провалился в западню. Лапы скользнули по краю ямы, но зацепиться было не за что. Оборотень попался.

Над городком раскатился злобный, но бессильный уже рев. Веселый, став на краю западни, с силой метнул вниз оба пузырька. Они с легким хлопком

разлетелись на мелкие стеклянные брызги от удара о закаленную сталь. Над ямой сразу же за клубился густой белесый дым.

Васта охнула и опустилась на землю у стены сарая, Лан чертыхался и умолял помочь ему подняться. Ари молча наблюдал с крыльца за развязкой. Веселый первым делом сходил к электрощиту, а Вастой занялся, только когда вспыхнул прожектор, зажегся свет в доме и совершенно не к месту заиграла музыка.

А оборотень тем временем быстро ржавел в западне.

Веселый больше не спешил. Отвел слегка пришедшую в себя Васту в дом, взял отвертку и щуп, кое-как вогнал в пристойный режим сплюснутый гидрофиз Лана, а потом они уже вдвоем осмотрели Ари. Сам он не пострадал, а вот оторванная нога, помятая и погнутая оборотнем, годилась разве что в утиль. Пришлось усадить Ари в кресло и совсем отмонтировать ему бесполезный обрубок — новую ногу ему прикрепить днем, в мастерской Бена.

Только после этого Лан с Веселым подошли к яме. Оборотень, рыжий от ржавчины, неподвижно валялся на дне. Лан втянул в голову в плечи.

— Дьявольщина! Вот он уже и не опасен, а все равно жутко, правда?

Веселый кивнул.

— Что у тебя было в бутылочках? Какой-то катализатор?

— Угу, — нехотя промычал Веселый. — Рапид-окислитель.

Они собрались было отойти, но тут оборотень всхрапнул, дернулся, могучие лапы вдруг с ужасающим скрежетом разложились на восемь сегментов, шипастые гусеницы обвисли, ковш впереди стал стремительно выгибаться, принимая очертания передней панели обычной серийной модели. С хрустом становились на места сочленения, перемонтировались

отдельные узлы, и через несколько минут на дне ловушки лежал такой же робот, как и Лан с Веселым, только насквозь проржавевший.

— Бойт! — узнал его Веселый. — Подумать только, Бойт! Этот жалкий продавец, тихоня и неудачник!

— Да-а... — протянул Лан. — Так и запишем: серийный кибер-продавец 2А-JR, образца 7226 года, бульдозер-роборотень.

Васта собирала на крыльце разбросанный сервиз — разрисованные цветочками мини-аккумуляторы.

— Васта! — окликнул ее Лан. — Знаешь, кто это? Бойт, продавец из магазина.

Но Васта только тихонько всхлипывала.

Апрель 1990

Григорьевка

ЗАБЫТАЯ ДОРОГА

История византийских перстней

Ромка даже не подозревал, как отреагирует институтский друг Владислав Багдасаров на его неожиданную находку. Багдасаров был лет на пять старше Ромки и в институт поступил уже после службы в армии. Слыл он парнем серьезным, бесспорно — умным, но несколько замкнутым. Впрочем, он никому ни в чем не отказывал, но никогда и не делал и не говорил больше, чем требовалось. С однокурсниками у него сложились корректно-вежливые отношения; Ромка с Багдасаровым здоровался, и на этом их знакомство исчерпывалось.

Жил Багдасаров в общежитии, и Ромка, коренной киевлянин и вчерашний школяр, несколько неуютно почувствовал себя у входа в этот особый, ни с чем не сравнимый уголок студенческого быта. Наконец он вздохнул, решительно нагнул голову и вошел внутрь. Вскоре ему подсказали, что Багдасаров живет в 88-й комнате. Миновав 87-ю, Ромка остановился, ожидая увидеть на очередной двери две восьмерки.

Восьмерок оказалось восемь. Две, ниже — четыре в ряд, и в самом низу опять две. Над этой кавалькадой восьмерок красовались два цветных снимка из «World Soccer»: Сократес, стоящий на коленях и воздевший руки к небу, и сосредоточенно глядящий куда-то влево Брайан Робсон. Насколько Ромка знал, оба эти футболиста играли под восьмыми номерами, Сократес за Бразилию, Робсон за Англию.

Ромка усмехнулся. Видать, цифру «8» здесь уважали.

Он осторожно постучался.

— Открыто! — рявкнули изнутри.

Ромка вошел. Багдасаров возлежал на койке, задрав ноги на пошарпанную спинку; за столом, покрытым бордовой скатертью, сидел его закадычный дружок Дима Федоренко, который сортировал пожелтевшие от времени газеты, аккуратно раскладывая их на три стопки. Багдасаров грыз яблоко и созерцал свои кроссовки, покоящиеся на спинке кровати.

— А, Ромка? — удивился он и сел. — Заходи.

Ромка шагнул через порог и огляделся. Все стены пестрели плакатами и постерами из журналов: футболисты, кадры из фантастических фильмов, рок-группы — все это придавало комнате богемно-многозначительный вид. За дверью притихли два спортивных велосипеда, рядом с лампочкой с потолка в специально сплетенной сетке свешивался дорогой футбольный мяч, на стене, в щели между атакующим Ван Бастеном и группой «Grand Funk Railroad», тускло отблескивала электрогитара, разрисованная крестами, иероглифами и самурайскими мечами. И книги, книги везде — на подоконнике, на столе, на полу — кипы, целые Эвересты книг. В глаза бросался корешок толстенного, обернутого хрустящей белой бумагой фолианта с жирной надписью: «ДМБ-87».

Ромка печально заулыбался: «Весело живут! Не то что я — как мышь в аптеке, это не тронь, сюда

не сядь, и не дай бог забудешь где-нибудь свет погасить! Хорошо, хоть свою комнату удалось отвоевать. Но какой кровью!»

Вздыхнув, Ромка наконец поздоровался:

— Привет, граждане!

Дима, не отрываясь от газет, буркнул нечто приличествующее моменту, Багдасаров кивнул и осведомился:

— Там у нас на кухне супчик греется... Участвуешь?

Ромка замотал головой и подумал, что жизнь под маминым крылышком все же имеет и свои преимущества.

— Я, Славик, собственно, вот чего. Помнишь, я у тебя видел два перстня? Ну такие, с неограниченными камнями?

Багдасаров резко обернулся к нему, и на лице его Ромка уловил напряженнейшее внимание. Дима вздрогнул и тоже обернулся, оставив свои газеты. Ромка заторопился, сунул руку в карман и протянул вперед.

— Вот!

На ладони лежал потемневший от времени перстень. Обруч его был очень широк, шире даже камня. Сам камень бугрился едва обработанной поверхностью и поражал глаз странной асимметрией. До сих пор Ромка не видел несимметричных камней, вернее до тех пор, пока не увидел два таких же перстня у Славки. Произошло это месяца два назад. Присмотревшись, легко было заметить, что обруч у перстня даже не цилиндрический, а слегка конический; отверстие для пальца по диаметру совпадало с обеих сторон, но внешний обвод обруча с одной стороны был устроен так, что мог подойти и прочно состыковаться с другой стороной еще одного перстня. Внутри на обруче виднелся выгравированный знак, замысловатый и непонятный.

Багдасаров трепетно взял перстень, оглядел его со всех сторон, словно хрупкую вазу эпохи Мин, на

секунду задержав взгляд на знаке, и повернулся к Диме:

— Седьмой...

Еще с минуту он вертел в руках Ромкину находку, возбужденно блестя глазами.

— Где ты его взял? — спросил он, не отрываясь от перстня.

Ромка торжественно начал:

— А вот это — сплошной анекдот. Вчера случайно заглянул в кабинет отца, словарь искал, и на столе обнаружил эту штуку. Сразу вспомнил, что видел у тебя такие же. Ты ведь разыскивал их? Везде и у всех спрашивал, так ведь?

Багдасаров кивнул.

— Ну вот. Дождался я отца, спрашиваю, откуда, мол, у тебя эта вещица? Он засмеялся. Оказывается, сей перстень ему всучили в одной антикварной лавке в Швейцарии.

— Когда? — быстро уточнил Багдасаров.

— Месяц назад.

— А почему твой отец оказался в Швейцарии?

Ромка улыбнулся не без гордости: отец его был достаточно известной личностью.

— Он — журналист-международник. Мотается по всему свету, я его месяцами не вижу. — Ромка секунду помолчал. — Ну, слушайте дальше-то. Зашел он в лавку просто так, из любопытства. А продавец, он же хозяин, как узнал, что посетитель — русский, непременно захотел вручить ему что-нибудь на память. Батя счел неудобным отказаться, тем более что стоил перстень сущие гроши. Короче, купил, вернулся, принес домой — ума, говорит, не приложу, куда его приспособить. Положил на стол, да так и провалялся перстенок этот, пока я не наткнулся.

Ромка умолк.

— Все? — поинтересовался Багдасаров.

— Вроде бы да... — неуверенно пожал плечами Ромка.

С минуту все трое безмолвствовали. Ромка ждал, что произойдет дальше, Славка обменивался с Димой быстрыми взглядами.

Первым нарушил молчание Дима:

— По-моему, гора в первый раз сама пришла к Магомету, а не наоборот.

— Подожди, — сказал Багдасаров, поморщившись. — Скажи-ка, Рома, а больше ничего подобного тот швейцарский лавочник твоему отцу не предлагал?

Ромка напрягся.

— Нет! — И вдруг смущенно остановился. — Хотя... Отец, кажется, упоминал какую-то штуковину... Вроде подставки, что ли. И там, кажется, какие-то знаки... А какое это имеет отношение к перстням?

— Где твой отец? — нетерпеливо перебил Багдасаров.

— Дома...

— Телефон есть?

— Есть...

— Бежим!

Они как угорелые вырвались из комнаты, ежесекундно подталкивая Ромку. Вихрем пролетев по длинному коридору и едва не сшибив группу весело завизжавших девчонок, они скатились по лестнице, прыгая через две ступеньки, и оказались у телефона. Пожилая, похожая на печального кенгуру вахтерша осуждающе покачала головой, но, видимо, Багдасаров числился у нее на хорошем счету, раз она этим и ограничилась. Багдасаров на ходу бросил: «Мари-ванна, мы позвоним!» и сразу же схватил трубку. Дима, сложившись пополам, завис на перегородке у стола вахтерши. Та добродушно ворчала. Багдасаров сунул трубку Ромке:

— Ну!

Ромка покорно набрал номер. Отозвался отец. Это Ромку воодушевило, и он, коротко объяснив, что собиратель перстней намеревается что-то у него выяснить, вернул трубку Славе.

— Как? Как отца-то зовут? — шепотом спросил Багдасаров, зажав ладонью микрофон.

Ромка, скорее инстинктивно, чем осознанно, подсказал:

— Андрей Сергеевич...

— Добрый день, Андрей Сергеевич!

Ромка лихорадочно соображал, не напутал ли он чего с этой «подставкой», и, хоть и слышал голос Багдасарова, слова совершенно не воспринимал.

Очнулся он минуты через три. Багдасаров все еще говорил с отцом, Дима полулежал-полувисел на перегородке и напряженно вслушивался.

— И все же, как человек честный, я просто обязан вернуть вам те деньги, которые уплачены за перстень...

Отец что-то заговорил, по-видимому, возражал Багдасарову.

— Ну что же, в таком случае огромное спасибо! Да-да... И если будут результаты, сразу же сообщите через вашего сына. Впрочем, если результатов не будет — все равно сообщите. Да-да... До свидания.

Багдасаров опустил трубку на аппарат и медленно обернулся. Дима выжидающе смотрел на него.

— Это замок. Определенно. — Багдасаров говорил спокойно, но на физиономии его аршинными радостными буквами читалось: «Наконец-то!»

Дима взялся за голову и сел прямо на мраморный пол.

Ромка испуганно попятился.

— Ребята! — жалобно протянул он, чертыхаясь в душе из-за того, что пропустил почти весь телефонный разговор. — Может, вы все-таки объясните что-нибудь?

Багдасаров, уже было направившийся к выходу, обернулся.

— Рома... — Он ненадолго задумался. — Слушай, дружище, давай не сейчас, а? Спасибо тебе большое, но... сейчас я здорово пришиблен, мысли путаются.

Приходи завтра. Мы как раз выясним кое-что... Как же замок с седьмым угодили в Швейцарию? Задача...

Ромку снадало любопытство, но он понял, что от Славки пока действительно ничего путного не добить-ся. Он вздохнул:

— Значит, завтра?

— Угу...

— А вы куда?

— В архив, дорогуша, в архив, — выскакивая за дверь, бросил Багдасаров. Дима уже ждал его на улице.

— Вы хоть комнату-то закрыли, оболтусы? — крикнула вдогонку вахтерша.

Багдасаров остановился, сказал: «А-а, черт!» — и быстрыми прыжками понесся вверх по лестнице.

— И суп, суп! — напомнил ему в спину Дима.

Ромка усмехнулся: «Занятные парни! Хорошо, если познакомлюсь с ними поближе...»

— До завтра, — сказал Ромка Диме и зашагал к выходу. Уже на крыльце он обернулся и увидел, как тот за стеклянной дверью помахал ему рукой.

* * *

Однако назавтра Ромке не удалось попасть к Багдасарову — с утра сдавал давно висящую на хвосте лабу, а после двух пар друзей-сыщиков отыскать не удалось. Нигде. Нашел их Ромка лишь спустя три дня, да и то случайно — в институтской столовой. Разговорились; Багдасаров затащил Ромку к себе. Все эти дни Ромка строил самые фантастические теории насчет перстней, заранее зная, что все они ничуть не будут походить на правду.

Багдасаров извлек из недр выдавшего виды шкафа стильную коричневую папку и небольшую коробку, похоже — от электробритвы. Водрузил их на стопку книг, возвышающуюся в центре стола,

сел. Ромка опустил ся напротив, оседлав шатучий табурет.

— Небось сгораешь от любопытства?

Ромка фыркнул: «Еще бы!»

— Тогда слушай. Началась эта детективная история с перстнями, наверное, невероятно давно. Но для меня — всего-навсего семь лет назад, за год до службы. Как-то раз копался я в семейных бумагах и обнаружил любопытный документ. — Славка вынул из папки несколько пожелтевших листков почтенного возраста. На них змеился рукописный текст на неизвестном Ромке языке, и рисунок присутствовал — знакомого вида перстень, весьма незаурядно выполненный углем. — Понятно, что меня это заинтересовало. Я расспросил отца, но он почти ничего не знал, сказал только, что это одно из исторических увлечений деда. А дед как раз за неделю до этого уехал лечиться в Феодосию. Я еле дождался его, так как в поисках еще чего-нибудь, имеющего отношение к первому документу, обнаружил целый архив и два перстня. Вот эти. — Багдасаров указал на пару перстней в коробке. Они покоились в ячейках, около которых виднелись аккуратно наклеенные бирочки с цифрами. Эти значились под номерами 1 и 4. Кроме того, сейчас были заняты ячейки 2, 5 и 7. Третья и шестая пустовали. — Второго, пятого и седьмого тогда еще не было, — сказал Багдасаров, коснувшись тремя пальцами, как пианист, соответствующих перстней. — Кстати, три дня назад ты принес вот этот, седьмой. Но вернемся к деду. Вот что он рассказал. Во время войны — а мой дед прошел всю войну, с первого до последнего дня — служил вместе с ним один парень, историк, Андрей Щелкалов. Как-то так вышло, что с дедом он сдружился: знаешь ведь, как это бывает — котелок один на двоих, ели вместе, спали рядом, одной шинелью укрывались. И носил этот парень на шее перстень — на цепочке. Дед спросил, что это за странная вещь.

Выяснилось, что перстень имеет свою собственную биографию. Андрей рассказал все с самого начала, как я тебе пытаюсь.

Багдасаров хлопнул ладонями по столу.

— Придется совершить небольшой экскурс в историю. Приблизительно в 1570 году, во время правления Ивана Грозного, начал действовать русский корсарский флот. Знаешь, что это такое?

Ромка не знал.

— Собственно, это узаконенное пиратство. Или антипиратство, если угодно. Одно государство топит торговые суда другого. На Балтике тогда сложилась весьма напряженная ситуация. Россия рвалась к морю — ей необходимо было торговать. Европейские страны, как могли, противились этому. Тогда Иван Грозный решил на следующий шаг: сделал ряд уступок английским купцам — снизил пошлину, приказал торговать с англичанами по низким, выгодным им ценам, и так далее. Понятно, что англичане, по сути дела получившие монополию на торговлю с Россией, крепко ухватились за эту возможность и слетались, а точнее — сплывались к берегам России, словно мухи на мед. Европу это взбесило, в первую очередь, польского короля Сигизмунда-Августа. Он и натравил свой корсарский флот на английские суда. Иван Грозный в ответ сколотил свой флот, с помощью иностранных мореходов и русских корабелов, для защиты англичан. Дрались эти корсары, без сомнения, много, одно море знает, сколько моряков там погибло. На русских судах матросами служил всякий сброд — головорезы со всей Европы, хотя хватало и русских моряков. На одном из таких корсарских кораблей и подвизался прапра-, не знаю уж, сколько раз «пра-» дед Андрея — Федор Щелкалов. В этом же 1570 году в одной из морских баталий корабль получил серьезные повреждения и затонул немедленно. Из экипажа спаслись восемь человек, и, видимо, спасли они, помимо собственных жизней, еще нечто,

нечто очень важное для царя Ивана. Что именно — ни Андрей Щелкалов, ни дед, ни я так и не выяснили. Но услуга, видать, вышла немалая, потому что царь пожаловал всем восьмерым определенную сумму денег — факт для того времени достаточно необычный — и в память вручил семерым матросам по такому вот перстню, а восьмому, голландцу-штурману, — то, что мы условно называем «замком». Так предок Андрея Щелкалова стал обладателем перстня, который впоследствии передавался из поколения в поколение, от отца к сыну, пока не добрался до Андрея. В 43-м году Андрей погиб под Курском. Родных у него не оказалось, и перстень оставил себе мой дед. Андрей успел сказать, что все перстни и замок, собранные вместе, имеют какие-то необычные свойства, и дал адрес архива, где могли найтись сведения об остальных перстнях.

Деду повезло больше — он дожил до победы и, помня о словах друга, стал искать архив. Оказалось, что его эвакуировали из Москвы куда-то в Сибирь. Добрался до него дед аж в 58-м году в Новосибирской области, в Искитиме. И выяснил интереснейшие вещи.

Перстни с замком уходят корнями в глубокую древность. Упоминание о них нашли в византийских документах. Представляешь? Византия! Видишь вот эти знаки внутри? — Багдасаров показал на замысловатые письмена. — Это цифры. Правда, с письменностью Византии, то бишь с греческим языком и алфавитом, они не имеют ничего общего, но именно из византийских документов узнали, что это просто цифры, от 1 до 7. Подобных знаков, насколько я сумел установить, ни один народ мира ни ныне, ни в древности не употреблял. По крайней мере, в течение последних трех-пяти тысяч лет. Другими словами, науке они неизвестны. Далее. В тех же документах сказано: «Кто соберет воедино все перстни, сложит их в ключ и вставит ключ в замок — тот откроет

некую «забытую дорогу человечества». Что это за дорога и куда она ведет — не упоминается. Забавно, правда? Я, честно говоря, до сих пор не понял: перстни — это ключ, замок тоже имеется, а вот где дверь? Или что-то вроде нее?

— Постой, — перебил его Ромка. — А почему тот же Иван Грозный не открыл эту дорогу? Ведь у него были под рукой все семь перстней и замок в придачу. Или тот, кто все это царю доставил?

— Ха! Дело-то как раз в том, — объяснил Багдасаров, — что византийские рукописи нашли почти через триста лет после того, как Иван Грозный раздал все матросам. Замок и перстни разбрелись по Европе. Царь просто не знал предназначения ключа и замка, не знал даже, что это вообще ключ и замок.

Багдасаров умолк. Ромка сидел здорово ошарашенный. Такие истории всегда интригуют до крайности, а если ты еще и их участник...

— Вот и начал мой дед искать следы всех перстней, кроме номера четвертого, который уже был у него. Шесть лет спустя дед напал на след второго: Андрей Щелкалов еще до войны сумел установить имена трех матросов, получивших перстни. Кроме Федора Щелкалова, это были Степан Гурьев, крестьянин богатого соликамского купца Аникея Строганова, ставший корсаром, и эстонец из Колывани Леокс Тит, о котором, кроме имени, ничего не было известно. Дед пошел дальше — он узнал имена всех. Всех восьми. Ими оказались: польский сорвиголова Ян Вылчек, почему-то пошедший в русский корсарский флот, хотя биться ему приходилось со своими же соотечественниками-поляками; мореход-датчанин Ганс Гофман; фламандец Клаус Морке и сын крымского татарина и русской девушки Марат Мурзаев, прижившийся в Холмогорах и также посланный в корсары Аникеем Строгановым. Замок получил шкипер — голландец Йохан ван Бук. Дед упорно стал раскручивать этот, казалось бы, безнадежный клубок. Он выяснил, что

Степан Гурьев скоро попал в опалу царю и опричнине, бежал и осел где-то в Сибири. Морке и ван Бук вскоре вернулись на родину, Вылчек и Тит тоже впали в немилость и вынуждены были перебраться не то в Литву, не то в Польшу. Мурзаев позже несколько раз участвовал в стычках с крымским ханом и, вероятно, обосновался в Крыму, скорее всего в Кафе — Феодосии. Остался Гофман, о котором не находилось сведений вплоть до 64-го года. Именно тогда дед узнал, что под Витебском есть усадьба, которую местные жители издавна называли «замком Ханса Перстения». Дед ухватился за эту слабую ниточку, навел справки, и оказалось, что построил замок некий Ханс Хофман! Примчавшись туда, он разыскал усадьбу, и можешь представить его радость, когда он увидел портрет этого Ханса: на шее у него был изображен этот самый перстень! В замке тогда действовал пионерлагерь. Дед попытался выяснить, куда подевались различные вещи хозяев и где сами хозяева. Оказалось, что Ханс (или Ганс — как больше нравится) построил усадьбу и мирно зажил в ней с 1590-го года. Там же жили и его потомки, вплоть до революции 17-го. Куда забросила их судьба после — неизвестно, некоторые предметы обстановки и драгоценности сохранились и были переданы Витебскому краеведческому музею. Дед побывал там, и не зря: перстень значился в списке драгоценностей «замка Ханса Перстения». Однако в выставленной экспозиции его не было. После разговора с сотрудниками и раскопок в запасниках перстень все же нашли. Дед каким-то непостижимым образом убедил отдать ему перстень — в те годы вещь немыслимая. Это оказалась первая и последняя его победа. Вообще-то он увидел еще два перстня — вот эти, второй и пятый, но их вычислил уже я. Перстень Гофмана значился под первым номером. Кстати, когда я наткнулся на первый документ, дед ездил в Феодосию — помнишь? Вернулся невеселым. Это неспроста: он выяснил судьбу перстня Мурзаева. До войны

какой-то его потомок жил себе в Феодосии, его помнили из-за перстня, носимого как медальон. Так вот, во время оккупации этот перстень прикарманил один немец-офицер. Видать, он и увез его при отступлении. Это и все, что выяснил дед. А я установил, что оберлейтенант Курт Фиц не погиб впоследствии, а по окончании войны бежал в Южную Америку. Кстати, его имя, точнее псевдоним, обнаружилось среди недавно выловленных Интерполдом главарей кокаиновой мафии. Кажется, его даже судили.

Но вернемся на пару лет раньше. До 84-го года дед ни на шаг не продвинулся в поисках. Двадцать лет он ворошил архивы, но ему не везло. Вдвоем мы копались еще год, тоже безрезультатно. Потом я ушел в армию, досадуя, что целых два года потеряю в своих поисках. Можешь представить мои чувства, когда в первые же дни службы я узнал, что среди новобранцев есть эстонец по имени Леокс Тит! Я сразу же познакомился с ним. Вскоре выяснилось, что у них полдеревни носит фамилию Тит и один из селян владеет перстнем, который, по слухам, подарен его предку царем. Леокс хорошо знает этого человека и даже приходится ему дальним родственником. В результате переписки тот соглашается продать перстень. Так спустя два года в мои руки попадает третий экземпляр. Его номер — пятый. Дед, понятно, очень обрадовался, и мы с новой энергией взялись за поиски. Вскоре я переехал в Киев, поступил в институт. Через год я списался с архивом города Гданьска и получил копию документа — что-то вроде судебного протокола. Вот, смотри. — Багдасаров достал очередную бумагу из папки. — Судили некоего Вылчека, русского корсара и изменника. Несомненно, это был тот самый Ян Вылчек, данцигский шалопай, удравший от правосудия в корсары. Его повесили в 1584 году. Списавшись со специалистами Гданьского института истории, я попросил попытаться выяснить судьбу перстня. И, представь, на их публикацию в

каком-то журнале откликнулся один краковский рабочий. Перстень хранился у него, но каким образом попал он к родителям, рабочий не имел ни малейшего представления.

Перстень переправили мне в обмен на обещание сообщить в институт результаты дальнейших поисков. Это оказался перстень номер два. Теперь мы их собрали уже четыре — больше половины! И когда я безнадежно зашел в тупик, являешься ты с седьмым номером, да еще находятся следы замка! Если знакомый твоего отца действительно сумеет разыскать и передать замок, останутся всего два перстня — не так уж много.

Ромка спросил:

— А чей перстень принес я?

Багдасаров кивнул:

— Я тоже задавался этим вопросом. Возможны три варианта: либо это перстень Степана Гурьева, но вряд ли он мог попасть из Сибири в Швейцарию. Марат Мурзаев тоже, скорее всего, отпадает. Самое вероятное, что это перстень Клауса Морке, фламандца. Улавливаешь? Швейцария не так уж и далеко.

— Значит, остается замок и два перстня?

— Выходит, так...

— И ты надеешься их найти?

— Надеюсь, — твердо сказал Багдасаров.

Ромка мечтательно закрыл глаза.

— То-то обрадуется твой дед, когда узнает, что ты отыскал еще один перстень и напал на след замка!

Багдасаров вздрогнул и тускло взглянул на Ромку.

— Дед умер в прошлом году... — и добавил шепотом: — и завещал мне найти забытую дорогу...

* * *

Прошла еще неделя. Все это время Ромка с нетерпением ждал известий о замке. Теперь он знал, что отец договорился с кем-то из своих женевских зна-

комых, чтобы тот зашел в ту самую лавку и узнал насчет замка. Как-то, придя вечером домой, Ромка ощутил неясное напряжение: отец был дома, что нехарактерно для столь раннего часа. Ромка кинулся к нему в кабинет.

Отец сидел в кресле и курил, пуская под потолок правильные колечки дыма. А на столе в луче настольной лампы тускло поблескивал необычный предмет. Ромка замер. Предмет формой и размерами напоминал кирпич. Он твердо стоял на ножках, слитых воедино с его корпусом. Подойдя поближе, Ромка рассмотрел, что предмет представляет собой брусок того же дикого, необработанного камня, что и в перстнях, только размером побольше. Поверхность его была неровной и тоже едва-едва сглаженной. Брусок искусно вправили в подставку, наружу выступал только прямоугольник верхней грани «кирпича». Сбоку на оправе, вдоль открытой поверхности камня, с равными промежутками виднелись такие же знаки, как и на перстнях, все семь в ряд. А на малых сторонах прямоугольника выделялись неровные выступы с пазами, видимо, для закрепления каких-то предметов. Подставка-оправа была выполнена из того же металла, что и перстни. Вещь казалась очень старой, но нигде не была повреждена; от нее исходило нечто непонятное, внушающее невольное уважение, эманация, что ли?

— Вот, — нарушил молчание отец, — это та самая вещь. Твой друг просил побыстрее переправить ее. Так что дальнейшее в твоих руках. Можешь забирать эту штуковину. И еще вот... — Отец встал, неторопливо прошел по комнате и взял со стола конверт из плотной розоватой бумаги. — Здесь кое-какие факты, тоже передашь своему другу.

Ромка восторженно прошептал:

— Замок!

Отец усмехнулся в усы и ненавязчиво поинтересовался:

— А что, твой товарищ — любитель старины? Коллекционер?

— Нет, — замотал головой Ромка. — Он ищет забытую дорогу.

Потом до Ромки дошло, что отцу эти слова ровным счетом ничего не скажут, но объяснять было слишком долго. Он бережно уложил замок в дипломат, сунул туда же конверт и бросился к выходу.

— Это длинная история, па. Я тебе после расскажу, ладно?

— Беги-беги, — проворчал отец. — Пинкертон...

В увлечения сына он никогда не вмешивался.

К общежитию Ромка приближался ильфо-петровским «фривольным полугалопом», моля бога, чтобы Багдасаров оказался дома. Начинало темнеть. Ромка уже собирался нырнуть в вестибюль, когда его окликнули:

— Эй, Рома!

Он оглянулся. От спортплощадки неторопливо и даже как-то вымотанно тянулась вереница парней в футболках. Среди них был и Багдасаров. Он шел, чуть поотстав от передних, держа под мышкой пестрый ромбиковый мяч.

Вместо ответа Ромка поднял дипломат и выразительно ткнул в него пальцем. Багдасаров бегом кинулся к нему. Громко дыша, он остановился около Ромки.

— Замок? — с такой отчаянной надеждой спросил он, что Ромка внутренне содрогнулся, представив всю глубину разочарования Багдасарова, если бы замка найти не удалось.

Ромка, довольно улыбнувшись, кивнул. Багдасаров немедленно потащил его в комнату. Ловко забросив мяч в сетку под потолок, он нетерпеливо повернулся к Ромке: «Ну?»

Но Ромка и не думал тянуть: он уже открывал дипломат.

Багдасаров осторожно прикоснулся к «кирпичу» и еще более осторожно взял его в руки.

— Замок, старший... — прошептал он заворуженно.

Диму Федоренко он называл «старшим», потому что они родились в один год и один день, но Дима на полтора часа раньше.

Ромка молчал.

— Черт меня побери, это же действительно замок! — уже громче сказал Багдасаров, бережно ставя его на стол, и плюхнулся на кровать. Ромка вынул из дипломата письмо и протянул ему:

— Тут еще какие-то факты. — Он так и сказал: «факты», повторив выражение отца.

Багдасаров живо подскочил и распечатал плотный забугорный конверт. По мере чтения лицо его вытягивалось, отражая безграничное удивление. Прочитав, он медленно протянул письмо Ромке и вновь опустился на кровать. В письме говорилось, что женеvский знакомый отца без труда отыскал и антикварную лавку, и упомянутую необычную вещь. Продавец-хозяин, видя, что «замком» интересуются всерьез, заломил за него кругленькую цену, но позже все-таки удалось столковаться на вполне приемлемой сумме. Насчет перстней: их у торговца было два. Один он продал болгарскому туристу еще зимой, второй — русскому всего с месяц назад — без сомнения, подразумевался Ромкин отец. На расспросы о болгарине лавочник совершенно неожиданно дал исчерпывающий ответ: оказалось, они обменялись сувенирами. Болгарин уступил продавцу антикварную книгу, где оставил памятную надпись, свое имя, фамилию и адрес. На вопрос, откуда у него в лавке подобные предметы, торговец дал уклончивый, туманный ответ. Насколько понял знакомый Ромкиного отца, лавочник не брезговал скупкой краденого, и эти вещи, вероятно, стащил какой-нибудь воришка. По-крупному торговец не играл, это выяснили точно. Потом все же удалось выудить признание, что замок и оба

перстня он перекупил у некоего итальянца, часто посещающего Женеву. Итальянец зовется Пьетро Трускалотти, на момент разговора он в Женеве отсутствовал. Этими «фактами» письмо исчерпывалось.

— Прочел? — спросил Ромку Багдасаров. — Однако ну и знакомые у твоего папани! Хватка как у Штирлица.

Ромка усмехнулся:

— А я знаю, кто все это раскопал. Ни много ни мало — шеф охраны нашего консульства в Женеве. Профи.

— Н-да, впечатляет. Теперь еще и итальянец какой-то входит в круг. — Багдасаров умолк на некоторое время. — Я так и не понял, каким путем два перстня и замок попали в Швейцарию, а тут, оказывается, еще и Италия...

— Что же ты хочешь, четыреста лет прошло, — пожал плечами Ромка, — сколько раз эти перстни из рук в руки переходили...

— Подожди, — поморщился Багдасаров. — Если перстней было два, то чей же второй? Гурьева или Мурзаева? А? Как ты думаешь?

Ромка осторожно ответил:

— Полагаю, что не Гурьева.

— Точно, — подтвердил Багдасаров. — И я так думаю. Значит, перстень Мурзаева каким-то образом перекочевал из рук немца, из Южной Америки в Швейцарию. Или сначала в Италию? Черт, голова кругом идет!

— А может, он вообще в Южной Америке не бывал?

Багдасаров двинул плечами:

— Может, и так...

Ромка обернулся к столу и несколько секунд глядел на замок.

— Слава, — робко спросил он, — а ты не задумывался, почему замок и два перстня оказались вмес-

те? Они ведь сначала находились достаточно далеко друг от друга. А?

Багдасаров прищурился:

— А ты можешь это объяснить?

Ромка развел руками:

— Может быть, кто-то уже пытался собрать все перстни? Может, кто-то узнал о забытой дороге, о ключе и замке?

— Я тоже об этом подумал, — медленно кивнул Багдасаров. — Это самое вероятное. — Он усмехнулся. — Но этому человеку что-то помешало.

Довольно долго они молчали, рассматривая замок. Потом Багдасаров достал коробку с перстнями, открыл ее и положил на столешницу рядом с замком. Ромка, затаив дыхание, следил за руками Багдасарова. Тот взял один из перстней, внимательно осмотрел сначала его, потом замок.

— Они как-то должны соединяться... — сказал он задумчиво.

Ромка протянул руки:

— Можно?

Багдасаров уступил перстень, с интересом глядя в его сторону.

Ромка взял еще один перстень и аккуратно соединил их оправы — обруч к обручу, камень к камню. Перстни идеально подошли друг к другу: выступы на одной стороне обруча прочно вошли в зацепление с пазами другого. Получилась занятная штукавина — нечто вроде короткой трубочки с двумя состыкованными камнями на внешней грани.

— Вот, — сказал Ромка, протягивая Багдасарову соединенные перстни. — Я понял, что они должны соединяться, еще когда рассматривал перстень в кабинете отца. Эти пазы явно предназначены для этих шипов. — Ромка мягко указал пальцем на перстни.

— У тебя хорошее пространственное мышление, — одобрительно покачал головой Багдасаров, — кубик Рубика небось в секунды складываешь...

Ромка покраснел от удовольствия. У него действительно было завидное геометрическое воображение.

— А дальше-то что?

— А дальше — вот. — Повинуясь внезапному озарению, Ромка взял перстни и попытался, перевернув их камнями вниз, состыковать с выступами на торцах каменной полоски замка.

Но у него ничего не вышло. Камень перстня уперся в камень замка раньше, чем соединения на обруче и оправе замка оказались на одном уровне. Неровности камня мешали им состыковаться.

— Как же так? — растерялся Ромка.

— Э-э-э, не спеши, — улыбнулся Багдасаров. — Вот ведь подсказка, — он указал на знаки, выгравированные на подставке замка, — их нужно располагать в строгой последовательности. Это ж ясно, как божий день.

— Правильно! — обрадовался Ромка, взглянув на знаки и убедившись, что он пытался втиснуть седьмой и четвертый перстни на место первого и второго.

— Надо вот так...

Он осторожно взял первый и второй перстни, соединил их и аккуратно состыковал с замком. Камни и не подумали упираться — они подошли друг к другу, каждый выступ нашел свою выемку. Соединение на обруче крайнего перстня ловко сочленилось с торцовыми креплениями на оправе замка.

— Потом так, — подхватил Багдасаров, отсоединя седьмой перстень от четвертого и закрепив его на противоположной стороне полоски замка. Камни снова подошли друг к другу, и крепление перстня с замком сработало.

— И еще вот так, — радостно закончил Ромка, соединив четвертый и пятый перстни и опустив их камнями вниз на камень замка в промежуток между вторым и седьмым.

Теперь на каменной полоске замка на хватало всего двух перстней, чтобы получилась длинная, сан-

тиметров десять-двенадцать, трубка, прочно соединенная с замком.

Багдасаров, Ромка и молчун Дима переглянулись.

— Двух не хватает, — вздохнул Ромка.

Багдасаров выпрямился.

— Ну-ка, где адрес того болгарина?

* * *

Осенью Багдасаров добрался до следующего перстня. Он списался с болгаринном, договорился с ним и ждал только случая, чтобы переправить перстень из Пазарджика в Киев. Случай подвернулся в октябре: несколько матчей в Болгарии проводили киевские волейболисты. Связка сработала безотказно: перстень под номером три присоединился к своим близнецам. Оставался единственный перстень — шестой, увезенный Степаном Гурьевым куда-то в Сибирь. Багдасаров методично принялся за поиски, изредка привлекая Ромку. Они дали совершенно неожиданный результат. Не в Сибири, не где-то далеко, а здесь же, в Киеве, на кладбище при одной из старых церквей, Багдасаров наткнулся на скромный дубовый крест с полустертой надписью: «Русский мореход Степан Гурьев». Перерыв кучу документов и литературы, в том числе церковную библиотеку, он выяснил, что перстня у Гурьева к моменту смерти почти наверняка уже не было. Кому и когда передал он свою реликвию, оставалось только догадываться.

Это был тупик, безнадежный тупик, и преодолеть его могло помочь лишь чудо. А Багдасаров в чудеса не верил. Отступить сейчас, когда до заветной цели остался лишь шаг, было вдвойне, втройне обидно. Ромка разделял отчаяние Багдасарова, но помочь ничем, увы, не мог.

Однако история с перстнями на этом не закончилась. Развязка наступила летом следующего года.

Ромке осенью предстоял уход в армию. Багдасаров с Димой Федоренко закончили практику и уехали восвояси, в маленький южный городишко. Ромка целыми днями жарился на пляже в Гидропарке, заявляясь домой только для того, чтобы переночевать. В один прекрасный день он обнаружил на зеркале в прихожей телеграмму. Она была короткой; прочитав неровно наклеенные строчки, Ромка сжался и почувствовал в груди прозрачный холодок.

«Восьмого августа открываем дорогу. Будь дома. Багдасаров».

— Восьмого августа, — пробормотал Ромка. — Август... восьмой месяц. Гм, восьмого восьмого восемьдесят восьмого — надо же, сплошные восьмерки, и день, и месяц, и год.

Ромка вздохнул, вспомнив, как уважал Багдасаров эту цифру. Все его футболки неизменно носили на спине восьмерку. Или две. И комната в общежитии была 88-я.

Ромка еще раз вздохнул и на всякий случай вспомнил, когда родился Багдасаров. Результат заставил его вздрогнуть. Восьмого августа, около полудня! Ромка, сообразив, что Славкин друг не разлей вода Дима Федоренко всего на полтора часа старше, яростно зашипел и стал столь же яростно стаскивать рубашку. В проеме дверей появилась мать.

— Где тебя носит, несчастный? — не особо сердито осведомилась она. — Дома тебя не увидишь. Я начинаю забывать, как ты выглядишь...

Ромка чмокнул ее в щеку.

— Завтра целый день дома сидеть буду! — пообещал он и подумал, что дает обещание не только и не столько матери...

День провел он словно на иголках. Отоспавшись на пляже на месяц вперед, он проснулся рано, не пробило еще и семи часов. Уныло пожевав чего-то на кухне, Ромка забрался в самый темный и самый прохладный угол своей комнаты и попробовал почи-

тать, но в голову ничего не лезло. Мысли вновь и вновь возвращались к Багдасарову.

Значит, он все-таки отыскал последний перстень. Гадать, как он узнал о судьбе реликвии Степана Гурьева, было, конечно же, бесполезно.

Отбросив книгу, Ромка стал бродить по квартире, мучительно ожидая вестей от Багдасарова. К десяти часам он едва не завыл от тоски. К двенадцати стал поминутно направляться к двери и всякий раз оставался в прихожей. К часу он жутко проголодался, видимо от волнения, и на какое-то время отвлекся от своего тревожного ожидания.

Багдасаров позвонил только в четыре.

— Рома?

— Да!!! Наконец-то! Я чуть с ума не сошел! Ты нашел перстень Гурьева?

— Э-э-э... В общем, да.

— Где? У кого? — затараторил Ромка.

— Не будем спешить, — философски хмыкнул Багдасаров. — Мы сейчас на вокзале, ты подходи к нашей общаге через полчаса. Ладушки?

— Понял! — выдохнул Ромка. — Бегу!

С треском опустив трубку на аппарат, он бросился к выходу. С Подола до Севастопольской площади выходило поболее, чем полчаса. Так что бежал Ромка не зря.

Багдасаров на вокзале отнял коротко гудящую трубку от уха, глянул на нее и проворчал:

— Беги-беги... — Он повернулся к стоящему позади Диме Федоренко.

— Ну и мы пошли...

Они отмахнулись от назойливых таксистов и зашагали в сторону «Украины», к остановке девятки.

Когда они приблизились к общежитию, в глаза сразу же бросилась приплясывающая от нетерпения фигура Ромки. Увидев их, Ромка со всех ног кинулся навстречу.

— Ну? Ну что?

Багдасаров с Димой переглянулись и одновременно захохотали.

— Может быть, здравствуй, для начала?

Ромка смутился. После крепких рукопожатий все трое поднялись наверх, в 88-ю.

На столе за время их отсутствия скопился толстый слой буровой пыли. Багдасаров вытер ее газетой и водрузил на стол новенький кожаный дипломат.

— Ну что, расскажем? — спросил он у Димы. Тот утвердительно кивнул.

Багдасаров покосился в сторону окна и начал:

— Значит, так, Ромочка. Последний перстень, номер шесть — это вовсе не перстень Степана Гурьева. Тот перстень был среди тех двух, что попали к жене-невскому лавочнику. Либо это тот, который принес ты, подарок (хотя, какой, к чертям, это подарок — за деньги) твоему отцу, либо тот, что успел побывать в Болгарии. Во всяком случае, эти два перстня когда-то принадлежали Гурьеву и Марату Мурзаеву, правда, какой кому, уже вряд ли удастся узнать.

Ромка слушал, раскрыв рот. Багдасаров продолжал:

— Но мы этого даже не предполагали, считая, что перстень Гурьева в Сибири. И пошли по неверному пути. На самом же деле у нас не хватало перстня Клауса Морке, который, как мы считали, давно был у нас в руках. Найти его в который раз помог случай.

Багдасаров задумчиво провел ладонью по волосам.

— Я еще подумал, не слишком ли много случаев помогало мне в поисках? Словно вел кто-то сквозь туман и неизвестность.

— Разве это плохо? — тихо спросил Ромка.

— Кто знает? — неопределенно отозвался Багдасаров после недолгой паузы.

— В общем, когда я вернулся из Киева домой, — возобновил он рассказ, — меня ждало письмо. От кого, думаешь?

— От женевского торговца? — храбро предположил Ромка.

Багдасаров улыбнулся и покачал головой:

— Нет. От моего сослуживца — Леокса Тита. Помнишь?

Ромка кивнул.

— Так вот. Леокс теперь живет в Таллине. Работает в порту. Этой весной он заметил на шее одного иностранного моряка цепочку, а на цепочке...

— Перстень! — догадался Ромка.

— Два перстня, — поправил Багдасаров. — Целых два!

— Как два? — опешил Ромка. — Их же семь! А получается уже восемь!

И подумал: «Снова восемь! Магическое число!»

— Вот и я так же удивился. Леокс познакомился с моряком. Его зовут Эрвин Гийс. А девичья фамилия его бабки, — Багдасаров сделал паузу, — Морке.

— Морке, — выдохнул Ромка. И повторил: — Морке.

— Да, Морке. Он служит матросом на судне, которое ходит по маршруту Антверпен — Таллин. Поэтому он часто бывает в Таллине.

— И ты помчался в Таллин, в Эстонию?

— А что оставалось делать? Мы с Димой собрались и живо уехали. Четыре дня назад Гийс вместе со своим судном, разумеется, пришвартовался в Таллине. Мы за него взялись. Леокс еще раньше пытался уговорить его обменять или продать перстни. Но тот неожиданно уперся, заявив, что если и продаст когда-нибудь, то только человеку, собирающему их. Я его все же уломал, хотя он упирался донельзя.

Тут-то и началось самое интересное. Перстни Гийса значились под номерами шесть и два. Я поинтересовался — откуда они? Тот ответил, что это семейная реликвия, передающаяся по наследству, —

стандартный расклад, значит, правда. Истории перстней Гийс не знал, но догадывался, что их несколько штук. У него возникла смутная идея сделать себе целое ожерелье. Гийс в первые часы даже пытался склонить меня к продаже моих перстней. Боже, как я с ним намучился, пока уболтал!

В общем, теперь у меня было восемь перстней, среди них два вторых. Я обратился к одному старому искусенному ювелиру, и оказалось, что... — Багдасаров вдруг замолчал.

— Что? — не выдержал Ромка.

— Что перстень Яна Вылчека, присланный мне из Польши, — поддельный.

Ромка ошарашенно фыркнул, всем своим видом показывая: «Вот это да!»

— Да, подделка. И подделка настолько искусная, что внешне их практически не отличить, все подогнано до микрона. А различаются они вот чем: настоящие перстни изготовлены из сложнейшего сплава, который и в наше-то время получить непросто, а тогда и вовсе невозможно...

— Когда — тогда? — перебил Ромка.

— В середине восемнадцатого века. Когда работали поддельный перстень, — ответил Багдасаров. — Видишь ли, он изготовлен знаменитым ювелиром-фальшивомонетчиком Уильямом Кроу, настолько искусным, что вскоре подделанные им драгоценности стали цениться не дешевле, чем настоящие, чем оригиналы. Так что этот перстень — тоже солидная редкость.

— А поляки тебе его так, за здорово живешь, отослали? — ухмыльнулся Ромка.

— Выходит так, — пожал плечами Багдасаров. — Но вернемся к нашим баранам... Так вот, в сплаве поддельного перстня начисто отсутствует иридий, в настоящих же перстнях и металле оправы замка иридия довольно много. И камень: в настоящих перстнях, ну и замке, конечно, какой-то необычный

минерал со странной кристаллической структурой, редкими примесями и анизотропными свойствами. В подделке — самый заурядный александрит, правда, до неправдоподобия похожий на этот самый минерал.

— Вот она, подделка. — Багдасаров протянул Ромке перстень, на первый взгляд ничем не отличающийся от остальных. — И вновь нам остается только гадать, кому и зачем понадобилось подделывать такой перстень.

— Чем дальше заходит эта история, тем больше в ней темных мест, — заметил до сих пор упорно молчавший Дима. Ромка никогда не понимал, говорит ли он серьезно или шутит. Не понял и в этот раз.

Багдасаров тем временем открыл дипломат и поставил на стол завернутый в хрустящий целлофан замок и коробку с перстнями. Теперь все семь ее ячеек были заняты.

Освободив замок от упаковки, Слава сказал:

— Пожалуй, самое время вставить ключ в замок...

Они неторопливо соединили перстни в нужном порядке. Толстая составная трубка, в которую превратились семь перстней, приятно утяжеляла руку. Все трое по очереди подержали ее в ладонях. Потом Багдасаров перевернул ее камнями вниз и решительно вставил в замок.

Трубка уверенно встала на место, тихо шелкнув.

Минута тянулась за минутой, в комнате повисло напряженное молчание. Они ждали, но ничего не происходило.

Наконец Ромка не выдержал:

— Где же дорога?

Его вопрос прозвучал на удивление жалобно.

— Я ничего не вижу...

Багдасаров внимательно взглянул на Ромку и от-
решенно прошептал:

— Дорогу не обязательно видеть. По ней нужно просто идти. Где-то я это читал...

Шаг к столу они сделали одновременно, к столу, где покоился вставленный в замок ключ.

* * *

— Откуда я знаю? — сердито сказал Багдасаров, словно огрызнулся. — Не сработала, и все.

Ромка требовательно таращился на него и отставать не собирался. Перстни уже рассовали по ячейкам, замок, завернутый в замшу и целлофан, остался в центре пыльного стола.

— Может, мы не учли чего-нибудь. Не выполнили некое условие. Или, наоборот, сделали что-нибудь лишнее. Или выбрали неудачное время. Да мало ли? Что мы, в сущности, знаем? Почти ничего — собери ключ и вставь в замок. А вдруг это нужно делать лишь в полночь с четверга на пятницу, убив предварительно летучую мышь и сориентировав замок по компасу? Да чтобы в радиусе десяти метров не было ничего железного? А?

— Ерунда, — отрезал Дима.

Ромку распирали досада.

— Ерунда, конечно, — уныло согласился Багдасаров. — Но ведь не сработала эта штукавина?

Федоренко поморщился:

— погоди, Слава, не пыли. Во-первых, с чего ты взял, что не сработала? Вдруг это мы, олухи, попросту ничего не рассмотрели? Думал над этим?

Багдасаров сел на диван.

— Иносказание? — неуверенно предположил он.

— Необязательно, хотя и не исключено.

— А что еще? Не отпирайся, старший, я вижу, что у тебя есть теория.

Багдасаров оттаял и вновь превратился в прежнего Багдасарова — пытливого, цепкого, расчетливого и спокойного. Ромке, как всегда, досталась роль слушателя.

Дима помедлил, словно взвешивал в последний раз свои мысли и доводы.

— Ты не задумывался, почему практически все восточные философские системы так или иначе называются «Путь»? Путь длинного кулака, Путь дракона, Звонящий путь? Даже каратэ — это «Путь пустой руки», а не просто «пустая рука», как все привыкли переводить. Каратэ-до!

— Своеобразный метод самоуглубления? — вдумался Багдасаров, подхватив мысль и развивая ее. — А что? Сколько мы документов переворошили, сколько информации впитали и перелопатили... Это ведь тоже способ самосовершенствования, путь к себе, грубо говоря. Хм, забавно!

— Другой вариант, — продолжил Дима. — Экзамен. Дорога открывается только со второго раза. Или с третьего. Цель — проверить, насколько ты в ней нуждаешься. Если один раз попробовал и охладел от неудачи — гуляй, такие не требуются. А если ищешь, пробуешь снова и снова...

— Да ты просто кладезь мудрости, — усмехнулся Багдасаров. — Только у тебя чересчур уж... астральный подход.

— Предложи материальный, — парировал Дима.

— Я уже предлагал: невыполнение какого-либо условия-фактора.

Дима покивал.

— Знаешь, — досадливо сказал Багдасаров, — поспешили мы с тобой в Киев. Зря не стали копаться в дневниках Филиппа-ключника. Откуда у него такое странное прозвище?

Федоренко пожал плечами:

— Еще не поздно!

Багдасаров вздохнул и глянул на Ромку:

— Вот так-то, Ромочка!

Улыбка его была азартной и чуть-чуть грустной. Ромка улыбнулся в ответ:

— Знаете, ребята... Мне кажется, вы уже давным-давно в дороге. Один я на обочине застрял. Возьмите меня с собой, а?

— То есть? — не понял Дима.

— Можно с вами в архив? Ни разу ведь не был. Авось помогу что-нибудь раскопать.

— Эк хватил! — покачал головой Славик и обратился к Диме: — Ну что, берем его?

— Но учти, — честно предупредил Федоренко, — архив Филиппа в Ярославле, а куда нас потом занесет...

— Ну и ладно, — не смутился Ромка. — Дорога есть дорога!

— Вот и отлично.

Багдасаров любовно уложил футляр с перстнями и замок в дипломат и направился к выходу. Только теперь Ромка вдруг увидел на внутренней стороне двери полустертую надпись. «Via est vita», — гласила она. «Дорога — это жизнь».

И Ромка понял, что согласен.

*Июнь 1987 г.
Багир*

СОДЕРЖАНИЕ

СЕРДЦА И МОТОРЫ 5

ВЕСЕЛЫЙ РОДЖЕР
НА ПОДВОДНЫХ КРЫЛЬЯХ
Боевик со стрельбой в ритмах abordaжа

Глава первая. «ВЕЛИКОЛЕПНАЯ СЕМЕРКА» . . . 234

Глава вторая. «ВПЕРЕД, В ПРОШЛОЕ» 250

Глава третья. «УНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ» 269

Глава четвертая. «КТО ПОДСТАВИЛ
ВЕСЕЛОГО РОДЖЕРА?» 286

Глава пятая. «ТЕРМИНАТОР
(КРЕЙСЕР-УБИЙЦА)» 302

Глава шестая и последняя. «КОМАНДА» 319

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

ГОРОД-ПРИЗРАК 324

ХИРУРГИ 384

ПЕЛЕНА 450

ЗАБЫТАЯ ДОРОГА 465

Литературно-художественное издание

Васильев Владимир Николаевич

АБОРДАЖ В КИБЕРСПЕЙСЕ

Ответственные редакторы С. В. Бережной, А. Е. Чертков

Редактор Е. А. Лихачева

Художник-дизайнер А. А. Кудрявцев

Технический редактор А. Д. Положенцев

Корректор Е. Д. Шнитникова

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.03.97.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26,04. Тираж 11 000 экз. Заказ 615.

ООО «Издательство АСТ».

Лицензия ПИМ № 01372 от 16.04.96.

366720, РИ, г. Назрань, ул. Фабричная, 3.

Издательство «Terra Fantastica» издательского дома

«Корвус». Лицензия ЛР № 040390.

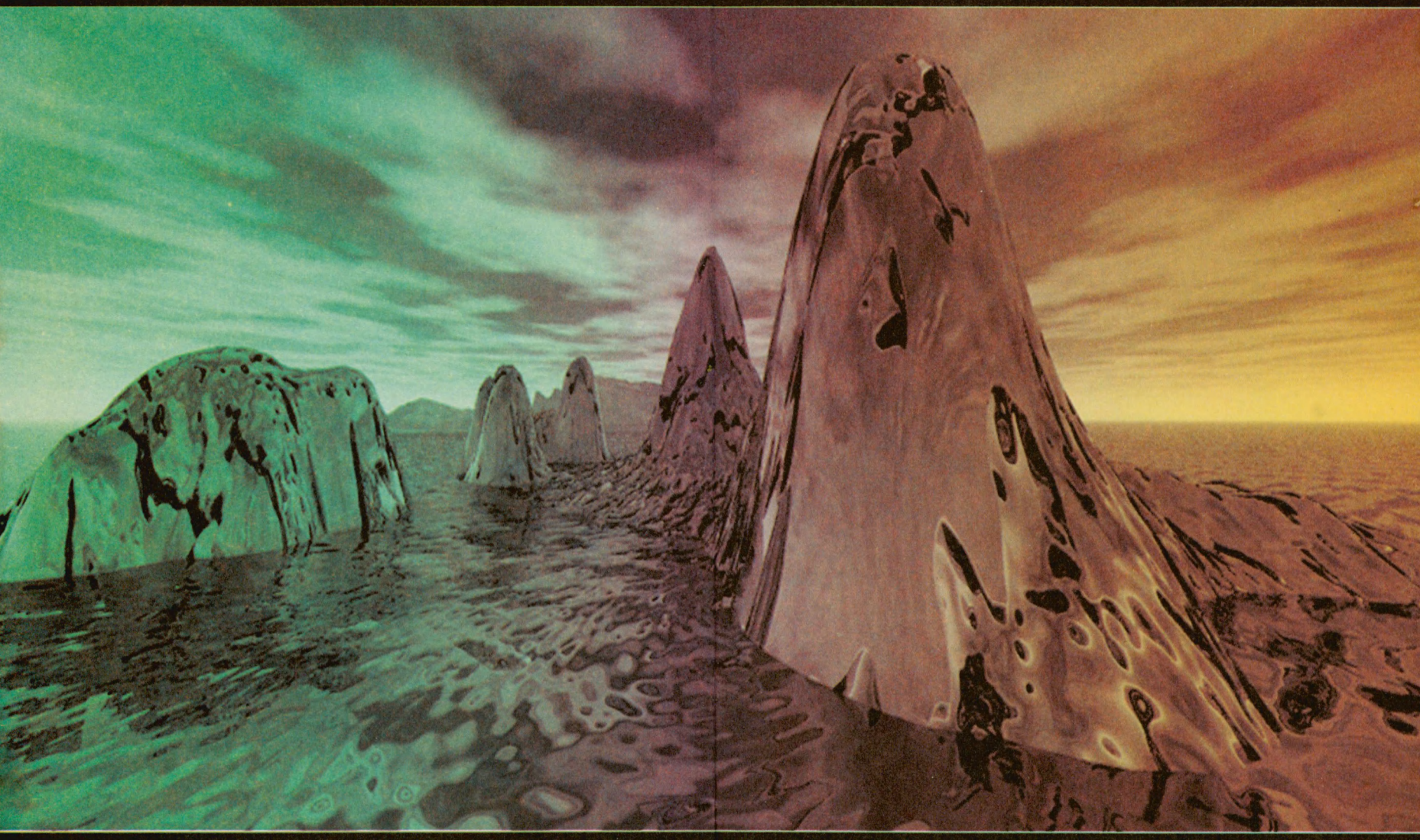
190068, Санкт-Петербург, Вознесенский пр., д. 36.

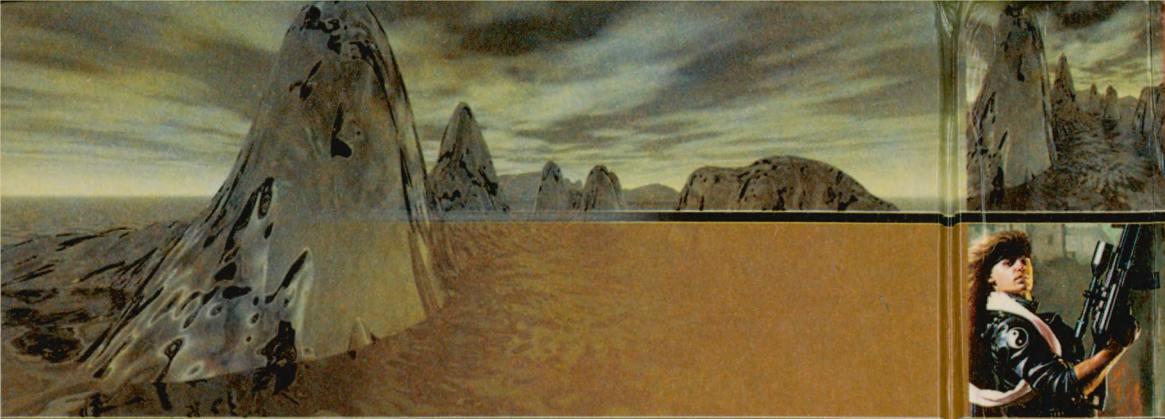
При участии ТОО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729.

220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 —305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».

220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Киберпейс – виртуальное пространство информационного мира, сотканное из глобальных компьютерных сетей многих реальных миров, среди которых наш лишь один из многих, – вот основное место действия центрального произведения сборника – романа «Сердца и моторы». Проникновение в глобальные сети происходит на уровне подсознания, отчего возникает иллюзия полного отождествления с реальностью...

Группа отважных хакеров, виртуозов клавиатуры, мчится на джипах по пыльным дорогам киберпейса, чтобы выполнить немислимое по сути задание: «пойди туда – не знаю куда, найди то – не знаю что»...

Динамичный сюжет, молодежный сленг и задорный юмор – вот главные черты увлекательных произведений Владимира Васильева.

АБОРДАЖ
В КИБЕРСПЕЙСЕ

ВЛАДИМИР
ВАСИЛЬЕВ

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й